

Глава первая

Утопленник

Сработал электронный таймер будильника, настроенный на местную радиостанцию, и из динамика полилась популярная мелодия, уже набившая оскомину. Не открывая глаз, Клара нащупала прикроватную тумбочку и под недовольное ворчание мужа наотмашь накрыла будильник ладонью. В комнате снова воцарилась тишина. Через минуту Клара блаженно потянулась, затем с неохотой поднялась с кровати и подошла к эркерному окну, на ходу набрасывая на плечи шелковый халат. Распахнула занавески – утреннее октябрьское солнце радостно ворвалось в спальню.

Через открытую форточку в комнату тут же просочился увлажненный морем воздух. Клара глубоко вдохнула утренний аромат и задержалась у окна, разглядывая безлюдную аллею и вереницу припаркованных вдоль многоквартирного дома машин. Аркадий что-то недовольно пробормотал, повернулся на другой бок и демонстративно накрылся одеялом с головой. Клара собрала свои длинные каштановые волосы в пучок, одарила мужа отчужденным взглядом и пошла в ванную.

Вчера за ужином между ними состоялся напряженный разговор. Аркадий получил назначение на новую должность в Элисте. Кларе ехать в этот город совсем не хотелось, о чем она заявила мужу в категоричной форме. Это был бы уже третий переезд за последние пять лет. Переезжать не хотелось по многим причинам: во-первых, именно здесь, на побережье Черного моря, у единственной дочери Полины нормализовалось здоровье; во-вторых, год назад Кларе посчастливилось встретиться с очень талантливым человеком, бывшим участником знаменитой джазовой группы, и уговорить его прослушать дочь. И в самых смелых своих мечтах она представить не могла, что он изъявит желание сам обучать Полину. Третьей причиной, препятствующей переезду, Клара считала только что открытый ею маленький магазинчик по продаже цветов с тривиальным названием «Букет от Клары». После открытия не прошло и месяца, а уже появились постоянные покупатели; бизнес медленно, но верно набирал обороты.

Все это она подробно изложила мужу, но он назвал эти аргументы малозначительными и разговор зашел в тупик. Ложась накануне спать, она наивно полагала, что это было просто дурное настроение, и утром муж согласится с ее доводами и откажется от должности. Но, увидев его за завтраком, поняла, что мысль об отъезде прочно засела у него в голове. Аркадий продолжал демонстрировать свое недовольство, практически не смотрел в ее сторону и только изредка отвечал на вопросы дочери.

Полина решила поддержать позицию матери и доставала отца расспросами.

– А в том городе есть музыкальная школа? – с вызовом спросила она и хитро прищурилась.

– Есть, – буркнул недовольно Аркадий, не поднимая глаз от тарелки с яичницей.

– И там есть такой же преподаватель, как Юлий Моисеевич?

– Не знаю.

– Мне очень нравится заниматься у Юлия Моисеевича! Он добрый и веселый! А еще он рассказывает маме анекдоты! – воскликнула Полина, наивно полагая, что привела весомые аргументы в пользу преподавателя.

– Вот как?! – злобно блеснул глазами Аркадий. – Теперь понятно, почему мама не хочет переезжать! Где же еще найдешь такого трубадура-весельчака?

Скорчив недовольную гримасу, Клара резко вскочила из-за стола, сложила грязные тарелки в раковину и начала мыть посуду. Уголки ее рта нервно подрагивали, она в любой момент была готова взорваться, но при дочери из последних сил сдерживалась.

После завтрака Аркадий поцеловал дочь и, не попрощавшись с женой, ушел, громко хлопнув дверью.

«Как всегда в своем репертуаре, – подумала Клара о муже, – хоть бы ради разнообразия повел себя иначе!»

Она собрала ноты в портфель дочери и повела ее к репетитору. Всю дорогу Полина с растерянным видом поглядывала на мать, пытаясь угадать ее настроение, но лицо Клары было непроницаемым. За двенадцать лет семейной жизни Аркадий не раз проявлял категоричность в решениях и Кларе пришлось научиться скрывать свои обиды, чтобы избегать скандалов.

Многоквартирный дом Юлия Моисеевича располагался недалеко от пляжа. В хорошую погоду Клара обычно оставляла дочь на занятии и шла гулять вдоль Приморской набережной, вдыхая морской воздух, пропитанный ароматом вечнозеленой хвои и экзотических растений. Плеск прибрежных волн наполнял ее

энергией на весь оставшийся день. Иногда во время прогулок Клара обдумывала предстоящие дела или обзванивала подруг. Приятельниц было много, но настоящей и единственной подругой для нее стала Лиля. Она была первой, кто поддержал Клару в новом начинании, а затем всячески помогала при открытии цветочного магазина. Даже утренние прогулки по набережной были возможны только благодаря Лиле, которая каждое утро сама открывала их маленький уютный магазинчик и отвечала на звонки клиентов и поставщиков до прихода владелицы.

Клара подошла к двери, нажала на кнопку звонка и услышала шаркающие шаги; через минуту дверь открыл пожилой мужчина невысокого роста с кудрявой седой шевелюрой. Мужчина дружелюбно взглянул на посетительниц и жестом пригласил их войти.

– Здравствуйте, Юлий Моисеевич! – произнесла дежурную фразу Полина и побежала к роялю, на ходу снимая с себя пальто.

– Доброе утро, – поздоровалась Клара.

– Приветствую вас, барышни! – любезно произнес Юлий Моисеевич и, взглядываясь в лицо Клары, спросил: – Чем это, Кларочка, вам не угодило сегодняшнее утро?

Пока Клара собиралась с мыслями для ответа, Полина с важным видом уселась на табурет перед роялем и воскликнула:

– Она не хочет переезжать в другой город! Папа на нее из-за этого сердится!

– Вот тебе новость! – встревоженно воскликнул Юлий Моисеевич и всплеснул руками.

На лице репетитора отразилось беспокойство, он прошел к инструменту, выбрал из стопки нотный сборник для детей и протянул Полине.

– Начни пока с этого, а мы с твоей мамой попьем чайку.

– Ой, не надо, Юлий Моисеевич! – запротестовала Клара. – Мне неудобно отрывать вас от занятий.

– Возражения не принимаются! – провозгласил репетитор и жестом позвал Клару на кухню.

Он залил чайный пакетик кипятком, щедро сдобрил чай сахаром и протянул кружку Кларе. От сахара Клара отказалась еще несколько лет назад, черный чай не любила, но сказать об этом Юлию Моисеевичу постеснялась. Его переменившееся настроение она прекрасно понимала: если они уедут, репетитор может лишиться солидной прибавки к пенсии

– Итак, что задумал ваш муж? – серьезным тоном спросил Юлий Моисеевич.

– Его повышают в должности и переводят в Элисту. А мне все эти переезды порядком надоели, я, как жена военного, всегда на чемоданах.

Клара села на предложенный ей стул и с грустью посмотрела на морской пейзаж за окном. Ну как можно отказаться от такой красоты?

– Н-да, переехать из курортного Сочи в степи Калмыкии, скажу я вам, приятного мало. В советские времена этот город назывался Степной – подлинно красноречивое название, – философски произнес Юлий Моисеевич и, услышав, как Полина фальшивит, внезапно вскочил на ноги и вскричал: – Не ходи по соседям! Ре минор, опять на том же месте! Будь внимательна!

От резкой смены интонации Клара вздрогнула и с удивлением взглянула на репетитора: она и предположить не могла, что за обычной сдержанностью Юлия

Моисеевича может скрываться такой кипучий темперамент. Полина дважды сыграла отрывок, на котором спотыкалась, и репетитор с умилением воскликнул: – Мазаль тов¹! Говорю тебе это не за красивые глазки твоей мамы! Нужно стараться – и все получится!

Когда внимание Юлия Моисеевича снова вернулось к Кларе, она продолжила:

– С открытием магазина я чувствую, что дарю кусочек красоты и радости окружающим. Мне так нравится моя работа!

– Кстати, как магазин? – переключился на любимую тему репетитор.

– Хорошо. Закончили оформление павильона. Получился салон в стиле прованс. Дали объявление в газеты. Потихоньку набираем клиентуру, – быстро произнесла Клара и рассмеялась, – нами даже заинтересовались конкуренты.

– Вот как?! Кто же это?

– В основном, сетевики, – ушла она от конкретного ответа.

– Надеюсь, они вам не угрожали? – заволновался Юлий Моисеевич.

– Пока нет, но глазами злобно сверкали, – сказала Клара и улыбнулась.

– И когда вы должны будете переехать?

– Муж сказал, что ответ нужно дать не позднее конца этой недели, но я даже думать об этом не хочу.

В гостиной наступила тишина, и через минуту послышался робкий голос Полины:

– Я закончила, что мне дальше играть?

– Пойду, проветрюсь, – сказала Клара и вышла из кухни.

Она взяла сумку, поблагодарила Юлия Моисеевича за чай и поспешно покинула квартиру.

Прогулявшись по набережной, она спустилась к пляжу и пошла вдоль берега, усыпанного галькой. Погода стояла безоблачная, и Клара, сняв очки-капли, подставила лицо осеннему солнцу. На берегу практически никого не было, что было необычным для этого времени суток.

Клара прошла до конца пирса, полюбовалась прекрасным видом и повернула обратно. Вдалеке она увидела мужчину лет пятидесяти, который снял туфли и подошел к воде. Одет он был изысканно – таких щеголей редко встретишь в Сочи, а если и встретишь, то непременно окажется, что он либо иностранец, либо имеет какое-то отношение к моде. Взгляд незнакомца тщательно ощупал горизонт и остановился на проплывающей мимо барже. Губы мужчины непрерывно шевелились, а пальцы левой руки нервно отбивали ритм. Через несколько минут мужчина закатал штанины брюк и вошел в воду по щиколотку.

Громкая мелодия мобильного телефона заставила Клару вздрогнуть от неожиданности и ответить на звонок.

– Привет! Ты не поверишь, за утро мы получили три заказа с сайта! – возбужденно воскликнула Лиля.

– Здорово! – обрадовалась Клара, но потом вспомнила про переезд и с тревогой в голосе добавила: – Мне нужно с тобой сегодня поговорить.

– Ты во сколько приедешь?

– Через полчаса заканчивается урок у Поли, я отвезу ее в школу и сразу приеду в магазин.

¹ Мазаль тов - (ивр. מַזַּל טוֹב: *mazal tov*, идиш מוּזל טוֹב: *mazel tov*; букв. «хорошее везение») – фраза, которая используется для поздравления в честь какого-либо события в жизни человека.

– Хорошо, а то мне нужно сегодня пойти к врачу, – загадочным тоном произнесла Лиля.

В ее словах чувствовался скрытый смысл и Клара спросила:

– Ты заболела?

– Нет, но у меня задержка, – таинственно произнесла Лиля.

– Поздравляю! – воскликнула Клара, представила лицо подруги и добавила: – Я по телефону чувствую, как ты улыбаешься!

– Рано поздравляешь, сначала нужно сделать УЗИ. Увидимся в магазине, тогда и поговорим.

Клара уже хотела уйти с пляжа, когда увидела в десяти шагах от себя аккуратно сложенную стопку вещей. Это была толстая кожаная тетрадь бордового цвета, мужские почти новые туфли, черный кожаный бумажник с логотипом знаменитого модного бренда и записка, прижатая камнем. Подойдя ближе, неожиданно для себя Клара взяла записку и прочитала: «Чувство вины сжимает грудь. Без нее моя жизнь пуста и не имеет смысла».

Оглядевшись по сторонам, Клара заметила того же мужчину, но уже по пояс в воде. Станным было не то, что он собрался купаться в октябре – таких смельчаков, особенно подвыпивших, хватало; ее поразило то, что он был в одежде. Она закричала ему что есть силы:

– Мужчина! Что вы делаете?! Что бы с вами не случилось, все можно поправить!

Он даже не обернулся, и когда его плечи погрузились в воду, она снова крикнула:

– Эй! Вы меня слышите?! Я хорошо плаваю!

– Кому ты кричишь?

Клара обернулась и увидела двух алкашей с заплывшими красными лицами, сидевших на скамейке; между ними стояла бутылка водки и два импровизированных стаканчика, вырезанных из пластиковых бутылок из-под воды. Вокруг, кроме них, никого не было, и Кларе ничего не оставалось, как обратиться к ним за помощью.

– Помогите мне, этот мужчина хочет утопиться! – крикнула она, подбегая к ним ближе.

Клару окутал неприятный запах, словно она находилась рядом с помойкой у общественного туалета.

– Я не понял, мужик топится, а ей помощь нужна? – обратился к собутыльнику один из алкашей.

– Пусть топится! – решительно заявил второй.

– И ничто ему не помешает, и никто его не остановит, – философски добавил первый.

– Помогите его вытащить! – повторила свою просьбу Клара.

Второй собутыльник громко икнул и, тряхнув слипшимися грязными волосами, пьяным голосом театрально произнес:

– Ну и пусть топится! Может, у него жизнь такая, может, у него выбора нет! Вот я сейчас тоже пойду и утоплюсь вслед за ним.

Клара в недоумении отшатнулась. Мужчина неуклюже поднялся и, шатаясь, побрел к воде. Его приятель приподнял недопитую бутылку водки и громко воскликнул:

– Давай еще по одной, а потом пойдешь топиться!

С неподдельной тоской мужчина взглянул на бутылку, погрозил указательным пальцем собутыльнику и сказал:

– Ты прав, нужно еще выпить для храбрости!

Качающейся походкой он прошел мимо Клары и, обдавая ее терпким запахом перегара, сказал:

– Что? Это храбрый поступок! Не каждый на такое решится, вот он решился, он храбрый! – мужчина указал рукой в сторону моря и уже тише добавил: – А мне надо сначала выпить.

Приятель с готовностью протянул ему емкость, наполовину наполненную горячей жидкостью, и огурец. Клара поняла, что помощи от них она не добьется, и с тревогой осмотрела водную гладь. Мужская голова скрылась под водой и на поверхности стали появляться пузырьки воздуха. Она решительно сбросила с себя болоньевую стеганую куртку, кроссовки и забежала в воду. В этот момент она не думала о последствиях своего поступка, она думала только о человеке, который решил вот таким образом свести счеты с жизнью.

Как только Клара приняла решение, на небе начало происходить что-то невероятное. Тучи багряного цвета, словно в ускоренной съемке, заволокли небо и полностью закрыли солнце. В воздухе запахло дождем. Вода была холодной и мутной. К горлу подступил страх, от чего женщину начало подташнивать. Клара быстро подплыла к месту, где видела мужчину в последний раз, сделала глубокий вдох и нырнула под воду. После нескольких безуспешных попыток она хотела уже вернуться назад, но тут в десяти метрах от нее на поверхность всплыл большой пузырь воздуха. Клара быстро поплыла в ту сторону и, сделав глубокий вдох, снова ушла под воду. Темный мужской силуэт виднелся на самом дне, это было странно, но Кларе показалось, будто мужчина просто шел по дну, пока у него на это хватало сил и воздуха. Ее рука почти достала до его головы, но он сделал резкий рывок вперед и пальцы лишь коснулись волос, извивавшихся в воде, как водоросли.

Клара вынырнула, еще раз набрала в легкие воздух и хотела снова уйти на глубину, но кто-то схватил ее за пояс джинсов и вытянул на поверхность. Вода застилала глаза, и Клара встряхнула головой. Перед собой она увидела одного из пляжных собутыльников. Он показал ей рукой в сторону берега и закричал:

– Гребите к берегу! Ты его не вытянешь!

Второй мужчина стремительно приближался к ним.

– Он здесь, на самом дне! – крикнула Клара, пытаясь отдышаться.

– Мы сами! – закричал мужик уже протрезвевшим голосом.

Он набрал воздуха в легкие, нырнул и быстро поплыл на дно. Только в этот момент Клара ощутила, как сильно она замерзла: губы посинели, озноб бил с такой силой, что, казалось, зубы сейчас раскрошатся на мелкие кусочки. Она посмотрела на берег и увидела, что на пляже стали собираться люди. Руки и ноги немели от холода, женщина из последних сил доплыла до берега. Когда она вышла из воды, вдалеке послышалась сирена «Скорой помощи».

С минуту Клара откашливалась и восстанавливала дыхание, затем сжала волосы двумя руками и встряхнула с них воду. Ее куртку ветром отнесло к пирсу, она подбежала к ней и быстро накинула на плечи. Со стороны набережной послышался крик дочери: Клара подняла глаза и увидела, что к ней бегут Полина и Юлий Моисеевич.

– Мама! – закричала в очередной раз Полина. – Что случилось?

Добежав до матери, девочка бросилась к ней и испуганным голосом запричитала:

– Юлий Моисеевич случайно увидел через окно, как ты забегаешь в воду, и мы сразу побежали сюда! Что случилось?

– Успокойся, Поля, все в порядке, я просто хотела спасти мужчину, который тонул, – сказала Клара и сжала дочь в объятиях.

– Вы что, совсем с головой не дружите?! А что с инстинктом самосохранения? Вы что, с ним поссорились? Зачем вы бросились в воду?! – с ужасом на лице засыпал Клару вопросами подбежавший репетитор.

Клара хотела ответить, но в этот момент толпа загудела, указывая руками в сторону двух бомжей, которые плыли к берегу, придерживая голову утопленника. Им навстречу бросились два парня. Вместе они вынесли мужчину на берег и начали делать искусственное дыхание. В этот момент багровые облака резко сменили окрас на угрюмо-серый, и ветер быстро погнал их на север – к горам.

Скорая помощь подъехала к месту происшествия, и два врача устремились по лестнице вниз. Выбежав на пляж, они подскочили к пострадавшему и сразу приступили к реанимации, но, увы, мужчину не удалось привести в сознание. Врач зафиксировал время смерти, и утопленника накрыли простыней.

Через полчаса Клара, укутавшись в одеяло, сидела в машине «Скорой помощи» и давала показания следователю Уварову. Это был высокий, спортивного телосложения брюнет лет тридцати с карими глазами и притягательной улыбкой. Едва увидев симпатичную свидетельницу, он заметно оживился и не отходил от нее ни на шаг. Следователь подробно расспросил о том, что она заметила, о разговоре с двумя выпившими мужчинами, которые впоследствии вынесли тело утопленника на берег, и о том, как она вообще здесь оказалась.

Через несколько минут «Мерседес» Аркадия припарковался рядом с каретой «Скорой помощи». Испуганная Полина бросилась к отцу. Заметив мрачное лицо мужа, Клара обратилась к следователю:

– Я вам уже все рассказала, телефон мой вы записали. Мне пора, за мной приехал муж. Я должна срочно принять горячую ванну и переодеться, иначе заболею.

У следователя сразу изменилось настроение: он одарил Аркадия ревнивым взглядом и, словно пружина, выпрямился во весь рост.

– Лады. Вот моя визитка, завтра вам нужно приехать в отделение полиции и подписать свои показания.

Уваров попрощался, взъерошил и без того лохматые волосы и тоскливо посмотрел Кларе вслед. Тем временем Аркадий, подхватив на руки дочь, быстро проследовал к жене. Увидев мокрую одежду и волосы, он возмущенно спросил:

– Ты что, сдурела? Зачем ты полезла в воду?! Ты ведь сама могла утонуть! А о дочери ты подумала?! Да что с тобой такое творится?!

Клара устало посмотрела на мужа, ничего не ответила и, виновато опустив голову, пошла за ним к машине. Он был прав: о дочери в тот момент она совсем не думала. Открывая дверь автомобиля, она почувствовала на себе пристальный взгляд, подняла голову и встретилась взглядом со следователем.

Аркадий заметил их взаимный интерес и раздраженно прокричал:

– Ты садишься или как?!

Клара вздрогнула и поспешно села в машину.

– Теперь все сиденье будет мокрое, а мне сегодня с шефом нужно ехать на совещание! – со злостью сказал Аркадий и добавил: – Он меня с утра еще предупредил, а ты как нарочно!

На следующий день Аркадий подвез Клару к городскому управлению полиции и припарковал машину. Ему не хотелось оставлять жену наедине со следователем, поэтому он деловито последовал за супругой в здание. А между тем всю дорогу возмущался, что опаздывает на важное совещание. Внезапная ревность мужа удивила Клару и даже немного позабавила. Она еле заметно усмехнулась, но вслух не стала комментировать его порыв.

Супруги прошли по длинному оживленному коридору и постучали в кабинет следователя. Дверь тут же открылась, как будто их поджидали. Уваров с сигаретой в зубах пригласил их войти.

Как только Клара зашла в кабинет, она сразу подметила тщательно отутюженную белую рубашку, гладко выбритое лицо и зачесанные назад волосы следователя. Его масляный взгляд жадно ощупал Клару с головы до ног и остановился на декольте. Клара смущенно поправила блузку и с опаской взглянула на мужа.

Нервным движением следователь приоткрыл окно и затушил сигарету в керамической пепельнице в виде футбольного мяча, выдававшей в нем футбольного фаната.

Кабинет был настолько тесным, что в нем еле умещались два рабочих стола, несколько стульев и сейф. Следователь, явно разочарованный присутствием Аркадия, указал на стулья и сказал:

– Добрый день. Присаживайтесь.

Когда супруги разместились, Уваров придвинул листок и сказал:

– Клара Владимировна, это ваши показания, прочитайте их внимательно и, если вспомнили что-нибудь еще о происшествии, допишите своей рукой.

Бегло пробежавшись по тексту, Клара подняла глаза и сухо произнесла:

– Мне нечего добавить.

– Тогда допишите в конце: «С моих слов записано верно, мною прочитано».

Подпишитесь и поставьте сегодняшнее число – двенадцатое октября 2012 года.

– Вы думаете, я не знаю, какой сейчас год? – съехидничала Клара.

– И такое бывает, поверьте мне, – улыбнулся Уваров.

Клара дописала дату, поставила размашистую подпись и вернула листок следователю.

– Вы установили личность уопленника? – спросила она с интересом.

– Да. Это американский гражданин русского происхождения. Тихонов Петр Иванович. Пять лет назад выехал на постоянное место жительства в США. Сейчас мы связываемся с американским посольством и прогоняем его отпечатки по базе. Он месяц снимал квартиру неподалеку от места происшествия.

– А вы выяснили причину его самоубийства? – из любопытства спросила Клара.

Ее вопрос вызвал бурю эмоций у мужа, что сразу отразилось на его округлом лице. Следователь пристально следил за мимикой супругов, с задумчивым видом перекатывая по столу авторучку.

– Пока нет, – ответил он, прочитал показания Клары еще раз и спросил: – Значит, вы утверждаете, что в его личных вещах была бордовая тетрадь?

– Да. Толстая бордовая тетрадь. Она лежала под его туфлями и бумажником, – уверенно отозвалась Клара и закивала головой.

Уваров одарил ее пронзительным взглядом и слегка прищурился.

– Странно, только вы утверждаете, что у него была тетрадь. Никто, кроме вас, ее не видел.

– Может, кто-нибудь стащил ее, пока толпа занималась утопленником? – раздраженно предположил Аркадий и обеспокоено посмотрел на часы.

– Тогда почему не украли бумажник? – тут же парировал Уваров и снова остановил взгляд на Кларе. – Попробуйте вспомнить: вы видели тетрадь после того, как вышли из воды?

Клара прокрутила в памяти события прошлого дня, подняла глаза на следователя и уверенно произнесла:

– Тетрадь была на месте, под туфлями.

– Ни дать ни взять загадка, – подметил Уваров и шутливо спросил: – Как там говорится? Кто загадку разгадает, тот слезы проливает?

Клара пожала плечами и с мольбой посмотрела на мужа. Аркадий тут же встрепенулся и сказал:

– Если у вас все, то мы пойдем. Нам всем нужно на работу.

– Вопросов больше нет, вы можете идти, – официальным тоном резюмировал следователь и приобщиł показания свидетельницы к делу.

Когда Клара и Аркадий выходили из отделения полиции, к центральному подъезду подъехали журналисты и стали расставлять камеры и осветительное оборудование.

– Что здесь происходит? – спросила Клара.

– Не знаю и знать не хочу, – недовольно буркнул Аркадий и помог жене сесть в машину. – Вечером я предлагаю пойти куда-нибудь поужинать и обсудить наш переезд.

Он обошел машину и сел за руль.

– Сегодня озвучили оклад, который мне предлагают в новой должности: это в два раза больше нынешнего плюс проценты от оборота отделения. Это даже больше, чем я предполагал. Думаю, для нас данное предложение очень выгодно, его нельзя упускать.

Клара не слушала мужа: она не сводила глаз с журналистов. Ее распирало любопытство: по какой причине они столпились перед дверями управления полиции? Уж не из-за утопленника ли? Тогда в деле явно произошел некоторый прорыв, о котором Уваров не посчитал нужным им сказать.

Аркадий несколько секунд ждал от нее ответа, затем бросил на супругу недовольный взгляд и резко нажал на педаль акселератора.

Вечером того же дня семья Клары вышла из дома и направилась в сторону любимого ресторана. Путь пролегал через набережную и, когда они поравнялись с местом вчерашней трагедии, Клара увидела нескольких репортеров, разместившихся на пляже и снимающих репортаж на фоне моря.

На работе у Аркадия весь день только и говорили о происшествии на набережной, а когда узнали, что его жена была свидетельницей, то завалили вопросами. Целый день вокруг его стола собирались группы коллег и выдвигали различные версии самоубийства Тихонова. Даже шеф вызвал его в кабинет и поинтересовался подробностями трагедии с американским бизнесменом и меценатом. Повышенное внимание импонировало Аркадию, поэтому, уловив пытливый взгляд жены, раздражения он не испытал.

– Вчера днем на этом месте было замечено странное явление – красные облака. Многие сумели снять их на телефон и выложить в интернет.

– А как утопленник заходил в воду, нет видео? – с надеждой в голосе спросила Клара.

– Нет. Народ заметил утопленника на берегу, когда тучи развеялись.

Администратор ресторана разместила завсегдатаев в центре большого зала и принесла меню. Как выяснилось, любимый официант Аркадия уволился, и настроение мужа мгновенно испортилось: он начал придирается к меню и грязным салфеткам. Персонал лихорадочно засуетился вокруг их столика, пытаясь угодить взыскательному посетителю. В такие моменты Клара всегда чувствовала неловкость, а сегодня восприняла реакцию мужа еще болезненнее, и от стыда готова была сквозь землю провалиться.

Полина попросилась в туалет, и Клара чуть не расцеловала дочь. Куда угодно – лишь бы не видеть, как муж разыгрывает из себя напыщенного индюка. Она схватила дочь за руку и повела по узкому коридору.

– Мамочка, я так не хочу уезжать! Здесь мои друзья и школа!

– Вот и скажи об этом папе.

– Я скажу, только ты его тоже попроси, – взмолилась Полина.

– Попрошу, – ответила Клара и тяжело вздохнула.

Возвращалась с дочерью к столику, она заметила рядом с мужем возбужденную брюнетку лет тридцати с бледным как известь лицом. Та протягивала ему визитку и что-то настоятельно предлагала. Аркадий отмахнулся от ее руки и категорично заявил:

– Мы не заинтересованы в вашем предложении.

Женщина недовольно хмыкнула, посмотрела на него с вызовом и бросила:

– Это вы зря! Хороший шанс попасть в прессу.

Аркадий одарил ее испепеляющим взглядом, который был красноречивее слов. Женщина поняла, что его ответ окончательный и пересмотру не подлежит. Когда она покинула зал, Клара спросила:

– Кто это?

– Репортер.

– А что она хотела?

– Узнать детали вчерашнего происшествия, – и посмотрев на мужчину, который приближался к их столику, Аркадий скороговоркой добавил: – Похоже, сегодня нам не дадут спокойно поесть. Забери наши пальто из гардероба, я расплачусь за ужин и скажу, чтобы упаковали еду на вынос.

Молодой мужчина с шарообразной фигурой в сером костюме приблизился к их столику с победоносной улыбкой на лице. Пока мужчина шел, он то и дело смахивал платком пот с лица. Приблизившись к столику, шарообразный манерно поклонился и заговорщицким тоном произнес:

– Сколько бы вам не предлагали наши конкуренты, мы дадим больше. Интервью на первой полосе с большой фотографией Клары.

– О Боже, они уже узнали мое имя, – испугано прошептала Клара.

Аркадий быстро избавился от навязчивого репортера и попросил официанта принести счет. Администратор ресторана не переставала извиняться за причиненные неудобства. Лицо Аркадия было пунцовым от гнева. Когда еда была упакована, их вывели на улицу через кухню.

Вечер был безнадежно испорчен. Аркадий планировал в спокойной атмосфере утрясти с женой вопрос о переезде, но ему постоянно кто-то мешал. На такси они доехали до дома и расположились в гостиной. Пока Клара сервировала стол,

Полина включила телевизор. По местному каналу передавали новости, и девочка прибавила звук.

Диктор говорил:

– Напоминаем нашим телезрителям, что вчера в десять часов утра на набережной покончил с собой известный американский бизнесмен и меценат, пятидесятидвухлетний Петр Тихонов. Пять лет назад он эмигрировал в США и сколотил за короткий срок миллионное состояние. Причины самоубийства пока не выяснены, полиция проводит расследование. Мы, в свою очередь, просим очевидцев позвонить нам в редакцию по телефонам, которые вы видите на экране. Полина схватила фломастер и записала на уголке журнала номер. Аркадий усмехнулся и спросил:

– Ты что, собралась звонить на телевидение?

– Да! Я же свидетель, – серьезным тоном произнесла Полина.

– Поля, тебе нельзя звонить на телевидение, – назидательно произнес отец. – Вот когда вырастешь – тогда и будешь самостоятельно принимать такие решения.

Полина надула обиженно губы и скуксилась. Чтобы разрядить обстановку, Клара поспешно произнесла:

– Садитесь за стол.

Во время ужина тишину прерывал только лязг столовых приборов о фарфоровую посуду. Никто не решался начать неприятный для всех разговор. После ужина Аркадий откупорил бутылку вина, разлил напиток по бокалам и сказал:

– Нужно снять напряжение.

Клара пригубила вино и отставила бокал: она поняла замысел мужа и намеревалась предпринять еще одну попытку его отговорить. Сделав несколько глотков, Аркадий выдохнул, откинулся на спинку стула и сказал:

– Откладывать разговор нет смысла. Я вчера специально для вас собрал информацию о городе, в который нам предстоит переехать, и распечатал фотографии служебной квартиры, в которой мы будем жить.

Из портфеля он вынул папку с фотографиями и стал поочередно протягивать их жене.

– Элиста – столица Калмыкии. Это центр буддийской культуры России. Наша квартира расположена в элитной новостройке, рядом со школой и торговым центром. Мне выделяют машину и личного водителя, поэтому ты можешь не беспокоиться и спокойно заниматься своими делами, Полину отведут и заберут со школы. В нашем подъезде есть консьержка, ее зовут тетя Валя, с которой можно договориться, чтобы она присматривала за Полей. Мой предшественник так и поступал. Она может покормить Полю, сделать с ней уроки и даже остаться на ночь, если мы решим сходить куда-нибудь развлечься.

Когда фотографии были внимательно изучены, Клара протянула их дочери. Полина с недовольным видом отшвырнула снимки и закричала:

– Я не хочу жить в степях! Не хочу! Вы не можете меня заставить!

От обиды ее губы задрожали, на глаза навернулись слезы. Полина соскочила со стула, побежала в свою комнату и громко хлопнула дверью. Резкий хлопок заставил Аркадия вздрогнуть.

– Вот в кого она такая?

– Ты серьезно? Не замечаешь никакого сходства? – съехидничала Клара.

Аркадий снял галстук и повесил его на соседний стул, затем расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, взял свой бокал и подошел к окну. Его взгляд блуждал по набережной, по которой не спеша гуляли горожане.

– Я все понимаю, тигренок, жаль терять такой вид из окна, друзей, которых мы здесь приобрели, но выбора нет, нужно ехать, и как можно быстрее. Через две недели я уже должен буду вылететь в командировку, а до этого момента нужно еще принять дела, сделать аудит, познакомиться с коллективом.

– Не поняла, – грубо прервала его Клара. – Что ты хочешь этим сказать? Мы что, по-твоему, должны собраться за две недели?

– За одну. Скорее даже, за пять дней.

– Что?! Ты что с ума сошел?! – негодуяще воскликнула она и соскочила со стула.

– У нас нет выбора, – вкрадчиво повторил Аркадий. Ему сейчас совсем не хотелось ругаться с женой, поэтому он вынужден был проявлять несвойственное ему титаническое терпение. – На мою должность назначен новый человек, и мы должны освободить служебную квартиру уже к выходным.

– Но это невозможно! Как, по-твоему, я за пять дней соберу все вещи, упакую мебель и закрою бизнес? У меня за три месяца вперед по договору оплачена аренда. Заказы набраны на две недели вперед. У Полины только начался учебный год.

Муж стоял к ней спиной, и Клара не видела, как на его лице промелькнула мучительная гримаса. Он счел нужным прокомментировать только последний аргумент:

– Вот именно, он только начался, она не будет учиться от силы пару дней, пока мы будем распаковывать вещи.

– Какой молодец! Я вижу, ты уже все продумал! Важна только твоя работа! Моя в счет не идет! – обижено выпалила Клара и выскочила из гостиной.

– Да, черт возьми! Потому что только она нас кормит! – крикнул он ей вслед.

Она резко обернулась и закричала:

– Тогда зачем ты содействовал моему обучению и помог открыть бизнес?!

В холодном и несколько надменном взгляде мужа она прочитала слова, которые он любил повторять в дружеской компании: «женщина – как кошка, ее всегда нужно занимать очередной игрой, но надо учитывать, что ее внимание быстро притупляется и игру периодически нужно менять». Вот чем был ее бизнес в его глазах – игрой!

Умыв лицо в ванной, Клара немного успокоилась и пошла к дочери. Полина лежала на кровати, закинув руки за голову, и смотрела в потолок. При появлении матери она демонстративно отвернулась и сжала кулачки, всем своим видом демонстрируя обиду.

– Поля, ну чего ты так расстроилась? Ты в эту школу только пошла, еще не успела привыкнуть. Друзей еще не нашла. Это мне надо расстраиваться. Я только открыла магазин и придется его закрывать.

– Предложи его Юлию Моисеевичу. Он его купит, – с важным видом произнесла Полина.

Клара оторопела от неожиданности.

– Ты меня удивляешь Поля, – сказала она и погладила дочь по голове, – откуда у тебя эти мысли берутся?

– Из мозга, – весомо произнесла Полина и, повернувшись к матери, добавила: – Он сам сказал, что если мы надумаем переехать, то он с радостью купит у тебя магазин.

– Я, конечно, подумаю над его предложением, если у меня не останется другого выхода, но уезжать отсюда я, как и ты, не хочу.

Полина с присущим ей драматизмом вздохнула и потрясла кулачками в воздухе.

– Ну почему взрослые такие сложные? Почему вы не живете, так как хотите? Вот, например, ты – всю жизнь любила цветы, но только в прошлом году выучилась на ландшафтного дизайнера и, если бы не тетя Лиля, магазин бы никогда не открыла. Это ведь она нашла первый заказ на свадебные букеты и уговорила тебя позвонить и предложить свои услуги. Или вот, например, мой папа – не любит свою работу, но каждый день ходит в офис. И теперь из-за этой нелюбимой работы мы должны переезжать.

Клара взглянула на часы и сказала:

– Дорогая, тебе уже пора ложиться спать. Завтра в восемь утра занятие у Юлия Моисеевича.

– Вот так всегда: когда взрослые не хотят признавать свою неправоту, они меняют тему, – назидательно произнесла Полина и с важным видом пошла в ванную.

Клара бросила вещи дочери в стирку и наглухо закрыла шторы. Сняла покрывало с кровати и сложила его на кресле. Затем подняла подушку и оторопела от удивления. Перед ней лежала та самая бордовая тетрадь, которую оставил на пляже утопленник. В этот момент Полина вышла из ванной комнаты, увидела тетрадь в руках матери и от испуга округлила глаза.

Взяв себя в руки, Клара немного успокоилась и спросила:

– Откуда это у тебя?

Полина виновато опустила голову.

– Сколько раз тебе говорить, не бери чужих вещей без спроса! Как она к тебе попала?

– Я взяла ее, когда ты сидела в «Скорой помощи». И это не тетрадь утопленника, эту тетрадь писала женщина! – выпалила Полина и заплакала.

Клара открыла тетрадь и бегло пробежалась по первой странице. С первых строк было понятно, что это женский дневник. События с которых начиналось повествование, были детскими воспоминаниями.

– Ты понимаешь, что ты наделала? Ты украла с места происшествия улику. Я сегодня в полиции подписала свои показания, и там ничего нет о том, что моя дочь забрала тетрадь. Выходит, что из-за тебя я солгала следователю и тем самым нарушила закон.

– Мамочка, я так больше не буду! Я не знала, что она так важна для тебя, – взмолилась Полина.

– Не для меня Поля, а для следствия. Им нужно установить причину самоубийства. Эта тетрадь может дать ответы.

– Ничего она им не даст, – тут же отозвалась Полина и махнула рукой, – там женщина описывает свою тяжелую жизнь.

– Ты что, читала ее?

– Не всю, только несколько страниц, – смущенно ответила дочь.

– Поля, я не узнаю тебя! Как ты могла так поступить? Раньше ты себе такого не позволяла!

Полина снова захныкала. В последнее время дочь часто совершала поступки, которые ей раньше были несвойственны, и Клара не могла найти этому объяснений. Как не хотелось ей сейчас обращаться к мужу, но выхода не было. Ей нужна была его поддержка и участие. Немного успокоившись, Клара подошла к двери и сказала:

– Ложись спать, завтра после школы мы с папой поговорим с тобой.

Затем Клара вышла из детской и протянула мужу бордовую тетрадь.

– Посмотри, что я нашла под подушкой у Полины.

Проблемы с дочерью не раз растапливали лед между супругами, вот и сейчас Аркадий решил воспользоваться этой ситуацией и наладить диалог с женой. Он взял тетрадь и пролистал несколько страниц.

– Что это?

– Это та самая тетрадь, о которой меня спрашивали в полиции.

– И как Поля это объяснила?

– Она взяла ее почитать, пока я сидела в «Скорой».

– Это чьи-то воспоминания, – констатировал Аркадий, выборочно пробежавшись по тексту.

– Ее звали Тамара. Не знаю, как эта тетрадь оказалась у утопленника, но, видимо, она для него что-то значила, раз он ее оставил рядом с предсмертной запиской. Что нам делать, Аркаша? Надо ее отдать следователю.

Перспектива новой встречи со следователем Аркадия не радовала.

– Ой, ну не сгущай ты краски, – равнодушно махнул рукой Аркадий, – кому нужна эта тетрадь? Выбрось ее. Мы все равно переезжаем, и все это уже через неделю будет не важно.

Пролистав еще несколько страниц, он выборочно прочитал по абзацу с каждой и добавил:

– Но на всякий случай я бы прочитал его. Вдруг она там сообщает какую-то важную информацию?

– А если я действительно найду там что-то важное?

– Тогда и будем думать, что делать дальше, – сказал Аркадий и пошел в спальню.

– Ты идешь спать?

– Нет, я пока не хочу. Ты иди, я присоединюсь позже, – ответила Клара, расположилась на диване и открыла бордовую тетрадь.

Глава вторая

Дневник

В центре первой страницы дневника было выведено аккуратным красивым женским почерком:

«Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы тебя знали.

Конфуций».

Перевернув первую страницу, Клара погрузилась в чужие воспоминания.

«Прочла слова Конфуция и задумалась, а достойна ли я того, чтобы меня знали?

По-настоящему знали, а не то, что обо мне додумывали или, еще хуже, искажали в угоду своей фантазии. Люди любят вешать на все ярлыки, сводить к

системам, обобщать в прообразы. Жизнь намного глубже и разнообразней, чем мы думаем.

Заслуживаю ли я, чтобы люди заинтересовались моей судьбой? Чтобы потратили свое драгоценное время и прочитали историю моей жизни? Я так и не ответила себе на этот вопрос...

Свою историю я начинаю описывать в больничной палате, здесь мое пребывание будет кратковременным. Скоро придется переехать в хоспис... Сегодня врачи вынесли мне приговор. Нет, конечно, они не пришли ко мне в палату и не сказали: «Вы умрете!» Я поняла это по их лицам, поэтому после обхода уговорила медсестру, которая ко мне отнеслась с большим пониманием, принести на полчаса мою историю болезни. В моем распоряжении меньше трех месяцев...

Мне страшно до ужаса! От одной мысли, что больше никогда не проснусь, не увижу солнца и не смогу заниматься любимыми делами, мороз пробегает по коже, и я впадаю в ступор. Я не спрашиваю у Создателя «за что?» Считаю, раз это испытание выпало на мою долю, значит, так надо. Значит, только так и никак иначе я должна прожить остаток своих дней. Зато другие вопросы переполняют мое сознание. Зачем я вообще родилась? Почему жизнь сложилась так, а не иначе? Какой в этом был смысл? Почему я пережила такой драматический и одновременно мистический опыт? Хм... Похоже, у меня больше вопросов, чем ответов. Возможно, поэтому я решила записать все свои воспоминания в надежде на то, что это поможет мне лучше понять прожитое. И уж если постичь смысл мне так и не удастся, дневник привлечет к себе внимание избранной и моя история на этом не закончится. Та, что примет эстафету, будет знать, что ее ждет, и сможет заранее подготовиться.

Подозреваю, что моя смерть будет немного отличаться от ухода других людей, но все равно мне страшно. Что можно сделать за три месяца? Какая это будет жизнь? Жизнь, полная невыносимых мук и боли? Как будто в моей жалкой и бесцельной жизни ее было мало...

С самого рождения меня окружает мистика и драма. Эти две подружки никогда меня не покидали. Начну с того, что сейчас меня все называют Тамара, но при рождении родители дали мне другое имя – Венера.

Родилась я 31.12.1956 года в семье водителя и домохозяйки. Мама у меня русская, а отец – казах. Судьба посмеялась надо мной с самых первых дней жизни. Я не припомню ни одного специально для меня устроенного дня рождения. Даже в самые счастливые детские годы родители накрывали на стол не раньше восьми часов вечера и поднимали первый бокал за мой день рождения. Потом мне вручали подарок и сразу же начинали провожать Старый Год. Никогда на мой день рождения не приглашали друзей или соседей. Да и друзей-то у меня никогда не было. Почему? Наверное, потому, что я всегда была застенчивой, серенькой и незаметной мышкой. Не любила, когда ко мне приковано чье-то внимание.

С самого рождения я была хилым ребенком, и моя мама постоянно лежала со мной в больницах. Сначала врачи говорили, что я не проживу и года, потом – что не протяну до двух, до трех... Представляю, как родителям было сложно. В три года я попала в реанимацию, и два дня родители не отходили от моей койки. В полночь наступила клиническая смерть, я не дышала две минуты. Затем очнулась и по-взрослому начала озираться по сторонам с выпученными от страха глазами, словно знакомилась с этим миром впервые. При этом мое сердце не билось, и я не сделала ни одного вдоха. Родители были напуганы. Никто не смог им объяснить, что происходит. Затем я закрыла глаза и снова размерено задышала. После этого случая я быстро пошла на поправку и больше практически никогда не болела.

До десяти лет мы жили в далеком казахском городе на границе с Китаем. Жизнь была трудной. Денег в семье всегда не хватало. Но родители любили друг друга и на трудности не обращали внимания.

Помню мамин звонкий смех, ее улыбку, ее восхитительный голос. Она была статной красивой женщиной, и все мужчины в округе завидовали моему отцу. Но бабушка, мать отца, ее не любила и часто называла нищенкой. Ко мне она тоже всегда относилась настороженно, подарки не дарила, на семейные торжества не приходила. По праздникам мы встречали ее у соседей. Всякий раз, когда она видела нашу семью, губы у нее поджимались от ненависти, и она начинала перешептываться со своей неразлучной подругой, вид которой приводил меня в ужас. Подругу звали Жупар. Лицо ее было искажено мучительной гримасой, как будто каждый вздох приносил ей страдания. Все

боялись ее, но уважали. Ее дом стоял на окраине нашего городка, и с самого утра к ней выстраивалась вереница людей, желающих попасть на прием. За глаза все называли ее колдуньей, но, когда встречали на дороге, улыбались и раскланивались в приветствиях. Никогда не думала, что именно она сыграет такую важную роль в моей жизни».

– Тигренок, – тихо прошептал Аркадий.

Клара так зачиталась, что не обратила внимания, как муж вышел из спальни. От неожиданности она вздрогнула и опустила тетрадь.

– Ты меня напугал. Что?

Нарушитель тишины стоял в пижамных брюках в дверном проеме гостиной. Голос у него был делано любезный, но жесткий взгляд выдавал раздражение. Клара поняла, что он все это время ждал ее в спальне для разговора о переезде.

– Может, пойдешь спать? Я согрел для тебя постель. Уже за полночь, завтра рано вставать.

Конечно, Аркадию хотелось продолжить прерванный разговор в более интимной обстановке, но главной его целью было оторвать жену от найденного дневника. Ведь, найди она там сведения, которые помогут пролить свет на историю с утопленником, новой встречи со следователем не избежать.

С первых строчек рассказ Тамары увлек Клару своей загадочностью: сразу стало понятно, что перед ней необычная история.

– Ты иди, я еще немного почитаю, – растерянно произнесла она в пустоту, не глядя на мужа, и снова углубилась в чтение.

«Тот самый день, что навсегда изменил мою жизнь, я запомнила в деталях. Для меня это был рубеж ада и рая. Мне было десять лет. Стояла теплая осень. Утром мы всей семьей позавтракали, отец пошел на работу, а я побежала в школу. Мама выглядела очень взволнованной, вышла на улицу и долго смотрела мне вслед. Когда я вернулась со школы, то обнаружила у нас в гостях старуху Жупар. Она с шумом отхлебывала из пиалы чай и глазами, словно рентгеном, прощупывала меня и маму. Разговор шел о бабушке, колдунья просила маму быть приветливее и терпеливее со свекровью. Мама была очень вежлива, постоянно подливала гостю чай, но когда я ушла в соседнюю комнату, они тихо начали шептаться, а затем мама внезапно выкрикнула: «Тогда пусть это буду я!» Мне стало ясно, что разговор о бабушке не имел никакого отношения к истинной причине ее визита. Через час Жупар ушла, мама громко выдохнула и с обреченным видом села на диван. Я вышла из комнаты и прочитала на ее лице страх, тоску и безысходность.

С этого момента мама начала таять на глазах. Она быстро худела, постоянно жаловалась на слабость в ногах и головокружение. Ее сильно тошнило и, в конце концов, она вообще отказалась от пищи. Папа отвез ее в больницу, и больше я ее живой не видела. Когда ее увозили, мама подозвала меня к себе и слабым голосом сказала: «Прости меня, мышонок, не думала, что оставлю тебя так рано. Береги себя, поступай в жизни так, как подскажет тебе сердце».

Не прошло и месяца после смерти мамы, как бабушка нанесла нам первый визит. Сначала она наигранно причитала о большой потере отца, потом, посмотрев на меня исподлобья, сказала, что в доме нужна хозяйка и мать для дочки. Отец категорически отказался, и старуха ушла. После этого бабушка стала часто звать его одного на ужин, а за мной приходила присмотреть тетка, которая в отсутствие отца шарила по дому как ищейка и выискивала мамини вещи. Собрав очередную партию в большой металлический таз, она выходила на задний двор и сжигала их в яме. Мне чудом удалось спасти от огня несколько маминих фотографий и пуховый платок, который прислала ей на день рожденья моя тетка.

С детства я была робким ребенком, а когда умерла мама, я и вовсе стала сторониться людей. Школа была единственным местом, где я общалась со сверстниками и получала хоть какое-то представление о жизни. Отец постепенно замкнулся в себе и начал выпивать. По ночам я часто слышала, как он плакал. Этот тихий плач походил на скулеж брошенной хозяйками собаки. Странно, но смерть мамы нас не сблизила. Мы редко виделись, и даже ели теперь в разное время.

Через неделю бабушка снова нанесла нам визит. Она долго рассказывала о женщине, у которой умер муж, и от которого у нее осталось двое детей. По словам старухи, она была очень богатой. У нее имелся свой двухэтажный дом, отара овец, табун лошадей и своя мастерская по пошиву одежды из шкур. На этот раз отец ее внимательно слушал. Затем она повела отца в свой дом. Как выяснилось потом, там его уже ждала богатая вдова. Отец вернулся домой сильно пьяным и, прежде чем лечь спать, подошел ко мне, погладил по голове и сказал: «Скоро у тебя будет новая мама, ее зовут Куаньши». Вот так я узнала, что мой отец скоро женится, а у меня появится мачеха.

Куаныш в переводе с казахского языка означает «счастье», но счастья мачеха в нашу семью не принесла. Ее дом располагался на окраине города, ближе к горам. За домом в метрах двухстах была ферма, где содержались куры, овцы, лошади и цех по выделке кожи. У мачехи было двое детей, сын старше меня на три года и дочь моего возраста. Дети сразу приняли меня в штыки. Не давали мне игрушек, толкали и насмехались. Их поведение явно забавляло мачеху, и, когда отца не было дома, мне сильно от них доставалось.

Через полгода мачеха решила выселить меня из дома и выделила мне на ферме кладовую, в которой хранился хозяйственный инвентарь. С этого момента я ела в гордом одиночестве на краю грязного стола, на котором разделявали мясо овец. В дом заходить мне строго запрещалось, за исключением больших праздников, когда отец выпивал и звал меня к себе. А когда он был пьяным, мачеха не смела ему перечить. В такие дни я старалась досыта наесться и что-нибудь припасти на следующие дни.

В остальном переезд на ферму оказался мне только на руку. Работники жалели меня, да и атмосфера на ферме была гораздо веселее, чем в доме.

Осенью, когда все дети пошли в школу, мачеха настояла на том, чтобы я осталась дома и начала помогать ей по хозяйству. Она показала отцу дневник своей дочери, где стояли в основном плохие оценки, и выдала его за мой. По ее словам, такой безмозглой дурнушке, как я, нужно научиться держать хозяйство, чтобы меня хоть кто-то смог взять в жены. Отец согласился, и с этого момента начался самый настоящий кошмар. Меня выгнали из кладовой и бросили в загон к скоту. Я не ела по несколько дней и стала похожа на ходячий скелет. Потом, по настоянию мачехи, меня больше не приглашали к столу: пришлось питаться тем, что украдкой, под страхом увольнения, приносили мне работники. Работой меня стали загружать еще больше.

Мачеха прикладывала много усилий, чтобы я не попадалась отцу на глаза. Но однажды он случайно увидел меня в горах на пастбище, куда я понесла еду вместо заболевшего работника, и ужаснулся. С этого момента он тайком от мачехи стал меня подкармливать.

Когда мне исполнилось тринадцать лет, мои формы стали округляться, и мачеха задумала выдать меня замуж. Я умоляла отца этого не делать, и он пытался ей

противостоять, но после того, как мачеха узнала, что я ему пожаловалась, она набросилась на меня в кладовой и сильно отхлестала кнутом. Избивая меня, она пригрозила, что если я обмолвлюсь с отцом еще хоть словом – мне не жить. Несмотря на свой гнев, от идеи моего замужества она на какое-то время отказалась.

После того, как мачеха отступила, не успела я облегченно выдохнуть, как меня начал преследовать сводный брат. Как-то раз он подстерег меня у загона и, схватив за волосы, поволок в овраг. Я начала кричать и сопротивляться, но он зажал мне ладонью рот и нос и навалился всем телом. Когда от нехватки кислорода я начала задыхаться, кто-то ударил его сзади по голове, и он отключился. Солнце светило мне прямо в глаза, и я не могла разглядеть лица своего спасителя, мелькнул лишь мальчишеский силуэт. Я успела запомнить только родинку в виде полумесяца на его руке и отключилась».

Клара вспомнила свое детство. Оно было наполнено радостью и любовью. У нее были бабушки и дедушки, которые периодически устраивали между собой соревнования под лозунгом «Кто лучше?» До восемнадцати лет она была баловнем судьбы и не знала забот. Ей стало жаль Тамару. Дети не должны начинать свою жизнь с трагедии.

Она быстро пролистала тетрадь – почти все страницы были исписаны. Уже в середине дневника почерк стал меняться, встречались исправления, рисунки на полях и размытый от крупных капель текст: по этим каплям Клара поняла, что Тамара долго размышляла и горевала над своими воспоминаниями. Возникло искушение прочитать последнюю запись и на этом успокоиться, но уже через секунду она захлопнула тетрадь и решила, что прочтет дневник полностью.

Ложась в кровать, Клара подумала: почему смерть этой женщины должна была отличаться от смерти других людей? И с какими мистическими событиями она столкнулась в жизни?

Как только Клара накрылась одеялом, Аркадий прижался к жене всем телом и притянул к себе. Его нарочито ласковый шепот зазвучал в полуночной темноте страстно и горячо:

– Тигренок, все будет хорошо, вот увидишь. Не надо ерничать, я сделаю все, чтобы вы с Полей были счастливы. Я люблю тебя. Ты для меня самое главное в жизни. Ты мое солнце, согреваешь меня своим теплом и нежностью.

Она похлопала его по руке и мягко отстранилась, давая понять, что окончательного примирения по вопросу переезда между ними пока не наступило. После чего Аркадий тяжело вздохнул и демонстративно перевернулся на другой бок.

На следующий день Клара приехала в свой цветочный магазинчик и, увидев подругу, улыбнулась. Все стало понятно без слов. Лиля выглядела очень взволнованной и светилась от счастья. Вынув из сумки снимок УЗИ, она помахала им и радостно воскликнула:

– Я беременна!

Они с мужем ждали этого события почти два года и уже начали задумываться над искусственным оплодотворением, поэтому Клара понимала ценность озвученной новости. Обняв подругу, она улыбнулась и восторженно произнесла:

– Поздравляю! Я так за тебя рада. Какой срок?

– Восемь недель.

– Сказали, кто будет?

– Нет. Да я и не хочу знать. Будет ребенок! – радостно произнесла Лиля.

– Мужу сказала?

– Нет еще, ты первая. Он в командировке. Сегодня после обеда придет. Хочу приготовить потрясающий ужин, зажгу свечи, надену свое самое красивое платье и тогда скажу ему новость.

– Я так рада за тебя.

Подруги еще несколько минут обсуждали перемены, которым подвергнется жизнь Лили, затем перешли к рабочим темам. Клара открыла журнал заказов и стала просматривать заявки. Прозвенел колокольчик на двери, она подняла глаза и удивленно уставилась на гостя, которого никак не ожидала увидеть. В магазин вошел следователь Уваров и критическим взглядом окинул помещение. И на этот раз вид у него был взволнованный и парадный: черный костюм, белая рубашка, начищенные туфли. Заметив Клару, он просиял от радости.

– Не ожидала снова вас увидеть, – сухим тоном произнесла она.

Уваров усмехнулся и смущенно произнес:

– По вашему тону, Клара Владимировна, можно предположить, что вы не рады моему приходу.

Клара смутилась: она и сама не поняла, почему так отреагировала на приход следователя. Возможно, сказалось волнение из-за бордовой тетради.

– Называйте меня просто Клара, и вы не правы, я просто не думала, что мы с вами еще когда-нибудь встретимся.

– Тогда я просто Юрий, – вкрадчиво произнес следователь.

Она невольно посмотрела на сумку, которая лежала на столе, словно хотела убедиться, что дневник надежно спрятан от собеседника.

– Мы не с того с вами начали, Клара. Во-первых, добрый день.

– Здравствуйте, – напряженно процедила хозяйка салона.

– Во-вторых, я пришел купить цветы для мамы: у нее сегодня день рождения, а вы еще на пляже обмолвились, что у вас цветочный магазин на этой улице, – сказал следователь и указал на букеты в белых пластиковых вазонах.

Пройдя вдоль витрины, Уваров выбрал букет из бутонов роз нежного розоватого оттенка и протянул Кларе.

– Я возьму этот. Сколько с меня?

К разговору подключилась Лиля: озвучив цену, она начала заворачивать цветы в яркую подарочную бумагу. Уваров отсчитал и протянул ей деньги.

– Что-то мне подсказывает, что есть и «в-третьих», – сказала Клара, не сводя со следователя пронзительного взгляда.

Уваров усмехнулся, убрал бумажник в карман пиджака и шутливо ответил:

– Ух... взгляд – рентген, насквозь меня видите, – затем нервно откашлялся и спросил: – Мы могли бы с вами переговорить наедине?

Магазинчик был маленьким, уединиться негде, и Клара предложила ему поговорить на улице. Друг за другом они вышли на тротуар. Следователь положил в машину цветы и тут же вернулся.

– Вы курите? – спросил он, протягивая ей пачку сигарет.

– Нет.

Закурив, Уваров с шумом выдохнул и произнес:

– Есть новости по делу утопленника, – и, сделав паузу, тихо и таинственно добавил: – Труп Тихонова пропал.

– Как пропал? – удивилась Клара и побледнела.

– Вот так. Патологоанатом утром планировал делать вскрытие и не нашел тела Тихонова. Сейчас проводится следствие.

– Как может пропасть тело?

– Морг переполнен, иногда случается путаница. Не думаю, что его специально выкрали, – успокоил ее следователь.

– Какой ужас. Теперь родные не смогут с ним проститься, – с грустью произнесла Клара.

– Родных у него нет, так что никто не приедет с ним прощаться. По закону мы должны были его тело кремировать. Мы обыскали квартиру, которую он снимал, обнаружили в его вещах письма, написанные его рукой. Они адресованы некой Тамаре Золотаревой. Видимо, у них были давние любовные отношения.

– Вот как? – нарочито удивленно произнесла Клара: ей сразу стало понятно, о какой Тамаре идет речь.

Во время разговора Уваров продолжал проявлять к собеседнице повышенный интерес. Он ловил ее взгляд, а когда она поворачивалась к нему, то робко, словно подросток отводил глаза в сторону. Кларе это льстило как женщине, но она была не из тех, кто с легкостью бросается крутить романы за спиной у мужа.

– Да. Только вот что мне не понятно: если он адресовал их Золотаревой, как они оказались у него? На конвертах есть штемпель об отправке и получении писем. Первое письмо написано сразу после эмиграции, в нем он сообщает, что прибыл в штат Аризона и отлично устроился, что будет искать возможности для ее переезда в Америку, и это странно.

– Почему?

– При его деньгах иметь любовницу на год старше и такую невзрачную – как-то не с руки: он мог позволить себе молодую красивую женщину, а судя по фото, которое он ей прислал, она не очень-то привлекательна.

– Он что, прислал ей ее же фото? – удивилась Клара.

– Да. Это была как бы шутка. В каждом письме он высылал ей одну и ту же фотографию с разным фоном... Океан... небоскребы... Каждую фотографию он подписывал типа: «Тамара в Нью-Йорке. 2008 год», «Тамара на Гаити. 2009 год».

– А у вас есть эти фото при себе?

– Одно у меня с собой, – ответил Уваров и вынул из пиджака фотографию.

Клара взяла снимок и стала разглядывать автора столь заинтересовавшего ее дневника. Это была хрупкая девушка невысокого роста, с длинными черными как смоль волосами. И хотя черты ее лица были правильными, ее нельзя было назвать привлекательной. На фото Тамара была одета очень скромно, были видны сильно потертые туфли, зато в руках ее красовался неуместный своей дороговизной

клатч. Она улыбалась, но глаза ее при этом все равно оставались грустными. На обороте фотографии было написано «Усть-Каменогорск. 1974 год».

Вернув фотографию следователю, Клара спросила:

– А вы не могли бы дать мне почитать его письма?

– Нет. Это запрещено, – категорично ответил Уваров и убрал фото в карман пиджака.

– Жаль, интересно было бы узнать историю их отношений.

Следователь отрицательно замотал головой, но, заметив разочарование на ее лице, обнадежил:

– Может, после того, как я закрою дело.

– Ну, тогда до встречи, – сказала она и протянула ему руку.

Он посмотрел на ее руку, как на музейный экспонат, и после небольшой паузы все-таки решился ее пожать. Рукопожатие было скорее похоже на нежное поглаживание, чем на деловое прощание. В симпатии следователя у Клары не осталось сомнений. Она зашла в магазинчик и усмехнулась.

Подруга бросилась к ней с расспросами:

– Что он тебе сказал?

– Да все про этого утопленника.

– Расскажи, – взмолилась подруга, – ты мне так и не рассказала ничего про тот случай.

Клара пересказала ей все события, упустив только тот факт, что ее дочь унесла дневник с пляжа в своем портфеле. Затем она рассказала Лиле про вынужденный скорый переезд, и подруга совсем загрузила.

– Что же я буду делать без тебя?

– Я так не хочу уезжать, но выхода нет, – посетовала Клара. – Мы остаемся без квартиры. А переезжать на съемную я не готова.

Лиля хитро прищурилась и спросила:

– А если бы ты нашла квартиру, за которую не надо платить?

– Я бы серьезно задумалась над тем, чтобы остаться.

Лиля тут же схватила свой мобильный телефон и выскочила на улицу. Через несколько минут она вернулась и с загадочным видом произнесла:

– Это, конечно, не такая квартира, как у тебя сейчас, но жить в ней можно.

– Ты о чем? – удивилась Клара.

– Моя соседка по площадке уехала на прошлой неделе к дочери в Москву на три месяца. Она оставила нам ключи, чтобы мы присматривали за квартирой, поливали цветы и все такое...

– А мы можем ее посмотреть?

– Можем, конечно, но чего на нее смотреть? Квартира как квартира. Главное, что соседка дала согласие. Перевози вещи и живи.

– Сначала я поговорю с мужем. Сейчас у нас и так натянутые отношения, не хватало еще, чтобы из-за переезда дошло до развода.

После работы Клара приехала домой с двумя сумками продуктов и прошла на кухню. По примеру подруги, она решила приготовить особенный ужин и еще раз попытаться отговорить мужа от переезда. Но как только зашла на кухню, увидела записку Аркадия – и настроение тут же переменялось.

«Ужин в холодильнике, мы с Полей пошли в торговый центр купить все для школы».

Клара обиженно поджала губы, скомкала записку и бросила в мусорное ведро. Никогда раньше Аркадий не водил дочь по магазинам и понятия не имел, что конкретно нужно ей для школы. Первым желанием было позвонить и узнать, почему за покупками пошли без нее, но потом Клара передумала и села ужинать в одиночестве.

После скромного ужина, она достала из сумки тетрадь и расположилась на диване в гостиной. Открыла отрывок, на котором остановилась, вспомнила облик Тамары и углубилась в чтение.

«Очнулась я в юрте. Рядом сидел светловолосый русский парнишка с голубыми глазами. Он был таким красивым, что я долго не могла отвести от него глаз. Я смотрела на него, пока он сам не повернулся ко мне. По родинке в виде полумесяца на запястье я поняла, что это тот самый парень, который меня спас.

Выяснилось, что он приехал к нашим соседям со своей матерью, которая была врачом в местной поликлинике, а пока его мать была занята пациентом, вышел прогуляться и увидел меня со сводным братом в овраге.

Первое, что он у меня спросил, было: «Ты что, чем-то больна?» Я ответила, что нет. Он посмотрел на меня и сказал: «Ты очень худая». Я поспешила его заверить, что ничем не больна, но кушать хочу так сильно, что съела бы сейчас целого барана. Он закатился от смеха и напомнил мне кудрявого белокурого ангела с рождественской открытки, оставшейся от мамы.

Вот так я познакомилась с любовью всей моей жизни. Почему я влюбилась в него, мне понятно: он был красивый, веселый, сильный, смелый и немного авантюрный. Чем приглянулась ему я, для меня оставалось загадкой на протяжении долгого времени, пока я не поняла, что нас объединяет один и тот же случай в детстве – только перенесли мы его по-разному.

Его звали Петр Тихонов, но с самого детства к нему приклеилась кличка Тихоня, хотя тихим он никогда не был. У нас было свое тайное место для встреч. В двух километрах от нашего городка протекала речка, в ее устье стоял заброшенный рыбацкий сарай. В этом сарае мы часами ждали друг друга. Сначала мы встречались раз в неделю. Тогда еще между нами были только дружеские отношения. Годы шли, мы выросли и отношения становились более близкими.

Как-то раз в день нашей встречи мачеха сильно избила меня, и я прибежала в сарай к Тихоне вся в слезах. Он долго успокаивал меня, потом разорвал рукава у своей рубашки, намочил их в реке и стал промокать мои раны. Его движения были такими нежными, что я закрыла глаза и разомлела. Помню, как он опустил меня на деревянный пол и стал осыпать мое лицо поцелуями. Я помню каждое мгновение того дня.

Наша любовь была неплотской, ничего лишнего мы себе не позволяли. Мы лишь целовались, но чаще лежали, обнявшись, и смотрели друг другу в глаза. Помню, что в один из таких дней он сказал, что увлекся книгой о великом учителе по имени Конфуций. И часто любил повторять его фразу: «Молчание – великий друг, который никогда не изменит». И мы молчали. Смотрели друг на друга и молчали, словно ученики, постигшие слова учителя.

Так пролетел год. Однажды меня выследил сводный брат и рассказал мачехе о моих встречах с Тихоней. В этот день она не просто избила меня, а посадила на цепь, как собаку. Когда отец пришел с работы, она сказала ему, что брат застал меня за неприличным поведением в рыбацком сарае. Я кричала отцу, что это не правда, но брат поклялся памятью своего покойного отца, и ему поверили. После этого отец со мной не разговаривал. Мои сводные брат и сестра, проходя мимо, плевали мне в лицо. Счастью мачехи не было предела, она не скрывала своего злорадства.

Через два дня Тихоня подобрался к загону для скота и стал подавать мне знаки. Я не успела его предупредить: отец, брат и еще несколько пастухов поймали его и сильно избили. Он кричал, что любит меня, что хочет на мне жениться, но они не слушали.

Еле живого его привезли к дому матери и бросили на пороге. И в этот же день, чтобы избежать семейного позора, отец дал поручение мачехе найти мне жениха и сжечь рыбацкий сарай. Меня поспешно сосватали пастуху с отдаленных пастбищ и отдали ему трех баранов, наивно полагая, что я давно потеряла свою девственность.

Свадьбу назначили через две недели. Решалась моя судьба, а я ничего не могла предпринять. Днем и ночью меня стерегли помощницы мачехи, так что о побеге не могло быть и речи. Не могу словами описать тот ужас, который меня

охватил. От одной мысли, что мы с Тихоней должны будем расстаться, я впадала в ступор и, честно признаюсь, всерьез подумывала о самоубийстве. Мне казалось, что я ни дня не смогу прожить без него. А еще я вспоминала маму и просила ее с неба послать мне хоть какой-нибудь знак.

Когда гости стали прибывать на свадьбу, мачеха вынуждена была переселить меня в дом. В день свадьбы жених подъехал к нашему дому в свадебном наряде на черном коне. Его борик – национальный мужской головной убор – украшали огромных размеров перья филина. Мне он показался таким смешным, что я не удержалась и закатилась от смеха, за что сразу получила подзатыльник от мачехи. С женихом приехали его друзья. Их было больше десяти человек. И мой взгляд привлек парень, державшийся позади всех. Когда я к нему пригляделась, то поняла, что это Тихоня: он так замаскировался, что его не узнали даже отец и брат. Я с облегчением вздохнула: Тихоня приехал не прощаться, у него был план побега».

Дверь открылась и в квартиру со смехом зашли Аркадий и Полина. Клара отложила тетрадь в сторону и вышла им навстречу.

– Где это вы пропадали? – спросила она и посмотрела на часы. – Вас не было почти четыре часа.

– Мы покупали мне подарки! – закричала Полина и бросилась к матери с большими пакетами в руках.

Взглянув на довольные лица мужа и дочери, Клара решила выяснить отношения с мужем наедине.

– И какие же он подарки тебе подарил? – спросила Клара, заглядывая в пакеты.

– Ой, мамочка! Мы купили настольные игры, школьные принадлежности и красивое голубое платье с кружевами!

– Ну, тогда быстро беги в свою комнату и примеряй платье! Я хочу посмотреть, как оно на тебе сидит.

Полина схватила пакеты и вприпрыжку побежала в свою комнату. Когда дверь за ней закрылась, Клара подняла глаза на мужа и, еле сдерживаясь, спросила:

– Что это за фокусы?

– Никаких фокусов. Я решил, что сейчас самое подходящее время для закупок. Мы с Полей прекрасно провели время, – невозмутимым тоном произнес Аркадий и пошел на кухню к холодильнику. – Не уделяю ребенку время – плохо, уделяю – опять плохо.

Он достал из холодильника бутылку пива и сделал пару глотков.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я! – воскликнула Клара. – Таким способом ты решил ее переманить на свою сторону?

– Нет никаких сторон, тигренок. Мы просто должны переехать, нравится нам это или нет.

– Я не хочу переезжать, – твердо заявила Клара. – Завтра я иду с Лилей смотреть квартиру. Если она нам подойдет, то мы с Полей переедем туда.

– Что значит, вы переедете на квартиру? – опешил Аркадий.

Его лицо мгновенно приобрело пунцовый оттенок. Он замер с банкой пива в руках, глядя на жену испепеляющим взглядом.

– Это значит, что я не уезжаю с тобой. Я остаюсь в Сочи. Меня здесь все устраивает.

– А мне что прикажешь делать?

– А ты езжай. Вступай в новую должность.

– Я тебя правильно понимаю, ты хочешь развода? – угрожающим тоном произнес Аркадий. Теперь его лицо окаменело, а надувшиеся вены на шее начали ритмично пульсировать.

В этот момент Полина выбежала из своей комнаты в новом платье, чтобы покрасоваться перед матерью, но, увидев лица родителей, воскликнула:

– Вы опять ругаетесь?!

– Детка, иди к себе, – попросил ее Аркадий.

Полина обиженно надула губы и убежала в свою комнату.

– Ты сейчас принимаешь неверное решение, Клара. Ты разрушаешь семью!

– Это я разрушаю семью?! – закричала от возмущения Клара. – Я, между прочим, без твоего одобрения не принимаю решений. Я открыла магазин с твоего согласия, а ты принял предложение о работе, даже не поставив меня в известность! Ты просто пришел и сказал: «Мы переезжаем»!

– У меня не было выбора! – в тон ей закричал Аркадий.

– Ты мог отказаться!

– Я не мог! Понимаешь?! Не мог!

Сев на диван, Аркадий обхватил голову руками и застонал.

– Этой возможности я ждал два года. Если я справлюсь с новой должностью и выведу на новый уровень филиал компании, мою кандидатуру предложат в совет директоров, и я получу пять процентов акций. Ты можешь себе представить, что это за деньги?

Немного смягчившись, Клара села рядом с мужем на диван и задумалась. К стремительной карьере Аркадия она давно уже привыкла и воспринимала ее как нечто само собой разумеющееся. Сейчас муж занимал должность начальника отдела крупного предприятия, торгующего оборудованием для добычи природного газа, головной офис которого находился в Москве. За короткий срок он вывел отдел на второе место по прибыли и, оценив его заслуги, московское руководство решило, что он должен возглавить новый филиал.

После паузы Клара глубоко вздохнула и сказала:

– Я предлагаю поступить следующим образом: мы останемся здесь, а ты вступай в новую должность. Устраивайся там, обживайся. Езжай в командировку. Если у тебя с новой должностью все получится, через три месяца я закрою магазин, и мы переедем в Элисту. Если нет, то ты вернешься.

– Да и думать не надо, я знаю, что у меня все получится, – уверенным тоном произнес Аркадий. – Меня возмущает тот факт, что моя жена не верит в мои способности.

Он встал с дивана и категорично добавил:

– Ни на какую квартиру ты не переедешь. Завтра утром начнем собирать вещи и поедем в Элисту всей семьей. Я закажу машину на пятницу. Спокойной ночи.

Выйдя из гостиной, он зашел в ванную комнату и громко хлопнул дверью. Клара услышала, как вода льется в раковину. Все аргументы она исчерпала. Переезд был неизбежен. Она обхватила голову руками и закрыла глаза. Ее одолевало чувство, что она должна что-то придумать и во что бы то ни стало остаться, но как это сделать, она пока не понимала.

Вечером она проследила, чтобы дочь почистила зубы, и уложила ее в кровать. Полина попросила почитать ей главу только что купленной книги, и Клара легла рядом с дочерью. Читала она с выражением, разделяя диалоги на разные голоса. Дочь слушала с интересом, крепко сжимая большой палец матери. Клара посмотрела на ее пальчики и вспомнила, что это характерное движение дочь начала демонстрировать с первых дней своей жизни. Дочитав главу, она улыбнулась, поцеловала Полину в лоб, пожелала ей спокойной ночи и вышла из комнаты.

Клара переделалась в пижаму и, укрывшись пледом, расположилась на диване в гостиной. Спать не хотелось, и она решила отвлечься от неприятного разговора с мужем чтением дневника Тамары.

«Ко мне подошла одна из подруг мачехи и надела на мою голову саукеле – свадебный головной убор невесты в виде конуса. Она сказала мне: «Это начало твоей новой жизни. Стань достойной, преданной и терпеливой женой». Я посмотрела на отражение в зеркале и не узнала себя. Такой красивой и чистой я не была со времени смерти мамы.

Мачеха всем пускала пыль в глаза. Говорила, сколько денег она потратила на мои украшения и наряд. Наигранно улыбалась и показывала всем, какая она добрая и щедрая к своей падчерице. Из присутствующих только я и отец знали, что еще накануне она сговорилась с родителями жениха, что мое приданое вернут в целости и сохранности сразу после свадьбы.

После небольшого туй² рано утром начались проводы невесты. Тихони нигде не было видно. Вот тут я и забеспокоилась. С восходом солнца меня посадили со сватами в повозку и запретили оглядываться. Но я то и дело вертела головой, чтобы найти своего возлюбленного. И когда свадебная процессия двинулась вперед, я совсем потеряла терпение. На глаза навернулись слезы. Сваха обняла меня и сказала: «Плачь, девочка, плачь по своей прошлой невинной и беззаботной жизни». Знала бы она, какая жизнь была у меня до этого момента... н-да... тогда я наивно полагала, что хуже жизни быть не может.

² Туй – сокр. от «сабантуй» – праздник по случаю свадьбы или обрезания.

Наш путь лежал через горы. К обеду сваты разомлели под палящим солнцем и уснули. Когда мы въехали в ущелье, со всех сторон на нас набросились несколько человек. Это была шайка беглых уголовников, промышляющих в этих краях грабежами. Лица были закрыты платками. От их грозного вида жених и его друзья развернули лошадей и пустились назад галопом.

Грабители вывели всех женицин из повозки и бросили на землю. Они забрали мое приданое, посадили меня на лошадь и поволокли в горы. Сначала я кричала и сопротивлялась, но, когда мы стали подниматься резко вверх, из-за страха выпасть из седла я затихла и не делала резких движений.

Когда меня привезли на пастбище, уже совсем стемнело. Похитители опустили меня на землю, развязали руки и подтолкнули вперед. На вершине я увидела три юрты и поняла, что мне нужно идти к ним. От страха меня затошнило, затряслись колени. Я уже подходила к крайней юрте, когда из нее выскочил Тихоня. Увидев его, я бросилась к нему навстречу и мы долго не размыкали объятий. Как же я была счастлива в этот момент! Он не бросил меня! Теперь мы будем вместе!

Свою первую ночь мы провели под крики пьяных грабителей и блеяние отары овец. Но, несмотря на весь этот колоритный антураж, таких сильных чувств как в ту ночь, я больше никогда не испытывала.

Удивительно, но именно в этом месте, в горах, я получила знак от моей мамы – словно благословение нашего союза. Тихоня нашел старый проигрыватель и смахнул с первой попавшейся пластинки пыль. И первой же песней, которую мы услышали, была любимая песня моей мамы...

*«На крылечке твоём каждый вечер вдвоем
Мы подолгу стоим, и расстаться не можем на миг,
До свиданья скажу, возвращусь и хожу,
До рассвета хожу мимо милых окошек твоих,
До рассвета хожу мимо милых окошек твоих».*

Слова песни разносились по всей округе и отражались эхом от одной горы к другой, а из моих глаз катились слезы. Слезы радости и свободы. Это была ночь любви, которая навсегда объединила наши сердца и наши души.

*И сады, и поля, и цветы, и земля,
И глаза голубые – такие родные! – твои.
Не от солнечных дней, не от теплых лучей –
Расцветают от нашей горячей и светлой любви,
Расцветают от нашей горячей и светлой любви.*

В этот момент я ощутила, что больше не будет старой жизни, больше не будет злой мачехи и вечно преследующего меня сводного брата, и от одной мысли, что к мачехе не вернется мое приданное, улыбалась по-идиотски, как умалишенная.

*Если надо пройти все дороги-пути,
Те, что к счастью ведут, я пройду, мне их век не забыть,
Я люблю тебя так, что не сможешь никак
Ты меня никогда, никогда, никогда разлюбить.
Я люблю тебя так, что не сможешь никак
Ты меня никогда, никогда, никогда, разлюбить.*

Тогда я еще не знала, что мои страдания и медленное схождение в ад только начинаются, и не знала, какую цену я буду платить за каждую ночь, проведенную вместе со своим любимым».

Клара положила дневник в сумку, повернулась на бок и укуталась одеялом. Закрыв глаза, она услышала с детства знакомую мелодию из кинофильма «Свадьба с приданным», и тоненький высокий голосок Веры Васильевой затянул первую строчку песни: «На крылечке твоём каждый вечер вдвоем...»

Глава третья

Первые испытания

Ранним утром Клару разбудил металлический лязг, который доносился из кухни. Сонная, еле соображающая, она механически поднялась с постели и вышла в узкий коридор, в который выходили двери других комнат. Голова сильно кружилась, правая рука скользила по гладкой окрашенной стене, помогая Кларе удерживать равновесие. Открыв дверь кухни, она увидела, как Аркадий вынимает кастрюли и сковородки из шкафов, а затем укладывает их в коробки. Полина заворачивала на столе фарфоровую посуду в газеты. На скрип двери оба повернулись и оценивающе взглянули на Клару.

– Доброе утро! – бодро воскликнул Аркадий, взглянув на жену.

- Доброе, – недовольно буркнула Клара.
- Кто-то не выспался, – резюмировала Полина и с сочувствием посмотрела на отца.
- Кому-то не надо было сидеть допоздна и читать про чужую жизнь. В своей сначала нужно разобраться, – проворчал Аркадий и продолжил вынимать посуду из шкафов.
- Полина хихикнула, но, поймав на себе сердитый взгляд матери, тут же замолкла. С недовольным видом Клара развернулась и пошла в ванную. В этот момент она осознала, что переезда не избежать. Хочет она или нет, но этот кошмар ей придется пережить, вопрос только один: переедет она сейчас с семьей или одна через три месяца? И Клара честно себе призналась, что склоняется скорее ко второму варианту. Она вдруг почувствовала себя оторванной от самых близких ей людей, даже от дочери, и это была не обида – скорее, внезапное отчуждение, словно ее предали, не дали довести важное дело до конца.
- Клара отвела дочь в школу и поехала к подруге. Лиля открыла дверь после третьего звонка, буркнула невнятное «привет» и тут же скрылась в гостиной. Клара сразу поняла, что что-то случилось.
- Привет. Ты в порядке?
- Привет, – с грустью в голосе повторила Лиля и отвела взгляд, – да, в порядке, – добавила она и нервно откашлялась.
- Как прошел вчерашний ужин? – спросила Клара, заходя в квартиру.
- Ужина не было, – сухо ответила Лиля, тяжело вздохнула и добавила: – Он не успел на самолет.
- Ну, ничего, бывает. Ты из-за этого такая смурная?
- Лиля села в кресло, закинула ногу на ногу и тяжело вздохнула.
- Что случилось? На тебе лица нет. С беременностью все в порядке? – забеспокоилась Клара.
- Все в порядке, – нехотя ответила Лиля и смахнула накатившуюся слезу. Ее лицо исказилось в мучительной гримасе, как будто ей предстояло повторить проход по длинному подвесному пешеходному мосту через Мзымту, на который она решилась с мужем в прошлом году.
- Ты плачешь? В чем дело? Рассказывай!
- Вчера, когда муж позвонил, я поняла, что он не в аэропорту. Не было характерных звуков. Он был в комнате.
- Может, после опоздания на рейс он вернулся в гостиницу? – предположила Клара, еще не догадываясь, к чему ведет рассказ подруги.
- Мне кажется, у него роман, – выдавила из себя Лиля и заплакала.
- Почему ты так решила? – в недоумении спросила Клара и присела на корточки перед подругой.
- Во время разговора он сильно нервничал, расхаживал по комнате, потом зашел в ванну. Я слышала шум воды в раковине. В следующую минуту в номер постучали и кто-то, не он, он все еще находился в ванной, открыл дверь.
- Он один поехал в командировку, без напарника?
- Да.
- Ты уверена?
- Совершенно, – ответила Лиля и громко всхлипнула.

Клара поднялась на ноги и с минуту в задумчивости расхаживала по гостиной. Она достаточно хорошо знала характер Лили и понимала, что если информация о романе подтвердится, то Лиля погорюет, но в итоге простит измену мужу.

– Не делай поспешных выводов. Когда он приедет, поговори с ним начистоту, – посоветовала она подруге.

Поднявшись со стула, Лиля подошла к окну и устремила взгляд на дом с противоположной стороны улицы. Руки скользили по телу, как будто она не знала, куда их деть.

– После нашего разговора я вдруг начала вспоминать такие мелочи, на которые раньше не обращала внимания.

– О чем ты?

– Дома он стал по-другому отвечать на звонки мобильного телефона. Раньше где сидел, там и брал трубку, а сейчас выходит из комнаты и закрывает за собой дверь. Разбирая его чемодан месяц назад, я нашла презервативы и спросила, зачем он их возит с собой в командировку – он ответил, что положил их туда несколько лет назад и забыл. Он врал, упаковка была совершенно новая.

Клара встала напротив подруги и с сочувствием на нее посмотрела.

– Знаю, как это сложно, но сейчас ты должна думать только о ребенке.

– Да знаю я, но ничего с собой поделать не могу. Это так больно, – ответила Лиля и снова заплакала.

Клара дала ей время выплакаться. Она была уверена, что слезы принесут успокоение, слова сейчас были бесполезны. Через несколько минут Лиля успокоилась, посмотрела на подругу и, вспомнив о причине ее прихода, быстро проговорила:

– Ты ведь пришла посмотреть квартиру? Давай поторопимся, а то мне через двадцать минут надо открывать магазин.

– Ничего страшного. Откроешь, когда сможешь.

– Привезут партию фрезий. Я не могу опаздывать, – ответила Лиля и взяла с полки ключи от соседской квартиры.

Квартира Кларе сразу не понравилась: атмосфера оказалась гнетущей, а воздух затхлым. Ремонт в ней не делался лет двадцать. Вдобавок им навстречу выскочила черная кошка персидской породы и настойчиво замурлыкала.

– Ты не сказала, что у нее кошка, – в недоумении произнесла Клара, зажала нос и отшатнулась.

– Это кот. Барсик. Его нужно кормить два раза в день и периодически менять лоток в туалете. Это проблема?

– Да. У меня аллергия на шерсть, – гундоса, ответила Клара и выскочила на лестничную площадку.

Лиля покормила кота и вышла из квартиры. Ее глаза были такими грустными, что Клара не удержалась и обняла подругу.

– Я с тобой, дорогая. Ты не одна.

– Квартира тебе не подошла, а значит, ты уедешь в конце недели, – резюмировала Лиля.

Клара поджала губы и кивнула головой. Лиля права, она уезжает в самый неподходящий момент для бизнеса и единственной подруги.

– Я всеми силами пытаюсь уговорить мужа не переезжать, но, похоже, дело решенное. Нам нужно освободить служебную квартиру к пятнице.

- Мне так жаль, Клара, я не знаю, что буду делать без тебя, особенно после вчерашнего, – запричитала Лиля.
- Я сама пребываю в таком шоке, что даже не способна думать о бизнесе.
- Будешь кофе или чай? – спросила Лиля, высвобождаясь из объятий и показывая на дверь своей квартиры.
- Клара взглянула на часы и отрицательно покачала головой.
- Значит, ты еще не решила, что будет с магазином?
- Ты пока поработаешь одна. Если все пойдет как сейчас, найдем продавца, а ты будешь заниматься поставками и крупными заказами. Я помогу обустроиться семье и буду периодически приезжать на два-три дня. Пока так. Потом посмотрим, – ответила Клара и медленно начала спускаться по лестнице.
- Ты сейчас куда?
- Мне нужно пойти на почту, потом ненадолго заеду в магазин и вернусь домой, нужно собрать вещи. Заодно переберу гардероб и выброшу все старье.

Обновленное помещение почтового отделения было пропитано запахом едкого парфюма и свежих газет. Клара заняла очередь и села в кресло, обитое черным дерматином. Оглядевшись по сторонам, она с сожалением подумала, что современная почта стала бездушной, больше похожей на банковский автомат. Не хватает знакомого с детства запаха горячего сургуча, упаковочных столиков с бобинами шпагата, фанерных посылок. С улыбкой она вспомнила, как, когда дома еще не было телефона, ходила с родителями на почту заказывать переговоры с бабушкой и дедушкой. Как они часами ждали, а услышав свой город и фамилию, бежали к нужной кабинке со стеклянной дверью. Затем по очереди вырывали друг у друга трубку, вспоминая о какой-либо новости, а когда не получалось, то перекрикивали друг друга и смеялись. Из тесной и душной кабинки, стены которой были обшиты пластиком, имитирующим поверхность дерева, они выскакивали с покрасневшими лицами, но довольные и счастливые. А когда выходили из почты, то кто-то из родителей обязательно вспоминал важную новость, которой забыл поделиться с родственниками. Теперь ее окружали банкоматы, стойки с рекламой и люди, не поднимающие глаз от своих телефонов и айпадов. Чтобы скоротать время, Клара тоже решила почитать и открыла следующую главу в дневнике Тамары.

«Мы провели два дня и две ночи вместе. Наши тела и души слились воедино. Я чувствовала жар его тела, видела, как горели желанием и любовью его бездонные глаза, которые в отблесках огня переливались всеми цветами радуги, и была на седьмом небе от счастья. Меня больше не существовало, я полностью растворилась в нем. Нам обоим хотелось продлить это единение как можно дольше. Тогда, в свои пятнадцать лет, я не знала, что испытывала необычные для большинства женщин чувства.»

Через два дня после первой брачной ночи я узнала об уговоре, который заключил Тихоня со своими новыми друзьями. Оказывается, Тихоня должен был навести их на крупную добычу. Это была расплата за мое освобождение. В детали он не вдавался, не хотел, чтобы я знала подробности дела. Он пообещал, что на этом их сотрудничество закончится, и мы будем свободны.

Под покровом ночи они умчались на лошадях в ближайший город, а мне приказали к их возвращению приготовить еду. За скотом и пастбищем присматривал Жанабай – неразговорчивый здоровенный пастух лет сорока. На его шее виднелся безобразный шрам, по его словам, оставшийся на память после схватки с волком. С первой минуты моего пребывания он не сводил с меня глаз и, как только уехал Тихоня, огляделся по сторонам, зашел в юрту и положил передо мной мясо, велел приготовить бешбармак. К моему удивлению, он не ушел из юрты, а стал наблюдать за моей стряпней.

Я сразу почувствовала от него угрозу. Пока я разводила огонь и нагревала казан, его маленькие сальные глазки цепко впивались в разрез на моей груди. Я запахнула грудь чапаном, но все равно чувствовала себя перед ним раздетой. Как только я закончила варить мясо и накрыла крышкой казан, он молниеносно схватил меня за волосы и потащил в загон для скота. Я кричала, отбивалась, но вокруг не было ни единой души».

Истязания, которым подверглась Тамара, были прописаны в мельчайших деталях на трех страницах. Клара поняла, что женщина сделала это намеренно, чтобы заново прожить трагический момент, желая раз и навсегда освободиться и оставить его в прошлом.

Оцепенев, Клара несколько минут просидела, уставившись в одну точку. Каждое слово из последней прочитанной главы дневника болью отзывалось в сердце. Ей снова стало жаль Тамару. Трагическая судьба незнакомой женщины, которая в десять лет осталась сиротой и после этого постоянно подвергалась насилию, стала для нее наваждением. Ей очень хотелось узнать, как сложилась дальнейшая судьба несчастной женщины. Руки снова потянулись к бордовой тетради, но тут она услышала, как пожилая женщина, обращаясь к ней, сказала:

– Ваша очередь.

Клара поспешила к окошку оператора, пряча на ходу дневник в сумку.

Со стороны моря на город стремительно надвигалась огромная, отливающая медью туча. Клара вышла из почтового отделения и с опаской посмотрела на небо: вот-вот должен был начаться дождь, а она не взяла с собой зонт. Обычно прежде чем выйти из дома, она предусмотрительно интересовалась погодой, но сегодня напряженная домашняя обстановка и ночное чтение выбили ее из колеи.

Ее окликнул мужской голос, она обернулась и увидела следователя Уварова, деловито идущего по аллее с папкой в руках. Сегодня он выглядел так же, как и при первой их встрече. Заметив Клару, он быстро пригладил волосы и отряхнул и без того идеально чистый пиджак. Клара прожгла его оценивающим взглядом, и глаза следователя на секунду вспыхнули от смущения. Но Уваров быстро взял себя в руки, заулыбался и по-дружески воскликнул:

– Физкульт-привет!

Клара поздоровалась и тут же поинтересовалась:

– Есть новости о Тихонове?

Уваров сразу помрачнел и покачал головой.

– Труп Тихонова не нашли. Дело передали другому следователю, а меня перебросили на убийство. Честно говоря, я этому очень рад, – быстро выпалил он и, бросив мимолетный взгляд на здание почты, спросил: – Вы были на почте?

– Да. Переоформляла подписку на новый адрес.

– Переезжаете в новую квартиру?

– Да.

– Поближе к магазину? – уточнил следователь как бы между прочим.

– Нет. Вообще-то, мы уезжаем в Элисту.

– Куда?! – удивленно воскликнул Уваров. Он непроизвольно дернулся, глаза расширились от удивления, улыбка мгновенно сошла с лица, и он нервно переступил с ноги на ногу.

– В Элисту, – повторила Клара, не ожидая такой реакции.

– Что вы там забыли?

– Мужа переводят на другую работу.

– Вы только недавно открыли цветочный магазин! Вы не можете уехать!

С каждой фразой лицо Уварова мрачнело и серело. Казалось, что новость об отъезде Клары потрясла его до глубины души. Реакция следователя была такой красноречивой, что он сам почувствовал себя неловко, а Клара, не зная, почему, начала оправдываться.

– Мне придется. Нашу квартиру займет другая семья.

– Как жаль, – откровенно признался Уваров и тут же разъяснил свое разочарование. – У кого я теперь буду покупать цветы?

– Магазин никуда не денется, пока в нем будет работать моя подруга. Я постараюсь периодически приезжать, а когда бизнес окрепнет, найму еще одного работника.

Уваров ничего не ответил, только опустил голову и задумался. Возникла неловкая пауза и Клара решила перевести разговор на другую тему.

– Почему вы сказали, что рады тому, что вас перебросили на другое дело?

Почесав затылок, Уваров признался:

– Да чертовщина какая-то творилась вокруг этого Тихонова.

– Расскажите, мне очень интересно, – призналась Клара.

Уваров тут же сообразил, что может воспользоваться ситуацией, и предложил:

– Не хотите со мной пообедать? Заодно я расскажу вам о своих подозрениях.

Сначала Клара отрицательно покачала головой, но тут же ее начали одолевать сомнения: у следователя могла иметься ценная информация о Тихонове. В итоге любопытство взяло вверх, и она согласилась. Но как только Уваров назвал заведение, где предлагает пообедать, она тут же упрекнула себя за поспешность. В этом ресторане часто обедал Аркадий со своими коллегами. Пока они шли два

квартиры, Клара нервно теребила замок на сумке, живо представляя, какими глазами на них посмотрит муж при встрече, – а в том, что они там встретятся, она уже не сомневалась.

Когда Уваров открыл перед ней дверь ресторана, она кинула на своего спутника мимолетный взгляд и поняла, что идет за ним как агнец на заклание, не в силах противостоять. Шагнув в зал, Клара обвела столики обеспокоенным взглядом и с облегчением вздохнула. Зал был совершенно пуст. Пышная блондинка лет сорока с ярко накрашенными губами посадила их за столик в углу и предложила меню. Приняв заказ, она поспешно удалилась, оставив Юрия и Клару наедине в пустом зале.

Неуверенность Уварова улетучилась по мере приближения к ресторану, и когда официантка скрылась на кухне, следователь тут же перешел в наступление.

– А сколько лет вы замужем?

– В этом году будет одиннадцать, а почему вы спрашиваете?

– Просто интересно. По работе я часто сталкиваюсь с семейными парами и практически безошибочно могу определить, как долго они живут в браке, сколько им еще предстоит, и даже из-за чего они разойдутся.

– Вот как!

Клара поняла, что Уваров хочет перевести тему разговора на ее брак и поспешила напомнить причину, по которой согласилась на совместный обед.

– Все это, конечно, интересно, но вы обещали мне рассказать, что такого таинственного было в деле Тихонова.

Следователь разочаровано вздохнул и начал рассказывать:

– Первое, что я сделал, – снял отпечатки с вещдоков и пробил их по базе. Выяснилось, что почти десять лет назад Тихонов был замешан в крупном ограблении. Были украдены сразу три картины, которые позже всплыли в частных коллекциях в Штатах.

– Вы считаете, что Тихонов был вором?

– Первокласным вором. У него была кличка Тихоня. О нем в свое время ходили легенды. У него была всего одна ходка, и то по малолетке. Начинать как майданщик, воровал чемоданы и сумки на вокзалах, но после отсидки переквалифицировался и стал «клюквенником» – специализировался на кражах икон и драгоценностей. На дело всегда ходил один. Следов не оставлял, короче, чисто работал.

Брови Клары взметнулись вверх от удивления.

– А что еще было странного? – взволнованно спросила она, чувствуя, что это еще не все новости.

– Нестыковка в документах. По паспортным данным, Тихонов родился в 1957 году и до встречи с вами на пляже был живым и здоровым. А вчера из Казахстана пришел ответ на наш запрос, в котором написано, что Тихонов Петр Иванович умер в 1969 году в возрасте двенадцати лет и при жизни за пределы Казахстана никогда не выезжал.

Клара уставилась на следователя, судорожно соображая, что бы это могло значить. Возможно, ответ есть в дневнике Тамары, но она пока до него не добралась.

– Может, кто-то воспользовался свидетельством о рождении умершего мальчика?

– Мы тоже так подумали, но детские фотографии в фотоальбоме на квартире соответствуют фотографии, которую прислали из Казахстана. Это Тихонов, сомнений нет.

Клара на секунду задумалась, а затем спросила:

– А вы можете уточнить у коллег из Казахстана, была ли на руке Тихонова родинка в виде полумесяца?

Уваров замер, изучая лицо собеседницы. Личные чувства отступили, и наружу вырвался дотошный следователь.

– А с чего вы взяли, что у него была родинка? – насторожено спросил он.

Клара прикусила губу, понимая, что проговорилась и начала судорожно придумывать ответ.

– Я ее видела, – соврала она.

– Когда? – еще больше насторожился следователь.

Тон Уварова резко переменялся, голос стал жестким и напористым. Между глаз залегла глубокая складка. Он сверлил свидетельницу пристальным взглядом, от чего она начала ерзать и прятать глаза.

– Когда он укладывал вещи на пляже. Тогда я и увидела необычное родимое пятно на руке.

– Как это вы смогли разглядеть родинку с такого расстояния? Вы ведь были от него метров за двадцать, – продолжил допрос следователь. – В любом случае, никакого родимого пятна на руке Тихонова не было. Вы что-то путаете.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Значит, я ошиблась, – растеряно произнесла Клара и задумалась.

Мысли Клары сменяли одна другую за считанные доли секунды; она понимала, что в дневнике должны быть ответы, пусть не все, но хотя бы их часть. Поднявшись со стула, она поспешно произнесла:

– Извините, я только что вспомнила, мне срочно нужно домой.

Схватив сумку, она быстро выскочила из ресторана, не дав Уварову опомниться.

– Пойдите! – закричал он вслед Кларе. – Вы же даже не поели! Сейчас принесут наш заказ!

Клара выскочила на улицу и помчалась в сторону стоянки такси.

– Ох уж эти женщины, – послышался тяжелый вздох за соседним столиком.

Уваров обернулся и увидел мужчину, сидевшего к нему спиной. Он был в черном длинном пальто, на лоб была надвинута такого же цвета фетровая шляпа, широкими полями она полностью прикрывала лицо. На руках были кожаные перчатки. Следователь припомнил, что не видел, когда мужчина прошел мимо его столика.

– Н-да, – протянул Уваров, как бы соглашаясь.

– Хочешь им признаться в своих чувствах, а они играют с тобой в детектива, да еще так неумело, – продолжил мужчина, выпуская клубы сигаретного дыма.

Следователь бросил пыливый взгляд на соседний столик, пытаясь разглядеть мужчину, но тот не обернулся, продолжая сидеть неподвижно.

– Скрывает она что-то от вас.

– Возможно, – согласился следователь.

Уваров подозвал официантку, попросил вернуть заказ с собой и принести счет. Когда официантка удалилась, мужчина за соседним столиком снова заговорил:

– Загадочные существа эти женщины. Можно прожить с ними всю жизнь и так и не познать их.

Почувствовав неподдельный интерес к собеседнику, Уваров хотел пересесть к нему за столик и продолжить беседу, но в этот момент в зал вышла официантка с упакованной едой и протянула пакет следователю.

– Большое спасибо, – поблагодарил ее Уваров и, обращаясь к мужчине, добавил: – Мне кажется, женщины сами себя толком не понимают.

Ответа не последовало, и он обернулся к соседнему столику. Но в зале никого, кроме официантки, не было. Уваров обомлел. Он быстро осмотрелся по сторонам и, повернувшись к официантке, спросил:

– Вы видели здесь мужчину?

– Нет. Вы были сегодня первым посетителем, – ответила она в недоумении и с опаской отступила от него на два шага.

– Здесь за соседним столиком только что сидел мужчина в черном пальто и шляпе. Он курил сигарету.

– Не было здесь никого, и в головных уборах у нас запрещено, – твердо заявила официантка и добавила: – Проверьте свои нервишки, они у вас шалят. Сегодня галёлики, а завтра что? Пойдете топиться?

Слова женщины ввели следователя в еще больший ступор. Он сразу вспомнил про утопленника и нервно сглотнул. Глаза его расширились от удивления. Официантка пересчитала деньги и надменно спросила:

– Сдачу вам нести?

– Нет, не надо, – еле выдавил из себя Уваров и, взяв пакет с едой, пошел к выходу.

– Хм. Женщины, видите ли, себя не знают, зато мужики свои две извилины выучили наизусть – водка да молодка, – проворчала официантка ему вслед и спрятала чаевые в карман крахмаленной блузки.

Кучевые дождевые облака заволокли все небо. Ветер усилился. Очередной вихрь, словно небесный дворник, собрал с дороги мусор и понес свою добычу в известном одному ему направлении. Мимо Клары проносились целлофановые пакеты, обрывки газет, листья и обломки веток. Где-то совсем близко молния прорезала облака, а затем ударил гром такой силы, что она вздрогнула и с опаской посмотрела на небо. Клара ускорила шаг и после очередной сотрясающей все вокруг канонады перешла на бег. Мысленно она себя укоряла за то, что, разделив безразличие мужа, не отдала следователю тетрадь сразу – из-за этого ее слова воспринимались Уваровым с настороженностью и недоверием. В его взгляде она читала немой укор и сама не понимала, почему для нее так важно, чтобы он ей доверял. Через несколько дней она с семьей уедет, и вся эта история останется в прошлом. Но ведь нет, вопросы Уварова о родимом пятне вызвали в ней бурю эмоций и, в первую очередь, стыд.

Темнота выиграла схватку у света, и все вокруг погрузилось в полумрак. Когда впереди мелькнули отблески неоновой вывески цветочного салона, Клара с облегчением вздохнула. Запыхавшись, она подбежала к магазину, с минуту восстанавливала дыхание и только потом распахнула дверь. Перед кассой стояла женщина лет тридцати в кашемировом пальто и придирчиво оценивала выбранные хризантемы. Лиля бросила на Клару мимолетный взгляд и

продолжила заворачивать огромный букет в декоративную бумагу. Клиентка в такт кивала головой, как бы поощряя собственный выбор, и то и дело поправляла листья, мешая Лиле закончить свою работу. Наконец-то клиентка убедилась, что все в полном порядке, и отсчитала деньги.

Клара поправила прическу перед зеркалом и, стряхнув с волос сухие листья, зашла в тесную подсобку и с облегчением опустилась на табурет. В следующее мгновение на ее коленях уже лежал дневник. Она бережно поправила загнутые уголки на страницах и откинула выбившуюся из хвостика прядь волос за ухо.

Проводив клиентку, Лиля заглянула в подсобку и спросила:

– Ты чего такая возбужденная? Случилось что?

– Мне нужно кое-что прочитать. Ты можешь сделать так, чтобы мне никто не мешал?

– Конечно, – ответила Лиля и удивленно посмотрела на подругу, – ты же должна была пойти домой собирать вещи.

– Позже. Я должна кое-что изучить, – возбужденно произнесла Клара и добавила:

– Это важно.

– Хорошо, хорошо, не буду тебе мешать, – услужливо ответила Лиля и вернулась к кассе.

Прикрыв дверь подсобки, Клара продолжила чтение.

«Я лежала в своей юрте много часов, избитая, поруганная, сломленная. Любое движение приводило к невыносимой боли. В одно мгновение из рая я напрямик отправилась в ад (Интересно, почему я так часто говорю о рае и аде?). Голова раскалывалась от многочасовых рыданий. Тело ломало от побоев, под левым глазом стремительно набухал кровоподтек, но больше всего болела душа. Я не знала, что мне делать. Как сказать Тихоне? Не знала, как посмотреть любимому в глаза. Я чувствовала на своем теле грязь, которую невозможно смыть водой и отскоблить мочалкой. В первую же разлуку с любимым я отдала свое тело на поругание.

Начало светать, и я услышала лошадиный топот. Сердце забило так быстро, что казалось – еще мгновение, и оно вырвется из груди. Тихоня спрыгнул с лошади и зашел в юрту. Мне был слышен каждый его шорох. Я лежала, свернувшись калачиком, прикрывая лицо руками. Зашелестел бумажный сверток. Он подошел ко мне и лег рядом, хотел обнять за талию, но я сильно дернулась и заплакала. Тихоня спросил, что случилось, но мой плач перешел в истерику и он вскочил на ноги, попытался меня развернуть и увидел кровоподтек под глазом. Он встал как вкопанный и через минуту спросил, кто это сделал. Я не отвечала. Мне стало страшно: впервые я поняла, насколько мы оба беззащитны и уязвимы

в этой ситуации. Мы оказались среди людей, у которых нет ни чести, ни принципов, ни совести.

В горячке Тихоня выскочил из юрты и побежал искать Жанабая, но того и след простыл. Он сбежал сразу после содеянного, прихватив с собой добычу дружков и мое приданое. С этого момента Жанабай преследовал нас многие годы: меня во снах, а Тихоню – в желании отомстить.

Через несколько часов Тихоня успокоился, вернулся в юрту, аккуратно распахнул чапан и осмотрел мои раны. Я плакала, закрывая от стыда свое лицо. В полном молчании он нагрел воду, снял с меня разорванную и окровавленную одежду, промокнул полотенце и стал осторожно прикладывать его к синякам и царапинам. Его тихие соленые слезы периодически капали на мое тело, а лицо то и дело искажалось в злобной гримасе. В тот момент я вспомнила про схожий случай, когда Тихоня омывал мои раны после побоев мачехи. Вспомнила наш первый поцелуй. Теперь все было по-другому.

После этого он надел на меня новое платье, которое привез в бумажном свертке (это был его подарок), и заставил меня подняться. Платье было таким красивым, а его прикосновения – такими нежными и родными, что я на мгновение забыла о разыгравшейся драме и улыбнулась. Тихоня посмотрел на меня и твердо сказал: «Большие никто не посмеет тебя обидеть».

В ту же ночь мы сбежали с пастбища. К утру мы добрались до автобусной станции, денег хватило только на билеты. Хотелось есть, все тело ныло, а на душе скреблись кошки. Я боялась всего: что нас настигнут его дружки и потребуют вернуть долг, ведь Тихоня так и не выполнил их уговора; что у нас проверят документы, а паспортов у нас не было, нам обоим еще не исполнилось шестнадцати. С этого дня в моей душе поселился страх. Страх потерять Тихоню – единственного человека, которого я любила, единственного, кто не предал меня, кто старался сделать меня счастливой; другие даже не пытались.

Автобус довез нас до Усть-Каменогорска. По словам Тихони, его тетка жила рядом со швейной фабрикой и могла нас приютить на несколько дней, пока мы не решим, что нам делать дальше. Пока мы шли по городу, на нас оглядывались местные жители. Подростки в одежде, которая подходила для сельской местности, но никак не для города, вдобавок мой синяк предательски выглядывал

из-под платка... Уже темнело, когда мы подошли к дому его тетки. Тихоня постучал, залаяла собака и на шум вышла женщина. Она спросила: «Кто там?», и когда Тихоня ответил, по ее тени я поняла, что она замерла и не двигалась. Наконец, она пришла в себя и распахнула ворота. Это была невысокая женщина лет сорока, лицо ее было испуганным и бледным. Она не знала, как на нас реагировать, в ее взгляде читался неподдельный страх. Это было, по меньшей мере, странно. Собака словно обезумела, лаяла без остановки. Атмосфера с каждой секундой накалялась. И тут Тихоня, как ни в чем не бывало, улыбнулся, обнял тетку и поздоровался, сказал, что в городе проездом и ему нужен ночлег. Она перевела взгляд на меня и еще больше ужаснулась, но меня это как раз не удивило. Левый глаз весь заплыл, и как бы я ни маскировалась, синяк все равно был виден.

Ночь мы провели в ее гостиной, а наутро она попросила меня помочь ей с завтраком. Она поинтересовалась, что со мной случилось, и я ответила, что на меня напали грабители. Мой ответ ее не удивил и она, многозначительно покачав головой, прошептала мне на ухо: «Беги от него, пока не поздно». Конечно, я ничего не сказала Тихоне – и без того на нас свалилось много проблем.

Тихоня ушел, сказав, что ему нужно немного подзаработать, и мы с его теткой остались одни. Ее звали Светлана, но знакомые называли ее Злата – за необыкновенной красоты длинные волосы золотистого оттенка. Это была симпатичная женщина с курносым носом и заводным характером. Домик, в котором она жила, был маленький, но уютный и состоял из трех комнат: кухня-прихожая, гостиная, в которой еле помещался диван с обеденным столом, и спальня. Светлана работала на швейной фабрике бригадиром. Давно развелась, детей у нее не было.

Тихоня вернулся поздно ночью, когда я уже засыпала. От него пахло спиртным и табаком. Он сказал, что ему нужно уехать на пару дней. От страха его потерять я начала причитать, просить его не уезжать, но все тщетно. Он был упрямым, как осёл. Всю ночь мы проговорили, под утро я заснула, а когда проснулась, его уже не было. Тетка сказала, что он уехал на такси на железнодорожную станцию.

Его не было неделю; когда он вернулся, при нем была большая по тем временам сумма денег и чемодан с разными ценными вещами. На вопросы, где он взял вещи и деньги, он многозначительно ответил: «Заработал». Его тетка после этого дня стала мрачнее тучи. В отличие от меня, она отчетливо понимала, что происходит.

Не прошло и недели, как он снова засобиравшись в поездку. И снова мы проговорили всю ночь. Он строил грандиозные планы, хотел скопить денег на собственный дом и большой сад. Мечтал о большой семье и о том, чтобы мы никогда не разлучались. Говорил, как он меня любит, как много я для него значу, что ради меня он горы готов свернуть. Наивность и любовь затмили мне глаза, я была на седьмом небе от счастья. На следующий день он уехал, и мы вновь с его теткой остались одни.

Тот судьбоносный день я помню детально. Было воскресенье. Тетка была выходная, разложила на столе выкройку и большие лоскуты ситца в цветочек. Она сказала, что будет шить себе сарафан. Проворными движениями Светлана раскроила материал, наметала стежки и села за швейную машинку с ножным электрическим приводом. При этом она напевала мелодию «Старый клен» из популярного тогда кинофильма «Девчата». Я села рядом и внимательно следила за ее действиями. Ее правая нога нажимала на педаль электропривода, а руки опытными движениями направляли ткань вдоль строчки. Видимо, мое изумленное лицо привлекло ее внимание, и она улыбнулась. Я улыбнулась ей в ответ – так между нами воцарился мир, раз и навсегда.

В этот день в моей жизни произошли два знаковых события. Первое – благодаря Светлане я научилась шить. Взяв в руки ткань и иглу, я почувствовала, что хочу заниматься этим всю жизнь. Второе же событие было не таким радужным. Когда солнце начало опускаться за горизонт, в ворота громко постучали, и мы обе вздрогнули. Это была милиция. Участковый быстро прошел в дом и о чем-то долго шептался со Светланой на кухне. Он ее знал и, по-видимому, уважал, поэтому и пришел предупредить. Когда он ушел, Светлана вошла в гостиную вся бледная и растерянная.

«Петра забрали в милицию за кражу на рынке», – тихо произнесла она и, плача, опустилась на диван.

Помню свою реакцию: я не могла поверить ее словам. Я сказала, что это какая-то ошибка. Тогда я даже не подумала связать предыдущую историю с чемоданом с кражей на рынке.

Светлана сказала, что мне лучше остаться дома, чтобы не привлекать к своей персоне внимание милиции. Обезумевшая, в отчаянии я металась два часа от одного окна к другому. Светлана вернулась за полночь».

– Так вот чем ты занята!

Голос Аркадия эхом отразился от стен подсобного помещения, что придало ему угрожающее звучание. От неожиданности Клара вздрогнула и соскочила с табуретки. Дневник скатился с колен на пол.

– Тебя не было дома полдня, я думал, ты занята чем-то важным, а ты сидишь в подсобке и читаешь записки незнакомой женщины!

Лицо мужа было красным от гнева – он так разгорячился, что не смог сдержаться даже при посторонних. За его спиной Клара увидела испуганное лицо дочери и вспомнила, что она должна была сегодня забрать ее из школы. Взглянув на часы, она поняла, что опоздала на два часа.

– Прости, я совсем забыла про Полю, – попыталась успокоить она мужа.

– Забыла?! – заорал Аркадий. – Она забыла! Ребенок прождал тебя в вестибюле целый час. Мне пришлось срываться с совещания и бежать в школу. Мы думали, что с тобой что-то случилось. Обзвонили все больницы. В последнее время от тебя можно ждать чего угодно!

– Не надо так сгущать краски. Не кричи. Ты напугаешь ребенка.

– Она и так напугана! Она битый час бегает по городу с отцом и ищет свою мать, – выпалил Аркадий с нарочитым драматизмом.

– Вы могли сразу приехать сюда, зачем бегать по городу? – теперь уже Клара начала заводиться.

– Мы приезжали! Здесь было закрыто!

– Мы посмотрели через окно, тебя не было видно, и мы уехали, – пояснила Полина дрожащим от волнения голосом.

Послышалось нервное покашливание Лили, она выглянула из-за спины Аркадия и виноватым голосом произнесла:

– Я выходила на обед, о чем тебя предупредила, но ты была так занята чтением, что даже голову не подняла. Я решила закрыть магазин и сбегать быстренько домой перекусить.

Клара обомлела: она даже не слышала, как подруга заглядывала в подсобку.

– Хорошо, я признаюсь, что немного переборщила. Прошу прощения, – виновато произнесла она.

Аркадий метнул на нее гневный взгляд.

– Пойдем домой! – приказным тоном произнес муж, взял за руку дочь и направился к машине.

Клара подняла с пола дневник, сложила его в сумку и покорно поспешила за семьей.

Весь оставшийся вечер Клара помогала мужу собирать вещи и раскладывать их по коробкам. Настроение Аркадия осталось прежним, он ходил по квартире угрюмый и отстраненный, а Клара даже не пыталась с ним объясниться. Сбор вещей вызвал у нее приступ депрессии. Душа разрывалась на части. С одной стороны, ее беспокоило будущее бизнеса и проблемы подруги. С другой, ей нужно было обустроить семью на новом месте и не доводить до конфликта ситуацию с переездом. Еще эта история Тамары и Тихони не давала ей покоя... В итоге она решила, что ничего предпринимать не будет – пусть все идет, как идет. Если события сложатся так, что кроме переезда ей ничего не останется, значит, так тому и быть – она уедет.

Кто-то из соседей забарабанил по батарее. Аркадий посмотрел на часы, устало выдохнул и сказал:

– Уже половина одиннадцатого. Продолжим завтра утром. Я выпью пива и спать. Надеюсь, сегодня ты ляжешь спать в спальне?

Вместо ответа Клара отрицательно помотала головой и пошла на кухню, сварила себе кофе и хотела уже открыть дневник, но услышала настойчивый звонок в дверь. Полина уже спала, и Клара испугалась, что незваный гость разбудит дочь.

Дверь открыл Аркадий. Клара вышла следом за ним в коридор и увидела Уварова. Рядом с ним стоял незнакомый мужчина в черном костюме и сером плаще.

– Добрый вечер, у нас есть к вам несколько вопросов, вы не возражаете, если мы войдем? – спросил официальным тоном следователь.

Аркадий отступил в холл и пропустил Уварова и его коллегу в квартиру.

– Все, что я знала, я вам сказала. Мне нечего добавить, – сухим тоном произнесла Клара.

С мрачным лицом муж ушел на кухню, и Клара услышала звон пивных бутылок.

– Клара Владимировна, это следователь Коваленко, ему передали дело Тихонова, – деловито представил коллегу Уваров.

– Очень приятно, – еще более сухо произнесла Клара и отступила в сторону, чтобы настойчивые гости смогли разуться. – А до завтра это подождать не может? У нас только что уснула дочь.

– Нет, – небрежно бросил второй следователь.

Коваленко был полной противоположностью Уварова: заляпанный кетчупом костюм, сальные волосы и дурные манеры; его голос звучал с вызовом и надменностью, а реакция Клары его заметно раздражала.

Клара не знала, что делать: гостиная была заполнена коробками и упакованной мебелью, на кухню их тоже нельзя было пригласить – на столе лежал дневник. Кабинет был рядом с детской – услышав голоса, Полина могла проснуться. Пока она размышляла, Аркадий выглянул из кухни и пригласил их войти. Он протянул следователям по бутылке пива и сказал:

– Служителям закона тоже нужно время от времени расслабляться.

Гости не стали возражать и расположились за столом. Коваленко и Аркадий перебросились общими фразами о переезде. Клара не сводила глаз с Уварова. Он снял пиджак, повесил его на дверную ручку и сел за стол.

– Так чем обязаны? – более официально спросил у гостей Аркадий.

Коваленко откашлялся и быстро произнес:

– Мы получили новую информацию и решили заново допросить вашу супругу.

– Какую информацию? – насторожился Аркадий и поставил недопитую бутылку пива на стол.

Коваленко рассказал то, что Клара уже знала: тело утопленника исчезло, по снятым отпечаткам в квартире было выяснено, что «утопленник» принимал участие в ограблении. Далее Коваленко показал фотографию настоящего Тихонова. Это была черно-белая фотография с камеры, установленной на паспортном контроле в аэропорту. На ней был изображен высокий мужчина пятидесяти лет со светлыми кудрявыми волосами.

Уваров положил фотографию перед Кларой и, показывая на руку Тихонова, спросил:

– Вы утверждаете, что именно этот человек был на пляже в день своего самоубийства?

– Да, – подтвердила Клара.

Она сказала абсолютную правду: действительно, это был тот самый человек, которого она видела на пляже.

– Посмотрите еще раз, это очень важно, – грубо произнес Коваленко, – это точно тот самый человек, который утопился на ваших глазах?

Аркадию его тон не понравился и он тут же встал на защиту жены.

– Если моя жена говорит, что это тот человек, значит, так оно и есть.

– Да. Это тот самый человек, – еще раз подтвердила она.

Уваров открыл ноутбук и показал Кларе запись с камеры наблюдения. На ней было четко видно, как Тихонов подошел к таможенному посту аэропорта и предъявил паспорт. Затем он прильнул к окошку, вслушиваясь в вопрос офицера, и что-то ответил. Далее ему вручили проштампованный паспорт, он поднял сумку с пола и направился к выходу в город.

– Это он? – спросил Уваров.

Клара чуть не подпрыгнула.

– Да! Вот посмотрите, как он делает левой рукой, – показала Клара на характерный жест Тихонова и повторила движения. – Так же он делал на пляже, когда входил в воду.

Уваров тяжело вздохнул и закрыл ноутбук. Клара поняла, что своим ответом спутала им версию расследования.

– Видите ли, Клара Владимировна, на пляже погиб не тот человек, что на этой записи.

– А значит, и пропавшее тело не принадлежало Тихонову, – многозначительно добавил Коваленко.

– Как это? – удивилась Клара.

Коваленко разложил перед ней новую стопку фотографий и прокомментировал:

– Вот эти фотографии мы сделали на пляже, а вот эти – в морге при оформлении покойного.

На фото был запечатлен брюнет лет сорока с широкими скулами.

– То есть мы правильно вас поняли: Тихонов вошел в воду, но вытащили совсем другого человека? – спросил заинтригованный Аркадий.

– Это мы и пытаемся выяснить, – ответил Коваленко и взглянул на Клару.

Внимательно осмотрев все фотографии, Клара подняла на следователей растерянный взгляд.

– Когда утопленника вынесли из воды, – начала вспоминать Клара, – его сразу окружили люди, потом подбежали врачи скорой помощи. Я не видела, кого конкретно вынесли, да и не горела желанием смотреть.

– Интересное у нас кино получается! – воскликнул Уваров и хлопнул себя по коленям.

– А что говорят те, кто вытащил труп из воды? – спросил Аркадий. – Они опознали Тихонова?

– Нет, – ответил Уваров и показал на фото трупа сорокалетнего брюнета. – Все свидетели опознали вот этого человека.

– Кстати, при первичном осмотре патологоанатом сказал, что тело пролежало в воде минимум шесть часов, что сразу не вязалось с показаниями вашей жены, – язвительно произнес Коваленко.

Клара испуганно посмотрела на мужа.

– Но ведь она не одна его видела. На пляже были еще двое мужчин, – напомнил Аркадий.

– Двое алкашей, которые не могут толком вспомнить, что было до того, как они попали в воду. Но они точно помнят, кого вытащили, – ответил Коваленко.

Уваров не сводил взгляда с Клары. В этом взгляде одновременно читались подозрение и любопытство, симпатия и желание защитить.

– Я даже не знаю, что вам на это ответить, – с потрясенным видом произнесла Клара, – кроме того, что уже говорила несколько раз, мне нечего больше добавить.

Коваленко хотел возразить, но Уваров еле заметно дотронулся до его локтя и сказал:

– Лады. Давайте продолжим наш разговор в следственном управлении. Послезавтра вас устроит?

– Мы послезавтра уезжаем, – обеспокоено сказал Аркадий.

– Вот как? – с наигранным удивлением произнес Уваров. – Жаль, но это невозможно. Ваша жена является важным свидетелем в расследовании и не может уехать из города.

«Что ты задумал?» – мысленно спросила Клара. Она поняла, что Уваров ведет собственную игру. У Клары затеплилась надежда, что у нее будет повод остаться, но Аркадий тут же спустил ее на землю.

– Она не подозреваемая, а как свидетель, показания она уже дала. У вас есть наши контакты, и при случае вы сможете задать ей любые вопросы. Если понадобится, она даже сможет приехать в Сочи, но вопрос с переездом решен.

Коваленко собирался что-то сказать, но Аркадий жестом показал, что он не закончил.

– Если же вы намерены чинить нам препятствия, то будете иметь дело с моим адвокатом, – сухо произнес он, жестом указав на холл и надменным тоном добавил: – Спокойной ночи.

Проводив следователей, Аркадий вернулся на кухню и одарил жену испепеляющим взглядом. Клара стояла к нему спиной и в поиске дневника открывала поочередно дверцы шкафов кухонного гарнитура.

– Куда ты спрятал дневник? – спросила она, услышав его шаги.

– Это единственное что тебя сейчас интересует? – язвительно спросил муж и скрестил руки на груди.

– Нет, но тетрадь тоже важна.

Аркадий подошел к холодильнику, на котором стояла большая коробка с посудой, и вынул из нее бордовую тетрадь. Он с размаху бросил ее на стол и вопросительно посмотрел на жену.

– Теперь мы можем поговорить?

– Да, – спокойно ответила Клара и присела на край стула.

– Ты сговорила со следователем? – напористо спросил Аркадий.

– Какой вздор! – Клара вскочила с места, широко раскрыв глаза от удивления. – Зачем мне это делать?

– Чтобы не уезжать, – гневно заключил Аркадий и сжал кулаки. Клара заметила, как побелели костяшки его пальцев.

Клара знала: если муж вобьет себе какую-то мысль в голову, переубедить его очень сложно, поэтому постаралась заглушить нарастающую ярость и как можно спокойнее ответила:

– Если я не захочу ехать, я тебе скажу.

– Ты уже сказала! – парировал с ненавистью Аркадий. – Я ответил «нет», теперь ты сделала следующий ход.

– Не выдумывай, – произнесла она еще на тон тише. – Это не шахматная партия, а наша жизнь. Я этого следователя знаю так же, как и ты. И я не буду опускаться до такой низости, которую ты предположил. Ты это знаешь, но все равно меня обвиняешь.

– Я не знаю, что от тебя ожидать. Последние дни показали, что ты можешь быть совсем не такой, какой казалась мне все предыдущие годы.

Клара подняла глаза и пристально посмотрела на мужа. В ее взгляде читалась тревога: она любила Аркадия, но ситуация с новым назначением окончательно вбила между супругами клин.

– Я все та же, что и раньше. Просто известие о переезде и смерть человека на моих глазах сделали нашу жизнь немного нервной. Скоро все закончится и будет как прежде.

Клара тут же поймала себя на мысли, что сама не верит в то, что говорит. Как прежде уже никогда не будет: они пересекли невидимую черту, за которой осталась точка невозврата.

Аркадий сделал глубокий вздох и тихо произнес:

– Я надеюсь на это. – Вставая из-за стола, он добавил: – Думаю, глупо спрашивать, что ты сейчас собираешься делать...

Она еле заметно кивнула и виновато склонила голову.

– Я так и думал, – процедил он сквозь зубы и, покидая кухню, демонстративно с шумом захлопнул дверь.

Клара сделала несколько глотков остывшего кофе и с облегчением выдохнула. День выдался тяжелым, она устала физически и эмоционально, лечь спать было бы самым разумным решением, но исповедь Тамары тянула ее к себе с невероятной силой. Она придвинула дневник и, открывая страницу, на которой ее прервали в подсобке магазина, вспомнила лицо Аркадия, заставшего ее за чтением. Мелькнувший образ заставил ее содрогнуться. Столько ненависти и злобы!

«Светлана вернулась за полночь и сказала, что Тихоня украл сумочку жены партийного чиновника. Даже ее одноклассник, их участковый, не смог ей помочь.»

Ситуация была безнадежной, Тихоне грозил тюремный срок. Светлана вынесла из спальни чемодан с вещами, который принес Тихоня, и мы поспешно отнесли его на помойку, которая располагалась за два квартала от ее дома. Почти всю ночь я проплакала, думая о своей жизни. Я только обрела любовь, а судьба так безжалостно ее отнимала.

Рано утром пришли с обыском. Вызвали соседей в качестве понятых и перевернули весь дом вверх дном. От страха я забилась в угол в гостиной и сидела там без движения несколько часов, пока из дома не вышел последний непрошенный гость.

Несколько раз следователь вызывал Светлану на кухню и подробно расспрашивал о племяннике. Когда приехал, с кем приехал и чем занимался все две недели. Я благодарна Светлане: она не сказала, что Тихоня привез меня с собой. Если бы она проболталась, меня в тот же час отправили бы к мачехе.

Она сказала, что я дочь ее подруги, которая лежит сейчас в больнице, и поведала слезную историю о том, как меня и мою маму сбила машина. Во время рассказа следователь внимательно наблюдал за мной из кухни и в конце спросил: «А не та ли это девка, с которой он приехал?» Светлана звонко засмеялась и махнула на него рукой. «Скажете вы тоже. У моего племянника если и будет девка, то не такая, как эта». Следователь со знанием дела кивнул и ухмыльнулся.

Постепенно на меня вообще перестали обращать внимание, и я невольно подслушала разговор двоих следователей. По их словам Тихоня был профи, на дело пошел не один, но упорно это отрицал. Прокурор предложил ему сделку, либо он сдает подельников и выходит сразу по УДО, либо тянет срок один и на полную катушку. В моем сознании проблеснул лучик надежды, может Тихоня образумится и сдаст тех людей, которые так бесчеловечно его подставили. А что его подставили, я даже не сомневалась. Сама идея, что Тихоня может быть вором, отвергалась мною молниеносно.

Обыск закончили ближе к вечеру. Напряжение отпустило, и мы со Светланой просидели на кухне за разговорами несколько часов. Светлана причитала о том, что это большой позор для ее семьи, что милиция непременно сообщит ей на работу и ее могут сместить с бригадирской должности. Как могла, я утешала ее, но что могла ей сказать неопытная пятнадцатилетняя девчонка?

Я рассказала ей о подслушанном разговоре двух милиционеров, и на следующий день она пошла поговорить с Тихоней. Меня она наотрез отказалась брать с собой. Как же я тогда переживала, мне казалось, если я не увижу Тихоню, то умру от тоски! Снова мучительное ожидание, и снова я металась от одного окна к другому.

Светлана вернулась злая и раздраженная. Она ничего мне в тот день не сказала, хотя я в своих расспросах дошла почти до истерики. Сидела, уставившись в одну точку, и не шевелилась. По ее лицу я поняла, что произошло что-то страшное и жуткое, отчего сама испугалась, забилась в угол и проплакала до утра.

Утром Светлана сама позвала меня и попросила сесть рядом. Она сказала, что Тихоня отказался сдать подельников, поэтому скоро будет суд и Тихоня сядет на большой срок. Она точно знала, что это не год и не два. Посмотрев на меня, она вытерла слезы и спросила: «Что ты будешь делать, если его посадят?» Ни минуты не раздумывая, я ответила: «Буду ждать». Светлана кивнула головой, скорее машинально, чем в знак одобрения, и больше мы эту тему не поднимали.

С этого дня за нашим домом следил какой-то худощавый паренек в кепке. Он периодически появлялся около ворот и частенько заглядывал в окна, нагоняя на нас страх. Светлана периодически хваталась за сердце и громко вздыхала. С каждым днем я чувствовала себя все хуже и хуже. Меня постоянно мучило и преследовало чувство тревоги.

На суд приехала мать Тихони, загадочная и молчаливая женщина. Ее звали Екатерина. Она была полной противоположностью своей сестры, носила черные длинные платья и была очень набожна. Перед едой она крестила пищу и читала молитвы. Светлана относилась к ней с большим терпением и почитанием. Между собой они периодически обменивались красноречивыми взглядами. И мне с первой минуты стало понятно, что у них есть тайна, которую они тщательно от меня скрывают. Со мной Екатерина почти не общалась, но не потому, что я ей не нравилась, а потому, что была убеждена: я – очередная жертва Тихони. Почему очередная, она не объяснила, но я-то точно знала, что у Тихони я была первой девушкой. До меня он ни с кем не встречался.

День суда я помню до мелочей, хотя это было почти сорок лет назад».

Далее Тамара описывала судебный процесс, свои терзания по поводу невинно загубленной молодой жизни Тихони и страх о его пребывании в тюрьме. Клара мельком просмотрела записи и, убедившись, что в них нет никакой ценной для следствия информации, пролиставла несколько страниц вперед. Затем посмотрела на часы и, спрятав дневник в сумку, отправилась спать.

Глава четвертая

Кража

Рано утром позвонила Лиля и предупредила, что не сможет сегодня открыть салон. Голос у нее был нервный, настроение подавленное, поэтому Клара сразу поняла, что у подруги случилось что-то серьезное, но Лиля категорически отказывалась обсуждать причину по телефону.

Клара попросила мужа отвезти Полину в школу, что вызвало у него очередную бурю недовольства, которую она выдержала с большим трудом. По дороге в цветочный салон у нее было время подумать и оценить создавшуюся в семье ситуацию. Атмосфера между супругами так накалилась, что, казалось, одна искра – и вспыхнет пожар, в котором сгорит последняя надежда на примирение.

Перед магазином Клара с удивлением обнаружила припаркованный автомобиль Уварова. Тот сидел за рулем и пролистывал рекламу автомобилей. Увидев Клару, он резко выскочил из машины и побежал ей навстречу.

– Мое почтение! Хорошо выглядите! Как у вас дела? – нарочито бодро спросил следователь.

Клара не разделяла его энтузиазма от встречи, сейчас ей хотелось только одного – открыть магазин и продолжить чтение дневника. Она одарила его тяжелым взглядом и даже не поздоровалась. Справившись с заедающим замком, Клара распахнула дверь магазина, набрала код сигнализации и перевернула дверную табличку с надписью «открыто».

– Что вы здесь делаете? – недовольно спросила она и, передразнивая манеру следователя, добавила: – Появились новые улики и вам снова нужно меня допросить? Теперь уже с пристрастием?

Не обращая внимания на ее недовольство, Уваров зашел следом и, облокотившись о прилавок, сказал:

– Мы вчера без предупреждения ввалились к вам в дом. Я хотел вам сказать, что это была не моя идея.

– Правда? – ехидно произнесла Клара и, взглянув на взъерошенные волосы и мятую рубашку следователя, добавила: – А вот вы плохо выглядите, как после бурной ночи.

Не сводя с Клары взгляда, Уваров пригладил волосы.

– Я еще не был дома, ночка действительно выдалась бурной. Мы продвинулись по делу Тихонова.

– Правда? – без особого любопытства спросила Клара.

– А вы не хотите пойти куда-нибудь выпить кофе? – завел старую пластинку Уваров.

– Нет. Я должна быть в магазине, и это место вполне подходит для разговора, – категорично заявила она.

Уваров посмотрел по сторонам, как будто боялся случайных свидетелей, и потянулся в потайной карман куртки.

– Про это родимое пятно вы говорили? – спросил он, протягивая ей фото.

На фотографии был изображен Тихонов в возрасте примерно сорока лет. В кадр попала правая рука, в которой он держал сигарету. На руке отчетливо виднелось родимое пятно в виде полумесяца, которое с четырех сторон окружали точки, похожие на звезды. Клара оживилась.

– Да, это оно.

– На мой взгляд, это не родимое пятно, а татуировка, – неуверенно предположил Уваров. – Полумесяц растущей луны, окруженный четырьмя звездами. Я уже где-то видел ее недавно.

– Ну, я не эксперт, мне показалось, что очертания не такие ровные, как на тату, поэтому я и подумала, что это родинка, – выкрутилась Клара. Ей уже и самой стало противно от того, что она скрыла дневник Тамары и теперь приходится постоянно врать следователю, что невероятно выматывало.

– Смотря где делали татуировку. Ее мог сделать не профессионал.

Зазвенел колокольчик на двери, Клара подняла глаза от фотографии и увидела высокую женщину лет пятидесяти. Она приветливо поздоровалась, пытливо осмотрела все букеты из роз в витрине и попросила завернуть один из них. Клара вошла в холодильник-витрину и вынула из пластикового вазона алый букет. Расплатившись, женщина поспешно вышла из магазина, оставляя после себя шлейф терпких духов.

– Я вспомнил, где уже видел этот рисунок! – воскликнул Уваров и постучал указательным пальцем по фотографии.

– И где же? – заинтересовалась Клара. После первой покупательницы ее настроение немного повысилось.

– В квартире, которую снимал Тихонов, – взволнованно ответил следователь, – рисунок лежал в книге. Я его там и оставил. Черт! Сегодня в квартиру должны были въехать новые жильцы!

Следователь бросился к выходу, чуть не сбив с ног входившую в магазин Лилю. Вид у нее был еще хуже, чем голос по телефону.

– Ой, извините, – неловко пролепетал Уваров и побежал к машине.

Лиля зашла в магазин, сухо поздоровалась и, не поднимая глаз на подругу, положила сумку в подсобку. Клара молча наблюдала за ней, давая возможность адаптироваться. По глазам подруги было заметно, что она долго плакала. Ее губы были плотно сжаты, подбородок дрожал.

Лиля прошла к неразобраным упаковкам с цветами и начала собирать композиции. Движения ее были резкими, цветы в руках ломались, поэтому Клара решила ее остановить:

– Лиля, перестань. В таком настроении нельзя работать с цветами. Что случилось? Сядь, поговори со мной.

Подбородок задрожал еще сильнее и из последних сил Лиля тихо произнесла:

– От меня ушел муж.

– Как ушел? – не поняла Клара и округлила глаза от удивления.

– Вчера ночью.

Клара взяла подругу за руку и потянула к стулу.

– Присядь, расскажи, что произошло.

Лиля опустила на стул и, собравшись с силами, начала рассказывать:

– Он пришел в семь часов вечера... – громкий всхлип, – сразу после того, как я вернулась с работы, как будто поджидал меня где-то рядом. Был немного выпивши... Видимо, принял для храбрости, – Лиля закатила глаза к потолку,

несколько секунд боролась с подступающими слезами, а потом выпалила на одном дыхании: – С порога заявил, что любит другую, и попросил развод.

– Боже мой, – невольно вырвалось у Клары.

Лиля разразилась слезами. Клара сжимала ее руку и терпеливо ждала, когда подруга успокоится.

– Я сразу поняла... – Лиля высморкалась и продолжила, – что она ждет его где-то рядом. Видимо, в машине. Он не раздевался, только куртку сбросил, и стал быстро собирать вещи.

– А ты что?

– Сидела и тарасилась на него, как идиотка. Не могла даже пошевелиться. Ты же понимаешь, что его роман был для меня не новостью, но к тому, что он уйдет из семьи, я была совершенно не готова.

– А как же ребенок?

– Он не знает про беременность, – сквозь зубы произнесла Лиля.

– Как не знает? Ты не сказала ему? – удивилась Клара.

– Нет. А зачем? Он уже сделал выбор. Ребенком мужика не удержишь, если только на время.

Клара знала Лилю больше двух лет и была удивлена реакцией подруги. В семье доминировал муж, Лиля постоянно ему уступала, оправдывая себя шуткой «любовь зла – полюбишь и козла». А сейчас даже не сказала мужу про беременность...

Лиля тяжело вздохнула и добавила:

– Моя душа сейчас как выжженная степь. Ничего в ней нет, ни хорошего, ни плохого. Постоянно перед глазами стоит его лицо. Оно было таким чужим, как будто мы и не жили вместе вовсе. Глаза от меня стыдливо прячет, под воротником засос, пропах весь термоядерными духами, будто она его специально из флакона поливала. Где мне взять силы, чтобы все это выдержать?

Лиля закрыла лицо руками и заплакала. Клара опустила ей руки на плечи и сказала:

– Если тебе поможет, я могу пожить у тебя пару недель, пока ты не придешь в себя.

– А как же твой переезд?

– Думаю, что Аркадий поймет меня, – с надеждой в голосе произнесла Клара, хотя сама мало верила в то, что говорила.

Вернувшись домой после рабочего дня усталой и опустошенной, Клара прошла на кухню и положила на кухонную столешницу большую коробку пиццы, от которой исходил приятный аромат сыра и базилика. Кроме кухонного гарнитура в комнате ничего не было. Переезд снова дал о себе знать, от чего тоска накатила с удвоенной силой.

Клара с грустью подумала, что в этой квартире она впервые почувствовала себя хозяйкой, с большим энтузиазмом сделала ремонт и выбрала мебель. Здесь они с Аркадием многое пережили. Ей вспомнилось, как Полина часами стояла перед эркерным окном в гостиной, когда заболела ветрянкой, и с завистью наблюдала, как играют на детской площадке ее новые друзья. А сама Клара после того, как попала в аварию два года назад, облюбовала балкон, где по вечерам сидела в

кресле-качалке с загипсованной ногой. С минуту она растерянно озиралась по сторонам, сердце защемило и на глаза тут же навернулись слезы.

В этот момент Полина выбежала из своей комнаты, в считанные секунды преодолела коридор и бросилась к ней в объятия. Вид у нее был счастливый и восторженный.

– Мамочка! Папа сказал, что я буду ходить в музыкальную школу в Элисте!

– Правда? – отозвалась Клара, украдкой смахивая слезы. – А ты сама-то хочешь этого? Придется делать много уроков. Появятся новые предметы, ты осилишь?

– Да! Да! Да! – запрыгала Полина и начала кружиться.

Девочка проскакала на одной ноге до гостиной и тут же вернулась. Клара с умилением наблюдала за дочерью. Утреннее дурное настроение отступило.

– А где папа?

– Он в кабинете, говорит с кем-то по телефону, – весело ответила дочь.

Клара раскрыла коробку с горячей пиццей и сказала:

– Зови его, будем есть пиццу, пока не остыла.

– Ура! Пицца! – радостно закричала Полина и побежала в кабинет к отцу.

Ей навстречу вышел Аркадий и, схватив дочь на руки, понес на кухню. Она обвила его шею своими маленькими ручками и смачно поцеловала в щеку. От такой идиллии Клара расплылась в улыбке и почувствовала себя виноватой – то, что всех радует, у нее вызывает отчуждение. Аркадий наградил жену сдержанным поцелуем и скомандовал дочери:

– Марш мыть руки.

Полина побежала в ванную.

– Пицца подоспела в самый раз. Мы проголодались.

– Я смотрю, у вас у обоих хорошее настроение.

– Да. Я записал Полю в музыкальную школу, договорился с консьержкой, чтобы она время от времени присматривала за ребенком. Она предложила свои услуги по уборке квартиры и приготовлению еды. Я сказал, что мы с женой подумаем.

После ужина Клара убрала мусор и помогла мужу запаковать оставшуюся мебель. Весь вечер Аркадий шутил, говорил о будущем и делился своими планами в новой должности. Клара натянуто улыбалась и в знак одобрения кивала. Она никак не могла улучшить момент, чтобы рассказать ему о Лиле.

Уложив дочь спать, она вошла в спальню и увидела Аркадия на кровати. Он лежал в пижамных брюках, облокотившись на мягкую стеганую спинку кровати, и просматривал почту на ноутбуке.

– Аркаш, мне нужно с тобой поговорить, – мягко начала она.

Лицо мужа сразу напряглось, и он пронзил ее недоверчивым взглядом.

– От Лили ушел муж.

– Иди ты! – удивленно бросил он, облегченно вздыхая от мысли, что разговор пойдет не о переезде, и тут же отложил ноутбук в сторону.

Немного сгустив краски, Клара рассказала мужу о трагедии подруги, о ее беременности и в конце произнесла:

– Не знаю, что делать, Лиля – моя единственная подруга. У нее трагедия, а тут еще наш отъезд и мы оставляем на нее магазин. Сегодня она еле отработала полдня. Я должна остаться с ней хоть на несколько дней. Не могу бросить ее одну в таком состоянии.

– Да, ситуация сложная, – согласился Аркадий и нахмурил брови.

Он немного подумал и спросил:

– Ты можешь набрать ее номер?
Клара опешила: он никогда раньше не общался с ее подругами.
– Да, – растерянно ответила она и пошла за своим мобильным телефоном.
Вернувшись в спальню, она протянула телефон, в котором уже слышались гудки.
– Алло, – послышался слабый голос Лили и Аркадий перевел на громкую связь.
Он вежливо поздоровался, справился о ее здоровье и сказал, что жена поведала ему о сложившейся ситуации. В трубке послышался громкий всхлип.
– Так значит, ты сейчас одна? – уточнил Аркадий.
– Да, – отрывисто ответила Лиля.
– У тебя есть кто-то, кто может тебя поддержать?
– Нет. После смерти родителей я одна на всем белом свете.
– Клара переживает за тебя, хочет остаться на несколько дней. Убедиться, что с тобой все будет в порядке.
– А ты не против? – настороженно уточнила Лиля, и Клара была готова расцеловать подругу за этот вопрос.
– Если тебе это поможет, то я согласен.
– Спасибо Аркадий, – с благодарностью отозвалась Лиля.
Аркадий поспешил попрощаться и протянул трубку жене.
– Что это было? – спросила Клара, показывая на телефон. – Ты решил убедиться, что я не вру?
– Да, – спокойно ответил Аркадий, – и пока ты не начала возмущаться, скажу, что ты можешь остаться у Лили, но не больше чем на неделю. За это время найди человека, который будет работать вместо нее в павильоне, а ее подготовь на свою должность. Она способная, быстро научится.
Клара шумно выдохнула и уставилась на мужа. Ей не верилось, что он отпустил ее без всяких оговорок.
– Я дал задание своему новому секретарю, а это, к слову сказать, мужчина, подобрать для цветочного магазина помещение в центре города с хорошей проходимостью. Когда ты приедешь, надеюсь, что у тебя будет выбор из нескольких вариантов.
– Хорошо, – ответила Клара. У нее уже не осталось сил на споры.
Аркадий закрыл ноутбук, похлопал рядом с собой по кровати и сказал:
– Иди ко мне, я давно не засыпал рядом с женой.
Клара решила не накалять обстановку – терпение мужа было безграничным, поэтому она кивнула головой и начала переодеваться ко сну.

В пятницу утром Клара проводила мужа и дочь в Элисту и решила пешком пройтись к своему магазину. На глаза наворачивались слезы: хоть она и была против переезда, но жить без мужа и дочери было невыносимо. Перед внутренним взором стояли озорные глазки Полины, которая воспринимала переезд как очередное приключение. Аркадий умолял Клару быть осторожной и при любых проблемах сразу же звонить. Прощание всем далось нелегко, и Клара в глубине души уже укоряла себя за то, что осталась в Сочи.
На перекрестке рядом с ней притормозила машина Уварова, и он махнул ей рукой.
– Доброе утро, – сказала Клара, открывая пассажирскую дверь.
– Салют, – отозвался следователь, – подвезти?

– Нет, спасибо, пройду пешком. Только что отправила семью, на душе тяжело, хочу проветриться.

– Садитесь, подвезу, – настойчивее предложил Уваров, – заодно расскажу, что я выяснил про рисунок.

«Любопытство сгубило кошку», – подумала Клара и без лишних проволочек села на переднее сиденье «Мерседеса».

Уваров потянулся на заднее сиденье, вынул из спортивной сумки книгу и протянул ее Кларе. Она прочитала название: «Тайные знаки древних цивилизаций».

– Рисунок внутри.

На табло светофора зажегся зеленый, «Мерседес» плавно тронулся в сторону цветочного салона. Клара открыла книгу и увидела набросок, сделанный синей шариковой ручкой на тетрадном листке в клетку. В центре рисунка располагался полумесяц, его окружали четыре звезды, по одной с каждой стороны. Она пролиставила книгу, но похожей картинке не нашла.

– Странно, что рисунок вложен в книгу с таким близким по теме названием, а ничего похожего на полумесяц в ней нет.

– Я тоже сначала так подумал, – многозначительно произнес Уваров.

Клара взглянула на него и с нетерпением спросила:

– А потом?

– Тщательно осмотрел книгу и увидел, что в ней нет двух листков. С двести сорок пятой страницы по двести сорок восьмую.

Клара пролиставила книгу и убедилась, что этих страниц действительно нет.

– Надо найти точно такую же книгу и посмотреть, что было на вырванных страницах, – взволновано предложила Клара.

– Уже, – довольным тоном произнес Уваров и улыбнулся.

Он вынул из внутреннего кармана куртки три сложенных пополам ксерокопии и протянул их Кларе.

– А сразу не могли их дать? – недовольно пробурчала она.

– Сразу неинтересно, – отшутился следователь.

Она вырвала из его руки страницы, быстро развернула и увидела точно такой же знак, как родимое пятно на руке Тихонова. Автор книги писал, что упоминание об этом знаке он нашел в четырех разных источниках. Он утверждал, что этот древний знак индейцы Майя относили к духу Луны, который был разлучен со своей возлюбленной грозным духом Солнца. Когда дух Луны сильно страдал и скучал по любимой, на Земле происходили катаклизмы, случались страшные землетрясения, наводнения и смерчи. Жрецы умели предсказывать эти события, и майя устраивали грандиозный праздник в честь духа Луны, принося в жертву молодых красивых девушек, дабы задобрить терзания духа по возлюбленной.

Также этот знак был найден при раскопках одной из египетских гробниц. Под ним было откровение, которое гласило, что на землю сходит дух Луны, обретает физическое тело и странствует в поисках любви. Если дух находит любовь, то на Землю проливается теплый дождь, если нет, то происходят страшные разрушения. Далее в книге повествовалось о том, что этот же знак упоминается в дамасских летописях. Эти летописи составил некий Ибн-аль-Амени, алхимик и исследователь древних пророчеств. Он принадлежал к древней и уважаемой дамасской семье, гордившейся своим происхождением от арабского племени тамимов. Ученые нашли в летописях упоминание о мощном землетрясении,

которое, по словам Ибн-аль-Амени, произошло из-за духа Луны. Больше двухсот тысяч человек погибло. Алхимик тоже упоминал о возлюбленной, с которой разлучили духа Луны. Возлюбленная была брошена на землю в наказание за свою гордыню, и каждый раз, когда она пытается воссоединиться с духом Луны, происходят природные катаклизмы – потому что душа ее так отягощена, что даже бесконечные воплощения в женских обликах не дают ей возможности очиститься.

Но самым подробным объяснением был рассказ одного журналиста, которому про знак духа Луны поведал тувинский шаман. Он утверждал, что в древности жила красавица по имени Тея. Она обладала уникальной красотой и сильно гордилась ею. Свое сердце она отдала духу Луны, и они скрепили свой союз клятвой, но однажды ее увидел дух Солнца и возжелал. Тея не просто отказала духу, а высмеяла его, и в отместку дух Солнца проклял ее и спустил на Землю в облики не приметной женщины. Сердце духа Луны наполнилось горем и печалью, после чего на Луне появились пятна. С тех пор дух Луны раз в пятьдесят пять лет, отправляет на землю своего посланника, который ищет возлюбленную, чтобы снять проклятье и вернуть любовь. Но поиски его из века в век напрасны – хорошо спрятана Тея, не найти ее духу, пока дух Солнца сам не простит обидчицу.

Шаман поведал журналисту, что лично встречался с посланником духа Луны и даже помогал в его делах. Посланник Луны находит свободное тело и воплощается в человека. Тувинец сказал, что дух Луны помечает своего посланника специальным знаком – полумесяцем. Затем дух Луны дает ему четыре знамения, и после этого он должен прибыть в святое место с Теей. Каждое знамение отмечается одной звездой вокруг Луны. Когда переход близок, вокруг полумесяца проявляются четыре звезды и окрашиваются в кровавый цвет.

Пока Клара читала, Уваров сверлил ее взглядом. Его чувства к женщине крепились каждым днем. Внутри все клочкотало от эмоций и раздиравших следователя противоречий. Одна его часть в отъезде мужа видела знак судьбы и не собиралась упускать момент, поэтому-то мозг лихорадочно придумывал варианты дальнейших событий. Другая часть говорила, что он не имеет морального права даже признаться ей в своих чувствах...

Клара еще раз внимательно рассмотрела рисунок и вспомнила, что в дневнике Тамара описывала только полумесяц на руке Тихони. Ни о каких звездах не упоминалось, а между тем на снимке, который показывал Уваров, было четыре звезды.

– Хорошая легенда, правда? – спросил Уваров и, останавливаясь перед цветочным магазином, добавил уже более томным голосом: – Романтическая.

Клара так не считала. Конечно, она не верила в духов Луны и Солнца, скорее, природным катаклизмам было другое объяснение, но то, что в отметине на руке кроется какая-то загадка, она не сомневалась. Интуиция подсказывала ей, что нужно хорошенько изучить этот знак и все, что с ним связано.

– Думаете, это просто татуировка? – спросила она.

– Знак могли выбрать случайно, он простой, без затей – луна, звезды. Может быть, так отмечали бойцов какой-либо банды, – предположил следователь, но тут же махнул рукой – эта идея ему самому не понравилась.

Клара знала, что Тихоня познакомился с Тамарой, когда ему едва исполнилось тринадцать, ни о какой преступной банде тогда речи не было. Он ходил в школу и бегал в рыбацкий домик к Тамаре.

Уваров остановил машину перед магазином и сказал:

– Заберите эти ксерокопии, для расследования они – ноль без палочки. Мы сейчас сконцентрированы на поиске Тихонова.

Клара попрощалась и вышла из машины. Уваров придержал пассажирскую дверь и спросил:

– Где вы остановились?

На противоположной стороне дороги, прислонившись к дереву, стоял мужчина в черном пальто и шляпе. Он внимательно наблюдал за беседующей парочкой.

– Я сегодня перееду к подруге.

– Помочь с вещами? – тут же предложил свои услуги Уваров.

Мужчина в пальто вынул из кармана два прозрачных кристалла и стал перебирать их пальцами.

– Если вам нетрудно... – замялась Клара, – от помощи не отка...

– Нетрудно! – не дал ей договорить Уваров, осекся и уже более спокойным тоном добавил: – Во сколько за вами заехать?

– Я заканчиваю в семь часов.

– Лады!

Клара захлопнула дверь машины и пошла к магазину. Она уже подходила к двери, когда сильный порыв ветра поднял перед ней вихрь пыли. Клара хотела прикрыть глаза и случайно выпустила из рук ксерокопии книжных листков. Она попыталась их поднять, но ветер игриво подхватил бумагу и взметнул вверх. Листки друг за другом перелетели через дорогу и упали к ногам мужчины в пальто.

Мужчина нагнулся, поднял листки и расправил одним ловким движением. Перебежав через дорогу, Клара подошла к незнакомцу и улыбнулась.

– Спасибо, что поймали их, – поблагодарила она.

Лицо мужчины было прикрыто шляпой, его таинственный вид сразу насторожил Клару, но опасности от него она не ощутила. Он протянул ей листки, и по морщинистым рукам Клара поняла, что перед ней пожилой человек.

– Не за что. Зачем так переживать из-за простых бумажек?

– Не скажите, это не простые бумажки, – возразила Клара и попыталась разглядеть лицо незнакомца, но тот ловко скрывал его под широкими полями шляпы.

Клара еще раз поблагодарила мужчину и пошла через дорогу.

– Чудной народ эти ученые: придумают всякую чушь, а простой люд им верит, – услышала она голос незнакомца за спиной.

Она обернулась, но рядом с деревом уже никого не было. Клара встала как вкопанная и огляделась по сторонам: прошли всего доли секунды после услышанных слов, а незнакомца уже и след простыл.

– Клара! – услышала она истошный крик Лили.

Обернувшись, она увидела, что на нее надвигается фура. Визг тормозов заставил Клару резко отпрыгнуть в сторону. Она упала, больно ударившись коленкой и локтем об асфальт.

– Ты что, с ума сошла?! – прокричала Лиля, подбегая к ней.

Клара посмотрела на нее испуганным взглядом и часто заморгала. Все произошло так быстро, что она не успела осознать случившееся.

– Меня чуть не сбили, – еле вымолвила она.
– Зачем ты стояла посреди дороги? – в отчаянии прокричала Лиля.
– Я хотела перейти...
– Ты как замороженная стояла посреди дороги пять минут! – воскликнула Лиля. – Я наблюдала за тобой через витрину. Встать можешь?
Клара посмотрела на разбитую коленку, потрогала через разорванные колготки содранную кожу и попыталась встать. Резкая боль заставила ее снова сесть.
– Видимо, сильно ушибла, – объяснила она подруге.
Из фуры, которую занесло на встречную полосу, выскочил разгневанный водитель и двинулся в их сторону.
– Эй! – крикнул он Лиле. – Твоей подруге жить надоело?!
Звуки, словно преломленные водной глубиной, поплыли и слышались разрозненно. Лиля что-то ответила водителю, но Клара не поняла. Водитель, словно рыба, открывал рот, но звуков не издавал. Голову сдавило, звуки перешли в звенящий шум. Только по разгневанному лицу Клара поняла, что водитель сильно испуган и зол. Она переводила взгляд с шофера на Лилю, пытаясь уловить смысл их перепалки. Наконец водитель махнул рукой и скрылся за кабиной фуры. Лиля подставила подруге плечо, и они медленно двинулись через дорогу к салону.

Нарастающий звенящий гул подгонял их в спины, словно торопил на отходящий от перрона поезд. Перед глазами все плыло и мелькало, боль стянула голову, словно обручем. Чтобы убедиться в реальности происходящего, Клара взглянула на подругу. Лиля выставила руку вперед, останавливая этим жестом несколько легковых машин. В нетерпении водители начали сигналить.

– Шевели копытами! – забасил один из водителей.

– Потерпишь! – огрызнулась Лиля.

Постепенно давление на уши уменьшилось, слух не только восстановился, но и обострился. Кларе казалось, что клаксоны проезжающих мимо машин могут ее оглушить. В память впечатался отчаянный крик Лили. Она не могла поверить в то, что мужчина в шляпе ей привиделся. Только испачканные в дорожной пыли листки, которые она все еще сжимала в руках, напоминали ей о загадочной встрече.

Едва переступив порог цветочного салона, Клара освободилась от опоры в виде плеча подруги и встала у окна. Ее взгляд пристально всматривался в место, где ее только что чуть не сбил грузовик. Что же это было? Клара старалась найти хоть какое-то объяснение случившемуся, и тут же сама опровергала свои доводы.

Когда рана на коленке была обработана, Лиля усадила подругу в подсобку.

– Ты перенервничала, – констатировала она, – из-за переезда, из-за утопленника, еще я тут со своим разводом. Тебе надо отдохнуть.

– Я в порядке, – сопротивлялась Клара. – Это ты беременна, и тебе надо отдохнуть.

– Беременность не болезнь, а ты вон как коленку расшибла, – парировала Лиля, указывая на ушиб.

– Похоже, не только коленку, но и локоть, – призналась Клара и потеряла руку.

– Ну, тем более. Надо сделать рентген, вдруг перелом.

– Смеешься? – заулыбалась Клара. – Я в порядке, к вечеру все пройдет.

Впрочем, сама Клара так не считала. Ее беспокоила не физическая боль – больше всего она боялась потерять контроль над реальностью, словно кто-то или что-то тащило ее в неведомый мир, где не существовало общечеловеческих ценностей, важна была только пока не понятая ею миссия. В чем эта миссия заключалась, Клара никак не могла разобраться. Частая смена настроения, головокружение, раздражительность – это далеко не полный перечень изменений, которые произошли с ней в последнее время. А тут еще этот грузовик...

Зазвенел дверной колокольчик. Лиля прикрыла дверь подсобки и ушла обслуживать вошедшего покупателя. Как только Клара осталась одна, в голове сразу промелькнула мысль о дневнике. Читая записи Тамары, Клара так увлекалась, что забывала о своих переживаниях и невзгодах, как будто невидимая рука хозяйки дневника ограждала ее от всего, что могло растревожить душу. Она вынула дневник из сумки и вновь погрузилась в воспоминания Тамары.

«После суда мать Тихони, Светлана и я приехали домой уставшие и опустошенные. Было уже поздно, мы не спали предыдущую ночь и меня уложили в гостиной. Женщины сели на кухне и коротали время за чаем и разговорами. Я проснулась среди ночи и невольно подслушала их беседу. Светлана призналась сестре, что после случая, который произошел с племянником в двенадцать лет, ей страшно смотреть ему в глаза и жутко находиться с ним в одном доме, и что только благодаря моему присутствию она приютила его в первую ночь. Мать Тихони благодарила ее за все, что та сделала для ее сына, и просила поддержки в будущем. Она сказала, что будет высылать деньги для Тихони, и просила присмотреть за мной потому, что сын слезно умолял ее об этом в последнюю встречу. Дальше они перешли на шепот, и я уже ничего не могла различить, но в конце разговора Екатерина сказала, что она прозрела и поняла, как была неправа; теперь ей осталось только одно – вымалывать у Бога прощение. Я не поняла, о чем они говорили, но мое подозрение подтвердилось – они скрывали от меня некую тайну, и эта тайна была как-то связана с Тихоней. Выбора у меня не было: после суда я осталась жить у тетки Тихони. В тюрьму на свидание к нему пускали только родственников, поэтому единственным способом общения были письма. Какими же ласковыми и нежными они у нас были! Он просил меня дождаться его, как будто я могла поступить по-другому. Я сохранила его письма – все до единого. Перед тем, как лечь спать, я перечитывала их снова и снова.

Чтобы хоть как-то отблагодарить Светлану за кров и еду, я помогала по хозяйству и выполняла ее поручения. Она научила меня готовить и, конечно же, каждый день я упражнялась в шитье.

Вскоре Светлану понизили в должности и лишили партбилета. Денег нам не хватало, и она стала брать заказы на пошив одежды домой, а я помогала ей. Она научила меня правильно снимать мерки и делать выкройки.

Прошла еще неделя, мое состояние ухудшалось с каждым днем. По утрам меня так тошнило, что я не могла завтракать. Я осунулась, похудела и постоянно находилась в депрессивном настроении. Свое состояние я объясняла разлукой с Тихоней.

Как-то раз Светлана подозвала меня к себе и сказала: «Отведу тебя сегодня к гинекологу, у меня подозрение, что ты беременна». Я испугалась не на шутку. За свои пятнадцать лет я не была у врача ни разу, тем более у гинеколога... Я так боялась, что, идя с ней в поликлинику, дрожала, как осиновый лист на ветру.

Подозрения Светланы подтвердились: врач сказал, что я беременна!

Срок двенадцать недель...

Мы вышли на улицу, и она начала меня поздравлять, сказала, что это великое счастье – стать матерью, но я ее оптимизма не разделяла. В тот день Светлана призналась, что бесплодна и что именно из-за этого ее бросил муж.

Когда мы пришли домой, я не смогла больше сдерживать слез. Светлана начала меня расспрашивать, но я просила оставить меня в покое. Всю ночь я не спала, в голове вертелся только один вопрос: кто отец ребенка? И чем больше я думала, тем меньше сомневалась. Я была уверена, что это ребенок Жанабая. Он снова начал преследовать меня во снах. Глумился и издевался надо мной, а, проснувшись утром, я еще долго слышала его громогласный и надменный смех.

Так прошла еще неделя. Я продолжала чахнуть, и от одной мысли, что ношу под сердцем ребенка насильника, начала медленно сходить с ума. Светлана, конечно, все это замечала и решила со мной поговорить. Она спросила, что меня беспокоит? А я, задыхаясь от слез и стыда, не могла вымолвить ни слова. Ведь я тогда была уверена, что в изнасиловании виновата сама, что я как-то ненароком спровоцировала мужчину, который месяцами не видел женщин. В конце концов, я рассказала ей о своей трагедии и объяснила нежелание

вынашивать ребенка. Она сказала, что все равно нужно рожать: даже если мне этот ребенок не нужен, его можно отдать на усыновление. Но я была непреклонна – аборт, и точка.

В семидесятые годы аборт в пятнадцать лет официально не разрешали, у меня не было даже паспорта. На процедуру должны были дать согласие близкие родственники – мать или отец. А если бы мы заявили об изнасиловании, завели бы уголовное дело. Ситуация казалась безвыходной, но однажды к Светлане зашла ее подруга – та самая гинеколог, которая меня обследовала. Она была в курсе моей ситуации с документами и предложила за деньги взять метрики девушки, которая умерла в больнице. Родственников у покойницы не было, она выросла в детдоме. По возрасту она была старше меня на два года, звали ее Тамара.

Так из Венеры Курмангалиевой я стала Тамарой Золотаревой. День рождения у Тамары был двенадцатого марта, и с того момента я стала праздновать именно эту дату».

В дверь подсобки осторожно постучали, затем она со скрипом приоткрылась и в проеме показалась голова Лили. По лицу подруги Клара поняла, что она не одна, и тут же спрятала дневник.

– К тебе пришли, – с опаской произнесла Лилия и открыла дверь шире.

Клара увидела Уварова: тот с хмурым выражением стоял у окна, заложив руки за спину.

– Все в порядке, я попросила его помочь перевезти к тебе вещи, – вполголоса успокоила Клара подругу.

Глаза Лили на секунду вспыхнули, взгляд стал игривым и лукавым. Она многозначительно улыбнулась и поспешила к кассе.

Выходя навстречу Уварову, Клара заметила перемену в его настроении: взгляд следователя стал жестким и недоверчивым. Лилия рассказала ему, что Клару чуть не сбила машина. На пару секунд Уваров выразил беспокойство, но затем снова помрачнел.

– Ровно в семь, как я и обещал, – нетерпеливо произнес он, указывая на наручные часы.

– Спасибо, – вежливо ответила Клара и пошла следом за ним к машине.

– Что готовить на ужин?! – крикнула Лилия ей вслед и лукаво добавила: – Мы будем вдвоем или ты ждешь кого-то в гости?

– Вдвоем, – уверенно ответила Клара и вышла из магазина.

Лилия подбежала к окну, приоткрыла жалюзи и стала наблюдать за отъезжающей машиной, но тут за спиной прозвучал мужской голос:

– А специальные заказы вы принимаете?

Она вздрогнула и медленно повернулась. Перед витриной вполоборота к ней стоял мужчина в черном пальто и шляпе. Тело Лили сковано ужасом – не потому,

что она не заметила, как мужчина вошел, а потому, что в стеклянной витрине не было его отражения!

– О-о-о... к-к-к... – еле смогла пролепетать она.

– Вы хотите спросить, о каком заказе идет речь? – не поворачиваясь, спросил мужчина.

Лиля кивнула головой и почувствовала, как разом пересохло в горле. Мужчина показал на один из вазонов и сказал:

– Мне нужен *Cosmos Atrosanguineus*, попросту говоря, «космос шоколадный». Цветы должны быть тщательно отобраны и не иметь завядших лепестков. Это очень важно.

– Но у н-н-нас нет таких цветов, – заикаясь, растерянно промолвила Лиля, – это о-о... очень редкие цветы.

– Как это нет!? – воскликнул мужчина и, отойдя в сторону от витрины, показал на крайний вазон. – А это что?

Лиля посмотрела на пластиковый вазон и увидела прекрасный букет из необычных цветов. Стебельки их были тоненькие, словно пушинки. Цветы имели насыщенный бордово-коричневый цвет и заманчиво поблескивали на свету тычинками. До этого момента подобные цветы она видела только на фотографиях. Лиля ахнула и хотела подойти ближе к витрине, но в этот момент цветы оказались в руках мужчины.

В ужасе Лиля попятилась назад, ее сердце бешено заколотилось, ноги подкосились.

– Что за чертовщина? – еле пролепетала она.

– Чертовщина? Как люди любят бросаться громкими словами! – возмутился таинственный посетитель.

Мужчина указал на цветы, и в следующую секунду они оказались в маленькой овальной плетеной корзинке. Он повертел ее в руках и, оставшись доволен упаковкой, направился к двери.

Лиля резко отпрянула в сторону и хотела побежать в подсобку, но мужчина одним взмахом руки обездвижил ее, а затем отбросил к стене. На секунду она увидела, что скрывалось под шляпой, и в ужасе вскрикнула.

Под шляпой не было ничего! Зияла черная дыра, зловещая бесконечная тьма!

Незнакомец вынул из кармана пальто кристалл заостренной формы и начал медленно его поворачивать. Сначала Лиля ощутила покалывание в руках и ногах, затем плавно, как в замедленной съемке, ее тело распласталось на полу. Глаза еще несколько секунд были открыты, и она видела, как мужчина вышел из магазина, унося с собой корзинку с редкими цветами. После ухода незнакомца тело Лили начало стремительно леденеть, из приоткрытых глаз по щеке скатилась одинокая слеза и замерла в воздухе, как будто приход мужчины в черном вызвал нарушение законов гравитации.

Когда Клара расположилась на переднем сиденье «Мерседеса», Уваров посмотрел на нее с укором и сказал:

– Я считал вас честной. Даже не знаю, что о вас теперь думать.

– О чем это вы? – спросила Клара, и губы ее нервно дрогнули.

– Я о бордовой тетради, которая, по вашим словам, лежала в вещах Тихонова. Вы и теперь будете утверждать, что больше ее не видели?

Клара сразу поняла, что Уваров получил какую-то информацию и скрывать дневник больше нет смысла. Но сказать правду она тоже не могла – тогда бы следователь перестал ей доверять. Поэтому Клара решила ограничиться полуправдой.

– Я как раз хотела вам сказать, что нашла его у дочери во время отправки вещей на новую квартиру.

Уваров нахмурился и пристально посмотрел ей в глаза.

– Продолжайте, – сухо произнес он.

– Это оказался дневник Тамары, возлюбленной Тихонова.

– Той, что была на фото? – уточнил Уваров.

– Думаю, да.

– Где он сейчас? – жестко спросил Уваров.

– У меня, – ответила она и достала его из сумки.

Уваров понял, что дневник с самого утра находился в сумке Клары, и во время их встречи была прекрасная возможность его отдать, но свидетельница этого не сделала.

– Вы понимаете, что чинили препятствие следствию? – возмущенно спросил Уваров. – В этой тетради может содержаться важная информация.

В его голосе лязгала сталь, взгляд стал тяжелым и отчужденным.

– Я намеревалась отдать вам его сегодня, – неуверенно произнесла Клара.

– Так почему не отдали?

– Сначала я была расстроена отъездом мужа и дочери, потом вы дали мне книгу о таинственных знаках, и тетрадь попросту вылетела у меня из головы, – быстро нашлась Клара и виновато потупила глаза.

Уваров ничего не ответил, положил дневник в спортивную сумку и завел мотор. До самого дома Клары они ехали молча. Боковым зрением она видела, как следователь плотно сжимает губы, видимо, обдумывая какую-то мысль. Подъехав к подъезду, где проживала до сегодняшнего дня Клара, он заглушил мотор и спросил:

– Много у вас вещей?

– Нет. Три сумки.

– Ого! Значит, вы планируете остаться в городе надолго? – предположил следователь и буквально прожег ее пристальным взглядом, от которого Кларе стало не по себе.

Через час они поднялись в квартиру Лили, Клара открыла дверь своим ключом. В квартире было темно и тихо. Уваров отстранил спутницу в сторону, зашел первым, нащупал на стене выключатель и холл залился ярким светом.

– Странно, – растерянно произнесла Клара. – Лилия уже должна была вернуться и готовить ужин.

– Может, задержалась в магазине или пошла за продуктами? – предположил следователь и поставил сумки в коридоре.

Клара поблагодарила его и предложила кофе. Уваров, не мешкая, согласился и снял крутку. Настроение его не изменилось, и Клара спросила:

– Вы всё еще злитесь на меня из-за дневника?

– Если вы сказали правду, то мне незачем на вас злиться, – многозначительно ответил следователь.

– Вы сказали «если». Думаете, я вам соврала?

Уваров тяжело вздохнул и произнес:

– Я думаю, что дневник вы обнаружили у дочери после того, как подписали показания, а потом из любопытства решили его прочитать, но ничего полезного для расследования там не нашли, поэтому он и был все еще у вас.

Его слова повергли ее в шок. Приходилось признать, что следователем Уваров был превосходным. Решение признаться Клара приняла мгновенно: присела на кухонный табурет и с виноватым видом поведала Юрию, как было на самом деле. Только после этого взгляд Уварова смягчился.

– А как вы поняли, что он у меня? – спросила она с прищуром.

– Коваленко нашел свидетеля, который видел, как ваша дочь забрала тетрадь, и я сразу вспомнил о том, как вы поспешно убежали из ресторана. Вы явно хотели найти ответы и знали, где они могут быть.

Клара извинилась и сказала, что не на шутку увлеклась этой историей.

– Так значит, там ее воспоминания? – немного разочарованно спросил следователь.

– Да. Они с Тихоней познакомились, когда им было по тринадцать лет, – ответила Клара и рассказала все, что успела прочитать в дневнике.

Выслушав рассказ свидетельницы, Уваров допил кофе и снисходительно произнес:

– Я сделаю вам копию дневника. Все равно мне читать его некогда.

Клара поблагодарила и взглянула на часы. Затем набрала номер мобильного телефона Лили, но та не брала трубку. Тогда Клара снова с тревогой посмотрела на часы и попросила Уварова подвезти ее к цветочному салону.

– Хочу проверить, что с Лилей все в порядке.

Припарковав автомобиль перед магазином, они увидели, что внутри горит свет. У Клары отлегло от души: значит, с Лилей все в порядке – скорее всего, она задержалась из-за опоздания поставщиков. Клара поспешно зашла в магазин и ахнула: Лиля лежала на полу без сознания. Ее тело было холодным, как лед, губы посинели, пульс еле прощупывался.

– Вызовите «скорую»! – закричала она входящему Уварову.

Увидев Лилю, тот быстро набрал номер диспетчера «Скорой помощи» и, представившись, назвал адрес. Затем посмотрел на витрины, кассовый аппарат и сказал:

– Похоже, вас грабнули.

Только сейчас Клара увидела разбитые витрины и пустой лоток для денег в кассе. От ужаса она прикрыла ладонью рот и, не веря своим глазам, стала растерянно озираться по сторонам.

– Кто мог это сделать? – возмутилась Клара и снова склонилась над подругой. О деньгах в тот момент она не думала, ее интересовало только состояние Лили. – Боже, какая же она холодная!

Окинув цепким профессиональным взглядом павильон, Уваров набрал номер дежурной части следственного управления и попросил вызвать экспертов и патрульную машину.

Клара сидела в просторном холле больницы и обеспокоенно посматривала по сторонам. Двери периодически открывались, чтобы выпустить из реанимационного отделения очередного врача или медсестру. Клара вглядывалась

в их лица в надежде, что хоть кто-то из них сможет сказать о состоянии подруги, но на все ее вопросы те отвечали одинаково: «Информации пока нет».

Из лифта вышел Уваров и быстрым шагом направился в ее сторону. В его руках Клара увидела белую папку.

– Ну как она?

– Мне ничего не говорят, я не знаю, что и думать.

– Я сейчас все узнаю, – решительно произнес Уваров и пошел в сторону массивной металлической двери, выкрашенной в белый цвет.

Он позвонил в дверь реанимационного отделения, поздоровался с дежурной медсестрой, показал ей удостоверение и попросил вызвать врача. Не прошло и пяти минут, как в коридоре показался мужчина лет сорока в медицинской униформе. Они приветливо поздоровались, как будто были знакомы, и врач начал что-то оживленно рассказывать, жестикулируя. Уваров внимательно его слушал, засунув руки в карманы джинс, и медленно раскачивался с пятки на носок. Это характерное движение Клара заметила еще на пляже, где впервые его увидела.

Через три минуты следователь вернулся к Кларе и сказал:

– Она все еще без сознания, но состояние стабильно. Про плод говорить еще рано, но...

– Но что? – тут же вскочила Клара.

– У нее тяжелая форма гипотермии.

– Что это такое? – спросила Клара и почувствовала, как от волнения перехватило дыхание.

– Низкая температура тела. Они сейчас пытаются ее поднять.

– Низкая – это сколько?

– Тридцать два градуса.

– О Боже! – воскликнула Клара и закрыла лицо руками.

– Сегодня дежурит заведующий отделением, он лично занимается вашей подругой. Я его знаю, толковый мужик. В прошлом году он моего сыскаря вытаскил с того света. Сказал, что здесь сидеть бесполезно. Нам позвонят, когда Лиля придет в сознание. У нее есть близкие?

– Родители у нее умерли. Был муж, но они на днях расстались.

– Как расстались? – не понял Уваров. – Она же беременна.

– Он не знает о ребенке.

– Понятно. Изменил, что ли? – предположил Уваров и усмехнулся.

Клара кивнула головой.

– Знакомо до боли, – с горечью ответил следователь.

– Что, и вы тоже? – ехидным тоном спросила Клара.

– Нет, не я. Мне. Бывшая жена. Два года назад.

Такого ответа Клара не ожидала. Теперь ей стало понятно, почему у Уварова не складывается личная жизнь – проблемы с доверием. Похоже, для него это пунктик, потому-то он так резко отреагировал на ее ложь о дневнике.

– Мне нужны ваши показания: необходимо установить, на какую сумму был причинен ущерб.

Клара снова кивнула головой.

– Я сам займусь этим делом. Группа криминалистов уже работает в вашем магазине.

Воспоминания Клары снова вернули ее в салон – в тот момент, когда она увидела распластанное на полу тело Лили. А вдруг Лиля потеряет ребенка, а ее муж так и не узнает, что мог стать отцом?

– Надо позвонить Кириллу, – твердо произнесла она.

– Кто это?

– Бывший муж Лили.

– Хорошо, – с готовностью согласился Уваров.

Она отошла в сторону и набрала телефон Кирилла. После шестого гудка, послышался сонный хриплый мужской голос:

– Слушаю.

Клара представилась и сдержанным тоном произнесла:

– Кирилл, Лиля в больнице.

– Что случилось?

В трубке послышался шорох, сонный женский голос спросил: «Кто это?». Клара ощутила укол обиды за подругу – ей вдруг живо представилось, как Кирилл нежится в постели с новой избранницей.

– На магазин было совершенно нападение. Мы нашли Лилю без сознания, – быстро произнесла Клара и сообщила номер больницы.

– Я сейчас приеду, – без эмоций ответил Кирилл и отключил связь.

По его голосу она так и не поняла, какое впечатление произвела на него новость, и уже сомневалась, правильно ли она поступила. Надо было дожидаться, когда Лиля придет в сознание. Но глупо теперь себя корить. Только сейчас Клара почувствовала, что у подруги наверняка была не одна причина расстаться с мужем.

Когда Клара вернулась, Уваров протянул ей белую папку и сказал:

– Это ксерокопия дневника. Я решил, что вам стоит его дочитать.

Клара прижала папку к груди и на ее бледном уставшем лице появилась слабая улыбка. Следователь понял, что воспоминания Тамары для свидетельницы стали чем-то большим, нежели просто любопытным чтивом. Уваров улыбнулся в ответ, и таким образом между ними снова воцарился мир.

Глава пятая

Новые загадки

Ближе к двум часам ночи Уваров подвез Клару к дому подруги, где она приняла душ и выпила горячий чай. Хозяйничать в чужой квартире, да еще когда хозяйка находилась между жизнью и смертью, было неловко. Кроме того, со всех сторон Клару окружали фотографии улыбчивой Лили, от чего сердце охватывала ноющая боль.

После нервного перенапряжения спать совсем не хотелось, поэтому женщина расположилась на диване и положила рядом телефон – на случай, если позвонят из больницы. Открыв белую папку, она разложила ксерокопии листов дневника по номерам страниц, нашла отрывок, на котором ее прервали в подсобке, и снова окунулась в воспоминания Тамары.

«Затягивать с решением о прерывании беременности было нельзя, и когда срок перевалил за четырнадцатую неделю, я подошла к Светлане и сказала, что хочу сделать аборт во что бы то ни стало. Сначала она отмахивалась от меня,

говорила, что это грех, но через день сама подошла ко мне для разговора. Она сказала, что договорилась с подругой об аборте на дому. Перемена в ее настроении была такой резкой, что я не удержалась и спросила, почему она поменяла свое решение. Светлана загадочно посмотрела на фотографию своей сестры и ответила: «Наверное, она права, от ребенка необходимо избавиться». Не могу сказать, что судьбу будущего ребенка решила мать Тихони – Екатерина, но от одной мысли, что я не одна так думаю, мне стало легче.

Аборт назначили на воскресенье. С самого утра меня лихорадило. Предчувствие надвигающейся беды не оставляло меня ни на минуту. Были знаки, на которые я упрямо не обращала внимания. Сначала при разделке мяса Светлана сильно порезала палец, кровь не останавливалась больше часа. Когда мы выходили, я, переступая через порог прихожей, споткнулась и упала на бетонные ступеньки, сильно при этом разодрав руки. Затем, уже на подходе к дому гинеколога какая-то истеричная женщина вылила нам под ноги грязную воду с нечистотами. Я была тогда молода и неопытна, не понимала, что на знаки судьбы нужно обращать особое внимание.

Сказать, что я боялась аборта – это ничего не сказать. Я так тряслась, что врач долго не могла приступить к процедуре. Тогда Светлана налила сто граммов водки и заставила меня выпить. Анестезии никакой не было, аборт делали наживую. Кричать нельзя – мы ведь были в квартире, где через тонкие стены меня могли услышать соседи и вызвать милицию. Так что мне пришлось терпеть неистовую и буравящую боль.

Те несколько часов ада я не забуду никогда. Помню, как Светлана поставила пластинку оркестра под управлением Поля Мориа, чтобы заглушить стоны и вскрики, которые периодически вырывались из моей груди. Дикая, нестерпимая боль и залитое потом и кровью, липкое тело... Комната, оклеенная желтыми обоями в цветочек и полосатые занавески, на которые я все время смотрела, снились мне еще не один год. Даже сейчас, спустя сорок лет, когда я описываю эту сцену, внизу живота растекается тупая и ноющая боль. Эта боль преследует меня и по сей день. Иногда ее забываю я, но мое тело никогда не забывает.

Какая же я была дура! Даже не задумывалась о том, что делаю. Я не сознавала, что убиваю живое существо, которое доверяло мне и надеялось на мою разумность. Я вырезала его из себя, как те нечистоты, которые мне вылили под ноги».

На ксерокопии дневника были видны расплывчатые пятна между строками. Видимо, Тамара плакала, когда писала эти строчки. Сердце Клары сжалось от сочувствия и жалости. Хорошо, что ее миновала такая участь, и она в своей жизни никогда не прибегала к подобной процедуре.

«После аборта я полежала два часа, и мы со Светланой пошли домой. Не успели мы дойти до нашей улицы, как у меня началось сильное кровотечение. Какой-то прохожий помог ей донести меня до дома и вызвал «скорую помощь», но я этого уже не помню. Очнулась я ночью в реанимации. В углу комнаты располагался пост медсестры, на столе приглушенно горела лампы. Рядом со мной лежали мужчины и женщины. Многие из них стонали – кто во сне, кто в сознании. Все они были после разных операций.

Мой живот полыхал огнем. Я подняла одеяло и увидела повязку, сквозь которую просачивалась кровь. Я не могла понять, что случилось, и меня охватила паника. Затем я почувствовала боль в груди. Что-то давило и жутко ныло с обеих сторон грудной клетки. Горло пересохло, губы потрескались. Я начала стонать от боли и метаться на подушке. Медсестра сделала мне укол, и я проспала до утра.

Утром пришел лечащий врач и сказал, что я родилась в рубашке. Оказывается, я потеряла столько крови, что была на грани жизни и смерти. Боль в груди была из-за сломанных ребер. Это врачи-реаниматологи только с третьей попытки запустили сердце. Но это были еще не все новости. Он сказал, что мне вырезали матку, она была проколота в трех местах, и я больше никогда не смогу родить ребенка.

Никогда!

В пятнадцать лет все кажется радужным, даже перспектива отсутствия детей не так сильно меня пугала – главное, что я осталась жива. Ведь живут же люди без детей, передо мной был живой пример этому – Светлана. Пусть

она одинока, но живет полной жизнью, и ее не назовешь несчастной. Тогда я еще не понимала, что натворила и как сильно это повлияет на мою судьбу.

Через две недели меня выписали из больницы, и я вернулась к Светлане. Она чувствовала себя виноватой и всячески пыталась загладить вину. Покупала мне сладости, запрещала работать по дому. Когда я окончательно пришла в себя, то решила найти работу – и Светлана помогла мне устроиться на фабрику. По вечерам я ходила в вечернюю школу.

Когда я впервые зашла в цех, меня шокировал невероятный шум. Теперь я понимала, почему Светлана так громко разговаривала. Коллектив принял меня сдержанно, были работницы, которые относились ко мне снисходительно, но были и такие, кто при виде меня фыркал и брезгливо морщился. За три года работы на фабрике я так и не заимела подруг, но фабрика многое мне дала в профессиональном плане.

Через три года я почувствовала, что достойна большего, и пошла на курсы закройщиц. К тому времени я уже окончила вечернюю школу, сдав некоторые предметы экстерном.

Помню то чувство, когда я впервые увидела Надежду – моего преподавателя на курсах. Она просто поразила меня стилем и грацией. Утонченная и изысканная шатенка лет сорока с тонкой талией и широкими бедрами... Она научила меня всему, что я знаю о силуэтах и выкройках. Ее влияние коснулось и меня лично. Она много внимания уделяла моим манерам, умению вести себя за столом, поддерживать беседу. Замечания она делала очень деликатно и вежливо, поэтому никто из учениц на нее не обижался.

Надежда преподавала на курсах и работала закройщицей в ателье, где у нее была постоянная клиентура. Из всей группы она сразу выделила двух учениц – меня и еще одну девушку по имени Алена, и взяла над нами шефство. Оказывается, она вынашивала идею по созданию собственного ателье, и ей нужны были молодые талантливые помощницы, с которыми не страшно было начинать новое дело.

Так между Аленой и мной началась негласная конкуренция, в которой я периодически проигрывала из-за неумения настаивать на своем решении и акцентировать свои способности. Девушка так меня невзлюбила, что всячески пыталась унижить и больно укусить. Меня это очень удивляло, ведь по сравнению

с ней я была серой мышкой. Алена была высокой яркой блондинкой со стройными длинными ногами. Ей все прочили карьеру модели, а не закройщицы. Но в Усть-Каменогорске индустрия моды не была развита, поэтому Алена мечтала поехать в Москву.

После окончания курсов Надежда взяла нас в ателье ученицами. Но и здесь Алена не успокоилась, постоянно доказывая свое превосходство. Как-то раз Надежда пригласила нас к себе домой на воскресное чаепитие. Мы пришли в новых нарядах, которые сшили для выпуска с курсов. На мне были жакет и юбка нейтральной расцветки с контрастной окантовкой вокруг ворота жакета и подола юбки, а на Алене – яркое цветастое платье с белым поясом. Надежда познакомила нас со своим сыном Ильей, которому на тот момент было около двадцати лет. Это был сутулый худоцавый парень с курносый носом и смешной утиной походкой. Как выяснилось, он был начинающим модельером и учился на последнем курсе Текстильного института. Илья приехал к матери, чтобы обсудить ее новое дело.

Надежда лукаво посмотрела на нас и попросила сына прокомментировать наши наряды. Он придирчиво осмотрел мой комплект и платье Алены, и вынес вердикт: «Обе смотрятся неплохо, учтены индивидуальные пропорции фигур. Платье броское, подчеркивает талию, это делает фигуру выразительнее, но расцветка слишком активная, быстро надоедает – хочется отвести глаза в сторону». Затем он перевел взгляд на меня и продолжил уже более мягким тоном: «Жакет и юбка же – совсем иные: чем больше всматриваешься в комплект, тем отчетливее проступают едва заметные детали ручной работы. Видно, что на него потратили гораздо больше времени и сил, чем на платье. Жакет с претензией на стиль а-ля Коко Шанель мне больше по душе».

Алена злобно сверкнула своими голубыми глазами и с этого момента со мной не только не разговаривала, но и делала вид, что вовсе не замечает.

В тот день мы долго сидели за обеденным столом, пили чай с московскими сладостями и рассматривали журналы мод, которых Илья привез целый чемодан. Илья оказался харизматичным и талантливым юношей, обладавшим великолепным вкусом и деловой хваткой.

После этой первой встречи мы виделись почти ежедневно. Меня приглашали к ним в гости, а Алена приходила сама. Мы обсуждали открытие нового ателье, помогали искать помещение, выбирали оборудование и разрабатывали дизайн вывески. Мы много общались с Ильей, и я чувствовала его интерес, но всячески старалась дать понять, что мое сердце занято. Через неделю он уехал, а вслед за ним в Москву засобирались и Алена. Надежда сразу поняла ее замысел и спросила напрямую, не испытывает ли она какие-то чувства к ее сыну, но Алена уверяла, что вдохновилась рассказами Ильи о подиуме, о профессии модели и о Москве.

Моя жизнь стала налаживаться: я впервые почувствовала твердую почву под ногами. Я своими руками создавала изделия, которые с удовольствием покупали клиентки нового ателье. За короткий срок я стала правой рукой Надежды, и она позволила мне обслуживать самых важных клиентов.

Дома тоже все было хорошо. Светлана гордилась моими достижениями, называла меня целеустремленной и трудолюбивой. Наши отношения были теплыми, как никогда, и я сама не заметила, как стала называть ее «мама Света». В этот период и пришло известие о том, что Тихоня выходит из тюрьмы по УДО через месяц. Я была на седьмом небе от счастья. Мне так хотелось быстрее его увидеть, броситься ему на шею, сказать, что я люблю его больше всего на свете! Я считала дни и часы до его возвращения, а вот настроение Светланы, напротив, становилось все мрачнее и мрачнее. Весть о приезде Тихони ее совсем не обрадовала. Она металась из стороны в сторону, словно пытаясь мне что-то сказать, но так и не нашла в себе силы.

Помню, это было субботнее раннее утро. В ворота постучали, и я пошла открывать. Светлана ждала подругу на примерку и я, будучи уверена, что это она, выскочила к воротам в домашнем халате, нечесаная. А когда открыла калитку, замерла – передо мной стоял Тихоня! Широко улыбаясь, он распахнул мне объятия. От восторга у меня закружилась голова, я упала ему на грудь и крепко прижалась

Тихоня сильно изменился, в нем мало что осталось от того художавого мальчугана, которым я его помнила. Не помню, чтобы Тихоня рассказывал о проведенных в тюрьме годах – видимо, не хотел меня тревожить. Но по

обрывкам случайно брошенных фраз я могла себе представить, в каком аду приходится жить заключенным.

Два дня мы провели на даче у подруги мамы Светы и не вылезали из постели. Я снова испытала те чувства, которые вскружили мне голову в горной юрте. Рядом с Тихоней мой мир растворялся и рассыпался на маленькие осколки. Мне казалось, что я была не здесь, а где-то в далеком космосе, в окружении вечного блаженства и любви. Даже одна ночь любви с Тихоней стоила трех лет ожидания, а я получила в дар целых две!

Время пробежало быстро. В понедельник мне нужно было идти на работу, и я засобиралась. И тут он вспомнил про мою операцию, попросил рассказать, почему открылось кровотечение. Конечно, об аборте в письме я не писала – хотела поговорить с ним с глазу на глаз, и вот этот случай представился.

Если бы я тогда знала, что последует за моими откровениями, то держала бы язык за зубами! Как только он узнал об аборте, то соскочил с кровати и закричал: «Ты убила моего ребенка! Я точно знаю – это был мой ребенок!»

Никакие объяснения на него не действовали. Он начал метаться по дому, как загнанный зверь, круша все на своем пути. Я так сильно испугалась, что забилась в угол и не выходила оттуда, пока он не успокоился. Помню, как он сел на кровать и несколько минут смотрел на меня в упор, словно не веря тому, что я сделала. Но его внешнее спокойствие было обманчивым. Он поднялся, подошел ко мне, кинул прощальный презрительный взгляд, оделся и ушел, громко хлопнув дверью.

Я вернулась в дом к маме Свете, о работе не было и речи. Руки и ноги дрожали от мысли, что я потеряю его навсегда. Я проплакала до вечера, пока с работы не пришла Светлана. Вид у нее был растерянный, лицо бледное. Она отказалась от ужина и закрылась в спальне. Только утром сказала, что знает о нашем разговоре с Тихоней. Он пришел к ней на фабрику и обвинил ее в убийстве нашего ребенка: сказал, что сама я никогда бы этого не сделала, что на меня оказали давление.

Ни в ту ночь, ни в последующие Тихоня не вернулся. Я поняла, что он бросил меня, и впала в депрессию. На работе была рассеянной, все валилось из рук. Я не могла сосредоточиться и делала ошибки. В конце концов, Надежда поставила мне

ультиматум: либо я беру себя в руки – либо она меня увольняет. Но как взять себя в руки? Легко было это сказать, но невозможно – сделать. Тихоня был моей жизнью, моей душой, моим воздухом, без него все вокруг казалось пресным и никчемным. Светлана не уставала повторять: «Он вернется, вот посмотришь, остынет и вернется». Ее слова заставляли надежду теплиться в моей душе. Этим я в те дни и жила».

Клара услышала, как щелкнул дверной замок. Она подняла голову и увидела, что за окном уже светает. В холл вошел Кирилл и зажег свет. Увидев на диване Клару, он удивленно спросил:

– А ты что здесь делаешь?

Клара рассказала Кириллу о переезде семьи в Элисту и о том, что Лиля предложила ей пожить в квартире. Затем поинтересовалась состоянием подруги.

– Она ненадолго приходила в себя. Лепетала какой-то бред про тьму и космос.

Клара озадачено склонила голову.

– Я всю ночь не спал. Еле соображаю. Еще эта новость про ребенка.

– Что говорят врачи про беременность?

– Сказали, что нужно наблюдать... Пока ничего не ясно... Черт!

Он снял куртку и со злостью бросил ее на стул, затем прошел на кухню и размешал в кружке три ложки растворимого кофе. Тяжело опустившись в кресло, Кирилл сделал несколько мелких глотков ароматного горячего напитка и от усталости потер глаза. В его движениях сквозило сильное раздражение и неприязнь.

– Ты посчитала убытки? – вдруг поинтересовался он.

Об этом Клара не думала: сейчас главным для нее было здоровье Лили. Она с недоумением взглянула на Кирилла, не понимая, почему вдруг он задал этот вопрос.

– Нет еще. Для этого нужна Лиля: у нее были последние документы на поставку цветов. Без них невозможно сказать, сколько украли.

– Я покрою все убытки, – надменно произнес Кирилл.

Глаза Клары вспыхнули от удивления, она склонила голову на бок, не сводя взгляда с лица Кирилла. К чему этот разговор? Чего он добивается?

– Не надо. Это страховой случай. После того, как мне дадут справку из полиции, страховая компания возместит все расходы. Да и Лиля не виновата в том, что случилось.

– Она просила у меня деньги перед тем, как я уехал в командировку. Хотела выкупить у тебя половину бизнеса. Говорила, что вложила много сил в этот магазин, и ей не хотелось бы, чтобы ты его закрывала.

Для Клары это было новостью, Лиля никогда не говорила, что хочет долю в бизнесе, и помогала ей сначала как подруга, а потом как наемный работник. Клара знала, что Аркадий будет против такого поворота событий. Он дал ей деньги на раскрутку магазина с учетом единоличного владения бизнесом.

С тоской Клара оглядела квартиру: после этой новости ей вдруг стало невыносимо в ней находиться. Положив белую папку в сумку, она повернулась к Кириллу и спросила:

– Что ты намерен делать дальше?

– Пойду на работу. Объясню начальству, что жена в больнице, и возьму несколько дней отгула.

– Я не об этом. Я о твоём романе. Ты ведь ушел от Лили.

– Тогда я не знал о ребенке, – холодно произнес Кирилл.

– Для Лили это ничего не меняет, она специально тебе не сказала, чтобы эта новость не повлияла на твой уход.

– Я не буду обсуждать это с тобой, – категорично заявил Кирилл и с вызовом посмотрел на Клару.

Она еле заметно кивнула головой и, пожав плечами, ответила:

– Дело твое, но с кем-то тебе нужно поговорить.

– Возможно, но это точно будешь не ты.

Вид у него был такой враждебный, что Клара решила немедленно покинуть квартиру и отправилась завтракать в кафе рядом с цветочным салоном. Новость об ограблении распространилась со скоростью света. Официанты столпились возле ее столика и начали расспрашивать о деталях произошедшего. Клара ответила, что следствие только началось, поэтому никакой информации у нее нет. Сделав заказ, она разместилась на кожаном диване возле окна и начала просматривать почту и новости в телефоне. Новости тоже оказались неутешительными, а в почте ее ждали фотографии от Аркадия. На них в основном была запечатлена Полина – на фоне квартиры и детской площадки. Просматривая фотографии, Клара ощущала себя, словно на другой планете. Будто между ней и семьей лежит преграда, которую ей уже никогда не преодолеть. После завтрака под пристальными взглядами работников соседних торговых точек она отправилась в свой салон.

Рядом с магазином все еще стояли полицейские машины. «Мерседес» Уварова был припаркован вплотную к входной двери. Зайдя внутрь, Клара поздоровалась с присутствующими и подошла к следователю.

– Есть новости? – устало спросила она.

– Плохо спали? – задал встречный вопрос Уваров.

– Совсем не спала. Читала дневник Тамары.

Он ухмыльнулся и сказал:

– Видимо, интересное чтение, – затем показал на входную дверь и начал деловито излагать: – Тут у нас такое кино – двое свидетелей показали, что примерно в семь часов вечера к магазину подъехал черный седан. Из него вышли трое ребят, зашли в магазин и через пять минут вышли. У них в руках были букеты цветов и несколько пакетов с логотипом салона.

– Почему свидетели не заявили в полицию? – возмущенно спросила Клара.

– А кого насторожат парни с охапкой цветов?

Клара зевнула и пожала плечами. Действительно, кого?

– У нас есть их описание и номер машины. Сейчас наши ребята устанавливают владельца и его адрес. Так что, думаю, в ближайшие часы мы их возьмем.

– Хорошо бы, – ответила она и снова зевнула, прикрывая рот ладонью.

– Вам нужно поспать, – с сочувствием произнес Уваров. – Работа экспертов еще не закончена. Возможно, мы освободим магазин только завтра. Идите, поспите.

– В квартиру Лиля вернулся муж. Мы не особо с ним ладим, – многозначительно произнесла она.

– Вам даже негде прикорнуть? – удивился Уваров и тут же добавил: – Поехали. Я отвезу в надежное место. Там вы сможете спать столько, сколько захотите.

– Это где? – с недоверием спросила Клара, но после минутного загадочного молчания следователя поняла, что не в силах спорить, и покорно кивнула головой. Они подъехали к многоквартирному панельному дому и припарковались у крайнего подъезда. Затем поднялись на седьмой этаж и вышли из лифта на площадку, заставленную спортивным инвентарем.

– Кто здесь живет? – настойчивее спросила Клара.

Открыв квартиру своим ключом, Уваров включил свет в прихожей, пропустил гостью вперед и только потом ответил:

– Я. Проходите, не стесняйтесь.

От удивления брови Клары поползли вверх.

– Вы? Это ваша квартира?

– Проходите, – повторил Уваров и помог ей снять пальто.

С минуту она растерянно осматривала холостяцкую квартиру: ее одолевали робость и смятение. Но усталость взяла верх и Клара обессиленно опустилась в кресло.

– Я поеду в управление, а вы располагайтесь, где вам будет удобно. Живу я один, так что вас никто не побеспокоит. Меня не будет до вечера. После работы заеду и отвезу вас в больницу к потерпевшей.

– Ее зовут Лиля, – сонным голосом произнесла Клара и тут же спросила: – Почему вы со мной возитесь?

Уваров на секунду смутился, потом вскинул голову и шутливо ответил:

– Сам не знаю. Вы мне чем-то мою будущую жену напоминаете.

Шутка Уварова не ускользнула от внимания Клары, хотя женщина сделала вид, что не расслышала его слов. Она огляделась вокруг, показала на диван и, зевая, спросила:

– Если можно, я лягу здесь, у вас есть плед или одеяло?

Уваров принес из спальни плед и накрыл Клару. Он не успел выйти из квартиры, как послышалось мирное сопение гостьи. Осторожно прикрыв за собой дверь, следователь закрыл замок на ключ и пошел к лифту. При одной мысли, что Клара спит в его квартире, сердце колотилось, как у мальчишки. В голове тут же промелькнула шальная мысль, что нужно этим непременно воспользоваться: организовать романтический ужин дома или отвезти ее в ресторан. На большее его фантазии не хватило.

На улице уже темнело, когда Уваров припарковал машину возле дома. Свет в окнах не горел, а значит, Клара еще спала. Его сознание прожег внезапный ужас – а вдруг она ушла? На одном дыхании Уваров заскочил в подъезд, подбежал к лифту и начал жать кнопку вызова. Следом за ним к лифту подошла соседка с нижнего этажа, поздоровалась и вопросительно на него посмотрела. Все знали, что он живет один, так зачем спешить в пустую квартиру?

Поднявшись на свой этаж, Юрий подошел к двери и ощутил, как бешено колотится его сердце. Как можно тише он открыл дверь, зажег свет в коридоре и осторожно заглянул в гостиную. Клара еще спала. Вздых облегчения вырвался из

его груди. На минуту Уваров замер, стараясь рассмотреть и запомнить ее спящей. Гостья лежала, свернувшись калачиком, и постанывала во сне. Длинные каштановые волосы разметались по белоснежной подушке. Оголенные ступни ног выглядывали из-под пледа и находились в постоянном движении: пальцы то и дело растопыривались, смыкались, носок вытягивался, словно в пуантах балерины.

На цыпочках Юрий осторожно прошел на кухню, прикрыл за собой дверь и заглянул в холодильник. Тоскливо оглядел холостяцкий набор продуктов и решил заказать еду на дом. На холодильнике висело несколько стикеров с телефонами служб доставки, которыми он часто пользовался. Сегодня его выбор пал на пиццу. Заказав доставку, он сварил в турке крепкий кофе и сел в кресло, в котором проводил похожие друг на друга вечера.

Через несколько минут аромат крепкого кофе проник в гостиную и разбудил Клару. Желудок ее сжался, напоминая о том, что она с утра ничего не ела. Приоткрыв глаза, она увидела полоску света под дверью и поняла, что Юрий уже вернулся с работы. Клара поспешно поднялась с дивана, поправила волосы, заправила слегка помятую блузку в джинсы и прошла на кухню. Услышав ее шаги, Юрий бросил на нее мимолетный взгляд и спросил:

– Удалось выспаться?

– О да. Спасибо, – с сонным видом ответила она, села за стол и с жадностью посмотрела на кофейную чашку.

– Кофе будете?

Она кивнула головой и потерла глаза. Уваров вылил из турки остатки кофе и придвинул к ней чашку. С минуту они смотрели друг на друга, после чего на лице Уварова растянулась самодовольная улыбка. Клару раздражало, что он вел себя с ней так, будто они были знакомы уже много лет. Запросто привез домой и оставил одну в квартире... Она злилась и на себя. При одной мысли, что муж мог застать ее спящей в доме постороннего мужчины, Клару прошиб пот. Сейчас она уже не понимала, как могла позволить привезти ее сюда и уложить спать. Есть же, в конце концов, гостиницы! И почему она не подумала об этом раньше?! Нужно было выбираться из квартиры, пока ее не хватился Аркадий.

Тем временем Юрий уже не скрывал симпатию. Похоже, что ей он тоже начинал нравиться, и это пугало Клару. На протяжении десяти лет она была предана своему мужу и никогда не давала поводов для ревности.

– Есть новости об ограблении? – спросила она в надежде, что этот вопрос вытеснит ненужные мысли из головы, и не прогадала.

– Есть, – ответил Юрий, его губы сжались в прямую линию и он тяжело вздохнул.

– Мы нашли их по горячим следам. Спасибо продавщице овощного лотка, она их подробно описала. Им нет еще семнадцати. На первой минуте допроса они признались в ограблении. Цветы раздали девушкам, деньги прокутили в ночном клубе. Их взяли тепленькими, прямо в постельках, но вот что-то в этой истории не вяжется... – Уваров почесал затылок. – Все трое твердят одно и то же: заехали в магазин купить букет цветов, увидели продавщицу, лежащую на полу. Безуспешно пытались померить пульс, после чего решили, что женщина мертва и помочь ей они уже не смогут. С полицией связываться не хотели, о существовании «скорой помощи» напрочь позабыли. Один из них предложил «позаимствовать» деньги из кассы – причем каждый говорит, что это был кто-то из его друзей, а другой прихватил цветы.

– Цинично, – процедила сквозь зубы Клара.

– О времена! О нравы! – философским тоном процитировал знаменитую цicerоновскую фразу Юрий.

– В кассе была выручка за три дня. Я занималась сборами вещей и не сдавала деньги в банк, – с горечью произнесла Клара.

– Родители мальцов готовы решить все полюбовно. Они выплатят украденную сумму, помогут восстановить разбитые витрины и выделят компенсацию за моральный ущерб. Ребята несовершеннолетние, ранее не привлекались. Так что решать вам, Клара.

– Мой магазин застрахован, и если вы дадите мне справку об ограблении, я получу компенсацию...

– ...А ребята получают условный срок, – не дал ей договорить Юрий, – но я повторюсь, решать вам.

Клара поджала губы и заправила выбившуюся прядь волос за ухо.

– Мне нужно посоветоваться с мужем. Но даже если он согласится, мы в любом случае дождемся, когда Лиля придет в сознание и подтвердит их показания.

– Естественно.

– Так они задержаны? – уточнила Клара.

– Конечно. Дело-то нешуточное – это не просто ограбление, а с отягчающими.

Клара кивнула головой и задумалась. Нужно было позвонить мужу, но она поймала себя на мысли, что не хочет сейчас этого делать.

– Если бы мне неделю назад сказали, что вы будете спать в моей квартире, я бы в жизни этому не поверил.

– Я бы тоже, – согласилась Клара и предложила: – Может, мы перейдем на «ты»?

– Уговорила, но только потому, что ты опробовала мой диван, – шутливо парировал Уваров и, пока улыбка не сошла с лица Клары, поспешил спросить: – Вина?

– А как же Лилия? Мы же хотели ее навестить, – напомнила она.

– Я звонил в больницу, она еще не приходила в сознание. Если перезвонят сегодня, то вызовем такси.

Клара кивнула головой, Уваров наклонился к ее уху и заговорщицким тоном произнес:

– Мне нравится, как ты произносишь «мы».

Клара смутилась, ее щеки залил густой румянец. После этих его слов ей остро захотелось расставить все точки над «і». Глядя прямо в глаза Юрию, она холодным тоном произнесла:

– Ты же знаешь, что между нами ничего не будет. Я замужем.

– И кого это когда-то останавливало? – усмехнулся Уваров.

Клара вспомнила про его развод и тут же съязвила:

– Возможно, твою жену не остановило, но я не такая.

По мгновенно изменившемуся выражению его лица она поняла, что наступила на больную мозоль. Он резко встал, вышел в коридор и начал обувать туфли.

– Ты куда? – обеспокоено спросила она, выглядывая из кухни.

– В магазин за вином, – сухо ответил он и вышел из квартиры.

Кларе стало не по себе: она поняла, что задела его за живое; ни время, ни многочисленные романы не излечили его рану.

Юрий вернулся из магазина с пакетом, в котором позвякивали две бутылки вина. Вечерняя прогулка немного остудила его обиду, от чего Клара с облегчением вздохнула; видимо, Уваров, хоть и был вспыльчив, быстро отходил. Пока его не было, курьер привез пиццу. Расплачиваясь, по реакции парня в униформе Клара поняла, что тот был сильно удивлен ее присутствием в квартире, из чего она сделала вывод, что домой Уваров женщин не приводил. Клара разложила пиццу по тарелкам и усмехнулась: за последний год она попробовала заказную пиццу лишь дважды, причем оба раза – за последнюю неделю.

Ужинали они в полной тишине, украдкой бросая друг на друга быстрые взгляды. После ужина Юрий откупорил бутылку «Бордо», разлил вино по бокалам и подвинул один Кларе. Она посмотрела на этикетку и удивилась:

– Мое любимое.

– Знаю. Видел его у тебя дома и решил не экспериментировать.

– Но ты ведь не знал, что его предпочитаю именно я! Возможно, его любит мой муж, – чуть усмехнувшись, заметила она.

Упоминание о муже спустило Юрия с небес на землю, от чего он нахмурился и закусил губу.

– Твой муж любит пиво, – парировал он. – Покупает его упаковками.

– Что еще ты подметил? – любопытствовала Клара, игнорируя его раздражение. Она хотела разрядить обстановку, но получилось наоборот: Уваров с минуту сосредоточено смотрел на нее, а потом резко выпалил:

– Твой муж женат на работе. Кайф от жизни получает только тогда, когда достигает успеха в карьере. Если он потерпит поражение, то это повлияет на все его окружение. Проигрывать не умеет. Он методично и продуманно преодолевает ступеньку за ступенькой и сметет любое препятствие, мешающее его карьере. Даже если это препятствие – его собственная жена. Между вами не было страсти, даже когда вы поженились, и это тяготит тебя.

Клара побледнела, но Уваров уже не мог остановиться.

– До свадьбы он красиво ухаживал, дарил дорогие подарки не только тебе, но и твоим родителям. За десять лет ваши отношения приобрели механический характер: каждый из вас делает то, что от него требуется. Но первое, что бросилось в глаза, когда я увидел вас вместе – любви между вами нет. Есть лишь чувство долга и ответственность. А так жить нельзя, Клара...

От этих слов Клара чуть не поперхнулась вином. Ей очень хотелось возразить, но Юрий предупреждающе выставил руку вперед и продолжил:

– Еще один фактор, который вас объединяет – это дочь. Вы оба ее любите и хотите быть для нее идеальными родителями. Она – мостик между вашими мирами. А так как вы поженились по залету, то этот мостик в ваших отношениях был с самого начала.

Все внутри Клары закипало от ярости. Когда Юрий закончил, она откашлялась и гневно выпалила:

– Как ледяной водой окатил! Ты все это понял, взглянув на нас два раза?!

– Да. И не обижайся, ты сама попросила.

– То есть это я виновата в том, что ты только что оскорбил мой брак?!

Она поставила бокал на стол, резко встала и двинулась в сторону коридора. Юрий, ожидая такую реакцию, быстро преградил ей дорогу и поспешно произнес:

– Прости, наверное, я перегнул палку.

– Это еще мягко сказано, – процедила она сквозь зубы, – какое вообще тебе дело до меня и моего мужа?

– До него – никакого, – многозначительно произнес Юрий, подошел ближе и заглянул ей в глаза.

– Что ты делаешь? – спросила она, отстраняясь.

– Приглашаю тебя в гостиную, – отшутился он.

Кларе порядком надоели выходки Уварова, она проскользнула под его рукой и пошла в прихожую, бросив на ходу:

– Пожалуй, мне пора.

Схватив куртку с вешалки, Клара начала обуваться. Но Уваров не собирался сдаваться: на своей территории он чувствовал себя уверенней, а выпитое вино придавало смелости. Преградив ей дорогу, он приблизился так близко, что Клара почувствовала над собой его дыхание. Он пристально смотрел ей в глаза, и она заметила, как предательски дрожат его руки. Затем ткнулся лицом в ее плечо, тихо и страстно заговорил:

– Не знаю, что со мной происходит. Мне кажется, я схожу с ума. Как только увидел тебя на пляже – такую беспомощную, мокрую и испуганную, не могу избавиться от магии твоих глаз. Ты мне снишься почти каждую ночь. Знаю, что не должен этого говорить, но ничего с собой поделать не могу. Клара, ты мое наваждение.

От его слов по всему телу разлилось тепло, ладони стали влажными, а уши улавливали не смысл слов, а лишь горячее дыхание. На минуту взгляд Клары стал растерянным, но потом эмоции захлестнули ее и вместо того, чтобы оттолкнуть обидчика, она прижалась к нему и расплакалась.

В голове засело не его признание в чувствах, а слова, разоблачающие ее брак. Она вдруг увидела перед собой лицо мужа, безмятежно сообщавшего ей о переезде. Неужели Уваров прав и Аркадий снесет любое препятствие, мешающее его карьере, даже если это будет она? Как бы повел себя Аркадий, если бы она пошла на принцип и не дала согласие на переезд? Глубоко внутри она знала: Уваров прав, от этого и было так больно.

На такую реакцию Юрий никак не рассчитывал. Он обнял ее за плечи и застонал: женские слезы – это последнее, что ему сейчас было нужно.

– Прости дурака, наговорил всяких глупостей. Я просто злой на весь мир, – процедил он с мучительной гримасой на лице.

Она попыталась что-то сказать, но слезы сдавливали горло и безнадежные попытки оборачивались лишь обрывками фраз. В итоге Клара взяла себя в руки, успокоилась и произнесла:

– Ты прав.

Юрий удивленно посмотрел на нее и спросил:

– В чем?

– Про мой брак. Мне просто тяжело слышать правду от постороннего человека. Сама я не никогда не посмотрела бы на свои отношения с мужем под таким углом.

– Я не посторонний – ты спала на моем диване! – отшутился он.

Она высвободилась из его объятий, прошла в гостиную и села в кресло. Юрий принес вторую бутылку вина и разлил по бокалам.

– Прости, – еще раз повторил он и опустился на край дивана, – не смог сдержаться. Завидую твоему мужу черной завистью. Он не ценит, что имеет. Для мужчины главное – надежный тыл, иначе горы не свернешь.

С минуту он молчал. Клара видела, как тяжело дается ему этот разговор.

– После предательства жены мне тяжело доверять. За два года у меня не было серьезных отношений. Конечно, женщины были, но это просто секс. Моя душа закрыта. И вот я встречаю тебя, такую... – он осекся, посмотрел на нее и на лице промелькнуло чуждое ему смущение, – ...близкую, родную, что, кажется, мы знакомы целую вечность! Рядом с тобой тепло, уютно, по-юношески восторженно сердце, но ты оказываешься замужем. Ирония судьбы.

Юрий усмехнулся и залпом осушил бокал. Клара молчала. В этот момент она пыталась разобраться в собственных чувствах. Уваров был мужчиной брутального типа, боец и защитник в одном лице. С таким женщина чувствует себя, как за каменной стеной, но только пока не поселится с ним в одной квартире. Максималист во всем: у него либо белое, либо черное, весь спектр серых оттенков стерт. Слушая его, Клара вдруг осознала, что его жена выбрала другого неспроста. Напор и категоричность Уварова могли ей, в конце концов, наскучить. Профессия накладывает отпечаток на характер человека и, работая следователем, Уваров привык вести себя авторитарно. Тогда чем же он отличается от ее мужа? Аркадий хоть не гуляет, а этот меняет женщин как перчатки.

– У тебя дети есть? – спросила она после паузы.

– Да. Сын, Егор. Ему сейчас двенадцать.

– Ты часто его видишь?

– Он у меня каждые выходные. Если, конечно, не вызывают на работу.

Клара наклонила голову и заглянула ему в глаза.

– Ты все еще любишь свою жену?

Ее вопрос заставил Юрия задуматься. Он вскинул на Клару покрасневшие от алкоголя глаза, затем покачал головой и ответил:

– Нет. Не люблю, но есть сын, и нам необходимо поддерживать нормальные человеческие отношения.

– Она так и живет с тем мужчиной?

– Нет. Для него это был курортный роман. Покувыркался и уехал к семье.

– Ты с ним говорил, – догадалась Клара.

Кивком головы Юрий подтвердил ее догадку и сказал:

– Если это можно назвать разговором... Я застукал их в гостиничном номере, он оказался обычным инженеришкой из Волгограда.

Клара усмехнулась и сказала:

– Изменять следователю и думать, что он не узнает – напрасное дело, да к тому же и глупое. От твоего внимания не ускользает ни одна деталь.

Уваров, словно не слыша ее, склонил голову и продолжил рассказ:

– Когда мы разошлись, ее понесло. Сначала связалась с рокером. Моталась за ним из города в город по гастрольным турам. Потом – пожарный, а потом я уже со счета сбился. Сейчас даже не спрашиваю.

– А я никогда не изменяла мужу. Даже не думала об этом, – вдруг начала изливать душу Клара, – в твоих словах, может, и есть доля правды, но не вся. Ты прав в том, что поженились мы потому, что я забеременела, и в том, что основное время Аркадий уделяет работе, но я никогда не страдала от отсутствия внимания. После

работы он всегда дома. Вечера и выходные мы проводим вместе. Я не знаю, что бы я делала, узнай про его измену. Это было бы предательством, которое разбило бы мне сердце. Когда мы поженились, то дали друг другу слово, что если влюбимся в кого-нибудь на стороне, то сразу признаемся в этом.

– Глупости, – усмехнулся Юрий, – после развода у меня было много замужних женщин, и никто из них мужу не каялся.

– Ты стал таким циником после развода?

– Нет. Просто пелена с глаз сошла, и нет больше иллюзий по поводу верности, – на выдохе произнес Уваров, поднялся с дивана и пошел в коридор.

Откровенный разговор разбередил старые раны. Юрий вынул из куртки пачку сигарет и направился на кухню. Клара услышала звук открывающегося окна, и через минуту сквозь щель под дверью потянуло сигаретным дымом. Пока Юрий курил, она придирчиво осматривала его гостиную. Никаких разбросанных вещей, все лежит по своим местам. И, хотя в комнате не было дорогой мебели, для холостяка гостиная выглядела вполне прилично.

Зазвучала мелодия ее мобильного телефона, и она поспешила ответить на звонок.

– Клара Владимировна? – спросил приятный женский голос.

– Да.

– Ваша подруга пришла в сознание и просит вас приехать.

– Спасибо, что позвонили. Я выезжаю, – решительно произнесла она и, сбросив вызов, побежала на кухню. – Лиля пришла в себя, – возбужденно произнесла она.

– Странно, что меня не предупредили, – ответил Уваров и потушил сигарету.

Не успел он обуть туфли, как зазвонил и его телефон. Следовательно выслушал звонившего и ответил:

– Вас понял. Буду в течение получаса.

К ночи больничные коридоры опустели. Несколько человек столпились возле приемного отделения в надежде получить хоть какую-то информацию о пострадавших родственниках. Словно почувствовав волнение спутницы, Уваров взял Клару под локоть и подвел к лифту. Поднявшись на третий этаж, следовательно скрылся за дверьми реанимационного отделения, после чего Клара сразу почувствовала навалившуюся пустоту и прислонилась к стене. Его не было всего пять минут, но ей показалось, что прошла целая вечность. Она нервно теребила ручку кожаной сумки и с беспокойством поглядывала на двери.

В коридор Уваров вышел возбужденным и, ускоряя шаг, направился к лестнице, на ходу жестом показывая следовать за ним. Спускаясь на этаж ниже, он объяснил, что Лилю перевели в терапевтическое отделение.

– Значит, ее состояние стабильное, – сделал он вывод, открывая дверь.

– Хоть бы с ребенком было все в порядке! – взмолилась она.

Стремительно преодолев длинный коридор, Клара первой зашла в палату. Просторная комната, окрашенная в светло-зеленый цвет, была рассчитана на две койки. Лиля в просторной больничной рубашке лежала на одной из них, бледная, напуганная и заплаканная. Рядом с ней сидел Кирилл и что-то настойчиво ей говорил. Увидев Клару, он одарил ее недовольным взглядом, извинился и вышел из палаты.

Клара ответила ему испепеляющим взглядом, обняла подругу и спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

- Сносно, – обессиленно ответила Лиля.
- Ты помнишь следователя Уварова? – спросила Клара и указала на вошедшего следом Юрия. – Он ведет дело об ограблении. У него есть к тебе несколько вопросов.
- Я только узнала, что нас ограбили. Какой ужас! – встревоженно произнесла Лиля и приподнялась на локтях.
- Уваров опустил на стул рядом с койкой, достал из кармана куртки блокнот и сказал:
- Расскажите, что произошло.
- Лиля с опаской посмотрела на следователя, затем перевела взгляд на Клару и, дождавшись ее кивка, начала рассказ:
- Помню, что в магазине был мужчина, в темном пальто и шляпе. Он был очень странный, лица его я не разглядела.
- Глаза следователя тут же вспыхнули, между бровями пролегла глубокая складка. Таинственный незнакомец снова дал о себе знать. Уваров подался вперед всем корпусом и вкрадчиво произнес:
- Опишите мне его как можно подробнее.
- Ростом ненамного выше меня. Примерно метр семьдесят. Широкий в плечах... – Лиля потупила взгляд и неуверенным тоном добавила: – Лицо прятал под шляпой...
- В свою очередь Клара тоже вспомнила про встречу у дороги: мужчина, похожий на того, кого описывала Лиля, помог ей поймать улетевшие книжные листки.
- Что он хотел? – спросил Уваров. Вид у него становился все более и более заинтересованным.
- Он купил цветы, – медленно произнесла Лиля, но потом быстро поправилась, – нет, не купил, выбрал! Но... Цветы... Космос... Шоколадный... Я плохо помню, что было потом.
- О чем ты говоришь? У нас не было никакого «космоса шоколадного», – заметила Клара, – это очень редкие цветы.
- Да. Это и было странным, но я точно помню, что он держал в руках эти цветы, он даже знал их латинское название.
- Клара многозначительно посмотрела на Юрия: по ее взгляду он понял, что слова Лили не имеют никакого смысла.
- А что было потом?
- Он ушел, – ответила Лиля, – мне стало плохо.
- Вспоминая происшествие, Лиля заметно нервничала. Глаза ее увлажнились, руки дрожали. Уваров ободряюще похлопал ее по руке и сочувственно произнес:
- Успокойтесь, пожалуйста, сейчас вы в безопасности. Этот мужчина с вами что-то сделал?
- Она отрицательно покачала головой.
- Мне просто стало плохо.
- Понятно, а что было потом?
- Ничего. Я отключилась. Очнулась в реанимации.
- То есть, вы не слышали, как в магазин заходили трое молодых людей?
- Нет. Не слышала.
- Вы уверены в этом?
- Абсолютно, – твердо ответила Лиля.
- Понятно, – сказал Уваров, извинился и вышел из палаты.

Когда дверь за ним закрылась, Лиля схватила руку подруги и взволновано произнесла:

– Клара, я боюсь! Тот мужчина в черном пальто был таким странным, я чувствовала от него опасность! Он до меня не дотрагивался. Понимаешь? Стоял в стороне и просто смотрел, но он точно со мной что-то сделал. От него шел такой холод, что я мгновенно замерзла. Если я об этом расскажу, меня поместят в палату к сумасшедшим.

– А он не был похож на того мужчину, который говорил со мной на улице, когда меня чуть машина не сбила?

– Я не видела там никого. Ты стояла одна, – уверенно произнесла Лиля.

– Странно.

Лиля глубоко вздохнула и посмотрела на подругу.

– Кирилл хочет вернуться.

– А ты что думаешь?

Лиля сложила пальцы в замок и нахмурилась.

– Не знаю. После такого предательства я на него смотреть не могу.

– Не принимай поспешных решений.

– Знаю... Ребенок... Но любовь невозможно вернуть по мановению волшебной палочки.

– Ты его любишь, и не отрицай это.

– Я его любила, пока он меня не предал.

Уже второй раз за день Клара слышала об изменах в других семьях.

– Он вернулся в квартиру под утро, я сразу ушла.

– Что?! Как это – вернулся? – не поверила Лиля. – Он мне ничего не сказал!

– Спрашивал меня об убытках, говорил, что хочет их покрыть.

– Да чушь все это, у него нет денег. Бравивирует, выпендривается перед тобой. Типа, крутой.

– Также он сказал, что ты просила у него деньги, чтобы выкупить долю в магазине, – поведала наконец-то Клара.

– Вот зачем он тебе это сказал? – разозлилась Лиля. – Это он мне такую идею подкинул, но я ответила, что пока не решила, чем буду заниматься. Я ведь просто тебе помогала. Цветы – это не то, чему я бы хотела посвятить всю жизнь. Это дело для тебя. Из одних и тех же цветов ты составляешь разные потрясающие композиции, а у меня ума хватает только на стандартный набор.

– Не говори так, все приходит с опытом.

– Нет, нет. Клара, у тебя талант. И твое дело будет процветать, я уверена в этом. А мне сейчас нужно думать о ребенке.

Клара сжала ладонь подруги и произнесла:

– Ты совершенно права.

– Мне снова делали ультразвук. Пока вроде все в норме, – произнесла Лиля и заулыбалась.

Ее лицо мгновенно преобразилось, стало светлее и нежнее. Клара вспомнила свою беременность и подумала, что бог наверняка есть – ведь кто-то же наделяет беременную женщину столь искрящейся чистотой и необыкновенной красотой!

– Я не лишаю его прав на ребенка. Просто жить с ним под одной крышей больше не могу. Он не может дать мне гарантию, что через год или через три снова не влюбится в другую женщину. Любовь не приходит просто так. Она приходит, когда в сердце человека образовался вакуум.

Слова подруги заставили Клару задуматься. Ей показалось, что сейчас она находится в подобном состоянии. В ее сердце вакуум, который требует, чтобы его заполнили.

– Я поживу пока в гостинице. Завтра начну уборку в магазине и приведу в порядок бумаги. Ты не знаешь, где все последние накладные?

– Они у меня дома, на подоконнике на кухне. И ни в какую гостиницу ты не пойдешь. Ночуй у меня. Мы же договорились.

Перспектива снова встретить Кирилла заставила Клару объясниться.

– Лиля, послушай, сейчас неподходящий момент для споров. Что бы вы ни решили с Кириллом, я сейчас лишняя. Он и так смотрит на меня волком.

– Он завистник. У твоего мужа есть деньги, а у него нет. Твой муж ездит на «Мерседесе», а он – на «Опеле». Ты ходишь в соболиной шубе, а он мне не может пальто новое купить. Он все подмечает, сравнивает и из-за любой мелочи расстраивается. Не обращай на него внимания. Я давно уже заблокировалась, думала, идеальных людей не бывает, поэтому мирилась, а сейчас мне все в нем противно, все недостатки бросаются в глаза и безумно раздражают.

Дверь внезапно открылась, и в палату вошел разгневанный Кирилл. Подруги многозначительно переглянулись: по его виду они поняли, что он подслушивал их разговор. Клара встала и извиняющимся тоном произнесла:

– Мне пора. Я заеду за вещами, заберу документы и поеду в гостиницу.

Лиля внимательно наблюдала за поведением мужа. Тот стоял отстраненный, всем своим видом показывая, что ждет ухода Клары. Лиля еле заметно кивнула головой и ответила:

– Хорошо. В больнице я пролежу еще несколько дней, – и громче добавила: – Ключи от квартиры пусть пока побудут у тебя: вдруг мне что-нибудь из личных вещей понадобится.

Клара попрощалась и вышла. В коридоре ее ждал Уваров. Он только что закончил телефонный разговор и выглядел встревоженным.

– Мне нужно заскочить в управление на полчаса, а потом я свободен.

– А мне нужно забрать вещи из квартиры Лили и поехать в гостиницу.

– Зачем? Оставайся у меня.

– Нет. Я поеду в гостиницу, – твердо произнесла Клара и пошла к лифту.

Уваров недовольно поморщился, но решил не настаивать, заскочил следом за ней в кабину лифта и, пока они спускались на первый этаж, не сводил с нее глаз. Когда Клара садилась в такси, он поймал себя на мысли, что ему с каждым разом все тяжелее с ней расставаться.

Ближе к полуночи Клара добралась до гостиницы и поселилась в уютном и просторном одноместном номере, который включал в себя спальную и гостиную зоны, разделенные синим диваном. Через широкие окна в пол открывался великолепный пейзаж: длинная береговая линия, набережная, освещенная фонарями, и Приморская улица. Несколько минут она любовалась окрестностями, а затем начала обживать в номере. Разложив вещи на полках встроенного шкафа, она спрятала паспорт и ценности в сейф.

По телефону она сообщила мужу, что целый день занималась организационными вопросами. Об ограблении Клары и словом не обмолвилась. Она так устала за последнюю неделю, что не в состоянии была сейчас спорить. Сообщи она ему

новости, Аркадий тут же стал бы настаивать на закрытии магазина, а то и на личном присутствии во время следствия, а Кларе хотелось сейчас побыть одной. В заключение разговора она умиленно выслушала щебетание дочери, которая в этот поздний час еще не спала, за что получила выговор от матери. Полина быстро и возбужденно рассказала о новой квартире, о школе и о том, как решила оформить свою комнату. Голос дочери привнес немного равновесия в наполненный стрессами уходящий день.

Приняв душ, Клара легла в кровать и открыла белую папку. Нашла отрывок, на котором остановилась, и продолжила чтение.

«Я все еще находилась в неведении, и когда пришло известие о том, что скоропостижно умерла мать Тихони, то упорно не хотела связывать эту трагедию с возлюбленным. Я отпросилась с работы, и мы с мамой Светой поехали на похороны в город моего детства. Мне было страшно возвращаться назад – кто-нибудь мог меня узнать и донести о моем приезде мачехе, но и оставить Светлану одну я никак не могла. Когда мы подходили к дому, я надеялась увидеть Тихоню. Но, увы, его там не было.

Екатерина умерла от сердечного приступа. Странным было то, что ее тело было практически синим. Врач, который делал вскрытие, сказал, что у нее в течение двух часов резко понизилась температура – до двадцати четырех градусов, и ее сердце не выдержало».

Клара опустила папку на колени и задумалась. То, что описывала Тамара, было очень похоже на случай с Лилей. Только Лиля отделалась испугом, а мать Тихони умерла. Впервые со дня встречи с Тихоновым на пляже Клара ощутила, что дневник попал к ней не случайно. Заинтригованная, она продолжила чтение.

«На похороны пришло много людей. Екатерина была уважаемым врачом, и многие пришли почтить ее память. Среди ее знакомых оказалось несколько женщин странного вида. Они сразу привлекли мое внимание: молчаливые, выносливые, бормочущие себе под нос что-то невнятное. Их одинаковые черные платья были длиной до пола. Они всю ночь провели у гроба Екатерины

Когда все разошлись, я спросила у мамы Светы, кто эти женщины. Она ответила, что монахини. Оказывается, Екатерина хотела уйти в монастырь и готовилась к постригу. Когда температура начала снижаться, Екатерина не обратила на это внимания и продолжила работать на монастырском подворье. Лишь когда она потеряла сознание и упала, ее перенесли в келью и вызвали врача. Врач приехал только через два часа, когда Екатерина уже умерла. Он сказал, что

если бы ей вовремя оказали медицинскую помощь, то, возможно, ее бы можно было спасти. Медицинскую причину снижения температуры установить так и не удалось.

Тихоня на похоронах матери не появился, но я была уверена, что он очень близко – потому что чувствовала трепет и волнение, которые всегда ощущала рядом с ним. После похорон были поминки. Люди шли и шли сплошным потоком. Многие вспоминали, кому и когда Екатерина помогла как врач. Когда совсем стемнело, мы с мамой Светой остались одни, сели за стол на кухне около окна и разговорились. Она вспоминала о сестре, об их детстве, о том, как обе вышли замуж, о рождении Тихони. Потом резко загнулась и замолчала. Мы легли спать, она быстро уснула, а я все ворочалась и думала о Тихоне. Где он? Что сейчас делает?

Среди ночи я проснулась от жуткого крика. Я так перепугалась, что замерла от страха и долго не могла пошевелиться. Только когда я услышала, что мама Света встала и со стоном пошла на кухню, я выскочила из кровати и пулей побежала за ней. Лицо мамы Светы было белым как полотно, волосы растрепались, а взгляд был безумным и испуганным. Она сказала, что ей приснилась сестра, и что она была не одна, а с Тихоней. В тот момент я подумала, что он в опасности или с ним уже произошло что-то плохое. Воображение рисовало самые страшные картины.

И тогда мама Света посадила меня на стул и сказала, что ей нужно кое-что мне рассказать. Я помню ее слова дословно – так сильно они поразили меня и врезались в память. Слезы и сильная дрожь долго не давали ей начать, но когда она заговорила, у меня от страха пошел мороз по коже.

Тайной, которую от меня тщательно скрывали, оказалось загадочное и мистическое событие, произошедшее с Тихоней в детстве. В возрасте двенадцати лет он сильно заболел воспалением легких. Что только врачи не делали – тело подростка отвергало лекарства, на антибиотики наблюдалась сильнейшая аллергическая реакция. Казалось, что тело ребенка сдалось и смирилось со своей участью. Тихоня чах на глазах. Екатерина металась по больничной палате как загнанный зверь, бросалась в ноги врачам и умоляла спасти ее сына. Медики перепробовали все варианты, даже нетрадиционное

лечение, но все напрасно. Тогда Екатерина, никого не предупредив, поехала к женщине по имени Жупар. Она жила в пятидесяти километрах от их дома. При упоминании этого имени по моему телу пробежала дрожь. В памяти тут же промелькнуло искаженное в злобной гримасе лицо колдуньи.

Жупар сделала какой-то обряд и дала снадобье, которое должно было излечить Тихоню, но предупредила, что ребенок будет жить, а вот его душа пойдет в услужение духам. Екатерина была согласна на все, лишь бы выдернуть сына из хищных лап смерти.

Она вернулась в больницу и сделала все, что сказала ей старуха. Но снадобье не подействовало, лихорадка лишь усилилась. На несколько секунд Тихоня пришел в себя, открыл глаза и спросил: «Что ты натворила, мама?»

К утру Тихоня умер»

Клара, опустив дневник и широко раскрыв глаза, смотрела в одну точку. Как он мог умереть, если она видела его собственными глазами на пляже? Бред! Выдумки...

Но потом она вспомнила: в дневнике Тамара писала, что их с Тихоней объединяло одно и то же пережитое в детстве событие. И раз автор дневника через несколько минут после клинической смерти все-таки пришла в себя, то Клара решила, что с Тихоней произошло то же самое, и продолжила чтение.

«Екатерина была сломлена. Два дня она ходила словно каменное изваяние. На похороны ребенка собралась вся семья. Родные старались утешить Екатерину, но все бесполезно: она то впадала в забытие, то билась в истерике, то теряла сознание. Было жутко на нее смотреть. И тут началась какая-то чертовщина. Ночью перед похоронами в доме были слышны быстрые легкие шаги, похожие на шаги Тихони. Несколько человек клялись, что видели покойного мельком в разных местах. Родственники были не на шутку испуганы и, еле дождавшись конца поминок, стали поспешно разъезжаться. В доме остались только Светлана, Екатерина и ее муж, отец Тихони.

«Ночью меня разбудили громкий разговор, вскрики и плач Екатерины, – рассказывала Светлана, – я попыталась выйти узнать, в чем дело, но моя дверь не открывалась, как будто кто-то держал ее с другой стороны. Стало так страшно, что я просидела на кровати, не сомкнув глаз, пока не запели первые петухи. Потом дверь приоткрылась сама собой, и я вышла из комнаты. Я

увидела, как Катя и ее муж сидели на диване в гостиной, взявшись за руки, и с ужасом смотрели в угол. Там, за столом, живой и невредимый, сидел Тихоня и с жадностью поедал остатки еды с собственных поминок».

С этого момента я смотрела на Светлану как на умалишенную. В моих глазах она была несчастной женщиной, потрясенной преждевременной смертью сестры. Ее рассказу я не верила – потому что знала Тихоню уже много лет. Это был обычный парень, ничем не отличавшийся от других ребят. Он был здоров, проявлял такие же эмоции, как другие подростки, и такие же потребности».

Клара отложила дневник и несколько минут расхаживала по комнате. В ее голове вихрем проносились сомнения, мозг отказывался воспринимать полученную информацию. Что за чертовщина? Как Тихоня мог самостоятельно выбраться из гроба? Как человека могут похоронить заживо? Да еще и после больничного морга, где вслед за констатацией смерти обязательно делают вскрытие! Но потом Клара решила продолжить чтение, надеясь, что, возможно, дальше в дневнике есть объяснение этому загадочному случаю.

«Мама Света продолжила свой рассказ: «Катя проверила все его жизненные показатели. Он был совершенно здоров. Вел себя так, будто ничего не случилось, но ничего не помнил ни о болезни, ни о больнице. Ни я, ни ее муж не смогли вынести этого зрелища. Было жутко не только говорить с ним, но даже находиться в одном доме. Мальчик сильно изменился, стал отстраненным, а в его взгляде появилось что-то демоническое».

И тут я вспомнила наш приезд с Тихоней в Усть-Каменогорск, как Светлана стояла перед воротами и долго не могла решиться их открыть. А когда открыла, была испугана и смущена: не знала, как на него реагировать.

Сама Светлана в смятении в тот же день уехала домой, и через месяц получила от сестры письмо. Родителям пришлось несколько дней прятать Тихоню от соседей и родственников в подвале, где ему спешно организовали комнату. Первые три дня Тихоня почти не говорил, только показывал на предметы, тем самым намекая родителям о своих желаниях. Екатерина писала, что переехала с сыном в другой город, поближе к женщине, которая давала ей снадобье. Тихоня пошел в новую школу, завел новых друзей. Также она упомянула, что муж ее бросил. Светлана понимала, что Екатерина – мать и не может бросить свое дитя, каким бы он ни был. Прошел год, и она получила второе письмо, совсем

иного тона. Екатерина писала, что совершила огромный грех, который ей не вымолить до конца жизни.

Схватив меня за руки, мама Света почти шепотом произнесла: «Сестра написала, что колдунья предупредила ее: раз в два года ее сыну нужно приезжать за снадобьем, иначе он исчезнет». Она также рассказала мне про кошмар, который разбудил ее: «Я видела Катю среди скалистых гор и редкой растительности. Кругом стоял полумрак. Она бежала по тропинке, но заметив меня, остановилась на секунду и прошептала, что у нее мало времени. До рассвета ей нужно попасть в ущелье, где не рыщут духи тьмы. Рядом с ней стоял племянник и подгонял ее. Создавалось такое впечатление, что он хочет ей помочь, спасти от каких-то духов».

Мы проговорили с мамой Светой до утра, а потом собрали вещи и поспешили вернуться в Усть-Каменогорск».

Как бы парадоксально и захватывающе не выглядела история Тамары, Клару неумолимо тянуло ко сну. Она закрыла папку, накрылась одеялом и мгновенно отключилась.

Среди ночи она услышала тихий стук в дверь. Клара соскочила с кровати, на цыпочках подошла к двери и посмотрела в глазок. В коридоре гостиницы, переминаясь с ноги на ногу, стоял Уваров.

«Откуда он узнал, где я?» – подумала Клара и нахмурилась.

Следователь снова постучал, уже более настойчиво. Клара замерла, затаив дыхание и не зная, что ей делать. Внезапное появление Уварова вызвало шквал противоречивых мыслей и чувств. С одной стороны, ей очень хотелось впустить Юрия и рассказать, что она узнала из дневника Тамары. Но потом Клара все-таки решила, что этот разговор лучше перенести на утро. Так же на цыпочках она вернулась в кровать и накрылась одеялом. Но Уваров не сдавался: вскоре зазвонил ее мобильный телефон. Клара быстро отбила звонок и отключила в настройках телефона звук. Через минуту по коридору послышались удаляющиеся шаги.

Сон как рукой сняло. Глаза Клары еще долго ощупывали темную комнату, словно в поисках непрошенного ночного гостя, который каким-то образом просочился сквозь дверь и расхаживает по номеру.

Открыв дверь магазина, Клара обвела взглядом разбитые цветочные витрины и громко вздохнула. В помещении царил разуха. Осколки разбитого стекла усеивали пол. На всех поверхностях виднелись следы дактилоскопического порошка. В углу при входе валялись треснутые пустые вазоны. На столе, где Клара обычно собирала цветочные композиции, остались остатки еды – видимо, это был обед работавших здесь экспертов.

Надо было приводить все в порядок. Открыв дверь подсобки, Клара положила сумку на журнальный столик и засучила рукава. Набрала полное ведро воды, взяла тряпки, щетки и направилась к витринам.

Не успела она начать уборку, как прозвенел колокольчик на двери. Пружинистой походкой в магазин вошел Уваров, за ним со скучающим видом следовали трое подростков и двое мужчин примерно сорока лет. Процессию замыкала модно одетая женщина лет тридцати пяти.

– Доброе утро, Клара Владимировна, – официальным тоном обратился к ней следователь.

– Доброе утро, – растерянно произнесла она и вопросительно посмотрела на незнакомцев.

– Перед вами – трое нарушителей, которые украли ваше имущество, – произнес Уваров сухим тоном и указал на подростков.

Один из парней хотел возразить и даже скорчил недовольную гримасу, но увесистый подзатыльник отца опередил его намерения. То, что это именно отец, можно было не сомневаться: налицо было поразительное сходство.

– Они сейчас приступят к уборке магазина, – Уваров повернулся к парням и, повышая тон, добавил: – Выскоблят здесь все до зеркальной чистоты, – затем перевел взгляд на Клару, – а с вами горят желанием поговорить их родители. После того, как они закончат здесь свою работу, вы примете ее и все вместе подъедете в управление. Там мы и решим, что будем делать с этими горе-грабителями.

– Да какие мы грабители?! – выпалил все тот же парень. – Подумаешь, прихватили парочку букетов.

– Прихватили!? – заорал его отец. От крика Клара вздрогнула и непроизвольно отступила на шаг назад. – Они, оказывается, прихватили! Я тебе сейчас покажу, прихватили!

Женщина, вероятно, его жена, семенящей походкой быстро подошла к мужу и попыталась его успокоить.

– Дорогой, тебе нельзя волноваться, у тебя больное сердце, – с надрывом произнесла она и сочувственно положила руку на его плечо.

– Будет тут болеть сердце, если твой единственный сын оказывается вором и повесой, да еще хладнокровным убийцей!

– Пап, ну не раздувай проблему. Она была синяя, мы думали, она скопытилась, – затараторил паренек и тут же получил еще один подзатыльник.

– Имей уважение! – прокричал отец. – Беременной женщине требовалась помощь, а у вас хватило ума только на воровство! Подонки!

Клара решила прекратить этот спектакль, указала молодым людям на швабру, щетки и сказала:

– Моющие средства в кладовке. Приступайте.

– Родители останутся, чтобы контролировать работу, – пояснил Уваров.

– Мы бы хотели с вами поговорить, – жалобно произнесла женщина с наигранно молящим выражением на лице.

Клара кивком показала в сторону двери и первой ступила на тротуар. Уваров остался в магазине, а родители поспешили за Klarой.

– Мы просим у вас прощения за поведение наших детей, – уже совсем другим тоном заговорил только что орущий на сына мужчина, – как отец, я испытываю невероятный стыд.

На нем была черная кожаная куртка и твидовые брюки. Говорил он таким заученным речитативом, что Кларе сделала вывод: этот мужчина не в первый раз решает проблемы своего распоясавшегося сына.

– Мы просим вас забрать заявление из полиции и уладить ситуацию полюбовно.

– Моя подруга чуть не умерла, – строго подметила Клара и поочередно оглядела родителей.

Но с ней горел желанием общаться только мужчина в кожаной куртке – остальные же с суровыми выражениями на лицах отступили в сторону, освобождая место для маневра самому предприимчивому.

– Мы понимаем это, – мягко произнес мужчина в кожанке и добавил: – С ней мы уже сегодня поговорили, она не будет возражать, если вы уладите дело.

– Вот как? – удивилась Клара. Лиля не сообщала ей об их визите.

Она вынула из кармана джинсов мобильный телефон, увидела несколько пропущенных звонков и вспомнила, что после ночного визита следователя отключила звук.

– Мы бы хотели обговорить сумму, которая сможет помочь забыть о происшествии, но сначала мы рассчитываем получить от вас принципиальное согласие, – быстро заговорил мужчина в кожаной куртке и пронзил ее пронизательным взглядом.

– Если моя подруга не имеет к вам претензий, то я готова пойти на мировую, – сухо произнесла Клара.

– Вот и прекрасно, – с довольным видом ответил все тот же мужчина.

Он протянул ей записку, в которой была написана крупная сумма. Клара подумала, что это примерно в три раза больше расходов на замену витрин и закупку цветов. Она кивнула головой и даже немного покраснела от смущения. В мыслях уже промелькнули предположения, куда она могла бы потратить оставшиеся после ремонта деньги.

Мужчина предложил пересчитать купюры в подсобке, и они вернулись в магазин. Он вручил Кларе конверт, и пока она считала деньги, сказал:

– Я когда-то открывал сеть цветочных магазинов, – прозвучало название крупного сетевого. – Я девелопер. Создаю бизнес с нуля и тут же его продаю. Так что могу дать вам несколько советов по развитию вашего салона.

– С удовольствием выслушаю вас, – любезно отозвалась Клара.

Она пересчитала деньги, убрала конверт в сумку и вышла из подсобки. Уваров вопросительно на нее посмотрел, и она кивнула головой, давая понять, что дело улажено.

– Я жду вас в управлении, – сказал следователь и поспешил удалиться.

Поддавшись внезапному порыву, Клара выскочила на улицу и окрикнула его:

– Юра!

Он повернулся и сухо спросил:

– Что?

– Зачем ты приходил вчера ночью?

Уваров на секунду опустил глаза, махнул рукой и неохотно бросил:

– Хотел кое-что рассказать.

– А сейчас не можешь?

– Нет. Сейчас я занят, спешу в управление, – деловито произнес он.

– Тогда поговорим позже?

По его реакции она поняла, что он обиделся, но все же пересилил себя и ответил утвердительно. Затем он быстро сел в машину и утопил педаль газа в пол. Мотор взревел, «Мерседес» резко вырвался со стоянки на дорогу, подняв в воздух столб пыли.

Время близилось к обеду, и Клара заглянула в салон, чтобы предупредить, что ближайший час проведет в кафе на соседней улице. Подростки нехотя терли плохо выжатыми тряпками уцелевшие стеклянные витрины, оставляя на них мутные потеки. Родители вопреки указаниям следователя не стояли в стороне, а активно помогали. Глядя на их действия, Клара подумала, что причина поведения детей скорее крылась в самих родителях.

В кафе Клара расположилась за своим любимым столиком возле окна, сделала заказ и открыла папку с ксерокопией дневника Тамары. Нашла заложенную закладкой страницу и погрузилась в мир воспоминаний.

«С этого момента моя тревога за душевное состояние мамы Светы росла с каждым днем. Почти каждую ночь тишину разрывали жуткие вскрики – ее преследовали кошмары. Днем, находясь в доме, она то и дело замирала и прислушивалась. Потом обращалась ко мне и спрашивала: «Ты слышала? Кто-то меня зовет». Но я ничего не слышала, и от этого мне становилось жутко.

Через неделю после возвращения с похорон мама Света подошла ко мне и сказала: «Он мстит нам с сестрой за вашего ребенка». Она говорила о Тихоне. Я не верила своим ушам. Сначала он восстал из мертвых, теперь начал мстить, сводя Светлану с ума.

Я рассказала о состоянии мамы Светы двум ее подругам, а они настояли на том, чтобы она обратилась к психиатру. Все вместе мы повели ее к врачу. Тот поставил диагноз «шизофрения» и маму Свету положили в больницу. После двухмесячного лечения ей стало лучше, преследующие ее навязчивые голоса исчезли и Светлану выписали домой. Раз в месяц в течение года я должна была приводить ее на осмотр. Как мне объяснил врач, эта болезнь неизлечима, но можно поддерживать стабильное состояние таблетками.

На следующий день после выписки, я, возвращаясь вечером с работы, зашла в аптеку, чтобы купить препараты по выписанному врачом рецепту. Уже на подходе к дому я почувствовала что-то неладное. В окнах не горел свет, хотя на улице уже было темно. Открыв дверь веранды, я увидела маму Свету, висящую в

петле в коридоре. Голова ее была откинута в сторону, язык вывалился. Застывшее тело медленно раскачивалось на веревке. Зрелище было жуткое.

От шока я встала как вкопанная, не имея сил пошевелиться. Я стояла перед открытой дверью несколько минут, пока за моей спиной не послышался истошный крик одной из подруг мамы Светы. Он и вывел меня из оцепенения.

Так не стало моей любимой мамы Светы – единственной женщины, которая по-матерински заботилась обо мне. Я осталась совсем одна.

После похорон я нашла в ее бумагах дарственную. Она отписала мне свой дом, но это было слабым утешением. Ее навязчивые страхи и бредовый лепет навсегда застряли у меня в голове. Я часто вспоминала ее слова и думала о Тихоне, который так и не вернулся.

Всю свою энергию и свободное время я посвятила работе. Благо, подружки мамы Светы обеспечивали меня заказами, а я старалась не разочаровывать их. Я знала, по каким каналам Надежда получала журналы мод, и выписала себе вторые экземпляры. По этим журналам я придумывала новые коллекции. Вскоре весть обо мне разлетелась по всему городу, с заказами на выходных я уже не справлялась, а клиентов становилось все больше. Вот тогда я приняла решение работать на дому.

Так прошел год. За исключением посещения рынка и продуктовых магазинов, я почти не выходила из дома. Количество заказов позволяло мне вести безбедную жизнь. А вот личная жизнь не складывалась. Пока я работала, не чувствовала себя одинокой – скорее, наоборот, была рада, что меня никто не отвлекает. Но когда наступала ночь, одиночество и тоска обволакивали сердце, и я частенько плакала, уткнувшись в подушку. Несколько клиенток пытались познакомить меня со своими сыновьями, но когда узнавали, что у меня не может быть детей, их желание мгновенно улетучивалось. Свое бесплодие я не скрывала, сама не знаю, почему. Наверное, ждала Тихоню и таким образом заранее ограждала себя от женихов.

Однажды вечером я стояла, склонившись над столом, и выкраивала платье. В ворота постучали. Я пошла открывать, будучи уверена, что это пришла одна из моих клиенток, которой была назначена очередная примерка. Когда открыла дверь, ноги мои подкосились: передо мной стоял Тихоня!

Глаза его были потухшими и безжизненными. Он сильно похудел, ссутулился и выглядел хуже, чем когда вернулся из тюрьмы. Стоя перед воротами, он с опаской оглядывался по сторонам. Я поспешила впустить его в дом. Он спросил, где Света, я ответила, что она умерла. Казалось, он не удивился, а всего лишь услышал подтверждение. Даже не спросил, как она умерла, чем вызвал у меня недоумение. Затем попросил поесть, и я быстро приготовила ужин. Пока возилась на кухне, я постоянно поглядывала на него. Взгляд Тихони стал тяжелым, из груди постоянно вырывался стон, словно ему доставляло невероятных усилий находиться рядом со мной. Он сказал, что приехал в город на поезде, но я была уверена, что он солгал – и тут же испытала разочарование. Сколько времени я ждала его, сколько слез вытекло из моих глаз, а первое, что произнесли его уста – ложь!

После ужина он сел перед телевизором и уставился на экран. На его лице не было никаких эмоций, он смотрел в одну точку и о чем-то думал. Казалось, он принимал какое-то важное решение, поэтому я старалась ему не мешать.

Я постелила ему на диване в гостиной, а сама легла в спальне. Среди ночи почувствовала, как он сел ко мне на кровать, открыла глаза и спросила, что ему нужно. Тогда-то он и начал изливать все, что накопилось у него на душе. Говорил, что, узнав об аборте, возненавидел меня, что хотел убежать от меня так далеко, чтобы больше никогда не видеть и не слышать. Говорил он жестко, каждое его слово как хлыст больно полосовало мое сердце. Я лежала молча, не двигаясь, и слушала его с предельным вниманием. На похороны матери он не пришел только потому, что знал, что там буду я, но он был на кладбище и видел меня издали, а ведь именно там я его и почувствовала. Затем он сделал паузу и продолжил, но уже совсем другим тоном. Сказал, что чем дольше меня не видел, тем больше сходил с ума. Он много говорил о своих чувствах и в конце монолога неожиданно признался мне в любви. Сказал, что мы две половинки одного целого и никогда не должны предавать друг друга.

После этих слов напряжение между нами вдруг исчезло и мы даже не осознали, как быстро оказались в объятиях друг друга. И снова два дня и две ночи мы провели, не вылезая из постели. Я повесила на ворота записку, что больна гриппом и пока не принимаю клиентов. От переполнявших меня чувств я была

словно в пьяном угаре: толком не соображала, путала слова и часто забывала, о чем хотела спросить, словно это было и не важно. Я вновь испытала чувство единения с любимым и растворилась в нем без остатка.

Вечером через два дня он сказал, что ему нужно уехать, и что сюда он больше не может вернуться. Он попал в какую-то передрагу и в этом городе теперь небезопасно. Велел мне найти покупателей на дом и ждать от него вестей. Как только я их получу, я должна буду без промедления приехать в назначенное место. Я была согласна на все, лишь бы быть с ним рядом. Даже на минуту не задумалась, какие именно неприятности могут заставить столь поспешно убегать из города.

Проснувшись рано утром, я поняла, что его нет. Он ушел. Ни записки, ни прощального поцелуя. Я снова осталась одна».

– Клара Владимировна, мы закончили, – услышала Клара мужской голос над головой.

Она подняла глаза и увидела мужчину в кожаной куртке.

– Вам нужно принять работу и поехать с нами в управление.

Собрав вещи, Клара расплатилась по счету и поспешила в магазин.

После утомительного оформления документов Клара и Уваров остались в кабинете одни. Он откинулся на спинку кресла, вздохнул с облегчением и закурил. Вид у него был усталый, но присутствие Клары приободряло. Она поведала ему о мистическом случае, который произошел с Тихоней в двенадцать лет, и о том, что, возможно, именно он связан с легендой о духе Луны. Уваров загадочно подметил, что ему тоже есть что рассказать, и пригласил Клару на ужин. Решение далось ей нелегко, но в итоге любопытство снова пересилило, и она отправилась за следователем на служебную стоянку управления, где был припаркован его автомобиль.

Всю дорогу Уваров искоса поглядывал на Клару и пытался о чем-то заговорить, но каждая попытка заканчивалась тяжелым вздохом, а Клара не настаивала, делая вид, что не замечает его усилий. Она думала о Тамаре, о дневнике и о том, какую роль он сыграет в ее судьбе. Что-то неумолимо менялось внутри с каждой прочитанной страницей, словно жизнь Тамары была важнее ее собственной.

Через полчаса Уваров остановил «Мерседес» перед своим домом и сказал:

– Я решил, что ужин в спокойной домашней обстановке больше подойдет для беседы о таинственном и загадочном.

Клара усмехнулась и зашла за ним в подъезд. Сегодня она уже не чувствовала никакой неловкости от пребывания с Уваровым наедине, но и отвечать на его ухаживания не собиралась. После скромного ужина, который состоял из заказанных на дом суши, они перешли в гостиную. Юрий открыл бутылку вина и включил телевизор, который был настроен на музыкальный канал.

– Спасибо, что помог уладить дело, – поблагодарила его Клара.

– Не за что. Как отнесся твой муж к тому, что ты пошла на мировую? – поинтересовался он.

– Никак. Я не рассказала ему.

Брови Уварова взлетели вверх. В сознании лучиком надежды мелькнула мысль о том, что она таким образом дает ему зеленый свет, поэтому он повернулся и спросил:

– Не хочешь посвящать его в дела магазина или боишься признаться в том, что мы активно общаемся?

– Ни то, ни другое, – спокойно ответила она, не отводя взгляда.

– Ты больше не дуешься на меня?

– Я? – удивилась Клара. – Нет, но я хотела спросить тебя о том же. Мне кажется, ты обиделся из-за того, что я не открыла тебе дверь в гостинице ночью.

– Нет, нет, – поспешно запротестовал Уваров. – Я за это даже благодарен. Как только вернулся домой, понял, что совершил большую глупость.

– Так зачем ты все-таки приезжал?

В памяти Уварова снова промелькнул случай в ресторане, который не давал ему покоя, именно его он хотел обсудить с Кларой. После встречи с таинственным незнакомцем он был в постоянном напряжении. Юрия одолевали мрачные предчувствия, хотелось с кем-то поделиться, но сослуживцам такое не расскажешь. Он задумчиво посмотрел Кларе в глаза и спросил:

– Ты веришь в потустороннее?

Клара пожала плечами и ответила:

– Вообще-то нет, но в день ограбления со мной произошел странный случай. Она поведала ему о встрече с незнакомцем в черном. Уваров нервно сглотнул и залпом осушил бокал. Это было не простое совпадение: новость легла на душе невероятной тяжестью, словно ему только что зачитали смертный приговор. Как будто после того, как он узнал, что незнакомец в действительности существует и его видел кто-то еще, начался отсчет последних часов его жизни. Больше всего в истории Клары Юрию не понравилось, что разговор с незнакомцем чуть не закончился для женщины трагедией.

– И что ты об этом думаешь? – осторожно спросил он.

– Не знаю. Все произошло так быстро, что я не успела его разглядеть. Поля шляпы скрывали его лицо.

– Кто бы это мог быть?

– Не знаю, – Клара помотала головой, будто отгоняла навязчивое видение, и на ее лице отразился страх, – я в этом даже разбираться не хочу. Надеюсь, я его видела в первый и последний раз.

Уваров с минуту молчал, собираясь с мыслями, затем сел на край дивана и сказал:

– Я тоже с ним столкнулся. Помнишь, мы обедали в ресторане? Как только ты вышла, он заговорил со мной. А потом так же, как в твоём случае, просто исчез в одно мгновение. Его никто не видел, кроме меня. Все выглядело так, будто я разговаривал сам с собой. Официантка смотрела на меня, как на полоумного.

– У меня было так же! – воскликнула Клара. – Лиля сказала, что я пять минут стояла посреди дороги одна и не двигалась. Время будто замерло..., – от одной мысли, что она могла пострадать при встрече с незнакомцем, Клара передернула плечами. – Жуткое, наверное, было зрелище, – призналась она.

– Тебе нужно держаться от этого дела подальше, – настоятельно произнес Уваров, резко соскочил с дивана и, заложив руки за спину, начал нервно расхаживать по гостиной.

– Я дочитаю дневник, а там решу, что делать дальше, – упрямо ответила Клара и тут же поймала себя на мысли, что чтением дневника ее любопытство вряд ли ограничится.

Уваров открыл письменный стол, вынул из него папку и решительно протянул Кларе.

– Что это?

– Небольшая часть материалов по делу Тихонова. Я дневник не читал, да и времени на это у меня нет, может, ты что-нибудь заметишь, – ответил он и снова опустился рядом с ней на диван.

Открыв папку, Клара начала перебирать документы, фотографии и записи Тихонова, сделанные неровным мелким почерком. На одной из фотографий она увидела снимок могилы Тамары Золотаревой и обратила внимание на дату ее смерти. Двенадцатое декабря 2010 года.

– Значит, Тамара умерла два года назад?

– Да, – подтвердил Уваров и взял фото из рук Клары, – а что?

Когда она увидела в папке еще одно фото с могилы, ее прошиб озноб. Клара не верила своим глазам: фотография подтверждала рассказ Лили. Скрывать и дальше от Юрия детали встречи подруги с мужчиной в черном не было смысла.

– Когда сделали эту фотографию? – взволновано спросила она.

Губы ее дрогнули, между бровей залегла глубокая складка.

– Вчера. А почему ты спрашиваешь? – в голосе Уварова чувствовалось нетерпение.

– Видишь эту корзинку с цветами?

Он кивнул головой.

– Это «космос шоколадный». Относится к очень редким цветам. В розницу не продается, эти цветы привозятся только под заказ.

– И?

Клара кратко поведала ему о том, как человек в черном воздействовал на Лилю.

– Лилия думала, что сходит с ума. Просила меня никому не говорить, но эта фотография подтверждает ее рассказ. Мужчина действительно заходил в павильон и ушел с цветами, которых в магазине не было. Видимо, он посетил могилу Тамары сразу после встречи с Лилей.

– Фокусник, – усмехнулся Юрий. – Почему она скрыла это от меня?

– В ее понимании это настолько невероятно, что она побоялась, что ее запрут в психушке.

– Вздор! – воскликнул Уваров. – Мошенники с гипнотическими способностями могут такое сотворить, что мама не горюй! Недавно одна парочка, мужчина и женщина, проехали гастрольями по всей России. Их целью были сетевые магазины бытовой техники. Они подходили к кассе с выбранным товаром и не только проносили его без оплаты, но еще и воздействовали на кассиров гипнозом, заставляя отдать им всю выручку. Так что ничего невероятного я в ее встрече не вижу. Меня смущает другое: почему никто о нем не заявляет? Он что, являлся только нам?

– Я тоже сейчас об этом подумала.

– Надо составить его фоторобот, пробить по базе и отправить в СМИ. Может после этого кто-то откликнется.

– Мы же не знаем, как он выглядит!

– Пусть художник изобразит его в шляпе, как он и являлся нам. Если он прятал лицо за широкими полями, может, так же действовал и с другими.

В комнате воцарилась тишина. Несколько минут каждый из них молча размышлял над ситуацией. Когда молчание стало неловким, Юрия охватила паника. Ужин закончился, Клара в любой момент может уйти, а он так и не успеет сказать ей то, что планировал. Он повернулся к ней и как можно спокойнее спросил:

– О чем думаешь?

Она откинула назойливую прядь волос со лба и ответила:

– Все началось после того, как мы с тобой увидели утопленника. Это как-то связано с Тихоновым.

– А Тихонов, в свою очередь, интересовался духом Луны, – вставил Юрий.

– Возможно, но это уже из области мистики, а в мистику я не верю.

– А я верю, – усмехнулся Уваров.

Клара вскинула на него удивленные глаза.

– Странно это слышать от следователя.

– Согласен... Но так уж вышло, что мистика окружает меня с детства.

– Вот как? – изумилась Клара и потянулась к бокалу с вином.

– Да. Когда я родился, а было это на Кубани в маленькой станице, на мне места живого не было – я весь был покрыт язвами. Бабка говорила, что меня сглазили в утробе. Видимо, мне было очень больно, потому что я кричал, не закрывая рта. Вся семья выбилась из сил от бессонных ночей. Приехал к нам батюшка из соседней станицы. Мать упросила его меня крестить. Он развернул меня и ахнул: эко, говорит, вы ребенка-то запустили! После крещения он помазал меня какой-то мазью и велел до утра не раскрывать. Мать сказала, что я проспал почти сутки, они постоянно ко мне подходили и проверяли, жив ли я. Когда я проснулся, меня распеленали и удивились: на теле не было ни следа от язв, кожа была, как и положено коже младенца – гладкая и нежная.

Клара умиленно улыбнулась и сказала:

– Ну, это к мистике отнести нельзя. Батюшка, видимо, знал, чем мазать.

– Да, но даже после самой крутой мази следы от язв должны оставаться еще несколько дней. Но хорошо. Еще был случай, – не сдавался Уваров. – В день проводов в армию я поехал с друзьями на речку. Открыли багажники на трех машинах, накрыли поляну, стали отмечать призыв. Когда мы уже изрядно поддали, к нам подошел странный дед, протянул кувшин с водой и предложил всем выпить, но ребята обсмеяли его, а я, как замороженный, взял кувшин и стал пить воду под всеобщее улюлюканье. Ребята начали меня подкалывать: типа, что это ты чего с первачка на воду перескочил?

– С первачка? – переспросила Клара.

– Это самогон... Через полчаса всех начало мутить так, что еле до больнички добрались. Мои дружбаны провалялись на койке две недели, а мне хоть бы хны.

– И что тут мистического?

– А то, что я со своей призывной командой направился на Камчатку, как и хотел, а мои друзья – в Чечню. Никто назад живым не вернулся. Вот и выходит, что тот дед спас меня от смерти.

Клара откинулась на мягкую спинку дивана. На ее лице отразилось удивление и сомнение, а Уварова это только раззадорило.

– И это еще не все... Самое странное в том, что мои желания всегда сбываются.

– Как это? – снова удивилась Клара и невольно хохотнула.

– Это началось со школы. Не выучил урок, хочу, чтобы меня учительница даже не заметила, – она и не замечает. Даже не обращается ко мне и, что самое странное, на переключке не называет мою фамилию. Захотел, чтобы самая красивая девочка из школы стала со мной встречаться, – так и случилось. Захотел попасть на Камчатку, где служил мой дядька, – так и произошло. Да таких ситуевин было море, до утра можно перечислять!

– Вот как? Хм. Теперь я понимаю, как это работает, – шутливо съехидничала Клара, – встретил меня на пляже в «скорой» и захотел продолжить общение, – а сегодня я в твоей квартире пью вино. Муж и дочь в другом городе. Теперь никто не мешает. Благодарь.

– Ну, я не это имел в виду, – смутился Уваров, хотя мысль Клары заставила его содрогнуться.

– Нет, я серьезно. Еще неделю назад я тебя не знала, а сегодня мы на «ты», наедине, и я слушаю о твоём крещении.

Юрий поставил бокал на стол и заглянул Кларе в глаза. Его взгляд был таким проникновенным и чувственным, что у нее не осталось сомнений.

– Ты в меня влюблен? – спросила она напрямую.

Минуту они смотрели друг другу в глаза, затем Уваров недовольно буркнул:

– Мой ответ ничего не решит.

– Твое объяснение – «ты мое наваждение» – мне не подходит. У меня есть муж и дочь. Я хочу знать, чем рискую, сидя здесь с тобой. Я даже не понимаю, что делаю и ради чего. Я...

Она осеклась и поняла, что именно в этот момент глубоко внутри ее сознание делится на две части: одна говорит «уходи», другая стонет «останься». На ее лице отразилось сомнение, которое не ускользнуло от пронизательного взгляда Юрия. Он взял Клару за руку и заглянул в ее глаза. В нем с новой силой затеплилась надежда. Неужели он ей тоже небезразличен? Если так, то еще ничего не потеряно.

– Не надо обращать на меня внимание. Расследование закончится, твоя подруга выйдет из больницы, ты уедешь к семье, и мы вряд ли снова увидимся.

Клара кивнула головой, поставила бокал на стол и хотела убрать папку с колен, но ей на глаза попался еще один снимок. На нем была изображена страница из паспорта Тихонова с визами. По отметкам Клара подсчитала, что за последние пять лет Тихонов дважды был в Казахстане. Она вспомнила, что читала в дневнике Тамары о предупреждении Жупар, которая объясняла Екатерине, что Тихоня должен приезжать к ней раз в два года.

– Что нашла? – полюбопытствовал Уваров.

Клара протянула ему фотографию и сказала:

– В его паспорте две отметки о поездках в Казахстан.

– И что?

– А то, что тетка Тихони говорила Тамаре правду. Раз в два года он должен будет посещать колдунью и пополнять запасы снадобья.

Уваров взгляделся в паспортные штампы и сказал:

– 2008 и 2010 год.

- А значит, в 2012-м ему предстояла еще одна поездка и мы можем предположить, что прямо сейчас он там и находится.
Уваров с минуту смотрел на Клару, потом соскочил с дивана и сказал:
– Мне нужно в управление. Дождешься меня?
– Нет. Я поеду к Лиле, а потом в гостиницу. Увидимся завтра.

Глава шестая

Противостояние судьбе

Уставшая и измученная Клара вошла в просторный холл отеля, поднялась на лифте на четвертый этаж и прошла в свой номер. Вот уже несколько часов она прокручивала в голове разговор с Уваровым и пришла к выводу, что он так и не поведал ей то, что намеревался. Было в его взгляде что-то такое, что не давало ей покоя. Что это? Печаль? Или тоска из-за неминуемой разлуки? От этой мысли Кларе стало не по себе.

Даже разговор с мужем и дочерью не развеял унылого настроения. Она положила трубку гостиничного телефона и прилегла на кровать. Перед глазами стояло лицо Юрия, и она поймала себя на мысли, что ей не хватает его общества. Теперь она уже жалела, что была так категорична и ушла из его квартиры под первым же предложением. Она никак не могла разобраться в своих чувствах. Дело Тихонова, дневник Тамары и знакомство со следователем – вот все, что заполняло сейчас ее голову. Пришло осознание того, что она даже рада, что находится в данный момент не с семьей, что никто не отвлекает ее от событий, которые открываются ей раз за разом новыми гранями и увлекают за собой. Это было как наваждение, как затянувшийся прыжок в бездну...

Мысли прервала мелодия мобильного телефона. От волнения мгновенно вспотели ладони, а щеки налились румянцем.

«Боже, сделай так, чтобы это был Уваров!», – подумала она, вскочила с кровати и побежала к сумочке.

На дисплее высветился номер Юрия, и глаза Клары вспыхнули, как два тлеющих уголька.

– Алло, – взволновано произнесла она.

– Я дал запрос на Тихонова в Казахстан. Надеюсь, ты права и мы нападём на след.

– Хорошо бы.

– Чем собираешься заняться? – спросил Уваров и замер в ожидании.

Она понимала, что он ждет от нее приглашения, и оно чуть не слетело с губ, но в последний момент перед глазами промелькнул образ мужа и из груди вырвался мучительный стон. Что с ней происходит? Куда ее несет? Уваров был тысячу раз прав – она скоро уедет и они больше не увидятся. Так зачем начинать то, что изначально обречено на мучительный и болезненный разрыв?

– Почитаю дневник и лягу спать, – с грустью ответила она и тут же добавила: – Не хочешь со мной утром позавтракать?

– С удовольствием, – тут же согласился он.

– Ну... Тогда спокойной ночи.

Помимо ее воли слова, словно вырвавшись из плена на долгожданную свободу, прозвучали нежно и трепетно. Она закрыла глаза, одинокая слеза скатилась по щеке, обжигая шелковистую и прохладную кожу. Необходимо держаться, впереди много дел, нужно все успеть.

– Спокойной ночи, – отозвался Юрий и понял, что заснуть у него сейчас точно не получится.

Клара отбросила телефон на кровать и только сейчас ощутила, как бешено колотится сердце. Чтобы успокоиться, она вошла в ванную, скинула одежду и встала под прохладный и бодрящий душ. Струйки воды скатывались по намокшим волосам и лицу, помогая избавиться от навязчивых мыслей. Когда ей значительно полегчало, она выключила воду и растерла замерзшее тело мягким махровым полотенцем. Несколько минут ушли на сушку волос феном, затем она легла в кровать и потянулась к дневнику.

Теперь она была готова к погружению в воспоминания Тамары. Клара положила белую папку на колени и перевернула лист, на котором закончила чтение накануне.

«Через неделю после ухода Тихони ко мне пришла новая клиентка. Она была совсем не похожа на моих постоянных заказчиц. С ее уст то и дело срывались ругательства, она проговаривала их так запросто, что уже через полчаса я перестала обращать на это внимание. Вкус у нее был вульгарным. Она сделала срочный заказ на сильно декольтированное платье и настояла на ежедневной примерке. Я давно привыкла к капризам клиенток и старалась им ни в чем не перечить. Они были довольны моей работой и щедро оплачивали свои прихоти.

Когда платье было закончено, она сказала, что у нее есть подруга, которая хотела бы меня нанять, но она никогда не ходит по модисткам и мне самой придется пойти к ней. Для предстоящего отъезда мне нужны были деньги, поэтому я быстро согласилась и на следующий день пошла знакомиться с новой клиенткой.

Подойдя к дому, я была неприятно удивлена и еще раз сверила записанный адрес. Это был дом с дурной репутацией: поговаривали, что там собирались местные уголовники, а главным у них был вор по кличке Бык. Я постучала, ворота открыл тот самый парень, который следил за домом мамы Светы, пока Тихоня сидел в тюрьме. Когда он меня увидел, то на секунду выдал себя сильным удивлением, но потом быстро ретировался, пропуская меня в дом.

Сказать, что это был богатый дом – не сказать ничего. Он был просто завален антиквариатом и произведениями искусства. Меня провели в большую гостиную-столовую, где находились несколько человек. За столом сидел тот самый Бык, о котором в округе ходили жутковатые слухи. Он обедал. Ему прислуживал пожилой мужчина лет шестидесяти. По обе стороны от Быка сидели две красивые женщины. Они были такими ухоженными и привлекательными, что

невозможно было отвести от них глаз. За считанные секунды я рассмотрела на них платья из дорогих тканей и аксессуары, усыпанные драгоценными камнями. Единственное, что отличало их от моих богатых клиенток, это вызывающе яркий макияж и дурные манеры.

В углу комнаты сидели трое мужчин сомнительной наружности. О таких говорят – по ним тюрьма плачет. Около окна стояла та самая клиентка, которая дала мне адрес.

По их настороженным и красноречивым взглядам я сразу поняла, что меня сюда заманили обманом, и что это как-то связано с Тихоней, но решила не опережать события и, поздоровавшись со всеми, назвала имя женщины, к которой пришла. Одна из женщин резко встала и подошла ко мне. Она внимательно меня осмотрела и дала знак одному из мужчин, сидевших в углу, проверить мою сумочку. Тот нехотя поднялся и выполнил ее указание. В сумке у меня ничего подозрительного не оказалось, и он провел меня в соседнюю комнату.

Это был будуар, совмещенный со спальней. Кричащая обстановка комнат «А ля барокко», которые я видела ранее, сменилась изысканным классицизмом и пастельными тонами. В центре комнаты стояла огромная кровать, обрамленная красивым балдахином; стены и потолки были украшены гипсовой лепниной. На полу лежал роскошный иранский ковер. Ничего подобного я раньше не видела и на минуту застыла от удивления, не сразу заметив хозяйку этих шикарных покоев. В шелковом расклешенном пеньюаре нежного персикового цвета женщина стояла у окна спиной ко мне. Когда она обернулась, я была поражена ее красотой: высокая, статная, с красивой тонкой шеей, смуглой матовой кожей и тонкими длинными пальцами... Над верхней губой красовались три маленькие родинки, которые приковывали к себе внимание и придавали ее лицу особый шарм. Я затрудняюсь сказать, сколько ей было лет, но она явно была старше Тихони. Этот дом изобиловал красивыми женщинами, но моя новая клиентка была словно королева.

Женщина поздоровалась и пригласила меня присесть на кушетку, сказала, что ее зовут Карина. Разговор начала без всяких предисловий и сразу поразила меня новостью: оказалось, что Тихоня два года прожил в этом доме. По ее словам, она меня прекрасно знала. Хорошо, что я держала язык за зубами, иначе бы меня

ждала совсем другая участь, ведь Карина приняла меня не за возлюбленную Тихони, а за его сводную сестру. По ее словам, она познакомилась с ним благодаря мне: Тихоня начал работать на ее отца, чтобы отомстить за мою поруганную честь. Только в этот момент я поняла, что Карина была дочерью Быка. Она не скрывала его род занятий и прямо называла отца «вором в законе». Моя жизнь была так далека от этих понятий, что ее слова для меня ничего не значили. Я сидела и покорно слушала ее. Она сказала, что ей требуется пошить свадебное платье, и я начала снимать мерки. Карина скинула с себя пеньюар и осталась в одном белье, без стеснения демонстрируя идеальную фигуру.

Когда мерки были сняты и оговорен фасон, она заговорила уже другим тоном. Высокомерно, надменно и пугающе. По ее словам, отец думает, что Тихоня украл большую сумму с последнего дела, но она так не считает. Оказывается, за день до его исчезновения он сделал ей предложение. Возможно, именно поэтому отец доверил ему руководить «крупным делом». Дословно я не помню, но смысл был в этом. Она сказала, что если я его увижу, то должна буду передать ему записку, и сунула ее мне в сумку вместе с авансом за платье. Мы договорились о том, что я принесу ей платье на примерку через неделю. В тот момент я не понимала, если Тихоня скрылся с украденными деньгами, почему она продолжала готовиться к свадьбе?

Когда я вышла из дома, на глаза навернулись слезы. Я чувствовала предательство со стороны возлюбленного. Все это время он жил в соседнем квартале с другой женщиной и купался в роскоши, пока мне приходилось усердно работать, чтобы добыть денег на пропитание. Но, придя домой, я вспомнила его слова после возвращения. Он возненавидел меня за аборт и не собирался продолжать отношения – только душевные терзания заставили его вернуться. Возможно, поэтому он и пошел на кражу.

Да, знаю. Это глупо... Но именно так я тогда думала. В его поступках я винила себя.

Я вспомнила про записку и полезла в сумку. Развернула ее и прочитала «Петруша, верни бриллианты, я все улажу. Я сказала отцу про беременность, ради внука он простит. Вернись! Начнем все сначала, в другом городе, подальше от него».

У меня перехватило дыхание: она была беременна! А свое отношение к детям Тихоня мне уже продемонстрировал. Я была уверена: узнай он эту новость, обязательно вернется к Карине.

Через неделю я снова отправилась в дом Быка. На этот раз там царила более нервная атмосфера. Бык сам решил со мной поговорить. Он объяснил, что не злится, что Тихоня еще молод и горяч, но скоро они станут семьей и он готов закрыть на его выходку глаза. Меня с пристрастием расспросили о местонахождении Тихони. Я сказала, что ничего не знаю. Тогда Бык поинтересовался, где живут остальные его родственники и друзья. Моими ответами он остался недоволен, но в тот раз от гнева Быка меня спасла Карина. Она распахнула дверь спальни, с вызовом взглянула на отца и потянула меня за рукав в свой будуар.

Узнав, что Тихоня за прошедшую неделю так у меня и не появился, она сильно расстроилась. «Я сделала для него все, что смогла, – сказала она и протянула мне деньги, – это за твои труды, платье мне больше не нужно». В ее голосе чувствовалось отчаяние, она поняла, что Тихоня не вернется.

Я была так напугана разговором с Быком, что бежала из бандитского логова как ужасенная, и только добравшись до дома, пожалела, что не расспросила о проступке Тихони подробнее.

На следующий день, вспомнив про наказ Тихони, я начала искать покупателя на дом. Об этом сразу узнали люди Быка, и ко мне пришел парень, который следил за домом, пока Тихоня сидел. Он сказал, что говорит со мной по собственной инициативе, что был с Тихоней на рынке в тот день, когда его взяли за кражу, но Тихоня его не выдал и он ему за это благодарен, поэтому и пришел предупредить, что я в опасности. Парня звали Артак – довольно редкое имя для наших мест. Он предупредил меня, чтобы я уезжала из города до утра, но сделать этого я не могла: у меня оставались неоконченные заказы, да и покупателя на дом еще не было.

Перед уходом он сказал, что знает, кто я для Тихони на самом деле, но будет об этом молчать. Я набралась смелости и спросила, о какой мести говорила Карина. И тогда он поведал мне историю, от которой у меня к горлу подступила тошнота. Оказывается, уехав с дачи после того, как я сообщила ему о сделанном

аборте, Тихоня несколько дней жил у Артака. Затем сказал, что ему нужно найти одного человека и стереть его с лица земли. Тихоня был полон решимости, и Артак познакомил его с Быком, на которого работал уже год. Тот согласился помочь – за определенную плату. Всех деталей Артак не знал, знал лишь, что после этого Тихоня в сопровождении двух людей уехал в горы. Спустя месяц они вернулись, и Тихоня сказал, что сделал то, что должен был сделать. После этого он начал работать на Быка. Тогда-то он и заметил Карину, между ними завязались отношения. Говорил Артак, конечно, не такими словами, но смысл я уловила именно в этом.

С этого дня я действовала так решительно, как никогда в жизни. Днем и ночью я работала над незаконченными заказами и одновременно через всех моих клиентов искала покупателей на дом. Они, конечно, сожалели, что я уезжаю, пытались мне помочь, поэтому покупатель нашелся быстро. После продажи дома я поселилась у одной из подруг мамы Светы и стала ждать известий от Тихони. На почте я завела абонентский ящик и периодически его проверяла. В один из таких дней я и обнаружила за собой слежку. Не знаю, каким чудом мне удалось в тот день от нее избавиться, но к почте я больше пойти не могла, а просить подругу мамы Светы не решилась...».

Отель погрузился в сон. Изредка тишину в коридоре нарушали приглушенные шаги запоздалых постояльцев. Глаза слипались, Клара зевнула, отложила в сторону папку с ксерокопированными листками дневника и щелкнула выключателем прикроватной лампы.

Просторный зал кафе, в котором часто завтракала Клара, был по обыкновению наполнен ароматом свежей выпечки и полупуст. Основной поток посетителей приходился на обед, поэтому утром официанты лениво переходили от столика к столику, подавляя зевоту. Клара разместилась на своем любимом диване у окна и открыла меню. Боковым зрением она увидела, как к ее столику широкими шагами приближается Уваров.

– Что будем есть? – спросил он, как будто они не виделись всего несколько минут, и плюхнулся с ней рядом.

– Я буду блинчики с икрой, – ответила Клара и ткнула пальцем в раздел «Завтраки». Затем критическим взглядом оценила расстояние между собой и Уваровым и спросила: – А чем тебе не нравится место напротив?

Конечно, Юрий мог сесть напротив, откуда еще проще рассмотреть ее лицо, но ему так хотелось почувствовать тепло ее тела, что он не удержался...

– Рядом с тобой интереснее, – быстро проговорил он, полез в карман куртки и вынул из нее свернутый листок бумаги.

Вид у Юрия был сосредоточенный и задумчивый. Он расправил листок и положил его на стол.

– Пересматривал вчера шмотки из квартиры Тихонова и нашел вот это.

Это была копия свидетельства о смерти Тамары Золотаревой.

– Я покопался в архиве и узнал, что Золотарева умерла в 2010 году от рака груди в московском хосписе на улице Доватора.

– Она умерла в Москве? – удивилась Клара. – Я думала, что здесь, в Сочи. Предполагала, что Тихонов приехал сюда, чтобы встретиться с ней, но опоздал. Потом нашел ее дневник, прочитал, понял, сколько горя принес бедной женщине, и покончил с собой. А выходит, все было совсем не так, и он тут был по другим делам?

– Тела нет, а значит, факт самоубийства Тихонова не установлен. Он может быть живым и здоровехоньким.

– Хорошо. Пусть будет так, но что он делал в Сочи?

– Хороший вопрос, – шутливо ответил Уваров и подозвал официантку, чтобы сделать заказ.

Работники кафе поглядывали на них с любопытством, и потому Уваров был вынужден пересесть на противоположный диван.

– Вчера ты показывал мне фотографию памятника на могиле Тамары, – вспомнила Клара. – Откуда ты ее взял?

– Нашли в квартире Тихонова.

– Но ведь цветы Тихонов забрал всего пару дней назад, а обыск вы делали раньше.

– Чем больше копаем, тем больше вопросов, – проворчал Уваров.

После паузы Клара спросила:

– Интересно, где похоронена Тамара? В Москве или в Сочи? Если в Сочи, тогда его появление здесь легко объяснимо.

– Я запрошу информацию, – деловито произнес Уваров, улавливая мысль.

– Он ведь должен был куда-то ходить, с кем-то встречаться. В его вещах не было каких-нибудь чеков или счетов?

– Были, конечно, но я все документы передал Коваленко, а у того дело Тихонова не в приоритете. Это дело, скорее всего, вообще закроют.

– Жаль. Мне так хочется докопаться до истины, – с сожалением произнесла Клара. – Судьба Тамары трагична и окутана загадками. Тихонов явно сыграл в ее жизни не последнюю роль, и мне интересно, чем все закончилось.

Уваров взглянул на нее, хитро прищурился и пошел ва-банк.

– Если хочешь, я могу снять ксерокопию документов, которые мы нашли у Тихонова. Но взамен я требую одно свидание!

Глаза Клары на секунду вспыхнули, на щеках заиграл румянец.

– Требуешь?! Ну и наглость! – воскликнула она и смущенно отвела взгляд. В глубине души ей нравилась его настойчивость.

– А что? Каждый при этом получит то, что хочет. Ты с помощью улик раскрываешь головоломку, Коваленко получает помощника в тупиковом расследовании, а я – маленький кусочек любви.

– Ни на какое свидание я с тобой не пойду, – категоричным тоном произнесла Клара.

– Мы взрослые люди, будет только то, что ты захочешь, – продолжал искушать Уваров.

Официантка принесла заказанные блюда и бросила на Уварова кокетливый взгляд, а тот, недолго думая, улыбнулся ей в ответ. То ли от ревности, то ли от любопытства, но Клара, сама того не ожидая, выпалила:

– Хорошо. Свидание так свидание, но только одно, и день я назначу сама.

– Заметано, – с готовностью согласился он.

Монотонная трель мобильного телефона заставила его отвести взгляд от Клары.

– Уваров, – сухо ответил он.

Минуту он слушал и периодически вставлял «нет», затем на его лице отразилось удивление, и он спросил:

– Ты уверен? Ты все проверил?

Потом еще несколько секунд слушал звонившего и, закончив разговор, растерянно уставился на Клару.

– Что случилось? – с нетерпением спросила она.

– Пропали паспорт Тихонова и дневник Золотаревой.

– Как пропали? – удивилась она.

– Вот так. Из закрытого сейфа. Никто, кроме нас с Коваленко, сейфом не пользовался.

Клара устремила непонимающий взгляд на следователя и откинулась на спинку дивана.

– Ничего себе. Хорошо, что ты сделал мне копию дневника! А вот с паспортом все сложнее...

– И не говори, – протяжно ответил он.

– Кто мог украсть паспорт и дневник?

– Еще один хороший вопрос.

Девушка за кассой сделала звук телевизора громче и Клара услышала, как диктор местного телеканала обращается с просьбой к жителям города сообщить полиции, если кто-то опознает мужчину с фоторобота. Следствие располагает уликами, что он гипнотизер и обладает способностями к внушению.

– Ты назвал его гипнотизером? Будет шквал звонков, – хихикнула Клара.

– Угу, – задумчиво ответил Уваров, судорожно соображая, кто мог вломиться к нему в кабинет. – Хорошо, что я передал это дело Коваленко. Не знаю, что предпримет начальство, узнав о потере улики.

– Если паспорт украден, значит, Тихонов жив. Ему нужно передвигаться. Но как он до него добрался?

– Это нам и предстоит выяснить.

Закончив завтрак, Уваров расплатился по счету. Пара вышла из кафе и пошла в сторону цветочного магазина. Кончики пальцев Юрия как бы невзначай слегка касались ладони спутницы.

– Ты идешь со мной в салон? – заинтригованно спросила Клара. – Я, конечно, не против, работник мне сейчас не мешает!

Уваров встрепенулся, остановился, шутливо хлопнул себя по лбу и, улыбаясь, пошел к своей машине. Через несколько минут он проехал мимо Клары и дважды посигналил. В ответ на ее лице появилась улыбка. Клара почувствовала трепет в душе и поймала себя на мысли: «А не начала ли я влюбляться?»

Открыв магазин, Клара машинально набрала код сигнализации. Рука потянулась к табличке на двери, но взглянув на надпись «открыто», она тоскливо вздохнула и

убрала руку. Весь оставшийся день она потратила на обзвон поставщиков, размещая заказы на поставку цветов и просматривая объявления в интернете и местных газетах в поисках помощника, который мог бы на некоторое время заменить Лилю.

До самого вечера ее телефон не умолкал от вновь и вновь приходящих сообщений Уварова. Тот присылал фотографии с подтекстом и сдабривал их настойчивыми вопросами о предстоящем свидании. В последней смс было изображение спичек, выложенных на его рабочем столе в виде простреленного сердца. Следом за фото пришло сообщение: «Сегодня! До завтра не доживу». Она улыбнулась и написала в ответ: «Обещанного три года ждут». Он тут же отреагировал сообщением: «Копии дела летят в корзину». На что она ответила: «Три года меняю на два дня».

Получив от него смайлик, она положила телефон в сумку и задумалась над тем, куда же пойти с Уваровым? В ресторан она не хотела: банально и гарантированы пересуды. Ночные Клара она не жаловала: громкая музыка и развязная атмосфера не только раздражали ее, но и не располагали к общению, а ей хотелось поговорить, послушать рассказы Юрия, хоть она и подозревала в них долю выдумки.

Взгляд упал на папку с контрактами, и она вспомнила о своей заказчице, дом которой пустовал уже в течение года. Та уехала в Австрию и заключила с Кларой долгосрочный договор на обслуживание ее зимнего сада. Для этой работы Клара наняла бывшую сотрудницу дендрария, бойкую и симпатичную молодую женщину по имени Оксана. Зимний сад был расположен в большой круглой ротонде со стеклянной крышей в самом конце просторного участка в коттеджном поселке на Мамайке. Место было уединенным и романтичным. Ключи от ворот и коттеджа были у Оксаны, и Клара набрала ее номер телефона. В трубке раздалось хрипкое «Привет» и кашель.

– Ты что, заболела?

– Да. Простудилась, лежу дома уже третий день.

– Сочувствую, ты выздоравливай, – мягко произнесла Клара.

– Слышала, что твой магазин ограбили.

– Да, – подтвердила Клара и с горечью добавила: – Слухи распространяются быстро.

– У меня знакомый работает в органах, – объяснила свою осведомленность Оксана.

Тут же выяснилось, что за зимним садом никто не ухаживал в течение недели. Клара воспользовалась случаем и под благовидным предлогом попросила ключи, услышав в ответ, что может заехать к Оксане в любой момент.

Закрывая магазин, Клара задумалась о своем отъезде. Время неумолимо приближало этот момент. Раньше ей казалось, что если семья уедет, то она начнет скучать. и ей не будет так тяжело покидать эти места. Но чем больше Клара находилась вдали от семьи, тем сильнее ей не хотелось уезжать из Сочи. Это было парадоксально и грустно одновременно, как будто ее сознанием овладел кто-то другой, не придающий значения дорогим для нее людям.

Забрав ключи от зимнего сада, Клара приехала в гостиницу, расположилась с кружкой горячего чая на диване и открыла белую папку. Воспоминания Тамары стали физически ощутимы: читая дневник, Клара живо и в красках представляла, что пришлось пережить этой несчастной женщине.

«...Но люди Быка все-таки выследили меня, и в одну из ночей, когда подруга мамы Светы была на дне рождения у соседней, ворвались в квартиру. Меня оглушили и очнулась я уже в подвале того злополучного дома.

Мне в лицо плеснули водой, я открыла глаза и первое, что услышала, был гневный крик Быка: «Где мои бриллианты?!». Я сказала, что ничего не знаю, но такой ответ его не устраивал. Один из его помощников отвесил мне сильную пощечину, я заплакала и схватилась за щеку. Бык сказал, что я имею какую-то связь с Тихоней, но мастерски скрываю это. Сказал, что дом я продала по его просьбе, и теперь жду от него вестей. Я на ходу выдумала, что давно собиралась уехать в Россию и продолжить обучение швейному мастерству. Сказала, что Тихоня мне не близкий родственник, и его судьба меня не интересует. В это Бык, конечно, не поверил. Он сказал, что из-за меня Тихоня подписался работать на него пять лет, и что такое не делают для постороннего человека.

Сначала он наотмашь отвесил мне несколько пощечин, я стерпела боль. В глазах заблестели первые слезы, но я все еще хранила молчание, да и что мне было говорить – я же действительно не знала, где Тихоня! Затем Бык дал знак своему помощнику, который следовал за ним, словно тень, и тот начал наносить удары по всему телу. Я плакала, кричала, пыталась вырваться, но мне доставалось еще сильнее. Мое хрупкое тело не выдержало, и я очень быстро потеряла сознание от болевого шока. Очнулась я в полупустой маленькой комнатке, в которой еле помещались одноместная кровать, стул и тумбочка. Оказалось, это комната того старика, который прислуживал Быку за обедом в первый мой визит в этот страшный дом. Старик сидел рядом с кроватью и осторожно обрабатывал мои раны. На моем теле не было живого места: сплошные синяки, кровоподтеки и ссадины. Лишь лицо мое не тронули. Старик представился, его звали Прокопычем. Он сказал, что Быку известно, что у меня есть абонентский ящик, и мне нужно отдать ему ключ и сообщить номер. После жестоких побоев я и не думала ничего утаивать...

Через час меня привели в гостиную-столовую. Бык снова сидел за столом, по обе стороны вальяжно расположились все те же девицы. Перед Быком лежала небольшая посылка в виде деревянного ящичка. На крышке был указан адрес и имя мамы Светы, обратным адресом шла Ивановская швейная фабрика. Бык дал знак, посылку вскрыли. Внутри оказался отрез ткани. Его развернули, перетряхнули, но ничего, кроме упаковочного талона, не нашли. Бык спросил, что это за материал, и я ответила, что, видимо, мама Света заказала его перед болезнью. По знаку Быка меня увели. Ночь я провела без сна, а рано утром пришел Прокопыч и велел мне идти за ним. Он довел меня до коридора и открыл входную дверь. Я поняла, что меня отпускают. Старик посмотрел на меня исподлобья и сказал, что если я обращаюсь в милицию, Тихоне не жить. Кроме того, он предупредил, что больше я никогда не буду свободной: теперь за мной по пятам будут ходить люди Быка, и мне никуда от него не деться.

До сих пор для меня остается загадкой – почему они не забрали деньги, вырученные за дом? Ведь они делали обыск и видели эту сумму. И почему они не оставили меня в заложницах, ведь тогда Тихоня точно бы вернулся? Возможно, они все еще были уверены, что найдут Тихоню и с лихвой взыщут долг. А может, думали, что рано или поздно он выйдет со мной на связь...

Я прибежала к подруге мамы Светы и наскоро собрала вещи. Хозяйке дома не стала рассказывать о произошедшем, лишь поблагодарила за гостеприимство и попрощалась. Затем поймала такси, поехала на вокзал, купила билет на ближайший поезд и села в зале ожидания. Я постоянно оглядывалась в поисках слежки, но ничего подозрительного не замечала. Поезд шел до Алма-Аты, там я пересела на московский. Через три дня в Москве я сделала еще одну пересадку и прибыла в Иваново. Я не сомневалась, что Тихоня таким образом дал мне знак.

В электричке «Москва-Иваново» я познакомилась с пожилой женщиной, Ириной Петровной, которая возвращалась домой из Москвы, где гостила у дочери. Я рассказала ей, что еду в никуда и, видимо, из сочувствия она предложила мне пожить у нее. Плату за комнату брать с меня она отказалась, но попросила готовить и убирать в квартире.

Вот так, еще не приехав в Иваново, я обрела жилье. Фортуна и дальше не покинула меня, как будто судьба изо всех сил старалась дать мне еще один шанс

на счастье. Обустроившись у Ирины Петровны, я отправилась искать работу на фабрике. Это было единственным местом, которое связывало меня с Тихоней – если, конечно, я правильно истолковала его намек с адресом на посылке. На фабрику меня взяли сразу, стоило только предъявить трудовую книжку и диплом об окончании курсов закройщиц. Город мне очень понравился и, к своему удивлению, я быстро влилась в фабричный коллектив и даже нашла много подруг. Как-то само собой пришло решение начать новую жизнь. Может, под влиянием Ирины Петровны, а может, я сама осознала, что Тихоня приносил мне только боль... Факт остается фактом: в Иваново я ехала с одной мыслью – найти Тихоню, а приехав, вычеркнула его из жизни.

Шел 1976 год, мне исполнилось двадцать лет и я мечтала о новой жизни, в которой не будет таких, как Жупар, Жанабай, воров в законе и даже Тихони. Вот как я была на него зла...

Одна из моих новых подруг часто приглашала меня с собой на танцы в местный дом культуры. Там я и познакомилась с Вадимом. Это был коренастый парень с темно-русыми волосами и зелеными глазами, неброский внешне, но надежный, преданный и заботливый. Он происходил из интеллигентной семьи: его отец был проректором по научной работе в университете, профессором и доктором технических наук. Вадим мечтал пойти по отцовским стопам. Его образование и воспитание сразу бросались в глаза: он был обходителен, вежлив и начитан. Мы сразу понравились друг другу и стали встречаться. На одном из первых свиданий я рассказала ему про изнасилование, аборт и последующую операцию. Я была уверена, что он должен узнать об этом заранее – до того, как между нами начнутся серьезные отношения. Вадима мои слова не испугали – наоборот, с этого момента я почувствовала особую опеку и внимание. После третьего свидания Вадим познакомил меня со своей семьей, и вскоре я стала частой гостьей в их доме.

Семья была большая: бабушка, дедушка, родители Вадима и двое его братьев. Все умещались в пятикомнатной квартире. Когда отмечался очередной день рождения, в дом приходили многочисленные друзья и родственники. Они устраивали театральные сценки, поэтические вечера – выбор развлечений зависел от увлечений именинника.

У меня никогда не было такой семьи, поэтому меня все восхищало до глубины души. За столом велись научные споры, от которых я впадала в ступор – ведь я, окончившая лишь вечернюю школу, ничего не понимала!

Родители Вадима приняли меня очень хорошо, и это была не вежливость – они действительно полюбили меня. Жизнерадостные, надежные, искренние люди! В окружении его семьи я чувствовала себя, как в защитном коконе. Мне казалось, что рядом с ними меня никто и никогда не обидит.

Вадим был на год старше меня и уже заканчивал учебу в университете. Когда мы познакомились, он писал дипломную работу. Мы встречались нечасто, все его время уходило на подготовку к защите, но даже в те редкие часы он наполнял мою жизнь таким количеством информации, что мой мозг был готов взорваться.

Прошло полгода, Тихоня не появлялся, и я окончательно расслабилась и отпустила свое прошлое...

...Вадим защитил диплом, устроился на работу в университет и через несколько месяцев стал собирать материал для кандидатской. В один из дней он пригласил меня на день рождения матери. Я сшила по этому случаю новое платье, купила сумочку и туфли, еще не предполагая, что готовлюсь к необычному торжеству, которое перерастет в помолвку. В присутствии родственников Вадим, опустился передо мной на одно колено и протянул кольцо. Не раздумывая, я сказала «да» – так сильно мне хотелось стать частью этой дружной и веселой семьи.

В тот день мы ушли гулять с друзьями Вадима и не возвращались до утра. Вскоре мы подали заявление в ЗАГС, свадьбу назначили на следующий месяц. Пока мы готовились к торжеству, отец Вадима, Борис Иванович, упросил меня подать документы в текстильный институт. Я понимала, что без высшего образования я выгляжу в этой семье, как белая ворона. Но также я понимала, что мне не хватит знаний, чтобы преодолеть первый рубеж – вступительные экзамены. Перечить старшим было не в моем характере, поэтому мы вместе с Вадимом отнесли документы в приемную комиссию.

Я сама сшила свадебное платье, а туфли и аксессуары мне помогла подобрать Ирина Петровна. Она и еще несколько подруг были гостями с моей стороны. Свадьба проходила в ресторане, пришло около двухста человек – это было грандиозное по моим меркам торжество! Родители Вадима и гости вставали и поочередно произносили проникновенные слова, напутствовали нас, давали советы. Атмосфера была полна безграничной радости и счастья. Смотрю сейчас на фотографии и замечаю: какая же я была счастливая в тот день! Пока не появился ОН...

Я танцевала с Вадимом первый танец, когда мне показалось, что рядом промелькнул знакомый силуэт Тихони. После танца я сказала, что мне нужно в туалет, и вышла на лестницу.

Я не обозналась. У окна стоял Тихоня и нервно переминался с ноги на ногу! Мимолетного взгляда было достаточно, чтобы понять, как он зол. Я не могла к нему подойти: кто-нибудь мог нас заметить и сообщить Вадиму, поэтому я быстро спустилась по лестнице на первый этаж и выпорхнула из ресторана на улицу. Тихоня последовал за мной. Разговор между нами состоялся не из легких. Мы оба кипели, как чайники, высказывая друг другу упреки. Тихоня был в ярости: он рассказывал, как долго и упорно искал меня, что не посылал весточки, намеренно ожидая, когда люди Быка перестанут рыскать по городу. Я же упрекала его в том, что он скрыл сожительство с Соней и подставил меня под расправу.

Я была непреклонна: сказала, что начала новую жизнь и выхожу замуж по любви. Он умолял меня не делать этой огромной ошибки. Жестом он подозвал такси, которое ждало его неподалеку, и я поняла, что он хочет увезти меня со свадьбы, не дав возможности даже объясниться с Вадимом. В момент, когда Тихоня пытался сорвать с меня фату, из ресторана вышла группа подвыпивших гостей. Воспользовавшись этим, я вырвалась из его рук и помчалась что есть силы на второй этаж. Я знала, что если не убегу немедленно, то не смогу ему противостоять: тяжело было признаваться самой себе, но я все еще любила Тихоню!

После свадьбы я переехала жить в квартиру Вадима, где нам выделили отдельную комнату. Здесь меня ждало первое разочарование – наша первая

брачная ночь. Сначала я подумала, что Вадим был неопытен в интимных отношениях, но позже поняла: то, что было у нас с Тихоней, я не смогу пережить ни с одним другим мужчиной.

На носу были вступительные экзамены, и Вадим занялся со мной подготовкой. Только тогда я поняла, как сильно отстаю в знаниях от обычной школьной программы. Вадим проявил титаническое терпение, раз за разом объясняя мне темы, которые давались мне с трудом.

К своему удивлению, вступительные экзамены я сдала неплохо, и меня зачислили в институт – на факультет конструирования швейных изделий. Только спустя два года я узнала, что не знания привели меня на студенческую скамью, а отец Вадима, который задействовал ради моего поступления все свои связи...

Во время празднования моего зачисления в институт я получила странную анонимку. Ее опустили в почтовый ящик Ирины Петровны. Послание состояло всего из нескольких слов: **«Ты совершаешь огромную ошибку, они все могут пострадать из-за тебя».**

Кто это написал, я не понимала... Это мог быть кто угодно – мне многие завидовали. После долгих размышлений я отнесла эту записку на счет бывшей девушки Вадима, с которой он встречался за год до меня. Я старалась не думать о том, что послание может быть связано с Тихоней.

Предупреждение начало сбываться через месяц. Сперва заболела бабушка Вадима. Даже самые опытные столичные врачи не смогли поставить ей диагноз, и через месяц старушка умерла. Родители привезли гроб с ее телом в Иваново поездом. После сорока дней из-за сердечного приступа умер дед. Вадим сказал, что люди, прожившие в браке много лет, часто умирают друг за другом. Следующим несчастьем стала автомобильная катастрофа, в которой погиб младший брат Вадима. Это событие перевернуло всю нашу жизнь. В доме не было больше веселья, родители перестали устраивать праздники, оплакивая смерть любимого сына.

Не успели мы пережить эту беду, как за ней пришла еще одна: тяжело заболел отец Вадима. Ему поставили диагноз – рак поджелудочной железы. Лечение он проходил в Москве, мать и Вадим поочередно ездили к нему в больницу.

Когда я поделилась семейными горестями с Ириной Петровной, которую продолжала навещать, она вспомнила о загадочной записке, заметив, что именно с нее и начались наши беды. Я испугалась. Неужели это правда? Ведь совпадение было поразительным! Ирина Петровна сказала, что такое может сотворить только черная магия. Я уже сталкивалась с этим в жизни, поэтому и отнеслась к ее словам со всей серьезностью. Но Вадим меня не стал даже слушать – сказал, что это глупости, простое совпадение, и что я не могу отвечать за здоровье и жизнь других людей, ведь все мы смертны, и не знаем, когда придет наш черед. Я успокоилась, тем более что на время несчастья оставили нашу семью в покое: отцу стало лучше, курс химиотерапии помог, и его выписали из больницы.

Учеба давалась мне нелегко и, если бы рядом не было Вадима, вряд ли я смогла бы окончить институт. Его научная карьера шла в гору, и когда я защитила диплом, ему предложили место в конструкторском проекте. Правда, нам надо было ехать на Чукотку – на предприятие под названием «СевероВостокЗолото». Это предприятие было первой артелью старателей на Крайнем Севере, и успешное завершение проекта сулило Вадиму место в НИИ в Москве. На семейном совете было принято решение переезжать сразу после празднования Нового Года.

Наступал 1981-й. Мне исполнилось двадцать пять лет, и никто в моей новой семье даже не догадывался, что именно 31 декабря я отмечаю свой настоящий день рождения. В тот день мне было особенно тоскливо: я вспоминала своих родителей, Тихоню и маму Свету».

Прежде чем лечь спать, Клара вышла на балкон и долго смотрела на Луну. Темные пятна на диске и мягкое дымчатое свечение навеяло на нее невероятную тоску. Клара постояла еще несколько минут, всматриваясь в ночное небо, и вернулась в постель.

Мысли роем вились вокруг рассказа о внезапных потерях Тамары и Вадима. Что могло привести к череде смертей? Тамара открытым текстом давала понять, что Тихоня был к этому причастен. Он приехал на свадьбу, попытался ее уговорить не выходить замуж, а потом, когда она, воспользовавшись ситуацией, выпорхнула из его рук, просто отпустил? Если бы он по-настоящему хотел бы расстроить свадьбу, то обязательно последовал бы за Тамарой в ресторан и попытался ее вразумить еще раз – возможно, уже на глазах жениха. Впрочем, из воспоминаний в дневнике Кларе показалось, что Тихоня хотел, чтобы Тамара приняла решение самостоятельно, без его давления.

Рано утром Клара приехала в цветочный магазин: на восемь была назначена установка витрины. Пока мастер работал, она позвонила в Элисту и поговорила с мужем и дочерью. Аркадий сказал, что через три дня он уезжает в командировку и Кларе нужно будет к этому сроку приехать в новую квартиру. По голосам мужа и дочери она почувствовала, что они сильно скучают, но ответных эмоций почему-то не испытала. Это удивило и испугало ее – как будто одержимость дневником Тамары постепенно превращала ее сердце в ледяной комок. А возможно, эти изменения она начала испытывать сразу после встречи с женщиной в черном – теперь ей уже трудно было анализировать собственную жизнь, слишком много событий в ней произошло. Только изучение судеб Тамары и Тихони давалось ей легко и с интересом.

Машины поставщиков приезжали одна за другой. Приняв все заказы, Клара начала собирать цветы в композиции, и уже к обеду обновленная витрина была забита оригинальными букетами. Она перевернула табличку на двери и с облегчением вздохнула: магазин снова блистал чистотой и был открыт для посетителей.

Оглядев павильон, Клара решила поделиться хорошей новостью с Лилей: набрала ее номер и рассказала подруге об открытии. Лиля ответила, что ее выписывают, чувствует она себя отлично и завтра придет в магазин.

На этот же день Клара назначила собеседование трех соискательниц на должность продавца, и через полчаса в магазинчик заглянула милостивая девушка лет двадцати. Проворную девчонку с бойким напористым характером звали Ольга – именно ее в итоге Клара и выбрала из трех претенденток, пригласив завтра в девять утра выходить на работу.

Когда начало темнеть, позвонил Юрий и спросил, во сколько заканчивается ее рабочий день. Клара ответила, что в девять, и ровно к этому часу рядом с магазином припарковался автомобиль. Через минуту дверь открылась и на пороге появился улыбающийся Уваров.

– Привет! – бодро воскликнул он и, оглядев новую витрину с цветами, похвалил:

– Да ты времени зря не теряла. Молодец!

– И даже успела нанять новую сотрудницу, – не зная, зачем, похвасталась Клара.

– Двойная молодец! – шутливо произнес Уваров, широко улыбнулся и добавил: – Я заехал, чтобы отвезти тебя в гостиницу и заодно рассказать о новостях.

Когда они сели в машину, он завел мотор и вырулил на шоссе. Через пять минут Клара не выдержала и спросила:

– Какие новости ты хотел мне рассказать?

– Во-первых, могила Тамары Золотаревой находится в Сочи.

– Это объясняет приезд Тихонова, – тут же вставила Клара.

– Во-вторых, нашли тело утопленника.

Глаза Клары вспыхнули от удивления. Она бросила на Уварова удивленный взгляд и воскликнула:

– Нашли?!

– Через три дня после происшествия на пляже тело было обнаружено в парке на скамейке, в сидячей позе. На нем была уже другая одежда. Создавалось впечатление, будто он просто сидит с закрытыми глазами. Полицию вызвал дворник, который обратил внимание на странного гражданина. Сегодня мы с Коваленко были на вскрытии.

Клара нервно сглотнула, продолжая буровить следователя взглядом.

– Причина смерти – утопление. Но вот со временем смерти патологоанатом не может определиться. При первичном осмотре тела на пляже она сказала, что тело пролежало в воде минимум три часа. После происшествия прошло четыре дня, и это непременно должно было сказаться на процессе разложения...

– ...но не сказалось, – догадалась Клара.

Уваров кивнул головой и продолжил:

– Трупных пятен на теле нет. Но в теле встречаются крупинки льда, что дало нам предположение, что труп мужчины был заморожен.

– Но кому это понадобилось делать?

– Пока не знаю, – пожал плечами Уваров.

– А вы установили личность погибшего?

– Да. Воронов Павел Игнатьевич. 1965 года рождения. Житель Сочи. Жена заявила о его исчезновении неделю назад. В его рабочем кабинете нашли предсмертную записку. Так что самоубийство Воронова для его окружения не является неожиданностью. Больше года он ходил к психотерапевту и сидел на антидепрессантах.

– Что могло довести его до такого состояния? – испуганно произнесла Клара. В ее голосе прозвучала нотка сочувствия.

Уваров включил поворотник и свернул на улицу, которая вела к отелю.

– Два года назад в аварии погибла его дочь. Он так и не оправился от перенесенной трагедии.

– От такого тяжело оправиться, – согласилась она.

– Да. Особенно когда винишь себя в ее смерти.

Клара бросила вопросительный взгляд на следователя.

– Он был за рулем. Девочка была не пристегнута и, когда произошло столкновение, она вылетела из машины, пробив головой лобовое стекло.

– Какой ужас, – пробормотала Клара, автоматически проверяя ремень безопасности.

– Но это еще не все новости, – загадочно произнес Уваров.

– Не все?

– Ты была права: управления накрыло шквалом звонков. Свидетели утверждают, что видели и говорили с человеком в черном. Правда, к сожалению, при проверке не подтвердилось ни одного случая реального контакта.

– Значит, его видели только мы трое, – задумчиво произнесла Клара.

Остановив «Мерседес» у центрального входа гостиницы, Уваров заглушил мотор и сказал:

– В багажнике – все копии документов и фотографий из квартиры Тихонова.

– Мне предстоит бессонная ночь, – благодарно улыбнулась Клара. Загадка двух влюбленных все больше и больше увлекала ее.

Уваров нажал кнопку и багажник открылся.

– Тебе помочь?

– Нет, – покачала головой Клара, – хочу сделать это одна. Спасибо, что подвез.

Она поспешно вышла из машины и встала перед багажником. Ее лицо вытянулось от удивления – там лежали три больших коробки с документами.

– Я помогу, – улыбнулся Уваров.

Пока Юрий, вооружившись электронным ключом от гостиничного номера, переносил коробки, заполненные копиями документов дела Тихонова, Клара нырнула в ванную комнату и встала под душ. Усталость и раздражение ушли вместе с мыльным водным потоком. Встав перед зеркалом, Клара промокнула влагу полотенцем и наспех высушила волосы. Влажное полотенце упало на пол, глаза Клары блуждали по отражению ее тела. Она дотронулась до шрама под грудью – грубо зарубцевавшуюся розовую полоску. Отметина, оставшаяся на теле после аварии, освежила в памяти столкновение и долгий период реабилитации.

Уваров принес последнюю коробку и поставил на пол между диваном и журнальным столиком. Снял куртку и повесил на вешалку.

– Я заказал нам ужин в номер, – громко сказал следователь, прислушиваясь к звукам, доносящимся из ванной.

Клара накинула халат, открыла дверь и подошла к коробкам. Присев на корточки, она стала вынимать документы и раскладывать их на диване.

На изучение содержимого коробок ушло около двух часов. Из документов и фотографий Тихонова Клара поняла, что он был человеком спонтанным, ничего заранее не планировал. Билеты покупались им в аэропорту в последний момент перед вылетом. Даже в Москву из Вашингтона он прилетел, купив билет за сорок минут до регистрации. Это говорило о том, что поездку в Россию он тоже не планировал. Единственным исключением была поездка в Казахстан: билет был доставлен за неделю до предполагаемого вылета.

В его гардеробе было много дорогой одежды, на некоторых вещах еще имелась метка вашингтонской химчистки. В бумажнике находилась фотография Тамары: на снимке ей было около тридцати лет. Фото резко отличалось от того, что Клара видела в прошлый раз: Тамара была в меру накрашена, одета в красиво облегающее белое платье с кружевным воротничком. Взгляд ее был чувственным и полным жизни.

По книгам, которые были обнаружены на письменном столе Тихонова, можно было предположить, что он много внимания уделял астрономии. В коробке находились книги о лунных и солнечных затмениях, статьи о полнолуниях. Его рукой были исписаны несколько листов, полных пометок и зарисовок. На полях были сноски с прошедшими и предстоящими датами.

Через два часа Клара и Юрий все еще сидели на полу, окруженные документами и фотографиями. На столике стояла грязная посуда, оставшаяся после ужина. И тут произошло то, что Клара не могла объяснить. Уваров сидел к ней вполоборота с астрономической картой в руке, изучая пометки Тихонова. Вдруг боковым зрением она увидела, как что-то промелькнуло за его спиной. Клара резко повернулась и успела заметить почти невидимый шлейф, который остался после чьего-то передвижения. Очертания предметов в этом месте были не четкими, словно реальность вздрогнула и задрожала.... Клара застыла в изумлении и несколько секунд наблюдала, как шлейф медленно рассеивается.

Уваров подметил ее взгляд и удивленно обернулся. Не заметив ничего необычного, он спросил:

– Ты чего?

Клара обвела гостиничный номер пристальным взглядом и растерянно помотала головой.

– Ничего, показалось.

Спустя несколько минут она вернулась к просмотру коробок, и первый же попавшийся ей на глаза документ вызвал у нее интерес.

– Смотри, – Клара протянула Уварову исписанный листок, – здесь какие-то расчеты. Обведена дата – двадцать первое декабря 2010 года.

– Где-то нам уже попадался декабрь 2010-го, – задумался Юрий.

– На могильном памятнике Тамары, – напомнила Клара и тут же уточнила: – Но она умерла двенадцатого.

– Даты для Тихони были значимы. Это было что-то важное, раз он обвел ее красным карандашом, да еще подчеркнул два раза.

– Это какой-то цикл. Он пишет три даты: 1638, 2010 и 2094 годы. И во всех случаях – двадцать первое декабря.

– Надо выяснить, что произошло двадцать первого декабря 2010 года.

Клара поднялась с колен, подошла к столу и открыла ноутбук. Ввела дату в поисковую строку браузера и начала перебирать открывшиеся ссылки. Через несколько минут она воскликнула:

– О!

– Что там? – любопытно спросил Уваров, склоняясь над ее головой.

– Это непростой день: 21 декабря 2010 года произошло совпадение полного лунного затмения, полнолуния и зимнего солнцестояния. Такой коктейль должен будет повториться в 2094 году. Вот что это за даты. А предыдущий был триста семьдесят два года назад – следовательно, поэтому первым он поставил 1638 год.

– И что нам это дает?

– Пока ничего, – ответила Клара, сжала плотно губы и задумалась, – но наверняка это что-то для него значило.

Подняв с пола очередной листок, Уваров пояснил:

– Этот старый затертый список лежал у него в бумажнике – что-то типа плана передвижений. Двадцать девятого марта 2006 года – Астана, 11:41, длительность 2:14. Седьмое сентября 2006 года – Москва, 22:05, длительность 1:32. Что это?

Клара выхватила у него из рук листок и ввела даты в поисковую строку.

– Это лунное и солнечное затмения.

– И опять нам это ничего не дает. На кой черт сдались ему эти затмения?

Уваров поднялся на ноги, приоткрыл окно и закурил. В этот момент внимание Клары привлекло ее имя, выведенное красным карандашом. Она подняла листок и увидела астрономические расчеты, даты и координаты. Напротив ее имени было написано: «астероид, открытый в 1907 году». Далее стояла ее дата рождения. Может ли это быть совпадением? Имя и дата рождения. Конечно же, нет! Выходит, что Тихонов неспроста появился в жизни Клары.

– Что там? – спросил Уваров.

– Ничего особенного, – соврала Клара, спрятала листок в бумаги и ушла в единственную комнату, в которой могла закрыться и осмыслить увиденное.

Не успела она закрыть за собой дверь, как Юрий вскочил на ноги и нашел листок, который только что просматривала Клара. Он пробежался глазами по цифрам и надписям, затем спрятал его во внутренний карман куртки.

Когда Клара вышла из ванной, он потушил сигарету в пепельнице, протер глаза и со вкусом зевнул.

– Я, пожалуй, поеду. Завтра рано утром мне нужно быть в управлении.

– Хорошо, – согласилась Клара.

– Хорошо? – наигранно переспросил Уваров и с сарказмом добавил: – А где слезная просьба остаться? Кто согреет тонкое девичье тело?

Клара состроила гримасу и недовольно пробурчала:

– Шутник.

Взяв с вешалки куртку, Уваров вышел в коридор и поспешил к лифту. Клара встала в дверном проеме, наблюдая за его пружинистой походкой. Ей не хотелось, чтобы он уходил, но как же трудно было признаться в этом даже самой себе, не говоря уж о том, чтобы поделиться с ним! На ходу Уваров накинул куртку и вынул из кармана ключи от машины. Когда двери лифта открылись, он послал Кларе воздушный поцелуй и скрылся в кабине, обшитой пластиковыми панелями. Не успели двери лифта закрыться, как в ее номере зазвонил телефон. Клара закрыла дверь и поспешила взять трубку. Это был Аркадий. Она сразу поняла, что он решил ее проверить – поэтому намеренно позвонил в гостиничный номер, а не на мобильный. Узнав, что она в номере и с ней все в порядке, он долго рассказывал о своих успехах в новой должности, о предстоящей командировке и о том, что он стал больше времени уделять дочери, что заметно улучшило их отношения. Клара терпеливо его выслушала и в конце разговора наигранно громко зевнула.

– Ложись спать, тигренок, – с нежностью в голосе произнес Аркадий и добавил: – У тебя сегодня был тяжелый день.

«Как будто ты знаешь, как прошел мой день. Хоть бы спросил для разнообразия», – подумала Клара и попрощалась с мужем.

Положив трубку, она поспешила к коробкам, чтобы найти листок с упоминанием ее имени и даты рождения. Но, пересмотрев все бумаги несколько раз, не нашла.

– Хм. Куда же он делся? – произнесла она вслух и тут же догадалась: – Уваров. Теперь понятно, почему он так быстро ушел.

Почистив зубы, она легла в кровать. Читать дневник ей сегодня совсем не хотелось: слишком много событий и загадок ворвалось в ее жизнь. Клара потушила свет и закрыла глаза. В голове доминировала лишь одна мысль: почему ее имя и дата рождения были старательно выведены Тихоновым на листке с координатами астероида?

Ночью Кларе приснился сон. В спортивном костюме с дорожной сумкой в руках она шла вдоль дороги и ловила попутку. Накрапывал мелкий колючий дождик. Дойдя до поворота, она ускорила шаг. Этот участок дороги был узким и плохо освещенным. Предчувствуя неладное, она хотела преодолеть его как можно быстрее. Навстречу ей ехала груженная фура с прицепом. Сзади послышались нетерпеливые гудки легкового автомобиля, и через несколько минут иномарка пошла на обгон. При повороте фуры прицеп занесло на встречу, седан темного цвета выскочил на обочину и ослепил Клару ярким светом фар. Она вскрикнула и предупреждающе выставила вперед руки.

Очнувшись, она поняла, что находится в темном гостиничном номере. Включив настольную лампу, она села в кровати и отдышалась. Сон был таким реалистичным, что она не сразу пришла в себя. Клара протерла глаза и накинула халат. Этот сон не был ее воображением – это было реальное событие, которое произошло с ней два года назад. Авария поделила ее жизнь на «до» и «после».

Трясущимися руками Клара налила себе воды из графина, залпом осушила стакан, села на диван и бегло осмотрела разложенные на полу документы. После пережитого кошмара спать совсем не хотелось. В номере было прохладно, и Клара вернулась в кровать под одеяло, прихватив из сумки белую папку. В следующий момент она уже читала воспоминания Тamarы.

«На Чукотку мы приехали в разгар зимы. Из-за того, что аэропорт был отделен от города заливом, нам пришлось добираться до Анадыря на вертолете. От страха я чуть дар речи не потеряла. Сказать, что там было холодно – ничего ни сказать. Я родом из Казахстана и с детства привыкла к теплу и солнцу. В Анадыре же температура опускалась до минус пятидесяти. К такому холоду мы были не готовы. Пришлось в первый же день потратиться на одежду и обувь, более подходящие для этого сурового края.

Нас поселили в квартире барачного типа, рассчитанной на три семьи, с общими кухней и туалетом. Первым, что бросилось мне в глаза, был тот факт, что местные жители здороваются даже с незнакомыми людьми. Город был молодым, средний возраст жителей составлял двадцать пять лет, что неудивительно, ведь статус города Анадырю присвоили лишь в 1965 году.

Чукотка – суровый и ветреный край. Пищу местные жители заготавливают с осени: сушат грибы, собирают ягоды и ловят сетями с берега рыбу. В магазине ассортимент небольшой, так что особо не разгуляешься даже по праздникам. Такой быт меня несколько не смутил: закаленная суровым детством, я быстро привыкла к общей кухне и вечно грязному туалету. Но меня утомляло безделье. Часами судачить на кухне, как мои соседки, я не могла. Работы же по моей профессии в Анадыре не нашлось, а потому я быстро впала в депрессию. Мое состояние усугубил отъезд мужа: его группа должна была провести несколько месяцев на нерентабельном участке по добыче золота, чтобы досконально изучить процесс добычи для последующей механизации. В Анадырь он возвращался редко и на пару дней, не больше.

Время шло медленно. Я уже пожалела, что поехала с мужем, а не осталась с его родителями в Иваново. И вот тогда-то кто-то из знакомых, узнав, что я швея, наконец, предложил мне работу в швейном цеху. Цех специализировался на пошиве верхней одежды из кожи и меха. С этими материалами я раньше никогда не работала и понятия не имела, с чем столкнусь.

Владельца цеха звали Иван, он был местным жителем, а жена его была русской. У них было восемь детей. За Иваном водился один грешок – любил он выпить. Пил запоями, мог по две недели не выходить на работу. Но когда выходил, цех сразу преображался. Он был веселым, добрым, находчивым, ничего не выбрасывал, мелкие обрезки шкур и кожи пускал на декоративную отделку капюшонов и подола. Но особой его страстью была реставрация старых вещей. За работой он приговаривал: «Вещь – она как друг. А старый друг – лучше двух новых. Старые вещи напоминают нам о приятных событиях в жизни».

Так прошло три месяца. Со дня на день я ждала возвращения мужа в Анадырь. В один из морозных дней я шла из магазина домой. На улице завывала метель, видимость была плохая, термометр опустился ниже пятидесяти градусов. По улице я шла быстро и думала о муже, мечтала поскорее его увидеть. И тут на дороге я увидела темный сверток, похожий на кулек. Хотела пройти мимо, но сверток зашевелился, и я услышала слабый плач, похожий на писк котенка. Развернув сверток, я увидела младенца и стала звать на помощь. Ко мне сразу подошли двое мужчин и спросили в чем дело. Я показала им ребенка, и один из них вспомнил, что недалеко от этого места находится окружная больница, в которой есть родильное отделение. Мы втроем отнесли ребенка туда. Его осмотрел врач и сказал, что малыши в порядке – к счастью, на холоде он пролежал совсем недолго.

С ребенком нужно было что-то делать. Я стояла в нерешительности со свертком в руках и растерянно оглядывалась по сторонам. Один из мужчин спросил, есть ли у меня муж и дети. Я ответила, что есть муж, а детей у меня нет, и не будет. Тогда он улыбнулся и сказал: «Примите младенца, как подарок от бога, и воспитывайте, как своего».

Это была новорожденная девочка. Я назвала ее Марина – в честь своей матери. С этого дня моя жизнь сильно изменилась, ведь больше я себе не принадлежала. К счастью, Вадим, вернувшись на выходные, поддержал меня: у него было доброе сердце и, увидев малышку, он, кажется, обрадовался даже больше, чем я. С этого момента мы с Вадимом стали настоящей семьей. Мы могли часами наблюдать, как малышка строит нам рожицы, трогать ее хрупкие пальчики или смотреть на нее, спящую. Марина стала смыслом нашей жизни.

Три последующих месяца пролетели незаметно, и мы засобирались на материк. Полет оказался трудным, с ребенком было намного тяжелее. Но все это компенсировалось возвращением в родной дом. Родители были оповещены о пополнении в семье заранее. Встречали они нас, как героев после войны. Малышка сразу пошла по рукам, а нас усадили за стол и в перерывах между подачей очередного блюда заставляли снова и снова рассказывать о Чукотке.

С появлением Марины наш дом снова ожил и наполнился радостью и любовью. По внешности девочки можно было определить, что один из ее биологических родителей был чукчей: у Марины были узкие черные как смоль глаза и черные густые волосы.

Но, к сожалению, радость от возвращения была недолгой... Вскоре после нашего приезда старая болезнь отца вернулась, и он снова уехал в Москву на лечение. Не прошло и двух недель, как нам позвонили из больницы и попросили срочно приехать. Я осталась с дочкой, а Вадим и мать поехали в Москву. Через три дня Вадим позвонил и сказал, что надежды на выздоровление нет, отец теряет силы с каждым днем. Мать была безутешна. Вернулись они через две недели...

На похороны пришло много людей. Поминки пришлось справлять в ресторане – даже пятикомнатная квартира не смогла бы вместить всех желающих почтить память этого прекрасного человека. Когда мы ехали с кладбища в арендованный зал, автобус ритуальной службы проехал мимо нашего дома, и мне вдруг показалось, что я вижу Тихоню, выходящего из нашего подъезда. Сердце забило так сильно, что я не смогла скрыть волнения. Я привстала, чтобы рассмотреть знакомый силуэт получше, но мелькающие за окном деревья заслоняли его лицо. Вадим спросил, что я делаю. «Я увидела призрака», – ответила я. Он подумал, что я говорю об его отце, и обеспокоено переглянулся с матерью.

С этого дня Вадим и мать начали вести разговоры о смене квартиры, а я каждый день жила в страхе от того, что Тихоня может снова постучаться в мою дверь. Я не могла гулять с ребенком, не могла спокойно находиться в кругу семьи, была в постоянном напряжении, каждый звонок в дверь бросал меня в дрожь – мне казалось, что это он. Но Тихоня все не появлялся... Меня, и без того хрупкую, нервное напряжение иссушило окончательно, я в буквальном смысле

стала похожа на скелет. Тихоня мучил меня на расстоянии, убивал всякую надежду на счастливую жизнь без него.

Когда, в конце концов, я почти пришла к выводу, что обозналась, мне позвонила Ирина Петровна. Она сказала, что в почтовый ящик бросили новую записку...

В записке было сказано: «Почему другие должны платить своими жизнями за твое наказание? Ты должна перенести его сама, без чьей-либо помощи». Теперь я знала точно, что это Тихоня писал записки и передавал их мне через Ирину Петровну. У меня был шок. Мы не виделись с ним почти семь лет, зачем же он вернулся? Зачем пугает меня? Зачем снова портит мне жизнь? Почему не отстанет от меня и заведет собственную семью? Но задать все эти вопросы было некому. Тихоня не объявлялся, и это сводило меня с ума.

Через полгода Вадим получил назначение в НИИ, и мы засобирались в Москву. Было принято решение, что Вадим сначала поедет один, подготовит жилье, а потом заберет нас с Маришкой. Но тут произошла еще одна драма, после которой у меня больше не осталось сомнений – в отместку за мое непослушание Тихоня каким-то образом изводит семью мужа. Второй брат Вадима в случайной драке получил ножевое ранение и истек кровью, не дождавшись «скорой помощи». Он заступился за девушку, к которой приставала компания подвыпивших подростков. Для меня эта трагедия стала последней каплей. Злость и ненависть родились и начали расти в моем сердце. Ну почему он не может оставить меня в покое и так жестоко наказывает за уход?! Рассказать о Тихоне и моих догадках мужу я не могла: Вадим был скептиком и только посмеялся бы надо мной.

После очередных похорон муж сказал, что не может оставить мать одну, и попросил моего согласия на переезд в Москву вместе со свекровью. Конечно, я была согласна. Мы продали квартиру, я переехала с дочкой к Ирине Петровне – предположительно на месяц, а Вадим с матерью отправились в столицу. С жильем было трудно, Вадим изо всех сил искал подходящий вариант, но сразу купить квартиру не удалось. Они жили на съемной квартире почти три месяца. А когда наконец-то купили жилье и сделали в нем ремонт, прошло уже полгода с их отъезда. Мы говорили по телефону почти каждый день, Вадим с матерью приезжали проведать нас на праздники. Настроение в семье потихоньку

нормализовалось. Муж с матерью устроились на работу и получили первые зарплаты. Пришло время и мне ехать в столицу.

Шел 1983 год. Расставаться с Ириной Петровной было трудно: мы обе плакали, как будто чувствовали, что видимся в последний раз. Мы с Маришкой сели в поезд «Иваново-Москва», в купейный вагон. Нам предстояло ехать около семи часов. Я покормила дочь и уложила ее спать. Вот тогда-то и открылась дверь в купе, и на пороге я увидела Тихоню!

Он вошел в купе и молча сел напротив меня. От потрясения я не могла вымолвить ни слова, лишь смотрела на него, не сводя глаз. Я оцепенела, внутри сразу все всколыхнулось, сердце затрепетало, руки задрожали. Перед внутренним взором промелькнула вся наша история – как познакомились, как встречались в рыбацком сарае, как бежали с пастбища... Все события, словно кинолента, промелькнули в моей памяти. Злость моя испарилась, как пар над чайником. Взгляд его бездонных глаз проник в меня так глубоко, что слова стали не нужны.

Меня поразили его внешний вид: Тихоня был одет с иголки – костюм-тройка, белая рубашка, твидовое пальто, пошитое точно по его фигуре. И еще на нем была черная шляпа. Она очень ему шла. Он выглядел, как парижский манекенщик с обложки.

Найдя в себе силы, наконец, разорвать повисшую тишину, я, заикаясь, спросила, что он здесь делает. Он ответил, что так же, как и я, едет в Москву. Не торопясь, снял шляпу, пальто, повесил их на крючок. Дрожь в моих руках не унималась. Заметив это, он поспешил меня успокоить: сказал, что не преследует никакой дурной цели и хочет лишь кое-что мне разъяснить.

Я должна немедленно оставить семью и уехать с ним, только он сможет меня защитить, – вот что он мне сказал. Я спросила, кто или что мне угрожает. Он ответил, что не мне кто-то угрожает, а я своим присутствием угрожаю собственной семье. Я бессознательно улыбнулась: как я могу кому-то угрожать? Тихоня заметил скепсис на моем лице и сказал, что у него есть доказательства. Но сначала он хотел бы рассказать мне историю, которая своими корнями уходит в глубокую древность.

Он вел свой рассказ словно сказку, поэтому и я постараюсь передать дух этой легенды в том стиле, в каком сама ее услышала. А история была следующей. Много веков назад у одного из правителей родилась дочь, которую назвали Тея. Она была столь красива, что ей завидовали не только люди, но и боги. И, конечно, девушка с неземной красотой не могла полюбить простого человека – свое сердце она отдала духу Луны. Чтобы воссоединиться с возлюбленной, тот должен был спуститься на Землю и найти свободное тело. Но в теле человека дух Луны находиться долго не мог, поэтому приходил к возлюбленной всегда в разных воплощениях. Тея узнавала его по особому знаку на теле.

Тихоня поднял руку и показал родимое пятно. Теперь рядом с уже знакомым мне полумесяцем виднелись четыре яркие звезды.

Помимо неземной красоты, Тея обладала могучей внутренней энергией, которая имела разрушительный характер, в первую очередь, для нее самой. Девушка словно притягивала к себе беды, и на ее красоту, словно мотыльки на огонь, слетались люди с черной душой. Однажды во дворец правителя приехал его давний друг – и, увидев Тею, влюбился в нее с первого взгляда до беспамятства. Он осыпал девушку драгоценностями и диковинными подарками. Но сердце ее было отдано другому, и Тея отвергла ухаживания друга отца. Тогда богатеи вознес молитвы духу Солнца, чтобы тот усмирил нрав красавицы и помог покорить ее сердце. Взглянув на Тею, дух Солнца сам возжелал ее и осыпал подарками, каких на земле не видывали. Но Тея снова была непреклонна, и тогда дух Солнца проклял красавицу, настав на нее болезнь. Тея умерла в нечеловеческих муках, и с тех пор в наказание из жизни в жизнь воплощается в невзрачных женских телах. Но дух Луны не оставил возлюбленную и не забыл ее преданности. С каждым ее воплощением он посещает землю и находит Тею. Вместе они могут быть не больше двух ночей, а затем дух Луны покидает тело, чтобы то продолжило жить своей жизнью. С каждым новым воплощением память Теи ослабевает, и духу Луны все тяжелее и тяжелее добиться ее любви. Поэтому в очередном воплощении дух Луны вошел в уже мертвое тело маленького мальчика и подстроил их встречу еще в детстве, чтобы было время на пробуждение возлюбленной. Тело, в которое вошел дух, нужно поддерживать эликсиром жизни каждые два года, иначе оно исчезнет, растворится в небытии.

Я спросила, как эта легенда относится ко мне? Вместо ответа Тихоня сказал, что те люди, кто любил меня и дарил мне любовь, умерли. Я сказала, что это не так, и он начал перечислять. По его словам, первыми уходят те люди, которые слабы энергетикой: старики, дети.... Так умерли мои родители, так умерли дедушка и бабушка Вадима. За ними последовали те, кто был слабо защищен, – отец и братья моего мужа. В конце Тихоня добавил, что, если я буду с ним, моя энергия уравнивается, и я перестану оказывать на людей разрушительное воздействие.

Я не хотела в это верить – мне казалось, что события моей жизни не сходились с его словами. Ведь именно он в последние годы приносил мне беды! В голове не укладывалось то, что Тихоня мне рассказал. Неужели я имею столь разрушительную силу, которая убивает близких мне людей? Я спросила его, зачем же он ушел и оставил меня одну с матерью и его теткой, если знал, что это убьет их? Тихоня холодно ответил, что сделал это намеренно: они были единственными, кто знал его тайну.

Глаза его в этот момент были пусты, безжизненны и горели неестественным блеском. Атмосфера в купе стала такой напряженной, что я начала задыхаться. Он попросил меня сесть рядом и обнял. Его рука легла на мою спину в область поясницы, и я ощутила прилив тепла. Из моей груди вырвался облегченный стон, и в следующий момент мне стало легко и спокойно.

Поезд остановился, и я услышала, как проводница прокричала: «Москва, конечная станция». Тихоня сжал мою руку и сказал: «Ты должна уйти из семьи, пока не пострадали твой муж и его мать». Затем, указав на дочь, добавил: «...И она». Со слезами на глазах я смотрела на Тихоню и не могла поверить его словам. Я спасла эту малышку от смерти, как я могу ей навредить?

Он встал, надел пальто, шляпу и протянул мне листок бумаги с номером телефона: «Позвони мне, как будешь готова. Тебе надо успеть к завтрашнему утру». Я спросила, что будет, если я не успею. Он мрачно покачал головой и красноречиво посмотрел на малышку.

Выходя из купе, Тихоня сказал: «Когда ты вернешься, то все поймешь. Но, это должна быть твоя воля, твое решение, я не вправе давить на тебя».

Как только он вышел, я встрепенулась и огляделась по сторонам. Моя дочь проспала все семь часов, пока мы разговаривали, и только теперь открыла глазки и стала сладко потягиваться.

Муж и свекровь встретили нас на выходе из вагона. Они сильно соскучились и целовали нас с Маришкой минут пять, а то и больше. Я тоже была рада видеть их, и наша встреча, поцелуи, объятия напрочь выветрили слова Тихони из моей головы. Мы приехали в наш новый дом, и муж начал показывать нам с Маришкой квартиру, рассказывая, как нелегко дался ремонт. Мы ходили из комнаты в комнату, и я восторгалась работой. Особенно мне понравилась детская – я до сих пор помню все детали ее обстановки.

Я попросила мужа позвонить Ирине Петровне и сказать, что мы благополучно добрались в Москву. Но трубку она не взяла. Обеспокоенный Вадим позвонил соседке, с которой Ирина Петровна была очень дружна, и та сообщила, что час назад ее отвезли в больницу с сердечным приступом.

Я остолбенела, по коже пробежал мороз: слова Тихони вновь всплыли в моей памяти. Мне хотелось побыть одной, привести мысли в порядок, поэтому я сказала мужу, что мне нужно принять ванну, и поспешила укрыться от семьи за дверью. Как объяснить мужу, что я должна покинуть семью? Как объяснить, что именно я приношу любимым людям несчастья? Признаюсь честно, увидев на стиральной машине бритвенный набор, я даже грешным делом подумала о самоубийстве. Ведь этим я разрешила бы все проблемы!

В этот момент муж громко забарабанил в дверь, крича, что Маришка задыхается. Мы вызвали «скорую», которая приехала, когда дыхание у моей девочки совсем прекратилось и она начала синеть. После реанимационных мероприятий ее повезли в больницу в сопровождении мужа и свекрови, а я осталась в квартире с мокрой головой...

Когда дверь за ними захлопнулась, перед глазами промелькнуло посиневшее личико моей дочурки. От беспомощности ноги подкосились, я упала на кровать и полчаса проплакала. Слова Тихони снова и снова проносились у меня в голове. Неужели все это правда? Я не могла больше подвергать опасности свою семью и, преодолевая подступающий к горлу комок, набрала номер, который дал мне

Тихоня. Трубку взяла пожилая женщина. «Он будет ждать тебя в полночь на том же месте, где вы расстались», – сказала она.

Недолго думая, я собрала вещи, взяла паспорт и выскочила из дома. Не помню, как добиралась до вокзала... Выйдя на перрон, я встала под часами и начала ждать. Ждала я долго, замерзла и уже почти убедила себя, что все это мне померещилось, что инцидент с дочерью – лишь трагическая случайность, никак не связанная с... И в этот момент ко мне подошел Тихоня. Взглянув на него, я от страха отступила назад. От прежней красоты и молодости не осталось ни следа: его лицо было покрыто глубокими морщинами, на волосах поблескивала седина, губы стали дряблыми и тонкими. Это был первый раз, когда я увидела его разрушение. По словам Тихони, такой облик он принимал каждые два года, и это было сигналом, что необходимо принять эликсир.

Он дал мне адрес, ключи и сказал, что ему нужно ехать в Казахстан. Обещал вернуться через несколько дней. Я умоляла его дать мне гарантию, что моя семья не пострадает – тогда я все еще думала, что это он создает ад в моей жизни. Он ответил, что все будет в порядке. Ни с того ни с сего я спросила: «Ты едешь к Жупар?» – и он кивнул головой. Эта старуха все еще была жива!

Приехав по указанному адресу, я обнаружила роскошный двухэтажный кирпичный особняк. Ключи подошли к замку на воротах, и столь же легко я отперла входную дверь. Включив свет в доме, я ахнула: передо мной предстали роскошные апартаменты. Покрывало из норки на кровати, мебель из палисандра, великолепные обои с геометрическим рисунком – все это создавало атмосферу изысканности, тонкого вкуса и одновременно – несметного богатства. Я обошла все комнаты: на первом этаже была гостиная, столовая, кухня и большая бильярдная, на втором располагались две спальни и кабинет. В доме я насчитала два туалета и просторную ванную.

На кухне я обнаружила телефон и набрала номер больницы, в которую отвезли Маришку. Регистратор ответила, что ее состояние стабильно. Я облегченно выдохнула: хоть в этом Тихоня меня не обманул. Но сердце сжималось от мысли, что муж будет меня искать, что он с ума сойдет, если я не вернусь к утру.

Выбор дался мне нелегко: не припомню, чтобы раньше я так плакала и металась из угла в угол. Но в итоге я послушалась Тихоню, оставшись со своим разбитым сердцем в золотой клетке...».

Веки неумолимо смыкались, и Клара в полудреме почувствовала, как ее голова тяжело опустилась на грудь. Папка соскользнула с ее колен, листки, один за другим, полетели на пол. Шелест бумаги заставил ее проснуться. Клара убрала папку на прикроватный столик и закрыла глаза. Собирать листки не было сил: она быстро проваливалась в сон и уже через мгновение снова оказалась на обочине дороги с черной дорожной сумкой в руке...

Глава седьмая

Прозрение

Будильник, установленный в телефоне накануне, разбудил Клару в восемь утра. Несмотря на ночные кошмары, она чувствовала себя бодрой и была полна энергии. После утреннего душа женщина собрала документы в коробки и поставила их в шкаф для одежды. Разложила листки из дневника по номерам страниц, бережно сложила в белую папку и убрала ее в сумку.

В магазин Клара приехала в девять часов, застав под дверью новую сотрудницу. Поздоровавшись с Ольгой, Клара открыла дверь, отключила сигнализацию и перевернула табличку стороной «Открыто».

Весь день она обучала Ольгу премудростям профессии продавца цветов: как нужно разговаривать с клиентом, как выбрать правильные цветы для того или иного праздника. Основное время Клара уделила сбору цветов в букеты и композиции. Информацию Ольга схватывала на лету, задавала правильные вопросы и даже дала несколько стоящих советов по привлечению клиентов в магазин.

К концу рабочего дня, когда женщины засобирались домой, зазвенел колокольчик на двери, и в магазин вошла Лиля. Улыбаясь, Клара распахнула объятия и поспешила к подруге. С минуту они обнимались, потом рассказывали друг другу новости. Клара познакомила Лилю с новой работницей. Под пристальными взглядами подруг Ольга покраснела, смущенно попрощалась и поспешно покинула магазин.

Через полчаса Лиля засобиралась домой, и Клара вышла ее проводить.

– Я завтра выйду на работу, так что ты поспи подольше, а то вид у тебя переутомленный, – заботливо произнесла Лиля, выходя из магазина.

– Наоборот, я чувствую прилив сил в каждой своей клеточке.

Лиля недоверчиво взглянула на подругу, хотела, что-то сказать, но в последний момент передумала.

– Расскажи, что у тебя с мужем, а то мне при Ольге неудобно было спрашивать, – поинтересовалась Клара.

– Ничего, – пожимая плечами, ответила Лиля, – я вернулась из больницы и сказала, что ему нужно съехать с квартиры.

– А он что?

– Попросил, чтобы я дала ему второй шанс.

– И ты дала? – спросила Клара, надеясь на примирение супругов.

Взгляд Лили застыл, она покачала головой и ответила:

– Нет. Не могу даже минуты находиться рядом с ним. Сразу представляю, как он обнимает и целует ту... другую....

– Может, ты все-таки передумаешь?

– Нет. Да и не расстались они вовсе. Она продолжает ему названивать, а он блокирует звук и уходит в другую комнату. Я прямо чувствую, как он из-за ребенка разрывается на две части. Не хочу такой семьи. Потом он сам меня возненавидит за то, что ему пришлось пожертвовать чувствами.

Клара тяжело вздохнула и с сочувствием посмотрела на подругу.

– Да. Тяжелый у тебя сейчас период.

– Справлюсь, – решительно произнесла Лиля и, посмотрев на подъезжающую к остановке маршрутку, добавила: – Давай завтра поболтаем.

– Хорошо, – ответила Клара и чмокнула на прощанье подругу в щеку.

Как только Лиля села в маршрутку, рядом с Кларой остановился «Мерседес» Уварова, тонированное стекло плавно опустилось.

– Привет. Это была Лиля? Ее что, уже выписали?

– Да. Завтра она выходит на работу.

Уваров припарковался, вышел из машины и пошел следом за Кларой.

– Ты ужинала? Может, встретимся в ресторане?

– Мы встретимся завтра, если ты еще не передумал насчет свидания.

– Не передумал, – улыбнулся Уваров, – а оно завтра точно состоится?

– Точно, – улыбнулась Клара.

– Во сколько и где?

– Ты все хочешь знать заранее?

– Нет, предпочел бы сюрприз, но мне завтра нужно вылетать в Ереван.

– В Ереван? Зачем? – удивилась Клара.

– Еду к армейскому другу. У него родился сын.

– Мы можем отложить свидание на другой день, – предложила Клара, прекрасно сознавая, что следующей возможности для встречи у них не будет.

– Нет, ничего мы откладывать не будем. Я просто вылечу позже. Где и во сколько мы встретимся?

Клара назвала ему адрес, и Уваров удивленно поднял брови.

– Наше свидание будет в зимнем саду? – уточнил он, не сдержав улыбку.

– Да. А если ты еще раз так самодовольно улыбнешься, я отменю встречу.

Уваров поднял руки вверх, показывая, что сдается, и быстро заговорил:

– Это не самодовольная улыбка, просто я действительно рад. Ты выбрала замечательное место. Мне непривычна мысль, что ты вообще согласилась, а уж так спланировать первое свидание... Это ведь просто встреча... Я думал, мы поговорим в ресторане, а потом я тебя провожу. Или это не просто встреча? Это настоящее свидание?

Клара покраснела и вошла в магазин. Уваров встал в дверном проеме, наблюдая, как она собирает вещи. Вдруг улыбка сошла с лица, тон стал серьезнее.

– Значит, ты придаешь этому свиданию особый смысл. Я даже растерялся...

Оправдаю ли я твои надежды? А вдруг нет? Да я уснуть сегодня не смогу!..

Еле подавив улыбку, Клара вытолкнула его из магазина, закрыла за ним дверь и перевернула табличку. Увидев перед собой надпись «Закрито», Уваров еще долго стоял в замешательстве, почесывая затылок.

После рабочего дня Клара вернулась в гостиницу, приняла душ и расположилась на диване. Через приоткрытую дверь платяного шкафа виднелись ее чемоданы. Послезавтра она должна покинуть Сочи. Клара немного помечтала о предстоящем свидании с Юрием, но потом ее взгляд остановился на гостиничном телефонном аппарате, и романтические мысли тут же растворились, словно дым от потухших в камине угольков.

По уже устоявшейся традиции перед сном она поговорила с мужем и дочерью. Полина с восторгом рассказала о мальчике из нового класса – как он выглядит, какой он замечательный, какие знаки внимания он ей оказывает. Клара с улыбкой выслушала щебетание дочери и дала ей несколько советов, даже через трубку чувствуя, какой радостью светится ее малышка.

– Спокойной ночи, мамочка, – почти шепотом произнесла Полина.

– Спокойной ночи, родная, – прошептала Клара.

Она с тоской ощутила, что общается с близкими автоматически. Нет, она их, безусловно, любит! Вернее любила... Теперь чувства стали притупляться, словно она перешла в другое измерение и земных эмоций больше не ощущает.

Эта мысль заставила Клару взглянуть на Луну. Завтра намечалось полнолуние, а сегодня над гостиничным окном нависал большой желтый диск почти идеально круглой формы. Клара накинула на плечи пальто и вышла на балкон. Несколько минут она всматривалась в звездное небо, пока не замерзла. Взявшись за ручку балконной двери, женщина вдруг заметила, как изменился цвет кожи на руках. Это было поразительно: пальцы и тыльная сторона ладоней светились в темноте! Клара недоверчиво вытянула руки вперед, пытаясь рассмотреть изменения. Испуга она не ощутила, была лишь заинтригована. По всему телу волной разлилось приятное тепло, словно Луна ласкала ее своим светом, сердце гулко и быстро забилось в груди. Клара несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь восстановить сердцебиение. Кожа на ее руках еще несколько секунд переливалась то серебристо-голубым, то серебристо-желтым светом, а потом все прекратилось. Клара вошла в номер и ощупала кисти рук. При искусственном освещении кожа имела естественный оттенок. Она взглянула на свое отражение в зеркале и тоже не обнаружила ничего необычного.

«У меня начались галлюцинации», – подумала она.

Скинув с себя пальто, Клара залезла в кровать и укуталась в одеяло. Ей очень хотелось услышать голос Юрия. Несколько минут она размышляла, позвонить ему или нет, но, взглянув на белую папку, решила продолжить чтение дневника Тамары.

«Тихоня вернулся, как и обещал, через неделю – помолодевший, полный сил и необычайно притягательный. На его руке снова сиял одинокий полумесяц: от звезд не осталось и следа. Первые дни между нами была напряженность: он явно что-то мне недоговаривал, и меня это злило.

Я упростила его хоть издалека посмотреть на Маришку, и он согласился. На такси мы подъехали к детской площадке, и я увидела, как моя свекровь играет с девочкой в песочнице. Малышка следила, как бабушка лепит с помощью формочек фигурки из песка, а затем сосредоточенно пыталась сделать их

самостоятельно. Тихоня посмотрел на меня и сказал: «Вот чего ты меня лишила». Он произнес это мягко, без обиды и угрозы. Минут пять я наблюдала за дочкой, а потом он взял меня за руку, усадил в машину и попросил водителя отвезти нас в центр.

Два дня Тихоня водил меня по дорогим магазинам, закупая для меня гардероб, под который пришлось освободить целую комнату. Сначала я отказывалась даже примерять предложенные наряды – так противны мне были его подарки, но он сказал, что у него есть план и он должен его воплотить. Если план вдруг сработает, он расскажет мне, ради чего старался.

Спали мы в разных спальнях. Тихоня держался на расстоянии и даже не намекал на интимные отношения. Если быть точной, спала только я, Тихоня же лишь лежал в постели с закрытыми глазами – казалось, он давал отдых только телу, остальные системы в его организме в отдыхе не нуждались.

На третий день он привез мне несколько свежих журналов мод. Сначала я просто пролистала их и отложила. Но, через время, снова открыла и уже внимательно рассмотрела фасоны. Ночью, страдая от бессонницы, я спустилась на кухню, и на глаза вновь попались журналы, я разложила их перед собой. Не прошло и получаса, как я обнаружила себя с карандашом в руках, набрасывающей на бумаге новые модели. Я рисовала, как одержимая, из меня бил фонтан идей, накопившийся за много лет. К утру была готова целая коллекция. В течение трех последующих дней я убирала и добавляла детали, пока не решила, что модели идеальны. Тихоня молча наблюдал за мной, стараясь не мешать. Только однажды я уловила его одобрителный взгляд и поняла, что он доволен происходящим.

Доработав фасоны, я перерисовала их на цветную бумагу и развесила по кабинету. А на следующий день Тихоня закатил в нашем доме вечеринку. К нам приехали такие люди, с которыми я даже не мечтала познакомиться: знаменитые певцы, режиссеры, актеры и продюсеры. Я спросила у него, откуда он знает всех этих людей, а Тихоня ответил, что в этом мире деньги решают все.

Среди гостей был известный модельер – не хочу называть его фамилию, потому что мои признания могут ему навредить. Как бы случайно Тихоня завел его в кабинет, и тот увидел мои эскизы. Целый час он подробно изучал коллекцию, а

потом потребовал познакомить его с автором. Тихоня представил меня, назвав Камиллой. Меня это не смутило: в моей жизни был период, когда я звалась Венерой, затем я стала Тамарой, теперь – новый жизненный виток и новое имя....

Мы проговорили с новым знакомым почти до утра. Он был потрясен моими работами, говорил, что даже Москва – это не мой уровень, что мне нужно ехать в Париж. Я думала, он издевается надо мной и отшучивалась, но он говорил совершенно серьезно. Когда мы прощались, мужчина сказал, что готов предоставить мне работу хоть завтра.

С этого момента богемная жизнь захлестнула меня с головой. Это была карусель, которую я сейчас даже не в состоянии толком вспомнить. Показы, приемы, бесконечные вечеринки. Я работала у лучшего модельера страны! Мои модели, пусть даже немного подкорректированные, демонстрировали на показах в центральном Доме моды. Успех кружил мне голову, от звездной болезни меня спасала лишь природная скромность, ну и, конечно, Тихоня. Это он настоял, чтобы я работала на модный дом, а не на себя: он не хотел, чтобы кто-то узнал мое имя и, к радости кутюрье, внес в договор пункт о конфиденциальности. Тихоня объяснил, что процесс вдохновения для меня важнее славы, а я была с ним полностью согласна.

Он сильно изменился: в нем, больше не было юношеского максимализма и вспыльчивого характера, толкающего на необдуманные поступки. Целыми днями мы были вместе, а ночью расходились по разным спальням. Постепенно моя злость на него прошла, ведь он заботился обо мне, предугадывал любое мое желание. И, что скрывать, во мне все еще теплилась любовь, рожденная в рыбацком сарае.

Однажды после очередного показа меня так переполнили чувства, что я сама подбежала к нему и поцеловала. Он ответил на мой поцелуй. Ночью мы приехали домой, я сама зашла в его спальню и легла рядом с ним. Тихоня посмотрел на меня и спросил: «Чего ты больше хочешь? Двух страстных ночей, но после этого я вынужден буду уехать, и ты останешься одна. В семью ты вернуться не сможешь. Или между нами все будет по-прежнему, но зато мы будем вместе еще несколько лет?». В ту ночь я поспешно вернулась в свою спальню, сгорая со

стыда из-за того, что меня отвергли. До меня все еще не доходил смысл его слов...

Мы прожили вместе до 1989 года. Мне тогда исполнилось тридцать три. Живя с ним, я постепенно поняла, что он, собственно, и не человек вовсе. Он предсказывал события, погоду, насквозь видел состояние души и здоровья любого человека. Он читал мои мысли и предугадывал мои желания. К деньгам он питал особую слабость, хоть и считал их инструментами, а не целью в жизни. Деньги буквально липли к нему. Стоило ему чего-то захотеть, и это тут же происходило».

Клара опустила страницу и задумалась. Это было очень похоже на рассказ Уварова. Тот говорил ей, что с детства наблюдал за собой такую особенность. Дневник давал некоторые разъяснения, но и рождал новые вопросы. Теперь записи Тамары поселили в Кларе мысль: есть ли связь между Уваровым и Тихоней?

«Моя дочка подросла, пошла в школу, и у нее появилась новая мама: Вадим снова женился. Именно в этот год я окончательно отпустила свое прошлое.

С Тихоней мы много путешествовали по стране. Особенно мне нравилась своей атмосферой Прибалтика, поэтому он предложил снять дом в Юрмале на все лето.

Был жаркий июль. Мы загорали на пляже и планировали, чем будем заниматься в ближайшие дни. Вдруг Тихоня вздрогнул и начал всматриваться в родимое пятно на своей руке: на моих глазах рядом со знакомым полумесяцем проявилась первая звезда. Тихоня встревоженно посмотрел на меня и сказал, что наступает момент, когда он снова должен будет покинуть меня. С последнего его отъезда в Казахстан прошло почти два года.

Мы добрались домой уже ночью. Тихоня налил вина, и мы проговорили больше пяти часов. Я в подробностях узнала о процедуре, которую проводит с ним Жупар. Когда эликсир начинал действовать, ему приходилось с ней расплачиваться. Духи открывали колдунье, что и когда Тихоня должен был сделать. Он поведал мне, что именно в этот момент я очень уязвима и должна побереечь себя. Лучше будет, если я останусь дома и не буду никуда выезжать вплоть до сентября.

Он признавался мне в любви, просил, чтобы я не бросала модную индустрию – моя сила, по его мнению, должна служить только красоте и людям. Слова звучали как напутствие – будто он чувствовал, что мы расстаемся надолго. Во время беседы его пальцы постоянно поглаживали мою руку, движения становились все нежнее и нежнее. По его глазам я поняла, что время пришло и теперь не важно, будут у нас две ночи или нет, – ему все равно придется уехать. В ту ночь ко мне вернулись те ощущения, которые я испытала с ним впервые в пятнадцать лет. Теперь я дала этим чувствам завладеть мною без остатка. Я не могу подобрать слова, чтобы описать свои переживания в тот момент, нет на земле слов, способных описать испытанное мною ощущение невесомости и безграничного счастья. Перед моими глазами словно разлился яркий свет, в центре которого я увидела сферу – в ее зеркальной поверхности отражалось нечто, похожее на галактику. Звезды загорались и гасли, проносились туманности и кометы, все переливалось и двигалось, будто в ускоренной перемотке. Жаль, что это состояние длилось лишь несколько минут: познав такое, уже не хочется возвращаться назад, в реальность. Пережитое перевернуло мое сознание, заставило оценить нашу связь и дорожить каждой совместно проведенной минутой.

Тихоня пообещал: когда придет время, он заберет меня туда, и мы всегда будем вместе. Я спросила, как он узнает, что время пришло. Он ответил, что звезды и месяц окрасятся в алый цвет.

Две ночи с Тихоней сильно изменили меня. Усилились чувства и ощущения, я стала улавливать нюансы запахов и звуков. Меня тянуло к природе, я часами могла наблюдать за деревьями и цветами. Казалось, что внутри меня все распахнулось навстречу миру и запело. После этого я поняла, кто я и какая сила скрыта во мне. Его энергия наполнила меня нежностью и необыкновенным желанием жить. Проснувшись утром на третий день, я знала, что не найду его рядом. Но на этот раз на его подушке лежала записка. В ней он писал, что вернется сразу, как только сможет, просил, чтобы я не переставала его ждать и была осторожна. Впрочем, он мог бы этого и не писать: кроме него, мне уже никто не был нужен».

На телефон пришло сообщение от Уварова. Клара прочитала: «Может, сейчас? Все равно не можем уснуть». Она улыбнулась и коротко ответила: «Завтра». В коридоре гостиницы послышался характерный писк входящего смс-сообщения, а затем – поспешно удаляющиеся шаги. Она поняла, что Уваров все это время был за дверью. Усмехнувшись, Клара откинулась на подушки и закрыла глаза. От мысли о предстоящем свидании защемило сердце.

Рано утром Клара поднялась с постели и распахнула занавески. Утреннее солнце ворвалось в гостиничный номер. В воздухе чувствовалось приближение зимы. Она быстро умылась и заказала завтрак в номер. Сегодня вечером она должна была встретиться с Уваровым, но перед этим ей нужно заехать в супермаркет, закупить продукты для ужина и мелочи, которые могли бы пригодиться в зимнем саду.

Клара приехала в цветочный магазин и убедилась, что все в порядке. Сказала Лиле, что у нее срочные дела, и пообещала вернуться завтра днем. Подруга ответила, что у нее все под контролем: новая продавщица оказалась толковой помощницей.

Клара отправилась в супермаркет и вышла оттуда с большой тележкой продуктов. У входа ее поджидало заказанное такси. Она назвала адрес, и машина помчалась в коттеджный поселок.

До шести часов вечера она готовила ужин, затем принялась за уборку в зимнем саду: убрала цветочные горшки из центра ротонды, освободив место для стола и стульев, вымыла полы и тщательно проветрила помещение. После сервировки стола она расставила большие свечи по периметру ротонды и выключила свет. Атмосфера стала камерной и почти сказочной: тени деревьев создавали причудливые узоры на стенах, а цветы наполняли воздух нежными ароматами.

Клара приняла душ, уложила волосы и сделала вечерний макияж. До приезда Уварова оставалось больше двух часов, и она решила немного почитать дневник Тамары.

«Первая неделя без Тихони прошла спокойно. Я ежедневно ходила загорать на пляж. Вечерами на меня снисходило вдохновение, и я разрабатывала новые модели. Жить в курортном городе одной было очень скучно, а потому я завела знакомство с двумя местными женщинами примерно моего возраста. Одну из них звали Марта, другую – Анна. Подруги пригласили меня на ужин, и я с удовольствием согласилась. Анна была директором маленького промтоварного магазинчика, при котором было ателье для людей, как она выразилась, «с возможностями».

С этого дня мы стали неразлучны. Вечерами мы ходили вместе в рестораны, кино и театры. Днем я помогала Анне в ателье, придумывая новые модели платьев, юбок и пиджаков для ее состоятельных клиенток. Я быстро завоевала

их признание, и уже через месяц Анна уговорила меня показать свои работы ее клиенту, который мог организовать показ моей коллекции в местном Доме моды. Тот посмотрел мои наброски и пришел в восторг. Надо сказать, что основной темой моей коллекции было море и путешествия. Соответственно этой теме я выбрала цветовую палитру в бело-сине-голубой гамме.

Демонстрация коллекции была назначена через неделю. Я волновалась необычайно, ведь публика в популярной Юрмале была взыскательная и требовательная, любая деталь могла испортить впечатление. И вот настал день показа...»

На телефон пришло сообщение от Уварова: «Я у ворот». Клара посмотрела на часы: он пришел почти на полчаса раньше. Она взглянула на себя в зеркало, поправила волосы, накинула пальто и поспешила к воротам.

Узкая дверь, рассекающая металлические ворота, распахнулась, и Клара увидела Юрия, в руках которого еле умещался огромный букет темно-красных роз. Из переулка, громко газуя, отъезжало такси. Клара подняла глаза вверх и поежилась: небо стремительно заволакивало тучами медного оттенка. Казалось, еще мгновение – и грянет проливной дождь. В памяти всплыл день, когда она увидела Тихонова на пляже: точно такие же тучи буквально в считанные секунды заволокли небо...

Она взглянула на бледное лицо Уварова. Обычно уверенный в себе, сейчас он выглядел сконфуженным, неуклюже переминался с ноги на ногу и смотрел на нее растерянным взглядом, словно не понимал, зачем вообще сюда приехал. Официально это было свиданием, но никто из них не решился с первых минут перевести отношения в романтическое русло.

Пока Клара занималась подготовкой к ужину, она не задумывалась, что будет после того, как Юрий перешагнет порог дома. Нет, она, конечно, представляла сам ужин, процесс распития вина, мирную беседу, но что будет дальше? В памяти всплыла фраза, которую он бросил в кафе: «Будет только то, что ты захочешь». А что она хочет? Теперь, когда он стоял перед ней с букетом цветов, страх и сомнения навалились с новой силой. Зачем она согласилась на свидание?

Улыбка, скорее вежливая, чем радостная, расплылась по ее лицу. Жестом она пригласила гостя пройти внутрь и закрыла за ним ворота. Еле справляясь с искушением отказать от свидания прямо сейчас, Клара повела Уварова по узкой асфальтированной дорожке, обрамленной живой изгородью из тиса, к дому.

Когда они вошли в просторный холл, Уваров протянул ей цветы.

– Вот, это тебе! – гордо выпалил он, но тут же спохватился и добавил: – Но не будешь же ты держать их в руках? Куда их поставить?

Букеты необъятных размеров никогда не впечатляли Клару. По роду деятельности ей частенько приходилось оформлять подобные заказы, и каждый раз она подшучивала над мужчинами фразой: «Если не можешь дарить большую любовь

– даришь большие подарки». Сама она предпочитала скромные букеты, но красиво и оригинально оформленные.

Клара обвела взглядом гостиную и заметила несколько вазочек, в которые могла поместиться только треть цветов.

– Положи пока на стол, разберусь с ними позже. Надеюсь, ты не моим конкурентам вырубку сделал?

– Нет, – усмехнулся он, – купил в твоём магазине. Меня обслуживала новая девушка, но Лиля за ней зорко следила и даже отпустила несколько шуточек по поводу габарита букета. Я сказал, что еду на юбилей, но, похоже, она догадалась. Он скинул кожаную куртку, поправил перед зеркалом взъерошенные волосы и прошел на кухню, где Клара заканчивала последние приготовления к ужину. С минуту он наблюдал, как она хлопчет у плиты, и поймал себя на мысли, что, если заговорит о расследовании, волнение, возможно, уляжется. Поэтому откашлялся и деловито произнес:

– Я узнал, что участок на кладбище, где похоронена Золотарева, принадлежит Марине Хомутовой.

Клара сразу догадалась, что это приемная дочь Тамары, но решила промолчать, оставляя тему расследования на потом. Она протянула Уварову двухсекционную стальную кастрюлю с подогревом, от которой исходил ароматный запах мяса, сдобренного специями, и гарнира из овощей. Уваров принялся и сказал:

– Я голодный, как волк, не ел с девяти утра.

– Пойдем, я покажу тебе зимний сад, – с гордостью предложила Клара и улыбнулась, предвкушая его реакцию.

Уваров с кастрюлей в руках направился следом за ней. Клара провела его через галерею и, распахнув перед гостем двустворчатую витражную дверь, торжественно произнесла:

– А вот и место для ужина.

Уваров зашел в ротонду, остановился у стола и замер. Романтичная обстановка оранжереи поражала с первой секунды. Застекленное круглое помещение имело диаметр не менее шести метров, через стеклянный купол хорошо просматривалось окрашенное медным оттенком небо. В центре ротонды стояли стол и два стула, отгороженных от растений полупрозрачным белым пологом. У стен ротонды в массивных горшках были расставлены высокие экзотические деревья и пальмы, среди которых висел белый плетеный гамак, подвешенный к деревянной балке. Множество свечей разных форм и цветов расположились по всему периметру зимнего сада.

Юрий поставил кастрюлю на стол и еще раз огляделся по сторонам.

– Вот это да... – протянул он с потрясенным видом, – удачное местечко. Хорошо, что не мне пришлось выбирать, иначе я бы тебя разочаровал.

Улыбка не сходила с лица Клары, она даже почувствовала, как щеки устали от застывшей эмоции. Уваров опустился в удобное кресло с мягкой спинкой и с шумом выдохнул. Расставив розы в вазах по всей оранжерее, Клара тоже села за стол. Воцарилась минутная тишина. Оба вопросительно смотрели друга на друга, и никто не осмеливался заговорить первым. Уваров решил, что вино придаст им обоим уверенности, откупорил бутылку кьянти, разлил по бокалам и сказал тост:

– Наверное, скажу банальную вещь, но я хочу выпить за наше знакомство. Не знаю, к чему приведет это свидание... – он откашлялся, прочищая горло, – хочу... чтобы ты запомнила меня... чтобы в твоей жизни я не был мимолетным

знакомством. Какой-то мудрец сказал: «Пока тебя помнят, ты жив». Я хочу жить в твоих воспоминаниях.

Гост Юрия заставил Клару снова вспомнить об отъезде, и улыбка мгновенно сползла с ее лица. Они пригубили вино и приступили к ужину. Уваров отведаль мясо и, закатив от удовольствия глаза, томно произнес:

– Божественно. Тает во рту. Что это?

Клара озвучила название блюда, затем долго перечисляла ингредиенты и способ приготовления. Он подлил ей еще вина и молча слушал, словно боялся, что она замолчит и тогда придется искать новую тему для разговора. Наконец вино разлилось теплом по телу и напряжение отступило.

Пока они ужинали, Уваров расспрашивал о том, как Клара познакомилась с Аркадием, где они жили раньше, как оказались в Сочи. О прошлом Клара рассказывала неохотно: любое воспоминание так или иначе подводило ее к мысли об отъезде, а эта тема была для нее минным полем, куда ни шагни – подорвешься. Она с ужасом сознавала, что уже завтра наступит тот день, когда Аркадий будет ждать от нее лишь сообщения о конкретном времени ее приезда. Глаза Клары стали грустными, уголки губ нервно дрогнули и поползли вниз.

Заметив перемену в настроении собеседницы, Уваров сделал несколько глотков вина, опустил бокал на стол и спросил:

– О чем думаешь?

Клара подняла на него печальные глаза и неохотно ответила:

– Задумалась об отъезде.

– И когда тебе нужно уехать?

– Завтра, – обреченно выдохнула она.

Его глаза вспыхнули. Конечно, он помнил про отъезд, но не хотел поднимать эту тему, понимая, что разговор не принесет им облегчения. Уваров накрыл своей ладонью ее руку и сказал:

– Мне жаль. При мысли, что больше не увижу тебя, у меня душа рвется на части.

– А я не понимаю, почему не хочу ехать, – тихо произнесла Клара и тут же поправилась, – нет, я понимаю, что меня здесь держат магазин, подруги, море и другие составляющие моей жизни, но внутри я чувствую, что это не главная причина.

– А в чем причина? – спросил Уваров и еле заметно улыбнулся.

Клара поняла, что он подумал о себе. Она убрала свою руку и пояснила:

– Когда Аркадий сказал об отъезде, я тебя еще не знала. Так что дело точно не в тебе.

– Ледяной водой окатила, – съехидничал он.

Ей захотелось хоть на минуту скрыться от его пронзительного взгляда: казалось, что он видит ее насквозь, чувствует ее сомнения. Клара вышла из-за стола, прошлась вдоль цветов до стеклянной стены ротонды и посмотрела на ночное светило, которое еле проглядывало сквозь тучи.

– Сегодня полнолуние. Как жаль, что из-за облачности Луну плохо видно.

Уваров промолчал. Клара поняла, что он ждет объяснений по поводу ее нежелания уезжать вслед за семьей, и сказала:

– Мое сердце наполняет тоска. Она сковывает меня по рукам и ногам. Как будто со мной что-то должно произойти. Что-то роковое.

– Предчувствие? – спросил Юрий и медленно приблизился к ней.

Она повернулась к нему и заглянула в глаза.

– А ты что чувствуешь?

Ее вопрос застал его врасплох.

– У меня тоже душа рвется от тоски...

– А ко мне? Что ты чувствуешь ко мне?

Спросив, она тут же пожалела. Зачем ей это знать? Что бы он ни испытывал, завтра все закончится, и ближайшие несколько часов ничего не изменят. Глаза Юрия на несколько секунд закрылись, он тяжело вздохнул и ответил:

– Сам не знаю. Что-то новое, чего раньше не испытывал.

– Я тебе нравлюсь?

И вновь Клара сама себя осекла: «Куда тебя несет?»

В горле мгновенно пересохло. Уваров нервно откашлялся, затем еле заметно кивнул и поправил выбившийся из ее прически локон. Была бы его воля, он непременно опустил бы эту часть разговора и приступил к более активным действиям.

– Но это еще не любовь? – снова не сдержалась Клара.

Уваров покачал головой и пояснил:

– Это что-то другое. Как будто мы связаны.

Она нахмурила брови.

– Поясни.

Он притянул ее к себе и обнял.

– Это как знать, что ты и я – одно целое, и одновременно понимать, что это целое навсегда обречено быть двумя одинокими половинками. Понимаешь?

Она кивнула, еле подавляя слезы. К горлу подкатил комок.

– А ты что сейчас чувствуешь? – прошептал он ей на ухо, и его дыхание теплой волной пробежало по ее коже.

Она замерла на несколько секунд, затем резко отстранилась и легла в гамак. Что-то неумолимо влекло ее к нему, но как только они оказывались рядом, ее отбрасывало, словно ударом тока. Юрий сел на стул рядом с гамаком и стал всматриваться в ее лицо.

– Я чувствую себя потерянной.

– Ты знаешь, что я имел в виду, – укорил он. – Что ты чувствуешь ко мне? – настойчивее повторил он, расправил ее ладонь и прижался к ней щекой.

Она посмотрела ему в глаза и тихо произнесла:

– Я не знаю... я... безусловно, что-то чувствую... что-то сильное и неизбежное, теплое и щемящее...

– Ну, хоть что-то, – облегченно вздохнул Уваров и склонился над ее губами.

Поцелуй получился трепетным и нежным. Юрий вложил в него все свои чувства, как будто от этого момента зависела его дальнейшая жизнь. Ее губы были мягкими и горячими, словно нагретыми палящим солнцем. Когда он потянулся к ней для повторного поцелуя, тишину разорвал телефонный звонок. Он быстро выпрямился и вынул смартфон из кармана брюк.

– Уваров.

Выслушав звонившего, он тяжело вздохнул, его лицо моментально стало суровым и мрачным. Несколько секунд глаза Юрия блуждали по верхушкам гор, которые хорошо просматривались из зимнего сада, затем следователь деловито спросил:

– Можешь забрать меня, а то я выпил? Я не дома. Адрес сейчас скину.

Закончив разговор, он повернулся к Кларе и сказал:

– Убийство. Коваленко сейчас за мной заедет. Мы можем прерваться ненадолго?

– А разве раскрыть убийство можно всего за пару часов?
– Случается и так, но редко. Покручусь на передовой, а потом к тебе.
– А разве так можно? – удивилась она.
– А мне на всех наспать, ты завтра уезжаешь, остальное подождет до утра, – шутливо произнес он и спросил: – Так мне можно будет вернуться?
– Конечно. До утра коттедж в нашем распоряжении, – разочаровано произнесла Клара. Почему-то она была уверена, что больше с Уваровым не увидится.
– Жди, я скоро вернусь, – улыбнулся он и засобирился.
Быстрыми движениями пальцев он вбил адрес и отправил сообщение напарнику. Затем залпом осушил бокал вина и вышел из ротонды.
Коваленко тут же прислал ответ.
– О, он тут, поблизости, – усмехнулся Уваров.
Клара неспешно вылезла из гамака и последовала за ним в холл. Уваров надел куртку и мельком посмотрел на ее отражение в зеркале. Такой он Клару еще не видел: вид потерянный, в глазах тоска... Сердце укололо мгновенной и резкой болью. Чтобы подбодрить женщину, он притянул ее к себе и страстно поцеловал в губы.
– Я тебе говорил, что ты красивая? – спросил он и прижал ее к себе еще сильнее.
– Нет.
– Значит, еще скажу, – пошутил Юрий.
Она оттолкнула его и улыбнулась.
– Снова твои шуточки!
– А как без них? Без юмора тоска, – снова отшутился он.
Выйдя из коттеджа, они пошли к воротам. Из-за забора слышался собачий лай.
– Я постараюсь приехать как можно скорее.
Подойдя к воротам, Уваров вынул из кармана куртки пачку сигарет и закурил.
Клара почувствовала, как к горлу подкатывает комок, и чуть не заплакала.
– Эй, ты чего? – удивился Юрий и твердо добавил: – Я приеду.
– Не хочу последнюю ночь провести в одиночестве, – ответила она и, прижавшись к нему всем телом, с горечью добавила: – Прощай. С тобой некогда было скучать. Это я на тот случай, если больше не увидимся.
За воротами слышался шум подъезжающей машины; два настойчивых гудка заставили Уварова отвести взгляд от спутницы и торопливо выйти за ворота.
– Я не прощаюсь... еще приеду, – улыбаясь, повторил он на ходу, – и не вздумай заснуть!

Вернувшись на кухню, Клара убрала со стола и помыла посуду. Огромный дом казался холодным и чопорным. От одной мысли, что ей придется провести здесь остаток ночи в одиночестве, мороз пробежал по коже. Мелькнула мысль, что вернуться в гостиницу было бы самым правильным решением. Даже если Уваров вернется, в чем она сомневалась, он знает, где ее найти. Несколько раз Клара открывала сумку, доставала из нее телефон, чтобы вызвать такси, но в последний момент что-то ее сдерживало, и она опять убирала телефон. В конце концов, она все же решила остаться.

Время близилось к полуночи. Клара обошла комнату за комнатой, проверила, заперты ли окна, и решила разместиться в гостевой спальне на первом этаже. Ее

раздирали тоска и одиночество, хотелось уткнуться в подушку и зарыдать. Сердце колело и ныло. Клара начала растирать ладонью грудь.

«Что со мной?» – испуганно подумала она.

Никакого сердечного препарата у нее с собой не было, и женщина решила покопаться в аптечке своей клиентки. Нашла валерьянку и выпила сразу две таблетки. Затем вынула из сумки дневник Тамары и легла на широкую кровать. Приступить к чтению удалось не сразу: в руках появилась легкая дрожь и листки прыгали, не давая сосредоточиться на тексте. Клара откинулась на подушку, закрыла глаза и размеренно дышала, стараясь ни о чем не думать. Лишь через полчаса дрожь унялась, и она смогла различить рукописный текст...

«Настал день показа. Я стояла за кулисами и смотрела, как модели одна за другой дефилируют по подиуму. По выражениям лиц и жестам я пыталась уловить реакцию публики. Казалось, время застыло. От волнения мое сердце чуть не выпрыгивало из груди. Шквал аплодисментов вывел меня из нервного ступора, кто-то подтолкнул меня на сцену. Я вышла, шатаясь от головокружения, раскланялась, помахала рукой и быстро побежала назад за кулисы. Это был мой триумф!

Вечером в честь моей коллекции организовали прием, на котором поклонники и эксперты модной индустрии рассыпались в комплиментах, восхищаясь созданными мною моделями. Я словно бабочка порхала от столика к столику, принимая поздравления. Для счастья мне не хватало только одного – Тихони. Он все еще не появлялся, хотя был мне так нужен!

Все последующие дни к моей персоне был повышенный интерес. Предложения о создании новых коллекций сыпались одно за другим. И я не хотела терять момент – понимала, что так не будет вечно.

В один из дней Анна и Марта пригласили меня на ужин. За столом сидели несколько незнакомых мне мужчин. К концу ужина я заскучала и засобиравшись домой, но подруги начали уговаривать меня остаться, обещая, что после ужина начнется веселье. Однако я была непреклонна. Спускаясь вниз по лестнице, я услышала за собой торопливые шаги – меня настиг мужчина, одетый во все черное. Несмотря на жаркую погоду, он был в пальто. Его лицо скрывали широкие поля шляпы, а руки были спрятаны в карманах, поэтому определить его возраст мне не представлялось возможным».

Прочитав эти строчки, Клара встrepенулась. Значит, Тамара тоже видела этого человека! Сомнений больше не осталось – именно этот мужчина в черном пальто начал преследовать ее и Уварова, как только они столкнулись с утопленником.

«Он шел рядом и, на первый взгляд, не проявлял ко мне никакого интереса. Но я сразу почувствовала дрожь в руках и учащенное сердцебиение».

Клара посмотрела на свои руки, привстала и облокотилась на изголовье кровати. Тамара описывала те же симптомы, которые Кларе пришлось пережить незадолго до чтения. Она продолжила жадно вчитываться в записи.

«В нем было что-то злое. Я подошла к парадной и подумала, что он откроет передо мной дверь, но мужчина просто стоял рядом. Тогда я сама открыла дверь и вышла на крыльцо. Он остался в здании, а я стала спускаться по ступенькам. Когда я вышла, мужчина уже стоял у обочины. От неожиданности я вздрогнула, на меня навалился жуткий страх. Мужчина не мог обогнать меня, я не слышала характерного звука открывающейся двери! Как он раньше меня оказался на улице, осталось для меня загадкой. Бешено заколотилось сердце. Тело сковало ужасом.

Он стоял неподвижно, как изваяние, я тоже стояла, не смея пошевелиться. Наконец, он поправил шляпу, и я увидела его руки – это были руки пожилого человека. На мне было открытое платье из легкой ткани, ночь была прохладной и я быстро начала замерзать.

Не знаю, сколько бы мы так простояли, если бы не подъехавшее такси. Машина остановилась у парадного подъезда, из нее вышли мужчина и женщина. На нем был смокинг, на ней – вечернее платье. Они недолго постояли перед дверью, о чем-то перешептываясь. Мужчина что-то говорил, женщина покорно кивала. Вот тогда-то мой пугающий спутник в черном пальто заговорил. Голос его был тихим и слабым, он спросил: «На многое ли вы пойдете ради таланта?» Я ответила утвердительно. Тогда он спросил: «А что в жизни дороже – любовь или слава?» Я на минуту задумалась, за это время мужчина и женщина прошли в дом. «От чего человеку легче отказаться? От таланта или любви?» – быстро проговорил мужчина в пальто. Я ответила: «За всех людей говорить не могу, но для меня любовь дороже». Он ехидно захихикал и загадочно произнес: «Вы хотите сказать, что готовы отказаться от своего таланта в угоду любви,

пусть даже иллюзорной?» Я кивнула головой. Он расхохотался, развернулся и пошел прочь. Я спросила, кто он такой, но он лишь ускорил шаг и через минуту скрылся в ближайшем переулке.

Если бы я знала тогда, кто это, то не была бы столь беспечна в своих словах...

Через две недели закончился сентябрь, Тихоня так и не появился. Марта и Анна снова пригласили меня на ужин в тот же дом, где я встретила с незнакомцем в черном пальто. Не знаю, почему, но меня вдруг потянуло туда со страшной силой. Я надеялась снова его увидеть.

За столом было много новых людей, к концу ужина я даже с половиной из них не успела познакомиться. Это были деятели искусств, партийные чиновники и торговые работники. Причину, по которой они собрались в этом роскошном особняке, я поняла только тогда, когда все прошли в просторный зал и сели за карточный стол. Оказалось, они играют на желания. Каждый до начала игры должен написать свое самое сокровенное желание и опустить листочек в вазу. Тот, кто выходит из игры первым, исполняет желание выигравшего. Принесли шампанское, и все начали писать записки, по ходу дела отпуская шуточки и многозначительно хихикая.

Атмосфера была игривой и расслабленной. Я сразу поняла, что большинство пришли сюда повеселиться и пофлиртовать с женщинами в надежде, что, если повезет, проигравшая исполнит их каприз. Многие мужчины с интересом изучали меня, но никто из них до игры так и не решился подойти и заговорить. Все пребывали в отличном настроении, пока в гостиную не зашел высокий мужчина лет сорока. На нем был темно-синий костюм в мелкую полоску и блестящие черные туфли. Черты лица были заостренными, редящие волосы зачесаны назад. Когда он вошел, его плотно сомкнутые губы скривились в подобии улыбки. Незнакомец оценивающе оглядел публику и опустил в вазу клочок бумаги. Мне бросилось в глаза впечатление, которое он произвел на окружающих: зал притих, многие с опаской поглядывали в его сторону. Атмосфера стала тяжелой, в воздухе застыл страх. Больше всего испугалась Марта: увидев незнакомца, она отшатнулась и обессиленно опустилась на стул.

Обратив внимание на меня, все еще стоявшую с карандашом в руке, он жестким и властным голосом спросил: «Вы не знаете, чего хотите?» Я смутилась и, быстро записав желание, опустила листок в вазу и села за карточный стол.

Началась игра. Смуглый мужчина лет тридцати раздал карты. С первых же минут я заметила, что большинство гостей поддаются, как будто специально хотят позволить выиграть молчаливому и загадочному мужчине. На протяжении всей игры, которая показалась мне вечностью, незнакомец не сводил с меня взгляда. Его глаза были серыми и холодными, как два айсберга. Конечно, я не удивилась, когда он выиграл партию. Проигравшим оказался директор театра: он вынул из вазы записку незнакомца и пробежался по ней взглядом. Сначала он побелел, потом ссутулился и помрачнел. Сразу после этого мужчина вышел, а директор театра залпом выпил стопку водки и тут же налил себе вторую порцию.

На лицах присутствующих читалось облегчение от того, что выигравший покинул дом после первой же партии. Сыграв еще несколько раз, гости разошлись. А спустя несколько часов, глубокой ночью, в мою дверь постучала испуганная Марта. Ничего не объясняя, она умоляла меня уехать. Ох, если бы она хоть намекнула, то, возможно, я бы ее послушала, но она только повторяла: «Уезжай, умоляю, я не прощу себя, если ты пострадаешь!» Ее слова показались мне пьяным бредом, и я, вежливо выслушав ее, сослалась на плохое самочувствие и прикрыла дверь».

Папка упала с колен Клары на кровать. Борясь со сном, она собрала рассыпавшиеся листки, отложила папку в сторону и, повернувшись на бок, позволила себе провалиться в дрему.

Глава восьмая

Перерождение

Ткань сна была безжалостно порвана чередой посторонних звуков. Клара включила свет и испуганно огляделась. В комнате никого не было. Прислушавшись, она поняла, что странные металлические звуки доносятся из кухни. Хозяйка коттеджа должна была вернуться только через неделю. Клара почувствовала, что от страха сердце готово выпрыгнуть из груди. Послышался отчетливый стук дверцы холодильника. Клара встала на ноги и крадучись пошла по коридору. На глаза ей попался детский розовый зонтик, прислоненный к стене. Вооружившись, она продолжила беззвучное движение в сторону кухни. Подойдя к арочному проему, Клара осторожно выглянула и увидела мужчину в черном,

который склонился над столом и жадно поедает остатки еды, видимо, только что извлеченные из холодильника.

Клара отпрянула к стене, стараясь восстановить сбившееся дыхание. От страха заклацали зубы, на лбу проступили капли липкого пота. Как он сюда попал? Почему преследует ее? И, судя по дневнику Тамары, преследовал и Золотареву... Внезапно Клара ощутила прилив ярости, пересилившей страх. Она подкралась к незнакомцу сзади и начала наносить удары зонтом по его спине и плечам.

– Убирайся отсюда немедленно! – кричала она громко. – Убирайся!

От одного из ударов зонтик раскрылся, и Клара была вынуждена отступить. Мужчина, до того не оказывавший ни малейшего сопротивления, медленно повернулся. Полы шляпы все еще прикрывали его лицо. Клара загородилась от незнакомца зонтом.

Мужчина хмыкнул и приподнял шляпу – это был Уваров! Вид у Клары был такой комичный, что Юрий не выдержал и громко расхохотался. Она стояла перед ним в ночной сорочке, взлохмаченная, босая, а в ее руках красовался розовый зонтик в форме слоника с развесистыми ушами. С минуту Клара молча смотрела на него, затем перевела взгляд на зонтик и тоже расхохоталась.

– Что за наряд на тебе?! Ты меня жутко напугал! – воскликнула она и уже шутливо стукнула его по плечу.

– Это единственная приличная одежда, что была на помойке.

– На помойке? – переспросила она удивленно. – Это там ты теперь предпочитаешь отовариваться? А где твоя одежда?

Уваров загадочно улыбнулся, оглядел свое дурно пахнущее одеяние и ответил:

– Да черт его знает... Помню, что я был совершенно голый, рядом помойка, мне нужно было как-то добраться к тебе, и я начал шарить в поисках одежды, – Уваров задумался, и его лицо просияло, словно он вспомнил что-то важное. – А мясо еще осталось?

– Так ты что – под пальто совсем голый? – удивилась Клара, игнорируя его вопрос.

Опустив взгляд, она увидела волосатые ноги в разорванных шлепанцах.

– Что с тобой приключилось? Ты же уехал от меня на расследование убийства!

Уваров открыл холодильник, нашел кастрюлю с мясом и начал его жадно поглощать. На лице сразу отразилось облегчение. Клара же не сводила с него вопросительного взгляда, и Юрий вдруг осознал, что не может ответить на ее вопрос.

– Я ничего не помню, – растерянно пролепетал он.

– Ничего? С какого момента?

– Помню, что ужинал с тобой в этом доме, – ответил он, оглядываясь по сторонам. – Помню, что сел в машину к Коваленко, и мы приехали по адресу, где произошло убийство. А потом – провал. Черт, что со мной произошло?

Он снял шляпу, ощупал голову и хмыкнул.

– Амнезия, черт возьми, – рассмеялся он, – тысячу раз я допрашивал потерпевших с амнезией и не верил, что такое возможно. И ты ж глянь – теперь сам ни хрена не помню! О! Теперь можно долги всем простить!

Клара положила зонтик на стол и задумалась. По реакции Юрия она поняла, что он не шутит: он действительно ничего не помнит. Выглядел он очень странно: черты лица заострились, кожа приобрела бледный оттенок, манера речи и реакция стали замедленными.

– Может позвонить твоему напарнику, Коваленко? – предложила она.

– Я не помню наизусть его номер, он был забит в мобиле. Черт! Да кто вообще помнит номера?

– Тогда позвони в управление и скажи, что ты в порядке, пусть привезут тебе одежду.

– Нет. Не надо.

– Почему? – удивилась она.

– Не знаю. Но есть ощущение, что звонить никому не нужно.

Она бросила на него настороженный взгляд.

– Ты сказала, что коттедж у нас только до утра, – Уваров обезоруживающе улыбнулся. – Вот утром и позвоню.

– Пойду, найду тебе одежду, – задумчиво произнесла Клара и вышла из кухни.

Уваров продолжил с жадностью поедать остатки ужина. Вернувшись на кухню, она бросила на стол мужской халат.

– Тебе нужно принять ванну: кто знает, какая зараза могла попасть на тело с этим пальто.

Ни слова не говоря, он скинул с себя пальто и остался совершенно голым. Сначала Клара смутилась и отвела взгляд, но краем глаза заметила рану в его правом боку и ахнула.

– Юра! Ты ранен!

Он в полном недоумении начал осматривать бок.

– Черт! Где же меня так задело?

– Амнезия бывает после стресса. Ты явно что-то пережил. Возможно, мозг заблокировал эти воспоминания, – предположила Клара.

– Ты что, психиатр? – шутливо спросил Уваров и подмигнул.

Клара осмотрела рану и задумчиво произнесла:

– Странно. Кровотечения нет, хотя рана глубокая. Похоже на пулевое ранение.

– Да ты еще и эксперт-криминалист! – усмехнулся Уваров. – Столько талантов в одной женщине! Я же говорю, ты мне напоминаешь будущую жену. Будет о чем потолковать длинными ночами, – он схватил со стола мужской халат. – Пойду, приму душ.

– Какой душ!? – воскликнула Клара. – Тебе нужен врач, причем срочно!

– Ты сама сказала, кровотечения нет, у меня ничего не болит. Обработаем рану и залепим лейкопластырем, – Юрий направился в ванную и на ходу напомнил: – Коттедж в нашем распоряжении только до утра.

– Сумасшедший! – крикнула ему вслед Клара.

Пока он мылся, она сидела в кресле и с подозрением смотрела на пальто и шляпу. Куда делась одежда Уварова? При каких обстоятельствах он мог голым оказаться на улице, а потом искать одежду на помойке? Все это не укладывалось в голове.

После душа он еле выбрался из ванной комнаты. Казалось, что водные процедуры отняли у него последние силы: Уваров еле держался на ногах. Без единого слова Юрий прошел в гостевую спальню и лег на кровать. Клара укрыла его одеялом и села рядом.

– Так ты ничего не помнишь с того момента, как приехал на место преступления?

– уточнила она.

– Угу, – пробурчал Уваров и закрыл глаза, – ничего... жуткая слабость... надо поспать.

– Все это очень странно, – задумчиво произнесла Клара.

– Помню, что передо мной мелькнул какой-то старик... морщинистый рот, а потом... пальто и шля... па... – протянул он сонным голосом и зевнул. Не прошло и минуты, как Уваров закрыл глаза и провалился в сон.

Несколько минут Клара наблюдала, как Юрий посапывает во сне, затем осторожно откинула одеяло, развязала пояс на халате и осмотрела рану. Узкая лента лейкопластыря была сухой, вокруг раны не было покраснения или припухлости. Это было, по меньшей мере, странно. Даже если он поранился накануне, о чем возможно не помнит, то вокруг раны шел бы активный процесс заживления. Клара озадаченно потерла подбородок, вышла из спальни и прикрыла за собой дверь.

Сон как рукой сняло. Она разместилась в гостиной на диване, скрестила руки на груди и отсутствующим взглядом уставилась в одну точку. Ее мысли сосредоточились на таинственном появлении следователя. Пальто и шляпа все еще лежали на полу, напоминая о том шоке, который пришлось пережить Кларе, когда она решила, что снова встретилась с «Человеком в черном».

Первой ее идеей было позвонить в управление и связаться со следователем Коваленко. Возможно, он бы смог пролить свет на то, что произошло на вызове, и привезти вещи Юрия. Но потом она решила, что лучше дождаться утра. Пусть Уваров сам позвонит напарнику: непонятно, как Коваленко воспримет ее присутствие рядом с Уваровым ночью в пустующем коттедже. Кларе не хотелось, чтобы ее имя склоняли всем управлением.

Чтобы отвлечься, она включила телевизор и несколько минут следила за событиями, развивающимися в детективном сериале. Потом щелкнула пультом и в воцарившейся тишине открыла папку с ксерокопией дневника Тамары.

«Конечно, я не уехала. На следующий день была назначена встреча с редактором модного журнала, который хотел посвятить несколько страниц моему интервью и последнему показу. Весь следующий день прошел по плану. Ближе к ночи я, уставшая, возвращалась домой с одной мыслью – принять горячую ванну и лечь спать.

Когда я открывала ключом входную дверь, на меня напали со спины. Не знаю, сколько их было человек, но мне показалось, что не меньше трех. Я получила удар по голове и отключилась. В себя пришла через несколько часов. Меня окружала роскошно обставленная спальня в классическом стиле. Я встала с кровати, но тут же чуть не рухнула на пол: голова сильно кружилась и меня подташнивало. Только в этот момент я заметила, что на мне лишь нижнее белье – другой одежды не было. Я увидела на кресле белый кружевной пеньюар и торопливо накинула его на плечи. Через мансардные окна хорошо просматривались шпили зданий, из чего я заключила, что нахожусь на последнем этаже высотного дома.

Я оглянулась вокруг, внимательно рассматривая комнату. На стенах были мягкие текстильные обои, обрамленные лепным декором, с потолка свисала хрустальная люстра, на полу расстелен толстый ворсистый ковер... Но самым изысканным элементом этой роскошной спальни была деревянная кровать с белоснежным пологом, свисающим с потолка. К спальне примыкала маленькая ванная комната. Судя по обстановке, владелец этого дома был богатым человеком.

Я подошла к двери и попыталась ее открыть, но она была заперта. Кричать не было сил, голова раскалывалась. Я села на кровать и стала ждать. Не помню, сколько я просидела. Солнце уже было над мансардой, когда в комнату вошла приземистая женщина лет сорока пяти. Она сказала, что ее зовут Вилма и поинтересовалась, как я себя чувствую. Я пожаловалась на головную боль и спросила, где я. Вилма улыбнулась и призналась, что, к сожалению, не на все мои вопросы сможет дать ответ. С ее слов я поняла, что, ее наняли прислуживать мне, и я могу просить, что угодно – мне все предоставят. Судя по всему, я находилась в доме своего похитителя – хозяина Вилмы, имя которого она отказалась назвать. Сказала лишь, что владелец дома отсутствует в городе и придет через несколько дней. За это время она должна подготовить меня, но к чему конкретно – не пояснила. Я расплакалась и начала умолять ее отпустить меня, но Вилма отвела взгляд и сказала, что это невозможно: дом хорошо охраняется, и я не смогу выйти незамеченной даже в коридор.

За три последующих дня меня навестили врач, парикмахер и портной. Мне запрещалось говорить с ними, и я старалась не нарушать этого условия. Подсознательно я была уверена, что до возвращения хозяина дома опасность мне не грозит – иначе мне не оказали бы такой прием. Но когда срок моего заточения перевалил за трое суток, внутри меня начало расти волнение. Наверное, оно передавалось мне от Вилмы, которая к тому времени вела себя крайне нервно: то и дело замирала, прислушиваясь к звукам, доносившимся из коридора.

Рано утром следующего дня она разбудила меня и сказала, что хозяин дома вернулся и приглашает меня на завтрак. Вилма принесла белое кружевное платье, поразившее меня своей красотой. Одежда может творить чудеса:

даже такую серую мышь, как я, это платье превратило в принцессу. Я смотрела на себя в зеркале и не могла налюбоваться: какой фасон, какая элегантность!

Меня провели в небольшую столовую. В центре комнаты стоял стол, накрытый белой скатертью; он был сервирован на три персоны, и я подумала, что кроме меня и хозяина дома за завтраком будет кто-то еще. Стены комнаты были оклеены шелковыми обоями, расписанными цветочным орнаментом. С потолка над столом нависала большая хрустальная люстра. Пока я рассматривала комнату, хозяин дома рассматривал меня. Он бесшумно встал за моей спиной, изучая мою реакцию.

Я обернулась от едва слышного скрипа паркета, и мы встретились взглядами. Я сразу узнала его – это был мужчина с серыми глазами, который выиграл у директора театра в покер. Сам он, не делая попыток заговорить. Я тоже молчала и пристально, с некоторым вызовом, смотрела ему в глаза. Мне хотелось понять этого человека. Зачем он похитил и запер меня в своем доме? Несмотря на его холодность, было в нем что-то завораживающее – что-то, что не давало мне отвести от него глаз. Я пристально за ним наблюдала, но его это совсем не беспокоило – наоборот, он, казалось, был рад моему любопытству. Но чем больше я смотрела в его холодные глаза, тем сильнее внутри меня поднималась волна ужаса.

Наконец он пригласил меня за стол, и мы приступили к завтраку. Я решила хранить молчание: пусть сам начнет разговор и объяснит, что ему от меня нужно. Мое поведение явно его заинтересовало: на мгновение он хищно обнажил зубы, словно что-то предвкушая. Позже я поняла, что это была его обычная манера улыбаться.

Это был бездушный, расчетливый и надменный человек. Он считал себя всесильным и был уверен в своей безнаказанности. С людьми, которые работали на него, он вел себя по-хамски: за любую оплошность мог накричать или ударить. Его гнев просыпался внезапно, он словно взрывался изнутри, и тогда... впрочем, в первый день он вел себя идеально, хотя это и давалось ему нелегко.

Данное себе обещание хранить молчание я не сдержала. Мне вдруг захотелось сделать ему комплимент и, уткнувшись в тарелку, я произнесла: «Ваш дом великолепен». Он ничего не ответил, но после завтрака пригласил меня

прогуляться по первому этажу. Проходя мимо семейных портретов, он охотно рассказывал о своей именной семье. Его род был очень древним и богатым. После хрущевской оттепели вся его семья эмигрировала в Германию, а он предпочел остаться в Советском Союзе – в Юрмале, которую очень любил. Купил здесь особняк и сам оформил его.

На вид незнакомцу было не больше сорока, но на деле оказалось, что ему уже за пятьдесят. Он всерьез следил за здоровьем: ел только полезную пищу, занимался спортом и, помимо личного врача, часто посещал других специалистов.

Впрочем, за ним водилось немало странностей. Например, он был помешан на цифре три. Даже если он завтракал один, к столу ставили три стула и накрывали на три прибора; если он ждал гостей, их приглашали количеством кратным трем. Он включал и выключал свет в комнатах три раза; если стучал в дверь, то обязательно трижды. За каждым этажом его дома наблюдало по трое охранников...

Его странности сразу бросились мне в глаза, и я поняла, что попала в руки к сумасшедшему. Тогда-то я и осознала, насколько правильно повела себя с самого начала – никаких истерик, никаких вопросов...

Закончив экскурсию по дому (а дом был поистине великолепен!) он завел меня на мансардный этаж – в мою спальню, и сказал: «Ты можешь остаться узницей в мансарде, пока не надоешь мне, а можешь стать хозяйкой этого дома и моей судьбы – решать тебе». И сразу после этих слов вышел, будто боялся, что я тут же отвечу отказом.

Я осталась одна еще на три дня. Еду мне приносила Вилма, и я заметила, что она стала немного мягче и спокойней. Каждый вечер, отходя ко сну, я мысленно переносилась в две последние ночи с Тихоней и тешила себя надеждой, что мы обязательно еще увидимся.

Через три дня вечером Вилма снова принесла мне знакомое белое платье и, помогая его надеть, шепнула: «Соглашайтесь, иначе долго вам не жить». Я со страхом повернулась к ней, а она глазами попросила меня молчать и добавила: «До вас я прислуживала двоим». Затем она плотно сомкнула губы и повела меня в просторный зал, где обычно хозяин дома принимал гостей. Это была гостиная-столовая с камином, в котором уже потрескивали поленья.

Он сидел в кресле напротив камина, закинув ноги на банкетку. Из проигрывателя доносилась классическая музыка. При моем появлении он даже не шелохнулся. Когда я приблизилась вплотную, он стальным голосом поинтересовался, что я решила. Руки мои от страха увлажнились; я понимала, что могу не выбраться отсюда никогда, поэтому как можно спокойнее ответила: «Мне кажется, у нас есть шанс, хотя и ничтожный». Он резко повернулся ко мне и с минуту пристально смотрел в глаза, пытаясь распознать в них ложь. Затем жестом указал на соседнее кресло и предложил мне выпить.

Трудно было поверить, что этот человек был способен на любовь, но после моих слов он начал постепенно меняться. Глаза его с каждым днем теплели, движения становились более плавными и спокойными. Первой изменения в поведении хозяйина почувствовала Вилма: она с удивлением сообщила мне, что хозяин теперь всегда задумчивый и больше не срывается на прислуге».

Клара опустила листок и прислушалась. В гостевой спальне послышался шорох. Она положила папку в сумку и решила проверить, как там Юрий.

Уваров стоял перед распахнутым окном с незажженной сигаретой в руке. Его обнаженное тело было залито лунным светом, и кожа бликовала серебристыми отблесками, будто ее покрывали миллионы снежинок. Лицо Уварова выглядело таким умиротворенным, словно он во время сна познал всю глубину бытия. Впервые Клара увидела и даже почти ощутила человеческую ауру – именно она наполняла бело-голубым свечением пространство вокруг его тела, походя на своеобразный кокон. Зрелище было потрясающим! Клара, как замороженная, застыла на пороге и смотрела на Уварова, не сводя глаз. Минуты три он стоял и смотрел на Луну, пока свечение вокруг его тела не стало блекнуть.

Пальцами он размял сигарету, положил на подоконник, оглянулся и с удивлением выдал:

– Не хочу больше курить.

Его манящий и томный взгляд жадно скользнул по длинным каштановым волосам, округлой груди и плавной, словно изгиб гитары, линии бедер. Клара почувствовала, как жар, словно выплеснувшаяся лава, полыхнул откуда-то изнутри и растекся по ногам.

У нее все еще был выбор – уйти или остаться. Уйти куда угодно, где она будет с тоской о нем вспоминать, но жизнь ее останется прежней. Все будет так, как было до знакомства с ним на пляже. Или остаться... Поддаться его зову и с головой нырнуть в то чувство, которое обволакивает и завораживает.

Уваров протянул ей руку. Вот он, момент, когда нужно решить – отложить на «потом» уже не получится. От перенапряжения закружилась голова. Как же это невыносимо трудно! Так уйти? Или... Вопреки всем доводам, которые она

прекрасно понимала, Клара медленно двинулась в его сторону. Всего несколько шагов, а такое чувство, будто она парит над землей. Сейчас ей хорошо, но что будет потом? Сердце затрепетало, руки задрожали, но уже не от страха, а от волнения.

Бросившись в его объятия, Клара зашептала:

– Я не хочу уезжать, не хочу!

Юрий взял ее на руки и осторожно перенес на кровать. Их взгляды снова встретились, и в этот момент все ее сомнения развеялись как туман. Уж если ей суждено завтра уехать, так пусть эта волшебная ночь останется в ее памяти! Руки заскользили по его обнаженному телу.

– Тебе точно не больно? – спросила она, нежно дотрагиваясь до раны.

– Не думай ни о чем, будь со мной, – прошептал он ей на ухо, – за нас уже все решено.

Она хотела спросить, о каком решении идет речь, но в этот момент его губы заскользили по ее бедрам, ласковые и нежные поцелуи стали сменяться жаркими и страстными, от которых ее тело то выгибалось, то замирало. Мощные умелые руки прижимали ее к себе так сильно, что она чувствовала движение каждой его мышцы. Их затащило в круговорот объятий: тела то сплетались воедино, то ненадолго отдалялись, но лишь для того, чтобы еще крепче прижаться друг к другу. Луна заглядывала через распахнутые окна и согревала их обнаженные тела своими живительными лучами.

Складывалось такое ощущение, что он давно изведет каждый сантиметр ее тела, заранее знал, как она отреагирует на его ласки. Странно, но именно в этот момент Клара ощутила, будто любила его всегда. Нет у нее семьи, нет прошлого – есть только он и вечность, в которой они пребывают. Совершенно неважно, как их зовут и в каких телах они находятся – важно, что когда они вместе, Вселенная в гармонии. Они и есть Вселенная!

В отличие от Клары, которая во время соития не произнесла ни звука, Юрий не умолкал ни на секунду. Его стоны периодически сменялись вскриками, разрывая тишину. Моментами ее это даже пугало, но чаще она закрывала глаза, и ее мгновенно уносило в раскрывшиеся перед ней необычайные просторы. Она пронеслась мимо скопления звезд, которые манили ее к себе с чрезвычайной силой: возникало острое чувство тоски и желание остаться там и никогда не возвращаться. Именно это ощущение пыталась описать Тамара в своем дневнике, и теперь Клара поняла, что передать эти чувства словами практически нереально. Это вне времени, вне пространства и человеческого восприятия.

Клара будто перестала существовать. Дело было не в физических ощущениях, а в состоянии души: нахлынули такие легкость и невесомость, что ей казалось – она не лежит в кровати, а порхает в теплых пушистых облаках. Клара слилась с неведомым потоком, который захватил ее сознание и увлек за собой. Юрий же периодически со страстью шептал ей: «Сейчас я здесь, я с тобой». Глядя на него, она понимала – то, что происходит между ними, для него тоже в новинку. Новые невероятные ощущения не отпускали ее еще несколько часов. Даже когда Юрий заснул, Клара продолжала сжимать его руку, боясь прервать их единение.

Когда первые лучи солнца проникли в спальню, она открыла глаза и увидела, что Юрия нет в комнате. Ей показалось, что она заснула всего-то на несколько минут и не могла пропустить даже шороха. Простынь была еще теплой, и Клара решила, что Уваров встал совсем недавно. Накинув халат, она обежала весь дом.

– Юра! – звала она, заглядывая в комнату за комнатой.

Но его нигде не было. Вернувшись в спальню, она бросилась на кровать и заплакала. Только смятая подушка, на которой он лежал, напоминала ей о невероятной ночи. Клара изо всех сил прижала ее к груди и застонала.

Из кухни послышался звонок мобильного телефона. Она вытерла слезы и поднялась с кровати. Ей хотелось услышать голос Юрия, его очередную шуточку, пусть даже едкую, но, увы – это был Аркадий.

«Только не сейчас», – мысленно взмолилась она, гипнотизируя определившийся номер, и постаралась взять себя в руки.

– Алло, – еле слышно ответила она.

– Клара, с тобой все в порядке? – мрачным голосом поинтересовался муж.

– Да. Просто я сейчас не могу говорить, – соврала она.

– Ты где? Я звонил тебе в гостиницу весь вечер, на рецепции сказали, что ты не ночевала в номере. Что происходит?

– Я сейчас не могу говорить, – повторила Клара.

– Клара, я хочу знать, что происходит! – сорвался на крик Аркадий. – Я имею на это право!

– Магазин ограбили, Лиля пострадала, ее положили в больницу. Мне приходится сейчас давать показания.

– О боже, прости, – тут же смягчился Аркадий. – Так ты всю ночь была в полиции?

– Не хочу рассказывать детали по телефону. Поговорим, когда я приеду.

– За этим я и звоню. Мне нужно знать, ты приедешь сегодня или нет?

– Да, – ответ дался ей с мучением.

– Машина будет ждать тебя у гостиницы через два часа. Я вышлю тебе в сообщении номер и марку. Водителя зовут Владимир. Это мой сотрудник.

– Хорошо, – сухо ответила она и отключила связь.

Реальность навалилась так внезапно, что нервы не выдержали. Клара беспомощно упала на диван и закрыла лицо руками. От одной мысли, что она больше никогда не увидит Уварова, грудь сжимало будто тисками и одновременно хотелось кричать. Сладкое парение над пропастью перешло в падение, а за ним – в удар о твердое жестокое дно. Боль от этого столкновения с действительностью была физически ощутимой, она разрывала тело на части. Тишину коттеджа потряс вопль. Клара рыдала, периодически срываясь на крик. Ни одна трагедия до этого момента не вызывала у нее такой шок, казалось, словно сейчас, вот прямо в эту минуту, обрывается тонкая нить ее жизни. Тело сотрясалось в конвульсиях, а руки вцепились в подушку так крепко, что костяшки пальцев побелели и заострились. Клара задыхалась от нехватки воздуха, ее приоткрытый рот застыл в зверином оскале. Из груди то и дело наружу вырывались хриплые и отчаянные стоны. Наконец, конвульсии прекратились и через несколько минут она затихла.

Успокоившись, Клара обвела взглядом дом – обстановку в нем нужно было привести в то состояние, которое было до ее приезда. Она вытерла слезы и начала уборку на кухне. Выбросила остатки еды, помыла посуду. Затем перешла в спальню, заправила постель, задернула занавески на окнах и несколько секунд смотрела на кровать. Воспоминания накатили на нее с новой силой. Но в этот раз она не позволила себе сорваться. Нужно взять себя в руки, ведь время неумолимо отсчитывало часы и минуты. Настал черед уборки в зимнем саду, и там, в окружении растений, ей полегчало.

Закончив с уборкой, Клара приняла душ и вызвала такси. Закрывая коттедж, она еще раз посмотрела в сторону окна спальни и внезапно схватилась за сердце: резкая боль пронзила грудь, не позволяя вдохнуть. Любое движение приводило к серии спазмов, поэтому Клара застонала и замерла, боясь пошевелиться. Когда боль отпустила, она увидела, как к дому подъезжает такси, и медленно двинулась к машине.

Через час такси остановилось напротив цветочного магазина, Клара рассчиталась с водителем, зашла в магазин и поздоровалась с Лилей и Ольгой.

– С тобой все в порядке? – озабоченно спросила Лиля. – На тебе лица нет. Ты плакала? Что случилось?

– Все в порядке, – устало произнесла Клара и прошла в подсобку.

Лиля последовала за подругой и, прикрыв дверь, с улыбкой поинтересовалась:

– Как прошло свидание?

Всем своим видом она давала понять, что раскусила подругу и не потерпит отговорки. Кларе не хотелось сейчас говорить об Уварове, и она ответила:

– Все было замечательно, мы поужинали, а потом его вызвали в управление.

– И все? – разочарованно спросила Лиля, недоверчиво глядя на Клару.

– Мне что-то нехорошо, – призналась Клара, уводя разговор в другое русло.

– У тебя жар, – констатировала Лиля, приложив ладонь ко лбу подруги, – может, это грипп?

– Грипп не сопровождается болями в сердце.

– Надо вызвать «Скорую»!

– Нет. Не надо, – замотала головой Клара. – Я поеду в гостиницу, соберу вещи. Сегодня мне нужно быть в Элисте. Аркадий уезжает в командировку, Полю не с кем оставить. Когда он вернется, я приеду в Сочи на пару дней.

– Нельзя игнорировать боль в сердце, Клара! Ты не беспокойся, в магазине все будет хорошо.

Клара кивнула и начала собирать личные вещи в подсобке. Попрошавшись, она вышла из магазина и снова поймала такси. С каждой минутой тело слабело, ей казалось, что в любой момент она может потерять сознание.

По номеру Клара передвигалась словно зомби, вещи просто скидывала в сумки, не пытаясь сложить или утрамбовать. Собрав чемоданы, Клара выписалась из гостиницы и вышла в холл. Она попросила администратора позвонить в управление Уварову, чтобы тот забрал коробки с материалами дела из номера. В этот момент к ней подошел высокий мужчина лет сорока и поинтересовался:

– Вы Клара? Я от Аркадия. Он просил отвезти вас домой. Меня зовут Владимир.

Она поздоровалась и передала водителю чемоданы. В глазах замелькали темные пятна, мешавшие ей различать очертания окружающих предметов. Клара поправила прическу и с ужасом посмотрела на прядь волос, оставшуюся в пальцах.

«Что со мной? Я чем-то заболела», – подумала она, пытаясь удержать равновесие.

Сев в машину, водитель взглянул в зеркало заднего вида и спросил:

– С вами все в порядке?

– Плохо себя чувствую. Сказываются бессонные ночи.

– Да, Аркадий мне рассказывал, что вам пришлось быстро собираться и оперативно передавать бизнес, – понимающе кивнул Владимир. – Ехать нам больше десяти часов. За подголовником есть подушка, располагайтесь удобнее и засыпайте.

Пока они ехали по городу, машина часто останавливалась на светофорах, и Кларе не удавалось заснуть. Она полулежала с закрытыми глазами, снова и снова прокручивая в памяти фразу из дневника Тамары: «*То, что было у нас с Тихоней, с другим мужчиной не повторится уже никогда*». Теперь она понимала смысл этих слов. Так стоит ли бежать и сопротивляться тому, что дано ей как дар свыше? После этой мысли все встало на свои места и Клара, отпустив последние сомнения, спокойно задремала.

Когда автомобиль преодолел горы и выехал на равнинную трассу, водитель ответил на звонок мобильного телефона, и Клара проснулась. Изредка машина подскакивала на неровностях дороги, от чего ее тело подбрасывало на заднем сиденье. Тогда она открывала глаза и без интереса вглядывалась в пейзаж, мелькающий за окном. Несколько раз они останавливались, чтобы перекусить в придорожном кафе или заправиться; иногда Владимир просто парковался на обочине, чтобы отдохнуть от вождения и перекурить. Состояние Клары немного улучшилось, но головокружение и потливость все еще не отпускали.

Полулежа на заднем сиденье автомобиля, Клара обдумывала предстоящую беседу с Аркадием: ей нужно было подобрать момент, чтобы их разговор не услышала Поля. В том, что мужу нужно сказать правду, Клара не сомневалась, хотя не знала, что ждет ее с Юрием, да и вообще, увидятся ли они снова когда-нибудь... Тоска сжимала ее сердце. На глаза снова навернулись слезы. Клара спросила саму себя: не была ли ошибкой ее ночь с Юрием? Не запуталась ли она в своих чувствах? И тут же ответила: нет, она не запуталась, она четко понимала, что поступила так, как должна была. Если бы ей дали второй шанс, она бы поступила так же, ничего не меняя.

По мере приближения к Элисте у Клары начала подниматься температура. Когда они подъезжали к дому, она еле открыла глаза и попросила водителя позвонить мужу на мобильник. Аркадий встретил их у подъезда. Увидев, в каком состоянии жена, он обеспокоено спросил Владимира:

– Что с ней?

– Она была слабой, когда садилась в машину, а потом ей стало совсем плохо. Жар, она бредила во сне.

Владимир помог перенести Клару на диван в гостиной и уехал. Оставшись с мужем наедине, Клара спросила:

– А где Поля?

– Она у тети Вали, консьержки. Я не знал, во сколько вы приедете, поэтому подстраховался, – ответил Аркадий и сел рядом с ней на диван.

– Который час? – спросила Клара и попыталась подняться.

Голова закружилась, и она снова опустила голову на подушку.

– Скоро восемь часов, – ответил Аркадий и обеспокоенно пощупал лоб жены, – у тебя температура, сейчас принесу градусник.

– Хочу пить, – простонала Клара.

Еще полчаса Аркадий ухаживал за женой: дал ей жаропонижающее, горячее молоко с медом и укрыл пледом.

– Клара.

– Да, – отозвалась она и открыла глаза.

– За мной приехала машина, мне пора в аэропорт. Я сказал тете Вале, чтобы она присмотрела за тобой. Утром она сама покормит Полю и отведет ее в школу.

– Хорошо. Но я хотела с тобой поговорить. Это очень важно.

– Нет времени, солнышко, приеду – поговорим. Хорошо, что мы снова вместе, я соскучился. Думал, мы проведем хоть пару часов наедине, а ты заболела. Выздоровливай. Люблю тебя.

Аркадий поцеловал жену, накинул пальто, взял чемодан и вышел из квартиры.

Как только за ним закрылась дверь, Клара прикрыла глаза и провалилась в сон. Она снова летала среди звезд, ее окутывала их приятная, физически ощутимая дымка. Сквозь сон она почувствовала, как чьи-то крепкие руки поднимают ее с дивана и переносят в спальню. В следующую секунду она почувствовала у щеки фарфоровую чашку.

– Пей.

Она узнала голос Юрия и открыла глаза. В комнате было темно. Плотные шторы скрывали окна.

– Где я? – еле слышно прошептала она.

– Зачем ты уехала из коттеджа? Мне пришлось ехать за тобой.

Ее глаза привыкли к темноте, и она различила его силуэт.

– Ты ушел и ничего не сказал, – с обидой в голосе произнесла она.

– Я всегда буду рядом, – Уваров снова поднес к ее губам чашку, – пей.

– Что это?

– Доверься мне. Это то, что тебе нужно.

Клара сделала несколько глотков. Горло прожгла тягучая жидкость, и она закашлялась.

– Все внутри горит, – произнесла она, хватаясь за горло.

– Так должно быть.

– Боже как больно, – простонала она.

– Потерпи, – прошептал он и поцеловал ее в лоб.

Жжение растеклось по всему телу, затем боль усилилась, особенно в желудке и суставах.

– Что ты мне дал?

– Это лекарство вернет тебя к жизни. Сейчас нет времени на объяснения, смерть может наступить в любую секунду.

– Смерть? – испугано переспросила Клара и попыталась встать.

– Клара, прошло два года, твоему телу нужен эликсир.

– О чем ты говоришь? – ее глаза расширились от страха.

Боль усиливалась, к горлу подступила тошнота, она почувствовала первые рвотные позывы.

– Ты ничего не помнишь?

– О чем? – сквозь спазмы еле вымолвила она.

– Что было два года назад. Ты не помнишь?

– Да о чем ты?

В теле была такая тяжесть, что Кларе казалось: она вот-вот провалится сквозь кровать на пол. Суставы ломило, боль была невыносимой, и она громко застонала. Озноб усиливался с каждой минутой. Юрий лег рядом, и она ощутила теплоту его тела.

– Мы одни? – со страхом спросила она, прижимаясь к его груди.

– Нам никто не помешает, – ответил он и обнял ее за плечи, – борись, Клара, борись.

Память возвращалась к ней урывками. Она чувствовала его крепкие объятия и горячие поцелуи. Юрий нашептывал ей слова любви, говорил, что они всегда будут вместе. Временное улучшение длилось недолго: боль уступила место конвульсиям. Потом – резкий провал. Вокруг непроглядная темнота и звенящая тишина. Страшно. Но Клара все еще мыслила, а значит, была жива. Внезапный цокающий звук женских каблучков разрезал тишину. Каблочки быстро простучали мимо и стали удаляться, но не прошло и мгновения, как темноту там, куда убежала женщина, прорвал луч яркого света. Женщина вскрикнула и бросилась бежать назад. Ее силуэт четко проявился на фоне света и тут же скрылся во мраке. У Клары создавалось впечатление, что женщина пыталась от чего-то убежать, но не смогла.

Затем яркий свет начал мелькать над головой урывками, словно ее везли по длинному коридору. Приглушенные голоса, среди которых нет голоса Уварова. Чьи-то жесткие руки грубо пытаются разомкнуть ее губы, и она стонет от боли.

– Мне надо знать, что она приняла! – послышался басовитый голос. – Возьмите содержимое желудка на анализ!

Жуткий смрад. Мужские и женские голоса отдаляются. Затем снова тьма. Изредка она видела себя в длинном обшарпанном мрачном коридоре с невероятно высокими стенами. Она блуждала в темноте, словно в лабиринте, наткнулась на размытые препятствия, пока не услышала голос дочери:

– Мама! Мамочка!

Клара открыла глаза и увидела перед собой испуганное лицо Полины.

– Она очнулась, папа! – закричала Полина и прижалась к матери. – Как ты нас напугала, мамуля!

Аркадий нагнулся над женой и поцеловал ее в лоб.

– Поля, иди к бабушке, мама еще слаба.

Дочь закапризничала, но потом все же повиновалась и отошла от матери.

– Где я? – спросила Клара сиплым голосом.

Во рту пересохло, голова раскалывалась от звенящей боли.

– Ты в реанимации. Самое страшное уже позади, – ответил Аркадий и сжал ее руку.

– Что со мной случилось? – испугано спросила она и хотела подняться, но Аркадий ее остановил.

– Тигренок, тебе нельзя двигаться. У тебя поочередно отказывали сердце, печень и почки, температура тела была очень низкой. Но вчера все прекратилось, ты пошла на поправку.

– Как долго я здесь?

– Три дня, – услышала она ответ мужа и ужаснулась.

Слабость навалилась с новой силой, веки отяжелели, она закрыла глаза и опять провалилась в сон. Иногда она просыпалась и урывками слышала разговоры мужа с врачом.

– Она приходила в себя, но сейчас снова отключилась.

– Это хорошо, значит, диагноз поставлен правильно, – послышался незнакомый женский голос, – в ее организм попал яд.

– В это трудно поверить, доктор, она не могла с собой такое сделать.

– Вы сами сказали, что ей многое пришлось пережить.

– Да, но она справилась, прошло уже два года!

Кларе хотелось закричать: «Нет, я ничего с собой не делала!», но потом она вспомнила странный напиток, который вызвал приступ, и подумала, что это Юрий пытался ее отравить. Но зачем? Ей захотелось кричать от боли, разрывавшей ее изнутри: ведь она думала, что он любит ее, хочет быть с ней, а он!.. Что за сумасшествие? Нет, она все еще спит и это ей снится! Скоро она откроет глаза и весь этот кошмар исчезнет!

Через две недели бледная и исхудавшая Клара в сопровождении мужа и дочери переступила порог новой квартиры. В теле еще была чудовищная слабость и Аркадий, поддерживая жену под локоть, помогал ей передвигаться. Его пристальный и испуганный взгляд периодически скользил по ее дрожащим пальцам, заострившимся скулам и впалым глазам. Аркадий из последних сил преодолевал свое любопытство и, заранее, негодование. Все это время он избегал произносить фразу «попытка самоубийства», но теперь, когда Клара вновь оказалась в семье, ему не терпелось узнать, по какой причине она собиралась свести счеты с жизнью. Долгими бессонными ночами он не раз строил догадки, но любое его предположение разбивалось о любовь Клары к дочери.

Полина быстро скинула с себя пальто и побежала в свою комнату.

– Сейчас начнет хвастаться, – сказал Аркадий и сдержанно улыбнулся.

Не успела Клара снять куртку, как Полина вручила ей дневник и с нетерпением воскликнула:

– Мамочка, посмотри мои оценки!

– Поля, дай маме разуться, – нахмурился Аркадий.

– Ничего, – слабым голосом ответила Клара и поцеловала дочь в лоб.

Клара прошла в гостиную, устало опустилась на диван. Короткая поездка от больницы до квартиры забрала все силы. Перед лицом еще маячила худощавая фигура лечащего врача и взгляд, красноречиво говорящий: «Мы еще встретимся». И это было предсказуемо. В процессе лечения Клара не задала ни единого вопроса о вреде, который нанес яд ее организму, о последующей реабилитации, а также ни с кем не говорила о том, как яд вообще попал в ее желудок.

Женщина уже смирилась с тем, что из-за перенесенных стрессов у нее помрачилось сознание: наверное, каким-то образом она достала и приняла яд, когда осталась одна в ненавистной ей квартире. Даже сейчас, оглядев комнату оценивающим взглядом, Клара почувствовала, насколько все вокруг выглядит чужим и некомфортным. В отличие от уютной залитой светом сочинской квартиры, квартира в Элисте смотрелась пустой и безграничной, как калмыкская степь. Больше всего угнетало отсутствие ярких красок, к которым Клара испытывала невероятную тягу еще с детства.

Чувствуя на себе пристальные взгляды мужа и дочери, которые словно ждали ее одобрения, она улыбнулась и сказала:

– Очень красиво.

– Я перекрасил стены в бежевый, здесь был противный розовый оттенок, – тут же оживился Аркадий. – А ты разве не помнишь квартиру? Ты ведь ее уже видела.

– Нет, – отрицательно помотала головой Клара, – не помню. Я не помню ничего после того, как села в машину к Владимиру.

– И как мы тебя перенесли на диван в гостиной, ты тоже не помнишь? – уточнил Аркадий в очередной раз.

– Нет.

Клара соврала: она помнила разговор с мужем, пусть и урывками. Помнила свой странный сон, где присутствовал Юрий. Но из-за того, что в больнице ее посчитали самоубийцей, решила сослаться на амнезию. Так она избежала неприятных разговоров с мужем и свекровью, которая приехала сразу после того, как Клару увезли в реанимацию.

Поля легла к матери на колени и крепко обняла. Клара все чаще замечала в глазах дочери страх – страх разлуки и потери матери. Сердце сжалось в комок. Она обняла Полину и нежно поцеловала. Так они просидели около часа: дочь, немного расслабившись, рассказывала ей о новых друзьях, о школе и о сложных предметах в музыкальной школе. Потом показала фортепиано, которое купил ей папа, и побежала демонстрировать свое мастерство.

Полина играла уверенно, закусив нижнюю губу. Вид у нее был сосредоточенный и серьезный. Она старательно перебирала пальчиками заученные ноты, успевая временами поглядывать на мать, чтобы оценить ее реакцию.

С банкой пива в руке в гостиную вошел Аркадий и, прислушавшись к игре дочери, сказал:

– Полина молодец, занимается без напоминаний. Я рад, что ты настояла на занятиях музыкой.

Аркадий сел рядом, заботливо обнял жену и положил ее голову на свое плечо. Внутри его зрел вопрос: «Когда лучше начать разговор?»

Клара умиленно смотрела на дочь, не понимая, как еще месяц назад она могла ощущать отстраненность от своей единственной малютки? Сейчас все было иначе. Но к Аркадию чувства так и не вернулись. Клара испытывала огромный страх от того, что в ближайшие часы ей придется рассказать мужу о своей измене. Единственное, что до сих пор останавливало ее – осознание того, что Юрий пытался ее отравить. Впрочем, поступок Юрия не менял главного – Клара изменила мужу и должна признаться и лучше сделать это в первый же день по возвращении из больницы. Заламывая руки от страха и волнения, Клара начала подбирать подходящие слова. Его реакцию – побагровевшее лицо, гневный взгляд, ходьбу из угла в угол и хлопанье дверями – она могла предсказать наперед.

Мелодия, донесшаяся из мобильного телефона Аркадия, прервала ее размышления. Он взглянул на определившийся номер, коротко произнес: «Сочи» и ответил на звонок. Во время разговора муж недовольно морщился и с силой сжимал пустую жестяную банку из-под пива, которая издавала при этом такой жуткий металлический стон, что Клара подумала: «Вот так же от боли и тоски сжимается мое сердце».

Через минуту, после череды коротких контраргументов, Аркадий спросил:

– А это никак нельзя перенести, она еще очень слаба? – затем, выслушав новые доводы, неохотно ответил: – Хорошо. Мы сейчас дома, я вышлю вам смс с адресом.

– Кто это? – испугано спросила Клара, когда муж закончил разговор.

– Следователь из Сочи.

Клара замерла от неожиданности. Уваров! Голова закружилась, страх комком подкатил к горлу, а ладони покрылись липким потом. Она нервно сглотнула и спросила:

– Что ему нужно?

– Хочет задать тебе несколько вопросов по новому делу, в котором, по его словам, ты можешь быть свидетелем. Подробностей он старательно избегал.

– Понятно, – растерянно произнесла Клара, пытаясь унять дрожь в руках.

– Как меня все это достало! – с горечью воскликнул Аркадий и бросил на жену осторожный быстрый взгляд.

Пока муж набивал смс с адресом, Клара размышляла над сложившейся ситуацией. Если бы Уваров пытался ее отравить, то не приезжал бы в Элисту. А что, если она сама приняла яд, как и сказал врач? Отравленное сознание могло нарисовать любую иллюзию. Ведь Клара как никто другой понимала, в каком состоянии она находилась после ночи с Уваровым. Юрий исчез, не сказав ей ни слова. В разговоре она не раз упоминала, что ей нужно на следующий день уезжать, но он не сказал ей «Останься!», не сказал, что хочет быть с ней. Клара слышала эти слова только в новой квартире. А что, если желаемое она выдала за действительное?

Полина начала играть новое произведение и, на секунду прервавшись, воскликнула:

– Mamочка, ты слушаешь?

– Да, солнышко, – на автомате подтвердила Клара и улыбнулась дочери.

Сознание рисовало варианты дальнейшего развития событий. А что, если Уваров напросился на встречу, чтобы разведать, помнит ли она его приезд в Элисту или нет? Своим профессиональным взглядом он сразу заметит ее реакцию и захочет довести дело до конца. Значит, она в опасности! Если так, то нужно немедленно открыться мужу и предупредить о беде, которую она навлекла на их семью.

Клара прошла в ванную комнату и умыла лицо прохладной водой. Руки все еще дрожали. Она выпила две таблетки успокоительного и вернулась в гостиную. Полина все еще сидела за пианино и уверенно вела затейливую мелодию. Аркадий распечатал вторую банку пива и задумчиво смотрел в окно. По его виду Клара поняла, что он тоже готовится к обстоятельному разговору.

Опустившись на диван, Клара продолжила размышлять. В памяти всплыл разговор с Юрием в спальне, когда он поил ее обжигающим пищевод напитком. Он что-то говорил о том, что прошло два года, о смерти, об эликсире. Эти три фактора явно были важны, но чем? К тому же Клара помнила нежный и настойчивый тон, которым Юрий пытался ее убедить принять зелье. Помнила, как после этого он лег рядом, стараясь собственным теплом согреть стремительно замерзающее тело Клары. Нет, не похоже, чтобы Уваров хотел ей зла. Зачем? За что? Он всеми силами добивался ее внимания. Так что же произошло на самом деле?

В дверь позвонили, Аркадий выбросил пустую банку в мусорное ведро и с недовольным видом двинулся в прихожую. Сейчас она увидит Уварова. Как ей себя вести? Кларой овладели смешанные чувства – предвкушение встречи с любимым и горечь предательства, если таковое все-таки было. Ее бледное лицо залилось пурпурным румянцем, словно она только что приняла горячую ванну,

глаза заискрились, спина выпрямилась. При этом Клара вся дрожала, как осиновый лист на ветру – хватило бы мимолетного взгляда, чтобы безошибочно определить ее чувства.

Щелкнул дверной замок. Аркадий поздоровался и пригласил настойчивого гостя в квартиру. Клара замерла и прислушалась. От переизбытка чувств ее сердце было готово вырваться из груди. Но голос, донесшийся из коридора, не был похож на голос Юрия, и она с любопытством всматривалась в отражение в зеркале, что бы понять, кто к ним пришел.

В гостиную вошел Коваленко – напарник Уварова, и приветливо поздоровался с Кларой и Полиной. На Клару он смотрел с осторожностью, видимо, зная о ее состоянии. Клара на несколько секунд прикрыла глаза и с облегчением, пусть и немного разочарованно, выдохнула.

– У меня к вам есть несколько вопросов, которые помогут пролить свет на последние события сразу по нескольким делам. Я буду задавать их в хронологическом порядке, – сказал следователь и, взглянув на Аркадия, спросил: – Мы можем остаться с вашей женой наедине?

Аркадия разозлил и одновременно удивил этот вопрос. Чтобы не накалять обстановку, Клара быстро произнесла:

– У меня нет секретов от мужа, – потом повернулась к дочери, которая видя перемены в матери, со страхом разглядывала гостя, сказала: – Полюшка, иди в свою комнату. Нам с папой нужно поговорить со следователем.

Когда девочка послушно покинула гостиную, Коваленко открыл блокнот и задал первый вопрос:

– Вы были в курсе того, что пропали некоторые улики по делу Тихонова?

– Пропали? – уточнила Клара. Она не знала, что говорил Уваров напарнику, и не понимала, как ей лучше ответить.

Ей хотелось спросить, где Юрий, но она из последних сил сдержалась.

– Да. Пропал дневник Тамары Золотаревой и паспорт Тихонова, – подтвердил следователь, не сводя с Клары пронзительного изучающего взгляда.

– Кажется, следователь Уваров упоминал об этом, когда вел дело об ограблении нашего магазина.

– Вы встречали Тихонова до попытки самоубийства?

Клара не поняла, о чем конкретно самоубийстве говорит Коваленко, но на всякий случай ответила:

– Нет.

– А после? Вы ведь уже знаете, что мы так и не нашли тело Тихонова, но нашли пропавшее тело утопленника, которого вытащили из воды.

– Да, я об этом слышала. И нет, я его не встречала ни до, ни после.

– Объясните мне, пожалуйста, при каких обстоятельствах материалы по делу Тихонова попали в ваш гостиничный номер? – спросил следователь, украдкой бросив взгляд на Аркадия.

Клара нервно сглотнула, и обеспокоено посмотрев на мужа, спросила:

– А что вам сказал Уваров?

– Я спрашиваю у вас.

Аркадий повернулся и вопросительно посмотрел на жену. Его губы сомкнулись в сплошную линию, лицо покраснело от негодования. Молодой следователь стоял у него поперек горла, и Аркадий решил, что в ближайшее время разберется с этим

субъектом по-мужски. Он недвусмысленно даст прохожему понять, что не позволит морочить его жене голову.

Клара нервно затеребила бегунок от молнии на спортивной куртке, собралась с силами и ответила:

– Уваров и я постоянно обсуждали дело Тихонова. Он задавал мне много вопросов, делился своими соображениями. Когда я узнала от него, что дело, скорее всего, закроют, то предложила свою помощь.

– И когда это было? – повышая тон, жестко спросил Аркадий, но тут же спохватился, вспомнив о состоянии жены, и мягко добавил: – Мы с Полей уже уехали?

Клара кивнула головой.

– Вот тогда он принес мне материалы дела. Пару часов мы разбирали бумаги вместе, а потом он ушел.

Коваленко заглянул в свой блокнот и, видимо, получив подтверждение сказанным словам, кивнул.

– Хорошо. Когда он ушел, материалы дела остались у вас в номере?

– Совершенно верно. Выезжая из гостиницы, я попросила администратора позвонить Уварову в управление и забрать документы.

– А почему сами не позвонили? Вы ведь знали его мобильный телефон?

– Я торопилась, – соврала Клара. Ей не хотелось рассказывать о внезапном исчезновении Уварова из коттеджа.

Аркадию впервые с начала беседы понравился ответ жены: он с облегчением вздохнул и перевел взгляд на следователя. Коваленко буравил недоверчивым взглядом Клару.

– Нашли что-нибудь интересное в документах? – вдруг спросил он.

– Больше загадок, чем ответов, – уклончиво ответила Клара.

– Следователь Уваров когда-либо давал вам копию дневника Тамары Золотаревой?

– Да. Он у меня, – ответила Клара и начала глазами искать свою сумку, – Аркаша, а где моя сумка?

– Я его выбросил! – резко выпалил Аркадий, допил пиво и с силой скомкал банку.

– Как выбросил? – не поверила своим ушам Клара. – Как ты мог?

– Этот дневник довел тебя до пропасти. Все наши беды начались с этого дневника. Я не хотел, чтобы после больницы ты снова взяла его в руки!

Аркадий резко поднялся, немного походил по комнате взад-вперед и вышел на кухню. Характерный звук возвестил о том, что открыта очередная банка.

– Расскажите мне подробно о своих передвижениях в последние двое суток перед отъездом в Элисту, – попросил следователь и приготовился записывать показания свидетельницы в блокнот.

Клара насторожилась, Коваленко явно о чем-то недоговаривал.

– Где Уваров? – не выдержала она.

– Мы перейдем к этому вопросу позже, – Коваленко постучал ручкой о блокнот, пытаясь скрыть тяжелый вздох, вырвавшийся из груди, – расскажите о своих передвижениях.

Несколько секунд Клара собиралась с мыслями, старательно выуживая из закоулков памяти события, предшествующие отъезду. Затем начала подробно рассказывать о работе: найме новой сотрудницы, ограблении, ремонте салона. В рассказе она не стала делать акцент на мистические нюансы, связанные с

«Человеком в черном», а просто сказала, что он был последним покупателем перед ограблением. Закончила Клара кратким описанием свидания в зимнем саду. Когда она дошла до отъезда Уварова на вызов, Коваленко спросил:

– Значит, когда я забрал его из коттеджа, вы оставались внутри до утра?

– Да, – подтвердила она и встревоженно посмотрела в сторону кухни.

Тишина красноречиво говорила о том, что муж внимательно следил за канвой разговора. Клара хотела уже рассказать о внезапном появлении Уварова посреди ночи, но тут Коваленко спросил:

– А кто-нибудь может подтвердить ваш утренний отъезд из коттеджа?

– Да. Я всегда пользуюсь одной и той же службой такси.

Клара озвучила название компании и описала приметы водителя, который подвозил ее к магазину.

– Мои сотрудницы Лиля и Ольга могут подтвердить тот факт, что я заезжала в салон.

– Они уже подтвердили, – сказал Коваленко и задал следующий вопрос: – После магазина вы поехали в гостиницу?

– Да. Там меня уже ждала машина.

– Какая машина?

– Муж нанял водителя, чтобы тот отвез меня в Элисту.

Аркадий с озадаченным видом вышел из кухни и сел на диван. Вид у него был подавленный. Клара подметила, что он прилагал массу усилий, чтобы не смотреть в ее сторону. Коваленко это заметил и спросил:

– Вы подтверждаете, что посылали машину за женой?

– Да. А собственно, в чем дело? Почему вас интересует передвижения моей жены?

Коваленко закрыл блокнот и, нахмутив брови, ответил:

– Следователь Уваров погиб при исполнении в ночь с двадцать второго на двадцать третье октября.

От услышанного у Клары перехватило дыхание, перед глазами все поплыло, уши заложило. Непрерывный тихий свист сделал голоса присутствующих мужчин далекими, поэтому последующий разговор она слышала так, словно он проходил в соседней комнате.

– При осмотре его вещей в пиджаке были обнаружены фотографии вашей жены, – пояснил свой интерес следователь и вынул из кармана куртки пачку снимков.

Аркадий начал перебирать их один за другим.

– Мы пришли к выводу, что следователь Уваров подозревал вашу жену в причастности к делу Тихонова. Скорее всего, он вел за ней наблюдение.

– Судя по фото, согласен: он явно следил за моей женой, но это не доказывает ее причастности к делу уопленника.

– Таинственным образом пропали дневник и паспорт Тихонова. Мы предполагаем, что ваша жена выкрала дневник и каким-то образом помогла Тихонову выехать из страны.

– Бред! – воскликнул Аркадий. – Чистой воды бред. Проверьте ее показания, и если выяснится, что она была именно там, где говорит...

– Мы проверим, – оборвал его следователь, – но согласитесь, что события, предшествующие ее отъезду, были весьма странными.

Клара почти не слушала их. Погиб при исполнении! Эта новость никак не вязалась с ее внутренними ощущениями и отрывистыми воспоминаниями. Где и

как он погиб? Кто его убил? Ее сознание было далеко, она видела себя в коттедже, лежащей в объятиях Юрия, помнила его нежный взгляд. Неужели это была их последняя встреча?

– Сначала ваша жена видит утопленника и указывает на его вещи; потом оказывается, что это не тот утопленник. Затем тело пропадает из морга. После вашего отъезда на магазин совершается нападение, сотрудница попадает в больницу с аномально пониженной температурой тела. Утопленника, наконец, находят. Затем ваша жена приглашает следователя Уварова в коттедж, ужинает с ним, и через час после отъезда его убивают при исполнении. В итоге ваша жена принимает яд и попадает в больницу.

– Ваша версия притянута за уши. Так я могу привлечь любого человека к чему угодно. В чем был мотив Клары? Мы не знали этого Тихонова, со следователем Уваровым познакомились во время следствия.

– Вы уверены? Ваша жена молчит.

– Клара, – осторожно позвал Аркадий.

Она перевела на него взгляд.

– Ты что-нибудь скажешь?

Новость, которую она только что услышала, произвела на нее такое впечатление, что весь тот страх, который она испытывала при мысли о том, что придется открыться Аркадию, вдруг показался смешным. Кларе отчаянно хотелось разделить с кем-нибудь свое горе, рассказать, как она любила Уварова, что глупо подозревать ее в том, что она могла нанести ему хоть какой-то вред! Поэтому она разомкнула губы, положила руки на колени и тихо произнесла:

– Мы с Юрием полюбили друг друга с первого взгляда. Потом долго боролись со своими чувствами. За день до моего отъезда он пригласил меня на свидание. Он и раньше приглашал, но я отказывалась.

Аркадий, словно укушенный, вскочил на ноги, пошатнулся и снова плюхнулся на диван. В его глазах промелькнули гнев, злоба и недоумение одновременно.

– Перед отъездом я не смогла устоять: от одной мысли, что я его больше не увижу, я сходила с ума, – продолжала Клара, глядя на следователя. – Я ехала в Элисту, чтобы сказать мужу, что полюбила другого.

Аркадий вспомнил разговор перед командировкой. Клара действительно пыталась сказать ему что-то важное, и теперь он понял, что именно.

– Тогда я не знала, что Юрий погиб. Я думала, что утром он просто ушел домой, ведь у него не было одежды. Только эти странные пальто и шляпа...

– О чем вы говорите? – насторожился Коваленко.

Больше она не могла сдерживать свое горе и заплакала.

– Он пришел среди ночи... Раненный...

– В котором часу это было? – следователь нахмурился и подался корпусом вперед, в его глазах плескалось недоверие.

– Не помню точно. Наверное, где-то около двух или трех часов ночи. Он поел... Был такой голодный... Принял душ, потом лег спать...

Коваленко встал с места и жестом пригласил Аркадия в коридор. Они вышли, и до Клары донесся громкий шепот следователя:

– Вы были правы, у нее что-то не так с головой. Он не мог вернуться в коттедж. В час пятнадцать он был уже мертв. Труп с места преступления увезли только к четырем утра.

Клара перестала плакать, вытерла слезы и сконцентрировалась. Если Уваров действительно погиб в час пятнадцать, как он мог провести с ней ночь? Она схватилась за голову. Страх снова сковал ее сердце, но теперь это уже был страх за собственное психическое здоровье.

Аркадий вышел со следователем на лестничную площадку.

«О боже, со мной что-то не так, – подумала Клара и прикрыла рот ладонью, подавляя вырывающийся наружу крик. – Похоже, я схожу с ума. Так что же случилось на самом деле в ту ночь?»

Клара просидела на диване несколько часов – ошарашенная, сбита с толку, растерянная. Аркадий уложил дочь спать. Затем позвонил матери и попросил ее снова приехать. Он несколько раз пытался заговорить с женой, но ее отстраненный вид красноречиво говорил о том, что ее лучше оставить сейчас в покое. Аркадий метался по квартире, как загнанный зверь, не зная, что ему делать дальше. Как достучаться до сознания жены? Больше всего он боялся за дочь. Ребенок не должен видеть мать в таком состоянии! Откладывать разговор нельзя! После нескольких неудачных попыток он все же собрался с силами, сел в кресло напротив жены и произнес:

– Клара, нам нужно поговорить. Ты пугаешь меня.

Она подняла на него остекленелые глаза.

– Поверь мне, сейчас нет существа испуганней меня.

– Ты ехала в Элисту сказать, что уходишь от меня?

– Нет, я хотела сказать, что полюбила другого. А расставаться нам после этого или нет, решать должны были мы вместе.

Он сжал кулаки, глубоко вдохнул и спросил:

– Уваров тоже отвечал тебе взаимностью?

Она кивнула.

– А как ты это поняла? – недоверчиво спросил Аркадий.

Она вскинула на него недоуменный взгляд и ответила:

– Такое чувствуешь сразу.

– Просто твоя версия сильно расходится с реальными событиями...

– Да, я слышала ваш разговор в коридоре.

– По словам следователя, Уваров в последние дни вел себя странно, был растерянным, плохо соображал. О ваших отношениях он никому не рассказывал, хотя всегда хвастался друзьям победами на личном фронте.

Аркадий собрался с силами, сложил руки в замок и сказал:

– Клара, я говорил с твоим психиатром перед выпиской. Она объяснила мне, что твоя психика неустойчива к стрессам.

Муж взял паузу. Клара подняла на него глаза и прислушалась: что-то в его тоне ей сразу не понравилось.

– Ты только открыла магазин – и тут как гром с ясного неба наш очередной переезд! Потом на магазин напали. А до этого на твоих глазах утопился человек. У твоей подруги начались проблемы с мужем. Тебя чуть не сбила машина. И, вдобавок, этот мистический дневник, от которого ты не могла оторваться.

– Зачем ты его выбросил?

– Тигренок, я сделал это для тебя. Эта тетрадь на тебя нездорово влияла.

– Глулости...

– Я так не думаю. С первых дней ты прониклась историей, описанной в дневнике, ходила задумчивая, – настаивал Аркадий. – Вдобавок, тебе понравился следователь, а ведь у тебя завышен нравственный порог, ты требовательна в первую очередь к самой себе. Возможно, ты подсознательно упрекала себя за эти чувства. Кроме того, до последнего времени ты никогда не расставалась с дочерью, и это тоже стало фактором стресса. Твоя психика не выдержала давления и дала трещину. Ты не справились с навалившимся грузом. Это легко поправимо. Походишь к врачу, попьешь антидепрессанты, и все пройдет.

Клара не сводила с мужа глаз. Сейчас он скажет то, что ей совсем не понравится...

– Иначе я вынужден буду тебя госпитализировать, – мягко произнес Аркадий. – Я не могу допустить, чтобы рядом с моей дочерью находилась женщина, не контролирующая свое поведение.

Теперь все ясно: либо она ложится в психушку, либо пьет антидепрессанты и делает вид, что счастлива.

– Клара, я всегда тебя любил и буду любить. Ты – моя единственная. Мы справимся со всеми проблемами. Ты не успела мне изменить, это хорошо. Ваше свидание прервали вызовом на службу, и я усматриваю в этом провидение. Главное – доверие между нами, ты призналась мне, и это хорошо. Мы семья, а мимолетные увлечения – это ничто, поверь мне.

Клара вдруг поняла, о чем думает муж. Скорее всего, Аркадий предполагает, что она мечтала о близости с Уваровым, но не получила желаемого и, когда произошел психический срыв, подменила реальность фантазиями. Логично, что ж... Клара подняла на мужа глаза и спокойно произнесла:

– Может, ты и прав. Мне нужны антидепрессанты.

– Я рад, что мы нашли взаимопонимание. Пойдем спать, уже поздно, – сказал Аркадий тоном, не терпящим возражений, и скрылся в спальне.

Ложиться рядом с мужем Кларе не хотелось: еще в больнице она решила, что после откровенного разговора будет спать на диване в гостиной. Но после визита следователя ей стало по-настоящему страшно: а вдруг она действительно больна и ей потребуется помощь близких? Она приняла душ, надела пижаму и первой легла в кровать. Аркадий просмотрел финансовые отчеты на ноутбуке, затем выключил свет и пожелал ей спокойной ночи.

После оглушительной новости и разговора с мужем спать не хотелось. Сквозь тонкие занавески в комнату проникал мягкий лунный свет. Это сразу навело на Клару воспоминания о последней ночи с Уваровым. Она вспомнила, как он стоял перед окном с сигаретой в руке, а его тело, залитое лунным светом, бликовало в темноте. Нет, это не могло быть галлюцинацией или сном! Но как объяснить нестыковку во времени?

Кларе захотелось получить хоть какое-то подтверждение смерти Юрия. И она решила, что позвонит утром Лиле и попросит у нее помощи.

– Не спится? – послышался голос Аркадия.

– Засыпаю, – соврала Клара и закрыла глаза.

– Брось, я отсюда слышу, как голдят твои мысли.

Он повернулся к ней, обнял и поцеловал в шею.

– Если бы я знал, что с тобой такое произойдет, то никогда бы не согласился на эту должность! Прости меня. Я думал, что ты просто вредничаешь.

Каждое его слово Клара воспринимала с болью. В голове пронеслись слова Уварова: «Твой муж женат на работе. Кайф от жизни получает только тогда, когда достигает успеха в карьере. Он методично и продуманно преодолевает ступеньку за ступенькой. И сметет любое препятствие, мешающее его замыслам. Даже если это препятствие – его собственная жена».

– Тигренок, скажи что-нибудь, – попросил Аркадий.

– Спи, Аркаша, завтра тебе рано вставать, а мне предстоит трудная и долгая реабилитация. Ты от меня мгновенных ответов не жди.

Первое утро после выписки из больницы началось с запоздалого завтрака и суетливых сборов дочери в школу. Из-за беспокойной ночи Аркадий проспал, поэтому, наспех перекусив, поцеловал жену и дочь и выбежал из квартиры. Всю ночь Клара стонала во сне, иногда даже вскрикивала и просыпалась от звука собственного голоса. Аркадий понимал, что должен подобрать нужные слова, чтобы хоть как-то успокоить жену. Но когда эти слова находились, они так глубоко застревали в горле, что не могли выбраться наружу. Таблицы, графики и финансовые показатели из отчетов бросали ему спасательный круг и, забыв о жене, он уделял все дальнейшее внимание предстоящей на совещании речи.

Ненавистная квартира не торопилась распахивать душу перед новой хозяйкой. Клара, словно сыщик, открывала ящик за ящиком, пытаясь отыскать на новой кухне нужную посуду, салфетки, специи. Полина со знанием дела подсказывала и довольно кивала, когда матери удавалось найти искомую вещь. Попутно она на ходу доделывала уроки, складывала учебники в портфель и заплетала косички. Сейчас, когда мама снова была с ней рядом, девочка чувствовала радость и готова была справиться с любыми трудностями, лишь бы больше никогда не расставаться.

Когда они заканчивали завтрак, зазвонил домашний телефон. Клара сняла трубку и услышала возбужденный голос Лили:

– Клара, привет, как ты? Аркадий мне только что позвонил и дал ваш домашний номер. Я так волновалась за тебя! Что с тобой произошло? Он сказал, что ты все это время лежала в больнице с жутким отравлением.

Клара не хотела говорить при дочери и пообещала, что перезвонит позже. Вернувшись на кухню, она увидела, как сосредоточенная Полина, закусив нижнюю губу, готовит себе бутерброд с ветчиной и сыром, а затем укладывает его в школьный контейнер для завтрака.

– О, ты уже научилась сама делать бутерброды? – воскликнула приятно удивленная Клара.

– Да, – подтвердила Полина, добавляя в контейнер яблоко и два печенья, – и еще папа научил меня складывать в машинку белье. А еще я сама вытираю пыль дома, мою обувь и раскладываю ее по полкам. Мы, мамочка, старались соблюдать чистоту: папа говорил, что ты можешь в любой момент приехать и проверить, как мы тут без тебя живем.

Клара растрогалась, слезы одна за другой скатились по щеке и растворились в волосах дочери. Она поцеловала Полину и с некоторой досадой произнесла:

– Ты у меня стала совсем взрослая!

Полина закончила со школьным завтраком, повернулась к матери и с не менее серьезным видом спросила:

– Мамочка, я слышала, как папа говорил, что дневник той тетеньки довел тебя до больницы. Это правда?

Клара обняла дочь и поцеловала в обе щеки.

– Нет, конечно, детка. Скорее, это стечение неприятных событий, которые на меня навалились.

– Я тоже так подумала, – отозвалась дочь, высвобождаясь из материнских объятий. – Та тетя сама пережила много неприятностей. А наш учитель литературы Надежда Семеновна говорит: «Что нас не убивает – то делает сильнее».

Клара усмехнулась, похлопала дочь по плечу, взглянула на часы и сказала:

– Мы опаздываем.

Полина побежала в свою спальню за портфелем и вышла оттуда с торжественным видом. Положив перед матерью черный пакет, она сказала:

– Вот, мамочка, я спрятала его от папы в своем столе.

Клара заглянула в пакет и ахнула: внутри лежала белая папка с ксерокопией дневника Тамары.

– Как же ты смогла его сохранить? – изумилась она.

– Когда тебя положили в больницу, папа собрал много-много мусора и понес на помойку, а этот пакет выпал и остался лежать в коридоре на полу. Я вышла, чтобы закрыть за папой дверь, увидела его под консолью и спрятала. Мне хотелось, чтобы ты дочитала дневник до конца. Только ты не говори папе, он расстроится.

Лицо Клары вытянулось от изумления. В это сложно было поверить, но Полина второй раз сохраняла для матери дневник – словно девочкой руководила чья-то невидимая воля, желающая во что бы то ни стало рассказать Кларе историю Тамары. Растерянная Клара прижимала пакет к груди, как нечто дорогое и значимое, и понимала, что конец этой истории еще не близок. Где-то там, в финале дневника, ее ожидает кульминация жизненного пути Тамары, в которой, без сомнений, кроется разгадка событий, произошедших с Кларой в последнее время.

– Мамочка, ты не скажешь папе? – повторила свой вопрос Полина, прерывая размышления матери.

– Конечно, не скажу, – улыбнулась Клара и спрятала пакет в один из чемоданов в гардеробной комнате.

Они вышли из квартиры, прошли вестибюль и у входа встретили консьержку. Сияющая от радости Полина познакомила мать с новой няней. Валентина была полной женщиной лет шестидесяти с добродушным лицом и пронизательными глазами. Окинув Клару оценивающим взглядом, консьержка рассказала, что ежедневно готовила еду и убиралась в квартире, подметив, что со стиркой и глажкой Аркадий справлялся самостоятельно.

– Он никому не доверяет гладить свои рубашки и брюки, так было с самого первого дня нашего брака, – сказала Клара и благодарно улыбнулась.

– Вы в школу? – спросила консьержка, взглянула на часы и воскликнула: – Да вы уже опаздываете!

Клара спохватилась и, взяв дочь за руку, поспешила выйти из подъезда. Они направились к школе, которая находилась в пяти минутах ходьбы от дома. Полина то и дело забегала вперед и поглядывала на мать, словно по выражению

лица пыталась прочесть ее мысли. Заметив беспокойство дочери, Клара погладила девочку по голове и обняла за плечи, как бы обещая: «Все будет хорошо».

Погода была солнечной, поэтому домой Клара возвращалась неторопливо. Ее все еще преследовал больничных запах – гремучая смесь лекарств, хлорки и казенной еды. Прохладный воздух помог очистить легкие и наполнил бодростью тело. Вернувшись в квартиру, Клара прошла на кухню, вымыла посуду и начала готовить обед: помыла куриную грудку, почистила овощи и поставила на плиту бульон. Потом вспомнила про звонок Лили и прошла в гостиную к телефону. Набрав номер подруги, она рассказала последние новости: о больнице, о визите Коваленко, а в конце – и о смерти Уварова.

Лиля подтвердила, что Юрий погиб. Когда именно, она не знала, но обещала по возможности собрать информацию о его смерти. Обсуждать с подругой гибель возлюбленного было невыносимо, воспоминания нахлынули с новой силой, но Клара взяла себя в руки и продолжила разговор.

– Мне очень важно узнать, где и когда это случилось, понимаешь? Ты позвони Оксане, она должна помочь, у нее был знакомый в органах.

– Точно, как я про нее забыла!

– Я жду. Перезвони, как что-нибудь узнаешь.

Закончив разговор, Клара, все еще крепко сжимая телефонную трубку, опустилась на диван и разрыдалась. Перед ее глазами стояло улыбающееся лицо Юрия. Тоска сдавила сердце с такой силой, что, казалось, оно вот-вот разорвется на тысячу маленьких кусочков. Несколько минут Клара просидела, глядя в одну точку и чувствуя, как мокрые потоки бегут по ее щекам. Затем вытерла слезы и придирчивым взглядом оглядела комнату. Как ни старались Аркадий с Полиной поддерживать в квартире порядок, зоркий глаз Клары всюду подмечал недостатки уборки. Квартире требовалась женская рука, рука хозяйки, поэтому Клара стянула депрессивное настроение и принялась наводить чистоту. Закончив уборку, она приготовила обед и посмотрела на часы. До окончания уроков оставалось пятнадцать минут. Клара переоделась и вышла из квартиры.

Консьержка была на своем посту. Увидев Клару одну, она склонилась над стойкой рецепции и сказала:

– Я уж не стала говорить при Полине, она и так переживает за вас. Это я вас нашла в тот день и вызвала «Скорую помощь». Мы с Полей всю ночь просидели в больнице, и только утром приехала Елизавета Степановна, ваша свекровь.

Клара удивилась: она была уверена, что Аркадий, узнав, что ее положили в больницу, вернулся в Элисту первым же рейсом. Кровь прилила к голове, румянец окрасил бледные щеки. Рука, лежащая на стойке рецепции, предательски задрожала. Пытаясь подавить гнев, Клара прикрыла на минуту глаза, продолжая слушать рассказ консьержки о первых, самых трудных часах с Полиной в больнице.

– А когда вернулся Аркадий? – прочищая горло от спазма, спросила Клара.

Поняв, что сболтнула лишнее, консьержка потупила взгляд и замолчала.

– Теть Валя, да вы не волнуйтесь, все самое страшное у нас позади, меня уже больше ничего не расстроит, – сказала Клара нарочито спокойно.

Пожилая женщина помедлила, но потом все же ответила:

– Да через неделю вернулся, как и планировал. Только вы не говорите ему, что вам именно я сказала. Нехорошо получилось, я думала, вы знали...

– Прошлого уже не вернешь. Мы такие, какие есть, и нас не переделать.

– Да, – нехотя согласилась консьержка, но по ее виду Клара поняла, что она тоже не одобряет поведение Аркадия.

– Ну, мне пора: у Полины уроки заканчиваются.

Клара вышла из дома и в задумчивости пошла к школе. Узнать новость о муже от консьержки было обидно: все это время она думала, что Аркадий не отходил от больничной койки, и чувствовала вину за то, что напугала его и дочь. Выходит, что первые шесть часов Полина справлялась со стрессом самостоятельно, и только утром появилась свекровь. Да и ее приезд мало что изменил: Полина недолюбливала мать Аркадия за излишнюю придирчивость и властный тон.

Дочь уже ждала ее в вестибюле, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Увидев мать, Полина бросилась ей на шею и сбивчиво начала рассказывать о предстоящем школьном спектакле, в котором ей выпала честь играть главную роль. Улыбнувшись, Клара погладила Полину по растрепавшимся волосам, взяла ее за руку и повела домой. Мысли крутились вокруг поступка Аркадия. Даже узнав, что у жены один за другим отказывают внутренние органы, он продолжал оставаться вдали от семьи. Его привычный заботливый образ не рифмовался с таким хладнокровием. Уваров был прав, тысячу раз прав: ее муж сметет любое препятствие, мешающее его карьере, даже если это препятствие – его собственная жена. Мужчина всегда распознает изъян другого мужчины.

Придя домой, Клара покормила Полину, и они отправились в детскую делать уроки. Дочь разложила на столе учебники и сказала:

– Мамочка, ты займись чем-нибудь, что тебе хочется, а я уроки сама сделаю. Я уже привыкла все сама делать.

Клара поняла, что дочь намекает на дневник, и улыбнулась.

– Так уж и сама?

– Да. Бабушка мне не могла помочь, она уже забыла школьную программу, и все самой приходилось делать. Первое время было сложно, но потом я привыкла.

– А разве папа тебе не помогал?

– Папа всегда на работе. Я была с тетей Валей.

– А потом, когда я в больнице лежала?

– Он же был в командировке, я была с бабулей.

– Ты не знаешь, в какой город он летал? – спросила Клара, проходя в родительскую спальню.

– В Москву. Там было очень важное совещание, бабуля звонила ему каждый день и рассказывала, как мы все тут поживаем.

– И когда он вернулся? – как бы между прочим уточнила Клара, доставая из чемодана папку с дневником.

– Через неделю, кажется. Я уже точно не помню.

Клара легла на кровать дочери и открыла дневник.

– Я почитаю. Как закончишь уроки, садись за фортепиано.

– Хорошо, – ответила Полина и открыла учебник.

Клара долго не могла найти нужную ей страницу, а когда нашла, поняла, что прочитала уже больше половины дневника. Некоторые страницы были сильно повреждены, и Клара вздохнула с облегчением, поняв, что их она уже прочла. С первых же строк ее накрыло чувство умиротворения и отрешенности. Бросив на

дочь виноватый взгляд, Клара убедилась, что та погружена в математические задачи, и приступила к чтению.

«Его имя я узнала гораздо позже, когда между нами наладился диалог. Его звали Мартин, но все называли его полковник Петерсонс. Впрочем, я уверена, что это не его настоящая фамилия. Первые две недели после нашего разговора моя жизнь никак не менялась: я по-прежнему была в заточении на мансардном этаже. После ужина он приходил ко мне в спальню – так случалось почти каждый вечер, когда он ночевал в городе. Мы беседовали, иногда пили вино или играли в покер. Вернее сказать, он учил меня играть. Он был великолепным психологом, легко распознавал блеф и всегда выигрывал. Я была приятно удивлена тем, что он не настаивал на интимных отношениях. Это было странно – удерживать молодую женщину в заточении, но не пользоваться даваемыми этим возможностями. Меня это успокаивало и настораживало одновременно. Если ему нужен был не секс, то что?»

Через две недели все начало меняться. Мне позволили гулять в зимнем саду. Это было прямоугольное помещение около сорока квадратных метров, в котором были собраны экзотические цветы и деревья. Затем мне позволили гулять по дому – правда, пока еще в сопровождении охранников. Единственным местом, куда путь для меня был закрыт, был подвальный этаж – жуткое место, из которого иногда доносились стоны. Впрочем, по понятным причинам я и сама не горела желанием туда попасть.

В доме были свои правила. Например, после полуночи никто и ни под каким предлогом не мог покидать свою спальню. Мою комнату закрывали на ключ, чтобы открыть только перед завтраком. Иногда ночами я просыпалась от резких звуков и криков – как будто кого-то волокли через холл, но все быстро стихало. Со временем мои подозрения подтвердились – в подвале регулярно проводились допросы и пытки.

Мой гардероб постепенно начал пополняться красивой одеждой, но, как портниха, я сразу распознала, что одежда была не новой: ее подгоняли по моей фигуре. После одежды я начала получать подарки в виде ювелирных украшений.

В один из зимних вечеров – примерно через три месяца после изменения режима, полковник позвал меня в свой кабинет и жестом пригласил подойти к камину,

который располагался напротив рабочего стола. Над камином висел женский портрет, и мне бросилось в глаза поразительное сходство между мной и изображенной на холсте женщиной. Мне стало ясно: я оказалась в этом доме лишь потому, что напоминаю полковнику женщину с портрета, но кто она, пока оставалось для меня загадкой. Полковник хотел, чтобы я ее увидела, поэтому и позвал в кабинет, но я решила не проявлять излишнего любопытства. Спустя неделю он сам завел о ней разговор. Это была его жена. Теперь мне стало понятно, одежду с чьего плеча я ношу.

Он много о ней рассказывал, но не сказал главного: где она сейчас?

Увидев портрет его жены, я стала понемногу расслабляться и все чаще ловила улыбку на своем лице. Мне казалось, что мир вокруг меня стал чуточку безопаснее.

Когда полковник узнал, что я умею шить и вышивать, в моей спальне появился набор для вышивания и шелковые нити. Мои навыки портнихи его никак не заинтересовали.

Все чаще мы проводили вечера в его кабинете: мне было позволено (или, точнее сказать, велено) приносить с собой набор для вышивания. В камине потрескивали поленья, я сидела в соседнем с полковником кресле и мы мирно беседовали или молчали. Тему для разговора всегда выбирал он.

В один из таких дней он сказал, что от брака с женой у него осталась дочь, которой недавно исполнилось пять лет. Она сильно скучает по матери. Я спросила, почему она живет не с ним, и он ответил, что она проживает со своей няней в семейном загородном доме. Тогда мне стало понятно, куда он так часто уезжал: он проводывал дочь.

С этого дня он постоянно говорил о девочке, всячески привлекая мое внимание к ее детским интересам и проблемам. Я была не сильна в воспитании детей, в чем призналась сразу, упомянув, что по физическим причинам никогда не смогу родить ребенка.

На следующий день утром полковник вызвал меня в кабинет. Вид у него был возбужденный и нервный. Он сказал, что не спал всю ночь – думал. Именно тогда он впервые и поделился со мной своими планами. Два года назад его жена покончила с собой – повесилась в подвале. В силу занимаемой должности он не

мог говорить об этом с посторонними. Его дочь считала, что мать находится в клинике для душевнобольных. О смерти супруги полковник не рассказывал никому, кроме самых близких родственников. Но сейчас, когда дочь подрастает, она все больше требует общения с матерью. Полковник предложил мне занять место его жены и разъяснил, как и при каких обстоятельствах я буду играть эту роль. Я понимала, что выбора у меня нет: либо я вечно буду играть роль матери чужого ребенка и чужой жены, либо... Что будет, если я откажусь, я даже думать не хотела. Я согласилась, поставив два условия: первое – он будет способствовать моей карьере модельера; второе – я всегда буду спать в отдельной спальне.

В ночь, когда сделка была заключена, мне приснился сон. «Мужчина в черном» склонился над моей кроватью и сказал: «А вы, Венера, большая лгунья! Вы все же отказались от любви в угоду таланту. За пожизненное рабство быть той, кем вы не являетесь, вы попросили лишь одно – продвижения вашей карьеры». Он залился смехом, а потом добавил: «Раздельные спальни не в счет: когда они могли удержать мужчину от секса?»

Я проснулась в липком поту, слова «мужчины в черном» все еще настойчиво звучали в моем сознании. Он был прав: я выторговала себе лишь карьеру, и при этом даже не призналась полковнику, что мое сердце занято другим!

С этого момента я больше никогда не говорила о своем желании продвигаться в модной индустрии, и полковника это, безусловно, радовало».

Послышались звуки фортепиано. Клара опустила дневник и поняла, что Полина закончила уроки и занялась музыкой. Она посмотрела на часы: с минуты на минуту с работы должен был вернуться Аркадий. Клара поспешно убрала дневник в чемодан и пошла в гостиную, где дочь одарила ее лучезарной улыбкой, от чего на душе потеплело.

На следующий день Клара проводила дочь в школу и возвращалась домой. Она зашла в подъезд и поздоровалась с консьержкой. Та с заговорщицким видом попросила ее приблизиться и почти шепотом произнесла:

– Ваша свекровь приехала.

Клара кивнула и хотела зайти в лифт, но консьержка снова подозвала ее и тихо заговорила:

– Я вот что подумала: вам надо отблагодарить того парня.

– Какого парня? – удивилась Клара.

– Ну, того, что меня позвал к вам в квартиру.

– Вас кто-то позвал в квартиру? – удивленно спросила Клара, почувствовав, как по коже побежали мурашки.

– Ну да, он сказал, что вы вызвали телевизионного мастера. Я еще подумала, когда это новая хозяйка успела позвать мастера? Но тогда-то не до этого было, – глаза Валентины азартно блеснули и сощурились, словно она в этот момент раскрывала шпионский заговор.

– Я ничего не помню о том дне. Понимаете? Может, я и вызывала кого-то – увы, не помню, – нарочито спокойно произнесла Клара и как можно более растерянно улыбнулась, скрывая свой жгучий интерес. – А как он выглядел?

– Был в длинном черном пальто и шляпе. Я еще подумала, какой мастер так одевается?

– Он был молодой или старый?

– Молодой, – уверенно произнесла консьержка и закивала головой.

– А что он вам дословно сказал, вы помните?

– Он сказал, что пришел к вам домой, дверь была приоткрыта, он зашел, позвал, но никто не ответил. Тогда он услышал стон из спальни и пошел посмотреть, в чем там дело, вот и увидел вас на кровати. Пока мы вызвали «Скорую помощь» и поднялись к вам, пульса у вас уже не было. Он попросил меня подежурить у подъезда, а сам остался с вами, делал вам искусственное дыхание.

Клара слушала ее как замороженная. Морозная дрожь пробежала по телу, оставляя за собой дорожки гусиной кожи. От волнения в горле пересохло. Значит, она не сошла с ума! Уваров действительно был с ней! Но потом Клару пробила новая догадка: «Уваров ли? А может, это был «Человек в черном?»» Немного подумав, она стала склоняться ко второму варианту.

Поблагодарив консьержку, Клара поднялась на лифте на свой этаж и зашла в квартиру. Свекровь сидела за столом и перебирала накопившиеся счета.

– Здравствуйте, Елизавета Степановна, – дружелюбно произнесла Клара и прошла в гостиную.

– Здравствуй, Кларочка, рада, что ты пошла на поправку, – отозвалась свекровь, буравя сноху испепеляющим взглядом. Тон ее был резким, с некоторой издевкой.

– Выглядишь совсем неплохо, учитывая, что тебе пришлось пережить.

Отношения между свекровью и снохой всегда были натянутыми, поэтому особой радости от общения с матерью мужа Клара не испытывала. После смерти свекра противоречия обострились и перешли в «холодную войну».

– Вы к нам надолго? – поинтересовалась Клара.

В том состоянии, в котором Клара сейчас пребывала, она не представляла себе совместное проживание со свекровью под одной крышей.

– Аркаша сказал, что уезжает в командировку и не может оставить вас без присмотра.

Свекровь не стала уточнять, кого конкретно она имела в виду, но Клара поняла, что речь в первую очередь идет о ней.

– Как это заботливо с его стороны, – с сарказмом произнесла Клара и прошла на кухню.

Нужно было готовить обед для Полины, и она вынула продукты из холодильника. Елизавета Степановна вошла на кухню вслед за ней и поставила на стол большую сумку, внутри которой загремели кастрюли. Клара поняла, что свекровь приехала с полной сумкой готовой еды.

– Я нажарила котлет из парной телятины, привезла любимого Аркашиного холодца и еще всякого по мелочи, – сказала она и начала выставлять на стол кастрюли и пластиковые контейнеры, – приготовь пюре для Полюшки и помой помидоры и огурцы для салата.

Елизавета Степановна всегда вела себя как единовластная хозяйка на кухне, и неважно, была ли она при этом у себя дома или в гостях. Стиснув зубы, Клара убрала готовую еду в холодильник и поставила на плиту кастрюлю с водой, полную начищенной картошки.

Зазвонил ее мобильный телефон. Чтобы ответить на звонок, Клара ушла в свою спальню. Это была Лиля. Ее взволнованный голос заставил Клару внимательно вслушиваться в каждое слово.

– Клара, нам в это дело лучше не лезть!

– Почему?

– Как только Оксана стала задавать вопросы об Уварове, к ней приехал Коваленко, и ей пришлось признаться, что она делает это по моей просьбе. Тогда следователь примчался ко мне в магазин. Он битый час мешал мне работать и я, конечно, рассказала небылицу, как Уваров помог мне, когда я попала в больницу, и теперь у меня душа о нем неспокойна. Следователь, конечно, мне не поверил, сказал, что я наверняка действую по твоей просьбе. Потом задавал всякие странные вопросы о том, где у вас может быть недвижимость и есть ли у нас на фирме грузовик...

– Грузовик? – удивилась Клара.

– Да. Я тоже ничего не поняла. Но со смертью Уварова явно что-то не чисто.

– Где его похоронили?

– Его еще не хоронили.

– А где сейчас его тело? – спросила Клара и услышала скрип ламината.

Она медленно повернулась: под дверью маячила едва различимая тень – свекровь подслушивала ее разговор. Клара подошла и с шумом приоткрыла и закрыла дверь.

– Наверное, в морге. Я не знаю, Клара, мне не у кого спросить.

– Лилия, для меня это архиважное дело.

– Я понимаю, но, похоже, тебе самой придется искать ответы на все свои вопросы. И предупреждаю тебя: Коваленко будет следить за тобой.

– Следить? Зачем?

– Мне показалось, что он подозревает тебя в причастности к смерти Уварова.

– Чушь несусветная!

– Я сказала ему, что Уваров покупал огромный букет роз для тебя, и что лицо его светилось от счастья.

– Это правда? Он был счастлив? – спросила Клара с надеждой в голосе.

– Нет, скорее растерян, как мальчишка. Но я хотела, чтобы Коваленко думал о вашей интрижке, а не о том, что ты – убийца.

Услышав, какой конкретно ярлык на нее повесили, Клара вздрогнула и побледнела.

– Что?! Почему он так думает?

– Клара, он говорит, что ты попыталась отравиться после того, как убила Уварова!

– Какой вздор, ей-богу! – возмущенно отозвалась Клара. – Наша полиция ничего лучшего и не могла придумать!

– Я ему тоже так сказала, но он такого себе напридумывал, что даже повторять не хочется.

– Говори, Лиля.

– Нет. Только не по телефону. Когда приедешь, тогда и расскажу.

Закончив разговор, Клара вышла из спальни и прошла на кухню. Свекровь искоса бросила на нее настороженный взгляд и спросила:

– Кто звонил?

Невероятный гнев охватил Клару, она поджала губы, чтобы не сорваться, и попыталась успокоиться. Ругаться со свекровью было бесполезным делом: та от ссор испытывала огромное удовольствие и прилив бодрости, а Кларе после выяснения отношений нужно было долго приходить в себя. Поэтому со свекровью она решила действовать старым проверенным способом – через мужа.

– Моя подруга, – ответила Клара как можно мягче, – есть проблемы в магазине, мы обсуждали, как их решить.

– Зачем вам эта цветочная лавка? – недовольно фыркнула свекровь и надменно добавила: – Это не уровень Аркаши. Ему, наверное, неловко перед коллегами из-за того, что его жена – торговка цветами.

– Разве? А он мне предложил открыть второй магазин в Элисте, – таким же тоном ответила Клара.

– Это еще раз доказывает, как он тебя любит, – сказала Елизавета Степановна и наиграно закатила глаза. Затем ткнула в Клару указательным пальцем и разразилась длинной речью: – А вот любишь ли ты его? Вот в чем вопрос! Твое поведение после переезда было жутко эгоистичным! Нужно соизмерять масштабы бизнесов, дорогая. Мой сын всеми силами стремится обеспечить семью, а что делаешь ты? Пьешь яд. Ума на большее не хватает? Психика, оказывается, у нее слабая, а у кого она сильная? Думаешь, ты единственная, у кого возникли проблемы? Мой сын устраивает дочь в школу и на музыку, нанимает няню, перевозит мебель, раскладывает по шкафам твои вещи, перекрашивает стены, параллельно решая рабочие вопросы в новой должности, проводит аудит компании, готовится к совещаниям и командировкам, а где ты в этот момент? С важным видом решаешь, какие цветы закупить для продажи и собираешь букеты? Клара поняла, что это только начало монолога, поэтому вышла из комнаты, громко хлопнув дверью. Накинув куртку и наспех обув ботинки, она выскочила на улицу и поспешила в сторону сквера. Слезы наворачивались на глаза, дышать становилось все труднее и труднее. Чтобы хоть как-то справиться с захлестнувшей ее обидой, она побежала что есть силы. Пробежав через сквер, она почувствовала, как закололо в боку, остановилась и отдышалась.

Чуть успокоившись, Клара решила позвонить мужу и обговорить все вопросы, связанные с пребыванием не в меру агрессивной свекрови в их квартире. Но, ощутив карманы, поняла, что мобильный телефон забыла дома. Возвращаться в квартиру, которая ей и без свекрови была ненавистна, Кларе не хотелось. До школы было недалеко, и она решила подождать дочь в вестибюле. В голове постепенно созрел план – план побега.

Клара дождалась Полину, но, вместо того, чтобы пойти домой, отвела дочь в сквер. Они сели на скамейку и мать постаралась доходчиво и спокойно объяснить дочери, что ей нужно уехать на неопределенное время. Сначала Полина куксилась, но Клара как можно мягче рассказала ей, в какую ситуацию попала, добавив, что ее несправедливо обвиняют в том, чего она не делала. Клара также

коснулась темы попытки самоубийства и заверила дочь, что она никогда бы этого не сделала. Под конец разговора Полина не сводила с матери глаз.

– Поля, мне нужна твоя помощь.

– Все, что смогу, мамуля.

– Под любым предлогом уведи бабушку из дома. Скажи, например, что хочешь с ней погулять. Я напишу тебе записку и положу в портфель, ты ее отдашь папе, когда он ляжет спать. Главное, чтобы бабушки в этот момент рядом с ним не было, понимаешь?

Дочь кивнула головой и шепотом, словно боясь, что ее кто-то услышит, произнесла:

– Я на твоей стороне, мамуля, я тебе верю.

Клара поцеловала дочь в лоб и крепко прижала к груди. В этот момент Полина была единственным близким ей человечком.

Вернувшись домой, они пообедали и прошли в детскую – выполнять домашнее задание. Елизавета Степановна, сидя на диване в гостиной, делала вид, что читает книгу. На самом деле ее зоркое око неустанно следило за снохой. Не то чтобы Елизавета Степановна была плохой женщиной, нет! Но информацию о семье сына она получала только со слов Аркадия – и те эмоции, что она выплеснула на Клару во время их последнего разговора, полностью отражали видение сложившейся ситуации ее сыном. Впрочем, сейчас это все уже не имело для Клары значения: она решила сосредоточиться на событиях, связанных со смертью Уварова, обелить собственное имя, а уж потом решать, что ей делать с семейной жизнью. Хотя подсознательно она все уже решила. Ее тревожил лишь один вопрос: как разойтись с мужем, не ранив психику дочери?

Сделав уроки, Полина подошла к бабушке и сказала:

– Не хочешь погулять?

Не ожидавшая такого внимания со стороны внучки Елизавета Степановна расплылась в улыбке и, не мешкая, согласилась. После этого начались шумные сборы и обсуждение маршрута прогулки.

Когда дверь за ними наконец-то закрылась, Клара прошла в гардеробную, раскрыла чемодан и начала быстро заполнять его необходимыми для поездки вещами. Еще никогда в жизни она не собиралась так быстро: ее руки проворно укладывали пуловеры и джинсы, которые она могла носить как в гостинице, так и на работу. Через пятнадцать минут чемоданы уже стояли в прихожей, а Клара надевала куртку. Напоследок она окинула квартиру взглядом и чуть печально подумала: «Я даже не успела к ней привыкнуть». Клара была уверена, что в качестве хозяйки она сюда никогда не вернется.

Спустившись вниз, Клара приятно удивилась: любознательной консьержки не было на месте. То ли совпадение, то ли находчивая Полина позаботилась и об этом. Женщина вышла на улицу и пошла к скверу, где на углу в ожидании пассажиров стояло такси. Увидев клиентку, водитель встрепенулся, погасил сигарету и завел мотор. Клара села в такси и попросила отвезти ее на автовокзал.

Глава девятая

Поиск нового источника

За окном полупустого купейного вагона моросил дождь со снегом. Вдоль насыпи стелилась серо-голубоватая дымка, рассекаемая и волнуемая железнодорожным составом, следующим по маршруту «Ростов-на-Дону – Адлер». В купе все спали,

лишь Клара, сидя на нижней полке и локтями оперевшись о стол, не отрывала взгляда от мелькающих вдали огней. Мысленно погружившись в последнюю ночь с Уваровым, она пыталась вспомнить каждое сказанное им слово. В голове всплыла фраза: «Сейчас я здесь, я с тобой» – и напонила ей те невыразимые и всепоглощающие, словно сама ночь, ощущения, которые она испытала с возлюбленным. Отяжелевшие веки медленно смыкались, от чего огни за окном становились похожими на звездное небо, перечеркиваемое искрящимися лучами. Разрозненные газообразные скопления на этом воображаемом небе на глазах Клары закручивались в спирали и начинали вращаться с огромной скоростью, трансформируясь в новые звезды. Мимо них плавно и величественно пролетали бесформенные глыбы метеоритов и астероидов. Бесконечный космос манил, обволакивал и убаюкивал, обещая, что здесь она может быть в полной безопасности...

«Я всегда с тобой», – послышался до боли знакомый голос.

Клара вздрогнула и открыла глаза. За окном розовел рассвет, а часы показывали пять утра: значит, она проспала в сидячем положении около двух часов. Клара вытянула затекшие ноги, растянувшись на жестком матрасе, и с облегчением вздохнула. Как только голова коснулась подушки, глаза начали слипаться, но провалиться в сон помешал все тот же настойчивый голос.

«Сейчас я здесь, я с тобой».

Клара резко вскочила на ноги и прислушалась. Тишина – только стук колес и тихий сап попутчиков. Где-то вдалеке раздался сигнал встречного поезда. Бесшумно откатив дверь купе, она выглянула в коридор и огляделась. Никого. Наверное, ей послышалось. Она вернулась в купе и хотела лечь на свою нижнюю полку, но хорошо знакомая фраза вновь повторилась – уже отчетливо и ясно, словно Уваров находился где-то рядом и шептал ей на ухо. Мороз пробежал по коже, сердце от страха забилося быстро и гулко. Клара снова опасливо осмотрела купе: ее попутчики все еще спали. Она опустилась на полку и сжала уши ладонями.

Час от часу не легче! Теперь ее сопровождают слуховые галлюцинации! Отыскав в сумке айпод, она включила медитативную музыку и надела наушники. Голос Уварова растворился в звуках бамбуковой флейты.

Через час металлический голос проводницы возвестил о приближении поезда к Сочи. Клара открыла глаза и поднялась с постели. После утреннего туалета она собрала белье, сдала проводнице и поспешила к выходу. Когда поезд остановился, а толпа встречающих и прибывших пассажиров перемешалась на перроне, Клара не спеша двинулась к стоянке такси.

Через час она уже звонила в дверь подруги. Минутную тишину прервали торопливые шаги в коридоре. Лиля посмотрела в глазок и тут же распахнула дверь

– Привет! – удивилась она. – Не ожидала увидеть тебя так скоро.

– Ты одна? – спросила Клара, заглядывая в квартиру.

– Да, проходи, – ответила Лиля и отступила назад, пропуская подругу.

Клара вкатила в прихожую чемодан на колесиках, который оставил на полу дорожку из растаявшего снега, разулась, сняла куртку и спросила:

– А где Кирилл?

– Не знаю, наверное, у своей возлюбленной, – с некоторой долей язвительности предположила Лиля.

– Вы так и не сошлись?

– Нет, – замотала головой Лиля. – Зачем?

Клара вспомнила себя на первом триместре беременности, посмотрела на подругу и сказала:

– Ты такая спокойная, я просто удивляюсь! Ты уверена, что у тебя и ребенка все будет в порядке. Я бы на твоём месте уже на стенку лезла от переживаний.

Лиля усмехнулась, но промолчала. Собрав волосы в пучок, она прошла на кухню и жестом поманила Клару за собой.

– Завтракать будешь?

– Буду. Собиралась в спешке, ничего с собой не взяла, а в поездах еда сама знаешь какая. Если бы не соседка по купе... Вот кто тщательно подготовился к поездке – всему вагону бы хватило! – улыбаясь, ответила Клара и села за стол.

– Тебе со стороны кажется, что я спокойная, – доставая пакет молока из холодильника, сказала Лиля. – А я переживаю буквально за все: за ребенка, за раздел квартиры, за деньги. Поэтому мне придется работать до последних дней перед родами, иначе я не смогу купить все необходимое для малыша.

– Кирилл хочет делить квартиру? – нахмурилась Клара.

– Думаю, да. Он ищет варианты размена. Мне он пока ничего не говорил, но сюда приходила странная парочка, все высматривали и расспрашивали. Мне показалось, что они – риэлторы.

– Я бы ему все глазенки выцарапала за такое! А ты молодец, держишься.

– Никаких волнений. Я дала себе слово, – твердо произнесла Лиля и невольно погладила себя по животу.

– По поводу работы ты не беспокойся, можешь работать до последнего. И с родами мы тоже что-нибудь придумаем.

Лиля недоверчиво посмотрела на подругу и сказала:

– Аркадий тебе что, ничего не сказал?

– Нет. А что?

– Он звонил мне, когда ты лежала в больнице, и сказал, что после новогодних праздников продаст магазин. Он уже ведет переговоры с бывшим репетитором Полины по музыке, как его? Юлий Моисеевич? Он приходил вчера в салон, все придирчиво расспрашивал.

На минуту Клара потеряла дар речи. Она смотрела на подругу, пытаясь осмыслить только что сказанное. Затем насупилась и сложила руки на груди.

– Он не сможет этого сделать, даже если сильно захочет. Фирма открыта на мое имя. Аренда оформлена на фирму. Вставлять палки в колеса собственной жене ему нет резона. Я исправно отдаю часть доли, вложенную им в магазин.

Лиля не стала ей возражать – предпочла, чтобы супруги самостоятельно решили спорный вопрос. Она сварила геркулесовую кашу, поставила перед Кларой два вида варенья, и они приступили к завтраку. Покончив с кашей, Клара спросила:

– Что ты хотела мне рассказать?

Лиля отодвинула тарелку, налила себе чай и, собравшись с духом, начала пересказывать разговор со следователем. По ее словам, Коваленко вел себя очень странно, явно что-то недоговаривал, и только по характеру вопросов можно было проследить ход его мыслей. Он считал Клару виновной чуть ли не во всех грехах, начиная с истории с утопленником и заканчивая гибелью Уварова. Со смертью Уварова тоже не все чисто. Дело о его убийстве окутано тайной: кто мог его убить, за что – нет ни малейших подозрений. Даже где было совершено убийство,

Оксана так и не смогла выяснить. Что она знала наверняка – так это то, что никто из родственников не приходил на опознание.

Выслушав рассказ подруги, Клара резюмировала:

– Опознать его могли и коллеги, но, думаю, дело не в этом.

– А в чем?

– Опознания не было, потому что нет трупа.

Лиля удивленно вскинула на нее глаза.

– Нет тела, поэтому он и спрашивал про грузовик. Думал, что я куда-то вывезла труп Уварова.

– Но Уварова действительно убили, я видела в руках Коваленко целую кипу фотографий. Тело доставили в морг. Это Оксана узнала точно, ее подруга из морга подтвердила.

– Тела нет, – продолжала настаивать Клара, – иначе я следствию была бы не интересна. А так они думают, что я помешалась на Уварове и выкрала его тело, – ее лицо исказилось в иронической ухмылке. – Устроила ему мемориал в тайном склепе, утыкала свечами...

– Клара, ты, пожалуйста, не вмешивай меня в эту мистику, – взмолилась Лиля, – мне только исчезнувших трупов не хватает для полного счастья.

Слова подруги напомнили Кларе об истинной цели приезда. Она поднялась, чмокнула Лилю в щеку и побежала в коридор обуваться.

– Я поживу у тебя недельку? – на ходу поинтересовалась она.

– Могла бы и не спрашивать, – ответила Лиля, убирая посуду в раковину.

– Я поеду к Коваленко, потом заскочу в магазин.

– А что сказать твоему мужу, если он будет звонить? – спросила Лиля, выглядывая из кухни.

– Скажи, что у меня есть мобильный телефон, – многозначительно произнесла Клара и вышла из квартиры.

Снег, редкий гость субтропиков, этим январским утром падал на сочинский асфальт крупными хлопьями и тут же таял. На улице было безлюдно: редкие прохожие, спрятав лица под капюшонами, перешагивали через огромные лужи и спешили заскочить в припаркованные автомобили или ближайšie здания. Клара добралась до управления на такси. Расплатившись с водителем, она вышла из машины и направилась к центральному входу. С проходной женщина набрала телефон Коваленко, представилась и, услышав его удивленное «Алло», сказала:

– Я в фойе управления, мне необходимо с вами поговорить.

Несколько секунд в трубке стояла тишина, затем Коваленко выдавил из себя холодным тоном:

– Подойдите к дежурному, я скажу, чтобы вас пропустили.

Через десять минут она постучала в дверь уже знакомого ей кабинета. Это был тот же кабинет, в котором она подписывала свои показания два месяца назад – разве что без таблички с фамилией Уварова.

– Можно? – спросила она, заглядывая внутрь.

Коваленко, облаченный в водолазку и синий двубортный костюм, еле заметно кивнул и указал на стул. За столом Юрия сидел коротко стриженный розовощекий молодой паренек. По его реакции Клара поняла, что это такое – быть подозреваемой по делу об убийстве сотрудника полиции. При виде нее паренек первым делом проверил наличие наручников на поясе, затем стал сверлить ее уничтожающим взглядом, всем своим видом показывая, что гулять на свободе ей

осталось недолго. Как только Клара села на предложенный стул, в кабинет под разными предлогами заглядывали сотрудники управления. Ее пронизывали ненавидящие взгляды, в которых читалось: «Не выдержала вины и сама пришла с повинной».

Беседа с Коваленко длилась больше двух часов и скорее была похожа на допрос с пристрастием, но Клару это не смущало. Она сразу выбрала тактику максимальной откровенности и отвечала на все вопросы подробно и правдиво, не теряя самообладания. За все время допроса следователи не предложили ей воды, зато дымили как два паровоза, выкуривая одну сигарету за другой. Из-за этого у Клары разболелась голова: она постоянно откашливалась, потирала слезившиеся глаза и то и дело брала паузу, чтобы собраться с мыслями. Поначалу Коваленко держался холодно и отстраненно, но под конец допроса немного смягчился и даже предложил ей кофе. Он дал знак молодому сотруднику и тот вышел из кабинета.

– Значит, вы продолжаете утверждать, что Юрий Уваров, будучи раненным, пришел в коттедж ближе к трем часам ночи?

Клара кивнула и повторила:

– Он был голодный, в потрепанных шлепанцах, в пальто и шляпе, которые нашел на помойке.

– И он был ранен, но в остальном был в порядке?

– Да. Рана была, но кровотечения не было. Он сказал, что ничего у него не болит.

– Покажите мне, где у него было ранение? – попросил Коваленко, протягивая графический рисунок фигуры мужчины.

Клара пометила крестиком место ранения и вернула рисунок следователю. Тот посмотрел на рисунок и озадачено хмыкнул.

– Что ж, давайте на минуту предположим, что следователь Уваров ошибочно был признан мертвым. Мы даже предположим, что время смерти в протоколе было указано неверно. Юра очнулся в морге, не помня, что с ним произошло, каким-то чудом выбрался из охраняемого здания, нашел одежду на помойке и приехал к вам.

Клара поняла, что ее догадка об исчезнувшем труп Уварова только что подтвердилась. Она кивнула, ожидая его дальнейшего комментария. Коваленко несколько секунд молчал, обдумывая только что сказанные им же слова, затем продолжил:

– Мы даже предположим, что он получил просто царапину, а не смертельное ранение, и рана каким-то чудом быстро затянулась. Он поел, поспал, даже занимался с вами любовью...

Клара опять кивнула.

– ...но если так, почему он не вернулся домой или на службу? Не позвонил родственникам, друзьям или коллегам? Ведь прошло уже больше месяца! Где он тогда, по-вашему?

– Я не знаю, – откровенно ответила Клара и развела руками, – не знаю. Поверьте, больше всего на свете я хочу, чтобы он объявился и сказал, что все это – его чертовы шуточки.

Коваленко такой ответ не понравился, он тяжело вздохнул, откинулся на спинку стула и спросил:

– Вы когда-нибудь были в квартире Уварова?

– Да. Даже спала там несколько часов.

– Когда это было?

– Днем после ограбления.

Следователь сделал пометку в блокноте, затем поднял глаза и несколько секунд, не отрываясь, смотрел на Клару в упор. После паузы Коваленко сказал:

– Чтобы принять ваши показания и начать разрабатывать новую версию следствия, мне нужно, чтобы вы прошли психиатрическое освидетельствование и проверку на полиграфе.

– Я согласна, – с готовностью произнесла Клара.

– Вот и хорошо, – с довольным видом ответил следователь, словно уже доказал ее виновность.

Оставшийся день и последующую ночь Клара провела в управлении. Когда два эксперта – психиатр и специалист с полиграфом закончили свою работу, за нее взялись два других следователя, которых Клара раньше не видела. Они засыпали ее вопросами, открыто насмехались над «тупым алиби» и несколько раз хладнокровно доводили до слез. На ее мобильный телефон то и дело приходили сообщения от Аркадия, Лили и даже Юлия Моисеевича, который осторожно прощупывал почву насчет покупки салона. В ответных сообщениях она отвечала, что работает со следствием и говорить не может. Под утро дверь кабинета открылась и в комнату, шаркая ногами, вошел Коваленко с дымящейся кружкой кофе в руках и папкой подмышкой. В зубах у него торчала потухшая сигарета. Несмотря на то, что он тоже не спал всю ночь, настроение его было боевым, хоть и несколько удивленным.

– Итак, пришли протоколы тестов и заключения специалистов – полиграф говорит, что вы правдивы, а психиатр, что здоровы. Он даже удивлен, что вы пытались покончить с собой.

– Потому что я не пыталась, – уставшим голосом ответила Клара.

– Возможно, – задумчиво процедил следователь и, закрыв папку, уставился на Клару. – Тело Уварова не просто пропало из морга: вместо него там оказался совсем другой человек.

– Я могу его увидеть?

Коваленко вынул из папки фотографию и протянул ее Кларе. На фото был запечатлен труп старика с испещренной глубокими морщинами кожей. Клара старалась разглядеть черты его лица, но сделать это было очень сложно.

– Дайте мне фотографию Тихонова, – попросила она, не отрываясь от фото.

– Тихонову нет еще шестидесяти, а в морге – труп старика, биологический возраст которого около ста лет, – напомнил следователь и нехотя протянул фотографию Тихонова.

Клара сравнила фото и сказала:

– Говорю вам, это Тихонов. Разыщите его ДНК – и делу конец.

Почесав затылок, Коваленко еще раз посмотрел на снимки и нахмурился. В этот момент, Клару осенило:

– Юра говорит, что должен вылететь в Ереван к другу. Вы можете найти его контакты и узнать, был ли он там?

– Проверял. Его там не было, – ответил следователь, проштамповал ее пропуск и поднялся со стула, давая понять, что допрос закончен. – Вам есть, где остановиться?

– Да, я буду у подруги.

– Сколько вы еще пробудете в Сочи?

- Столько, сколько потребуется, – многозначительно ответила Клара и положила пропуск в карман джинсов.
- Держите телефон включенным. Возможно, вы мне еще понадобится. Вас подвезти? Я еду в центр.
- Нет, спасибо, пройду пешком.

Здание следственного управления осталось далеко позади. Клара бесцельно брела по заснеженной улице, а навстречу ей спешили горожане, опаздывающие на работу. Слабость и опустошение, навалившиеся после многочасовых допросов, отняли последние силы, поэтому ехать в цветочный салон не хотелось. Она глубоко вдыхала морской морозный воздух, прочищая легкие от запаха сигаретного дыма. На ресницы налипал и тут же таял пушистый и легкий, словно птичье перышко, снег. Все мысли были только об Уварове. Пока Клара находилась среди его коллег, то не сомневалась, что он жив. Ей даже показалось, что эта уверенность передалась Коваленко, который явно чувствовал вину за произошедшее. За последние две недели он сильно сдал. В перерыве между допросами он охрипшим от недосыпа голосом обмолвился:

– Это я виноват в том, что произошло с Юркой. Недоглядел.

Клара видела, сколько боли скрыто в его словах, и ей стало немного легче – в своем горе она была не одна. Рядом были люди, которые так же скорбели и так же, как и она, металась от версии к версии: то в один голос утверждали, что «Юрка живчик – переживет любого», то резко мрачнели, чувствуя, что надежда на чудесное воскрешение рассыпается в прах. На допросе Клара предположила, что амнезия Юрия могла быть не такой поверхностной, как ей показалось на первый взгляд, и после сна могла усугубиться – в таком случае, есть смысл поискать его в больницах и приютах для бездомных. Но ей дали понять, что и эту версию давно отработали.

Когда Клара вышла на улицу и стряхнула с себя казенный сигаретный смог, мысли сразу прояснились и навалились сомнения. А что, если Юрий действительно умер? Она боялась, что его тело обнаружат через несколько дней в каком-нибудь общественном месте – так же, как было обнаружено тело бедняги утопленника.

«Уваров, ты же говорил, что мы всегда будем вместе», – с горечью мысленно упрекнула его она.

«Я всегда с тобой», – тут же отозвался голос Юрия.

Сжав голову, Клара громко застонала и ускорила шаг, который быстро перешел в бег, и уже через минуту она неслась по улице с раскрасневшимся лицом и растрепанными волосами. Дыхание сбилось, на щеках блестели дорожки от слез, она хватала ртом воздух и никак не могла отдышаться. Когда наконец-то Клара успокоилась и остановилась, то ахнула: ноги сами, через весь город, принесли ее к дому Юрия. В этот момент в его подъезд, опираясь на палочку, заходила старушка, и Клара, ни на секунду не усомнившись в своей затее, проскочила следом за ней. Перемахнув через несколько лестничных пролетов, она встала перед квартирой Юрия и прильнула к двери. Несколько раз рука тянулась к звонку, но в последний момент наваливались сомнения, и Клара отходила к лифту. Набравшись храбрости, она все же заставила себя позвонить. В квартире было тихо. Переминаясь с ноги на ногу, она постояла перед дверью еще с минуту

и нажала кнопку вызова лифта. Кабина с шумом двинулась вверх. В этот момент она услышала отчетливый скрип двери, обернулась и не поверила своим глазам: дверь в квартиру Уварова приоткрылась. Медленно, с опаской она двинулась к двери.

– Есть тут кто? – спросила она, заглянув внутрь.

Опять тишина. Клара шагнула в квартиру, прикрыла за собой дверь и прислушалась. На кухне все еще работает холодильник, на стене тикают часы, из крана в ванной комнате монотонно капает вода...

Клара медленно обошла комнату за комнатой, вспоминая, как лежали предметы в последнее ее посещение. По запаху моющих средств, которыми нещадно пропахла вся квартира, она поняла, что кто-то совсем недавно делал здесь влажную уборку. Черный костюм Уварова висел на вешалке, прикрепленной к двери. У письменного стола стояли начищенные лаковые туфли того же цвета. На кровати лежали новые носки и нижнее белье в упаковке. Она уже хотела выйти из квартиры, но в коридоре послышались шаги и приглушенные голоса. Оглядевшись по сторонам в поисках укрытия, Клара шмыгнула в шкаф-купе, задвинула дверь и прижалась к стене. Дверь квартиры распахнулась, и Клара услышала голоса Коваленко и пожилой женщины, которая всхлипывала и причитала.

Клара замерла, стараясь не дышать. Она молила только об одном: хоть бы мобильный телефон не выдал ее местоположения.

– Я приготовила для него вещи. Можешь ты сейчас их заберешь?

– Нет, – ответил Коваленко, – заеду за ними, когда назначат дату похорон.

– Тока рубаху не знаю, какую дать. Белых-то новых нет. Можешь цветную? Он голубую любил.

– Нет. Я куплю белую новую.

Судя по доносившимся звукам, Клара поняла, что Коваленко сел на диван, придвинул пепельницу и закурил.

– Когда схоронят-то его? – спросила женщина и громко всхлипнула.

Коваленко не торопился с ответом. Он глубоко затянулся и медленно, с шумом выдохнул струю сизого дыма.

– Не знаю, Клавдия Петровна, следствие еще не окончено.

– А шо с квартирой его будя? Жинке бывшей отойдет?

– Квартира завещана сыну.

– Она приходила ко мне давеча, все спрашивала о нем. Когда, мол, я его видела, когда в квартиру приходил?

– А вы что ей ответили? – насторожился Коваленко.

– Как было сказала. Чаво мне, старухе-то, врать?

– А она что?

– Плакала. Говорила, что любит его до сих пор.

– Она всех любит, – огрызнулся Коваленко.

– И то правда. Угораздило его с ней спутаться после армии. Говорила я ему, дурная девка, не жанись, а он хоть бы хны. Не слушал никого.

Коваленко затушил сигарету и поднялся с дивана.

– Клавдия Петровна, если вы закончили, мне нужны ключи от квартиры. С завтрашнего утра здесь будут дежурить наши ребята.

– Ишь ты! Зачем это?

– Я не могу сказать.

– Это бабке Клаве сказать не можешь? Ишь ты, – проворчала женщина и снова всхлипнула.
– Не могу я, – резко ответил следователь, – сам еще во многом не разобрался.
– Убийцу-то нашли?
– Нашли. Далеко не ушел, гад. Только и тут проблемы... Да ладно... Я и так много сказал.
– Ты посади его, не должен он по улице разгуливать.
Женщина запричитала и пошла к двери. Следователь вышел за ней следом, дверь хлопнула, послышался поворот ключа и удаляющиеся голоса.
«Вот только я могу так вляпаться», – подумала Клара.

Когда шаги и голоса совсем стихли, Клара вышла из своего укрытия. В гостиной было накурено, открыть окно она побоялась – Коваленко все еще не покинул здание, поэтому расположилась на кухне за столом, где воздух пропитался запахом кофейных зерен и бергамота. Пальцы все еще нервно подрагивали, вдобавок Клару подташнивало от пережитого стресса. Что делать дальше? Позвонить Коваленко и признаться, что она находится в квартире Уварова? Но он только начал ей доверять, а тут узнает, что она стояла в шкафу и подслушивала. Ее положение было таким глупым, что нарочно не придумаешь. Немного поразмыслив, Клара решила немного подождать: может, Коваленко заглянет сегодня еще раз или, как поведал в разговоре с Клавдией Петровной, даст ключи следователям, которые будут дежурить в квартире. Тогда у нее есть шанс выскочить незамеченной.

Клара заварила чай, достала из кухонного шкафчика мед и села за стол рядом с окном. Звонкий детский смех доносился с игровой площадки. Аномальное для Сочи обилие снега вызвало головную боль у городских служб, но дети от души радовались редким белым осадкам и не собирались упускать момент для игр. Чтобы как-то скоротать время, Клара вынула из сумки пакет, в котором лежали листки из дневника Тамары, и начала читать.

«Я быстро привыкла к новому имени – Лаура. Мне так часто приходилось менять имена, что новое казалось ничем не хуже других. К тому же оно удачно подходило к моему нынешнему облику. Первый год с полковником прошел безупречно: мы переехали в загородный дом и тщательно изображали счастливую супружескую пару. Я воспитывала его дочь – Катрину. Девочка была немного странной: ее привлекало все, что было связано со смертью. Несколько раз она убежала в лес, находила там мертвых животных, складывала их в коробки и хранила у себя под кроватью, пока прислуга не выбрасывала трупы из-за запаха.

Мы вели уединенный образ жизни: полковник тщательно оберегал нашу тайну и не хотел, чтобы девочке кто-то сказал о подмене мамы. Изредка приезжающие

близкие родственники поражались моему сходству с его покойной женой, но утверждали, что у меня совершенно иной характер.

За год совместного проживания полковник очень изменился. И хоть улыбался он так же редко, как и раньше, но от него больше не веяло холодом и надменностью. Он все больше времени проводил со мной и дочерью, начал чаще смотреть мне в глаза, говорить комплименты, приглашал меня на вечерние прогулки по саду. Я понимала, что у него назревает ко мне какой-то разговор, но о чем конкретно, не догадывалась.

В один из дней мы приехали в Москву – это случилось накануне распада Советского Союза. В поездке нас сопровождали три офицера внутренних войск. У полковника была деловая встреча, а нас с Катриной разместили в гостинице.

Момент, когда все изменилось, я помню как сейчас: мы обедали с Катриной в ресторане. Мимо нас прошла парочка, женщина обернулась и воскликнула: «Тамара! Это ты? О боже мой! Да тебя не узнать!» Я вздрогнула, повернулась и узнала Алену, девушку с которой училась в Усть-Каменогорске на закройщицу. Как она меня узнала через столько лет, ума не приложу. Катрина отреагировала быстрее меня: девочка сказала, что ее мамочку зовут Лаура, что тетенька обозналась, а я деликатно подтвердила слова «дочери», нарочно придав своему голосу латышский акцент. Но провести Алену было не так просто. Усевшись вместе со спутником за заказанный ими столик, она сверлила меня настойчивым взглядом. Заметив эту ситуацию, один из охранников немедленно сообщил полковнику. Не успели мы подняться в номер, как он залетел с разъяренным видом и стал расспрашивать меня об Алене. Катрину увели в детскую, и я слышала, как девочка отчетливо закричала по дороге: «Не трогай маму, ты снова ее сломаешь!» На меня навалился жуткий страх. В голову закрались сомнения: а не убил ли он собственную жену?

Я подробно рассказала, при каких обстоятельствах мы познакомились с Аленой и как расстались. Полковник внимательно меня выслушал и успокоился. Наверное, этим бы все и закончилось, но в дверь постучали, охранник приоткрыл дверь и сказал, что со мной хочет поговорить подруга детства. Я сразу поняла, что это Алена, и мысленно выругалась.

Полковник, конечно, не мог допустить этого разговора, и меня отправили через смежную дверь в соседний номер. Я слышала задиристый тон Алены, потом ее ехидный смех, затем глухой стук и звук упавшего тела. Затем наступила долгая и мучительная тишина. Я закричала, начала бить в дверь кулаками, умолять его пощадить ее. Говорила, что она – никто, пустышка, что мы уедем и все будет по-прежнему. Но меня никто не слышал.

Когда стемнело, открылась дверь, на пороге я увидела полковника. Он сказал, что моя подруга упала в обморок и ударилась головой о край стола; что сейчас она лежит в больнице, но с ней все будет хорошо. Увы, я знала, что это не так: нутром чувствовала, что несколько часов назад он забрал жизнь ни в чем не повинной женщины.

Он приказал мне собрать вещи, и мы поспешно съехали. С этого момента я ощущала себя восковой куклой: у меня пропал интерес к жизни, точнее, события мелькали передо мной, будто кадры из фильма о чьей-то чуждой жизни... не моей. Я не чувствовала вкуса пищи, не ощущала радости. В первую очередь от этого страдала Катрина. Она первой заметила во мне перемены и тут же накричала на отца: «Ты все-таки ее сломал!».

Вечером одна из ее нянь рассказала мне, что я уже не первая из тех, кто был представлен Катрине в качестве родной матери. Девочка все понимала, просто воспринимала это как игру. Полковник пытался со мной поговорить, но я не реагировала на эти попытки. Я физически чувствовала, как день за днем умирает моя душа.

Через месяц меня снова привезли в дом на окраине Юрмалы и поселили на мансардном этаже. Моя прежняя тюрьма распахнула для меня объятия, но только теперь я поняла, как гуманно со мной поступали прежде. Я знала, что своими ногами отсюда уже не выйду. Меня ждала одна дорога – на тот свет. Это знала я, это знала и Вилма. Мою спальню вновь запирали на ключ, но теперь не было совместных завтраков и ужинов. Полковник отдалился от меня. Зато у меня появился новый посетитель – врач-психиатр. Он навещал меня раз в неделю, а Вилма зорко следила за приемом прописанных им лекарств.

Лечение не помогало, мое состояние ухудшалось, и в один из дней полковник посетил мою спальню. Он сказал, что сожалеет о произошедшем и хочет все

исправить. Я ответила, что смерть исправить нельзя. Мои слова явно задели его за живое и он резко сменил манеру поведения».

На нескольких листах Тамара описывала, как подвергалась психологическому прессингу и запугиванию со стороны полковника. В течение месяца он ежедневно посещал ее спальню и требовал от нее покорности и исполнений их договоренности, а не получая в ответ нужных слов, жестоко избивал. Тамара в красках описывала все садистские приемы, которыми он пользовался. Судя по обилию зачеркнутых слов, эта часть дневника далась ей с особым трудом.

«Я настолько привыкла к его угрозам и избиениям, что воспринимала их как должное. Ни на один день он не прерывал свой ритуал. Однажды я не выдержала и попыталась перерезать столовым ножом себе вены. После этого ко мне приставили сиделку, которая неотступно следила за мной. Дозу лекарств удвоили, и я вообще перестала хоть что-то соображать. Из-за слабости в теле я перестала ходить, а затем и вставать с постели.

В таком состоянии я пробыла около полугода. За это время страны, в которой я родилась, страны, занимавшей одну шестую часть суши, не стало. Латвия оказалась самостоятельным государством со своими паспортами и новой валютой.

Шел 1992 год, я все еще находилась в заложницах у полковника-психопата. В один из дней в комнату вошел высокий мужчина в белом халате. Лица я не разглядела – привычная пелена застилала глаза, но его голос я узнала сразу. Это был голос Тихони!

Я не знала, как, но была уверена, что он вытащит меня из этого ада».

Стемнело. Строчки дневника начали плясать и сливаться перед глазами. На кухне стало невозможно читать даже рядом с окном, вдобавок Клару клонило ко сну. Она прошла в гостиную и сложила дневник в сумку. В квартиру никто так и не пришел. Клара позвонила Лиле, предупредила, что придет только утром, и отключила телефон. Затем легла на диван и укрылась пледом, пропахшим одеколоном Юрия. Вдохнув знакомый аромат, Клара вспомнила его манеру двигаться, говорить и, конечно, самодовольную улыбочку. Слезы навернулись на глаза, и она тихо заплакала.

Шелест целлофана заставил Клару проснуться, она открыла глаза и прислушалась. По спальне кто-то быстро и бесшумно передвигался. Входная дверь в квартиру открывалась с характерным громким скрипом, и она не могла не

услышать, если бы кто-то зашел в квартиру. Страх сковал все тело. Липкий пот покрыл лицо и ладони. Клара подумала, что пришел Коваленко или кто-то из следователей, и решила пока свет не включать. Звуки шагов приблизились, кто-то стоял у комода. Судя по дыханию, это явно был мужчина. Затем скрипнула дверь в спальню. Послышался легкий металлический лязг и шуршание одежды.

«Кто-то снял с вешалки костюм», – догадалась Клара.

Она вжалась в диван, надеясь, что под пледом ее никто не заметит. Сердце быстро заколотилось.

«Моя сумка на самом виду», – с ужасом вспомнила она.

Любопытство снова пересилило: Клара осторожно высунула голову из-под пледа и стала всматриваться в темноту. Ночной гость все еще находился в спальне. Затем дверь резко открылась и на пороге появилась мужская фигура в костюме, светлой рубашке и туфлях. В тишине отчетливо слышался звук шагов. Мужчина прошелся по квартире, выдвигал и задвигал ящики – видимо, что-то искал.

Клара набралась смелости и нащупала выключатель на проводе от торшера. Вспыхнул свет, мужчина резко обернулся и на несколько секунд замер, будто в нерешительности. Он стоял в углу комнаты рядом с комодом, его лицо было скрыто темнотой. Затем он сделал шаг вперед, и Клару будто пронзило током: это был Уваров!

Вскрикнув, Клара попыталась вскочить с дивана, но он приложил палец к губам и сказал:

– Тише. Нас никто не должен услышать.

От страха Клара онемела. Ее руки дрожали так, что отбивали в воздухе подобие чечетки, в висках ритмично и гулко пульсировала кровь. Через минуту она обрела дар речи и тихо спросила:

– Ты жив?

Он подошел к дивану, сел рядом с ней и с усмешкой ответил:

– Конечно, жив.

– Но все считают тебя мертвым. В тебя стреляли.

– То-то с двери моего кабинета сняли табличку, – усмехнулся Уваров.

Он произнес это так просто, как будто текущая ситуация была обыденным делом. Клара смотрела на него расширенными от ужаса глазами и не могла поверить, что перед ней сидит живехонький Уваров. Где он был все это время? И что с ним не так? Здоров ли он? В его манере что-то изменилось: он двигался более плавно, чем всегда, иначе говорил...

– Из-за тебя я думала, что схожу с ума, – упрекнула его Клара.

– Не ты одна.

– Мне нужны объяснения.

– И мне, – шутливо произнес он, но через секунду добавил: – Пока у меня их нет. Я кое-что начинаю вспоминать, урывками, нет всей картинки. Одно я знаю наверняка: нам нельзя привлекать к себе внимание.

Щелкнул выключатель, и гостиная снова погрузилась в темноту. Юрий взял руку Клары и продолжил рассказывать то, что помнил:

– Мы с Коваленко приехали на вызов. Это было убийство. Мы начали собирать показания соседей, я позвонил в квартиру этажом ниже. Открыла женщина – лицо белое, как полотно, руки дрожат. Я сразу понял, что что-то не так, она была сильно испугана. В квартире громко плакал ребенок. Я хотел пройти на кухню и там задать ей несколько вопросов, но дверь ванной внезапно открылась, из нее

выскочил мужик и пальнул мне в печень. Коваленко был с экспертами, услышав выстрел, побежал на подмогу. Пока они поняли, в какой я квартире, стрелок скрылся. Оказалось, что у хозяйки квартиры муж только вышел из тюряги и что-то там с соседом не поделил, туда-сюда, бах – и сосед уже труп. Мужик у себя в хате залег, а жене сказал не высовываться. А тут я, здрасьте-приехали. Вообще-то я не должен был заходить в квартиру один, но мне так хотелось поскорее все закончить и поехать к тебе, что...

На глазах снова предательски проступили слезы, сердце защемило, но Клара сдержала себя, боясь упустить хоть слово из рассказа Юрия.

– Коваленко прибежал, увидел меня, вызвал «Скорую». Помню, женщина и ребенок сильно плакали, а я все повторял: «Тише, тише, дайте мне немного тишины».

Клара всхлипнула, по ее щеке скатилась слеза, Юрий еще сильнее сжал ее руку и поцеловал. Его губы были горячие и сухие.

– Когда приехали врачи, тела я уже не чувствовал и не мог говорить. Видел, что Коваленко весь перепачкался моей кровью, зажимая рану. Потом картинка начала удаляться, будто меня уносило куда-то вдаль. Голоса стали еле различимы, я провалился в темноту. Потом будто включили яркий свет, но источника света я не видел. Передо мной стоял древний морщинистый старик, в чем мать родила, и улыбался. Он долго что-то мне говорил, я не помню что, а потом снова мрак. Когда очнулся в следующий раз, то увидел, что стою посреди морга. Кругом синюшные покойники с бирками на ногах, дубак невыносимый. Я быстро проскочил мимо дежурного, пока тот трепался с женой по телефону, и спрятался в пустой «Скорой», которая была припаркована рядом с выходом. Через час, когда я уже порядком закоченел, вышел водитель и завел мотор. «Скорая» довезла меня до окраины города, на перекрестке водитель притормозил перед светофором, я выскочил и голым побежал по пустынной улице. По пути мне попалась помойка, я нашел там пальто, шлепки и шляпу. Потом добрался до коттеджа, а дальше ты знаешь.

– А куда ты утром ушел?

– Я не уходил.

– Как это? – удивилась Клара.

– Утром я очнулся в машине и что за напасть? Я опять голый! Вот умора! Ключи в замке зажигания. Рядом на сиденье лежит сверток с пузырьками. На заправке упросил мужика дать мне спецовку, рассказал ему сказочку, что муж моей зазнобы внезапно приехал и мне пришлось срочно уносить ноги. Он поржал, конечно, но из мужской солидарности помог, – улыбка сошла с лица Уварова, он нахмурил лоб и продолжил уже серьезным тоном. – Сам не пойму, как, но я знал, что мне нужно ехать в Элисту, искать тебя. Сознанием я понимал, что надо позвонить Коваленко, все объяснить, но тело мне не повиновалось. Было ощущение, что кроме тебя никого на свете нет, а ты – в опасности, и самое главное – это ехать спасать тебя.

– Значит, ты действительно был в Элисте, со мной рядом? Мне это не привиделось?

– Нет. Каких мне трудов стоило тебя вернуть...

– Вернуть? Юра, ты меня отравил! – выкрикнула Клара и заплакала.

Он замотал головой, встал с дивана и начал нервно расхаживать взад-вперед.

– Нет, нет, нет. Ты не понимаешь. Твое тело умирало, а нового еще не было...

– Что ты несешь? – спросила она и тоже вскочила на ноги.

– Я не могу тебе сейчас всего объяснить. Прочитай дневник Тамары. Найди ее дочь, поговори с ней. Только прочитай дневник до конца. Мне надо идти.

– Куда? – оторопело спросила она. – Ты снова меня бросаешь?

– Я всегда с тобой... Ты меня просто не видишь, – отрывисто начал объяснять Уваров, – скоро я смогу передвигаться днем, и мы уедем.

– Куда? – с надрывом спросила она.

– Пока не знаю. Но здесь нам оставаться нельзя.

– Почему?! – почти закричала она.

– Тсс... – Юрий приложил к губам указательный палец, – не кричи... Клара, умоляю тебя, не мучай меня. Я знаю лишь то, что должен сделать в данный момент.

– И куда ты сейчас идешь? – спросила Клара, вытирая слезы.

– Пока не аннулировали мой загранпаспорт, я должен слетать кое-куда, а иначе я не знаю, как туда добраться.

– Я могу тебе помочь?

– Мне нужен горящий тур в Йемен. У тебя есть тот, кто без вопросов оформит мне тур?

Она покачала головой.

– Нет.

– Значит, ты мне помочь не можешь, – сказал он и поцеловал ее в лоб, – я люблю тебя, прости, что не сказал этого раньше. Как только увидел тебя на пляже, сразу понял, что влип. Видимо, это чувство и привлекло старика к моей персоне.

– У меня сейчас голова взорвется, – застонала Клара и со стоном сжала руками виски, – какого еще старика?

– Того, с кем я местами поменялся, – недовольно произнес Уваров.

– В морге?

– Да.

– Юра, я уверена, что это Тихонов.

– Тихонов – всего лишь тело, оболочка. До Тихонова их было сотни. Но мне пора. Время на исходе.

Только что Юрий стоял в костюме, а когда повернулся, на нем уже были черное пальто и шляпа. Клара вздрогнула и прикрыла ладонью рот. От мысли, что эта те самые пальто и шляпа, что она выбросила на помойку рядом с коттеджем клиентки, Клару бросило в дрожь.

– Зачем тебе в Йемен? – еле слышно спросила она.

Уваров на ходу обронил:

– Потому что Жупар умерла. Ты выпила последний эликсир. Нужно искать другого проводника.

Юрий исчез так же внезапно, как и появился. Ни шагов, ни звука открывающейся двери. Необъяснимое исчезновение пригвоздило Клару к полу. Что это было? Ей все это приснилось или она бредит? Тело словно окаменело. Не чувствуя собственных ног, она вышла в прихожую и огляделась. Никого. Затем заглянула на кухню, но и там было пусто. Уваров исчез. Как такое возможно?

Скрип входной двери заставил ее резко обернуться. В темноте, словно лунная дорожка на глади моря, виднелась полоска света под дверью – она-то и вывела женщину из оцепенения. Клара быстро обулась, схватила свои вещи и выбежала из квартиры. Не став дожидаться лифта, она бросилась вниз по лестнице. На

первом этаже она набросила куртку, пригладила растрепавшиеся волосы и выскочила из подъезда.

Лишь оказавшись на ночной улице, она осознала, что произошло в ту злополучную ночь, и поняла, как беспечно повела себя с Уваровым. Задавала какие-то глупые вопросы, не осознав самого главного – Уваров все-таки пережил клиническую смерть. А может и не клиническую, а самую настоящую. В это невозможно было поверить: он сидел рядом, такой реальный и полный сил, но таинственные его перемещения в пространстве косвенно подтверждали его рассказ. Загадочный старик – скорее всего, тот самый «человек в черном», не только поменялся с ним местами в морге, но и передал Юрию некие мистические возможности. Как же она могла упустить Уварова? Почему не удержала? Ей нужно было сопроводить его в безопасное место и как следует расспросить о том, что конкретно сказал ему старик. Юрий должен был вспомнить, от этого зависело их будущее!

Почти сутки Клара спала в квартире подруги, а когда проснулась, приняла решение переселиться в гостиницу. После увиденного и услышанного в квартире Уварова она никому больше не могла довериться. Клара только представила, что Юрий может посетить и квартиру Лили... Сейчас она корила себя за то, что не полетела в Йемен вместе с Уваровым. Ну почему хорошие мысли приходят всегда поздно, когда ничего уже нельзя изменить?

Когда такси отъезжало от подъезда, Клара заметила, как со стоянки резко вырулил серебристый седан, чуть не задев бампер припаркованной рядом машины, и пристроился сзади. Сначала Клара подумала, что это совпадение: мало ли, может, водитель куда-то спешил, но автомобиль упрямо не хотел отставать, а проследовал за ними до гостиницы, припарковавшись неподалеку от главного входа. Клару это чрезвычайно взволновало. По мере приближения к конечному пункту поездки ее подозрения укрепились, и лицо вспыхнуло: уж не приставили ли к ней слежку? Если да, это означало лишь одно – ей не доверяют.

Как только Клара подошла к стойке регистрации, водитель вышел из машины и тоже вошел в вестибюль, где сел у стойки бара и попросил меню. Вид у него был такой отстраненный, словно он ученый, пытающийся решить математическую головоломку, за которую ему непременно дадут нобелевскую премию. Сомнений не оставалось: за ней следили. Широкоплечий шатен невысокого роста, на вид лет тридцати пяти, заказал кофе и выбрал десерт. Клара постаралась запомнить его бульдожье лицо и направилась к лифту.

Заселиться в тот же номер (в прошлый раз Кларе понравился открывающийся из него вид на море), не удалось. Хотя это был тот же этаж, но панорама была безнадежно испорчена широкими бетонными балками, которые загораживали добрую половину окон. Клара разобрала вещи, приняла душ и расположилась на диване с дневником в руках. Уваров посоветовал дочитать дневник до конца, намекая, что в нем она найдет ответы, которые прольют свет на создавшуюся ситуацию, поэтому Клара собиралась уделить чтению максимум своего времени.

«Новый доктор назначил мне другие препараты, и скоро я начала приходить в себя: смогла сидеть на кровати, наконец-то встала и даже сделала несколько

шагов. Но на повторный прием доктор не приходил. Боясь проявить свой повышенный интерес, я не спрашивала, почему. Время шло, я уже начала сомневаться в том, что это был Тихоня. Под воздействием лекарств мне могло почудиться что угодно. В тот момент, когда я уже начала терять всякую надежду, произошло чудо. Вилма не вышла на работу, а вместо нее еду мне принесла новая девушка. Аппетита у меня не было, но она знаком дала мне понять, что я должна пересилить себя и поесть. Помню, как я стояла у окна и смотрела на проезжающие вдалеке машины. Через силу я хлебнула несколько ложек жидкого супа с неприятным послевкусием и снова вернулась к окну. Мое внимание привлекла какая-то суматоха внизу: я увидела, как из дома поспешно вышла новенькая девушка и быстрым шагом удалялась от дома. Она то и дело опасливо оглядывалась, и я заподозрила неладное. Не прошло и минуты, как мне стало плохо. Голова закружилась, меня затошнило, я еле успела добрести до кровати и отключилась.

Очнулась я в небольшом деревянном доме перед огромным камином. На мне лежала большая волчья шкура. Я огляделась по сторонам и увидела Тихоню: он сидел по другую сторону от камина и читал. Услышав мое шевеление, он улыбнулся и, как ни в чем не бывало, сказал: «Добро пожаловать на землю». Эмоции вырвались наружу: сил плакать не было, я просто тихо скулила в подушку, чувствуя облегчение от того, что не будет больше пыток, избиений и психотропных лекарств.

Я была слаба и без сна могла провести не больше часа. Но когда я приходила в себя, мы говорили без остановки. Тихоня рассказал мне, что долго не мог меня найти – никто и ничего не знал о моей судьбе. В коттедж, который мы снимали, въехали новые жильцы. Мои вещи долго лежали на чердаке, но потом их выбросили. И вот однажды он случайно увидел меня в пригороде с маленькой девочкой, и начал наводить справки. Ему сказали, что я – жена полковника. Тихоня сразу заподозрил неладное – по документам я числилась супругой полковника уже более восьми лет, чего никак не могло быть в реальности.

С его слов я поняла, что Вилма передавала ему сведения о состоянии моего здоровья и помогла осуществить побег. Помогла она не из жалости: у ее сына возникли денежные затруднения, а Тихоня обещал крупную сумму за содействие.

Ох, Вилма, трудно себе представить, какая участь ее ждала! По словам Тихони, полковник вернулся в город и узнал, что его жену увезли в больницу с отравлением. Чуть позже, не найдя меня в реанимации, он понял, что это было тщательно спланированное похищение, и совсем озверел: рыщет по всей Латвии в поисках меня.

Я спросила Тихоню, где мы сейчас, и он ответил: «В Белоруссии». Я с облегчением вздохнула – значит, мой кошмар действительно остался позади.

Последняя разлука несколько охладила наши отношения. Мы по-прежнему были близки, но я больше не испытывала к нему того трепета, что прежде. Он это чувствовал и изо всех сил пытался наладить нашу жизнь. Когда я окрепла, мы по поддельным документам переехали в столицу Казахстана. Тихоня сказал, что ему нужно держаться ближе к Жупар. Я не возражала: нам всем нужно было держаться вместе. Там мы прожили шесть лет – примерно до того времени, когда Алма-Ата перестала быть столицей. Каждые два года Тихоня ездил к Жупар, и перед ее посещением дарил мне две ночи любви.

Одну меня он больше не оставлял. Во время его отсутствия со мной всегда проживали два человека – домработница и телохранитель, который в буквальном смысле был моей тенью. К тому же, теперь Тихоня не пропадал надолго: два месяца – это был максимальный срок его отлучек. От Жупар он приезжал всегда слабым, тело плохо повиновалось ему: то рука промахнется – и со стола падала тарелка с едой, то он не рассчитывает высоту ступеньки – и упадет на лестнице... Теперь я понимала, почему он уезжал так надолго. Прием эликсира предполагал долгий период реабилитации; пока мы были молоды и в нас бушевала страсть, Тихоня не хотел, чтобы я видела его таким беспомощным.

В остальном эти годы были спокойными: мы почти никуда не выезжали и ни с кем не общались. Время, проведенное у полковника, сильно повлияло на мою психику: я не могла больше работать, не могла долго фокусироваться на одном предмете или поддерживать длительный разговор. И, конечно, я сильно стеснялась своего состояния. Тихоня это понимал и тщательно оберегал наше уединение. Помню, как мы вечерами подолгу лежали, обнявшись, на диване, и смотрели в ночное небо.

По истечении шести лет он сказал, что мы можем уехать куда хотим – хоть на другой континент, и что до следующего посещения Жупар у нас есть целых восемь лет. Я не понимала цикличности его поездок, да, честно говоря, и не хотела понимать.

В конце 1998 года мы вернулись в Москву. Тихоня горел желанием посмотреть мир. Особенно его привлекала Америка, он буквально бредил ею. Мы подали документы на визу, но улететь вместе не получилось: у меня начались новые проблемы со здоровьем, и из-за повышенного внутричерепного давления врачи запретили мне перелет. Тихоня был расстроен. Я поняла, что удерживать его рядом с собой нет смысла, и сказала, что он может лететь один. Он долго упирался, твердил, что без меня ему никакое путешествие не в радость, что он боится оставлять меня одну, но потом желание увидеть мир все-таки взяло верх – он уехал.

Я не винила его в этом: из-за эликсира долгие годы его жизнь была прикована к маленькому казахскому городку. У него были деньги, но он не мог ими воспользоваться, чтобы не привлекать к нам внимания.

Перед отъездом у нас состоялся серьезный разговор. Тихоня предупредил меня, чтобы я берегла здоровье, и пообещал: когда он вернется, возможно, у него будут все ответы о том, кто мы и какое у нас предназначение. Говорил, что некие силы будут испытывать меня, заманивать в авантюрные ситуации, но я должна держаться от искушений подальше и дожидаться его возвращения.

Сделать это было очень непросто. Не прошло и недели после его отъезда, как к нам с обыском пришла милиция. Искали Тихоню. Мне толком ничего не говорили, но я поняла, что он был замешан в каком-то ограблении. Меня отвезли в ближайшее отделение и допрашивали несколько часов. Допросы разбредили память: перед лицом замаячило озлобленное лицо полковника, после чего я упала в обморок, а следователь вызвал врача и меня сразу госпитализировали. После обследования врачи поставили диагноз – опухоль. Оказалось, что операция по удалению матки в Усть-Каменогорске прошла неудачно: в полости остались несколько фрагментов, которые со временем трансформировались во множественные новообразования. После биопсии анализы подтвердили, что опухоль была злокачественная. Оперировать на этой стадии было бессмысленно:

мне назначили химиотерапию и через две недели выписали. Прогноз был неутешительным. Мне тогда казалось, что выписали меня умирать.

Дома меня ожидало письмо от Тихони. Он писал, что путешествует по Америке, уже побывал в трех штатах. Особенно его заинтересовали индейцы. Он решил, что поедет в резервацию и поживет среди них несколько месяцев. Обратного адреса он не оставил – сам не знал, где остановится. Выразал беспокойство по поводу моего здоровья: хозяйка нашей квартиры, которой ему удалось дозвониться две недели назад, сказала, что меня госпитализировали.

Прошел еще месяц, Тихоня не возвращался. Новое тысячелетие я встречала в полном одиночестве. И, конечно, всю ночь проплакала. Я вспоминала прожитые годы и думала: что я сделала не так в своей судьбе? Почему я не могу иметь семью и жить с обычным мужчиной, который будет пусть и скучным, но зато надежным мужем и спутником жизни? Вместо этого я – больная, одинокая, сижу в свой день рождения за накрытым лишь для меня праздничным столом и проливаю слезы. В эти дни я часто вспоминала Вадима и приемную дочь Марину; даже однажды поехала на них посмотреть, но по старому адресу они больше не проживали.

После еще трех курсов химиотерапии меня положили на обследование. Состояние не ухудшалось, хотя я была еще очень слаба. И тут произошло то, чего я не могу объяснить – врачи сказали, что я победила рак! Анализы проверяли и перепроверяли, я ловила на себе удивленные и даже завистливые взгляды. Врачи и родственники больных заполнили мою палату с расспросами: что я принимала помимо лечения, какие процедуры проходила, что ела, о чем думала... Не получив вразумительного ответа, они уходили из палаты с разочарованными, а подчас и полными ненависти лицами.

Когда шок прошел, я сумела в полной мере осознать свое состояние. Какое это было счастье! Мне казалось, что жизнь дала мне еще один шанс.

При обыске конфисковали почти все сбережения, мне пришлось искать работу, а потом и новую квартиру. Как только организм окреп, я устроилась работать закройщицей в джинсовое ателье. Платили мало, но была перспектива расширения производства, и я осталась. Коллектив был небольшим: в цехе работали всего семь человек. По совету Тихони я старалась держаться от всех

подальше: не вступала в споры, не оставалась на вечеринки в честь дня рождения, и даже на обед всегда ходила одна. Я усаживалась в ближайшем парке на скамейку, кормила голубей и ела свой бутерброд.

Как-то раз в парке ко мне на скамейку подсела молодая женщина. Она сказала, что живет одна в трехкомнатной квартире, и ей нужна компаньонка. Поначалу я опешила, даже не зная, что ей ответить. Жилье мне было необходимо: в том, что я могла себе позволить, были чудовищные условия; но и соглашаться на переезд к незнакомке было боязно. Однако женщина оказалась бойкой, могла заболтать кого угодно. Звали ее Людмила, родом она была из Воронежа. Обхаживала она меня, как на свидании, и была так настойчива, что уже через три дня я переехала к ней жить».

Темнота опустила на город. Клара зажгла в номере свет, накинула куртку, вышла на балкон и втиснулась между балкой и перилами. В небе сияла растущая луна. Клара долго стояла, обняв себя за плечи, и не сводила глаз с лунной дорожки, которая бликовала на поверхности Черного моря. Что ей делать дальше? Ждать Уварова? Ее приезд был вызван желанием обелить свое имя, но после возвращения из Йемена Юра обязательно даст коллегам знать, что он в порядке, в этом она не сомневалась. Так что же ей делать дальше? После этого вопроса сердце сжалось в комок: ей не хотелось возвращаться в Элисту, и лишь тоска по дочери удерживала от решительных действий. Обида на мужа росла с каждым днем: сначала его недельное отсутствие у ее больничной койки, затем ведение переговоров о закрытии бизнеса за ее спиной... Нет, семью ей не сохранить, да и зачем? Полина от бесконечных ссор папы и мамы счастливее не станет.

Утром Клара спустилась в ресторан, чтобы позавтракать, и сразу наткнулась на парня с бульдожьим лицом. Тот сидел в вестибюле в просторном кресле, рядом с ним на журнальном столике стоял ноутбук и две пустые чашки из-под кофе. Когда их взгляды встретились, Клара улыбнулась и приветственно кивнула – пусть знает, что она его заметила.

После завтрака, Клара решила ненадолго съездить в свой магазин и проверить состояние дел. Серебристый седан увязался следом, на всякий случай Клара записала его номер. Подъехав на такси, Клара расплатилась с водителем, зашла в магазин и столкнулась в дверях с Кириллом – мужем подруги. Сжав кулаки, он выбежал ей навстречу, чуть не сбив с ног. Клара кинула ему вслед возмущенное: «Осторожно!» – и тут заметила в подсобке плачущую Лилю.

– Что случилось? – спросила она, бросаясь успокаивать подругу.

Лиля вытерла платком разводы от туши и сквозь всхлипывания ответила:

– Он сказал, раз я не хочу снова сойтись даже ради ребенка, значит, это не его ребенок и он не будет платить алименты.

– Какой подлец! – воскликнула Клара. – И что ты ему ответила?

- Ничего. Пусть думает, что хочет!
- На основании теста ДНК суд обяжет его выплачивать алименты, даже не переживай за это.
- Ага. Обяжет-то, конечно, обяжет, да только у него зарплату выдают в конверте, и я получу копейки.
- Клара оглядела павильон и спросила:
- А где Ольга?
- Когда пришел Кирилл, она сказала, что пойдет выпьет кофе. Хотела оставить нас наедине.
- Вытерев слезы, Лиля нахмурилась и с обидой в голосе спросила:
- Клара, почему ты второй раз съезжаешь в гостиницу? Тебе что-то не нравится в моей квартире?
- Нет, ну что ты! Всего лишь хочу оградить тебя от лишних волнений. Я сейчас – ходячая катастрофа. Из-за меня в квартиру могут нагрянуть Аркадий и Коваленко. Зачем тебе все это слышать? Ты сейчас должна заботиться о своем малыше.
- Лиля кивнула: такое объяснение ее вполне устроило, хотя она и чувствовала, что это было не истинной причиной отъезда подруги. Она подошла к стойке рецепции, открыла журнал заказов и с довольным видом показала Кларе. Взглянув на текущие заказы, Клара ахнула от удивления.
- Ничего себе, это только за сегодня?!
- Да, – радостно ответила Лиля и улыбнулась, – это единственное, что поднимает мне сейчас настроение.
- Клара обняла подругу и прижала к себе.
- Все будет хорошо, мы со всем справимся!
- Внимание Лили привлек серебристый седан. Обычно перед их магазином останавливались лишь покупатели. Рядом не было ни автобусной остановки, ни перекрестка, ни даже поворота.
- Видишь вон ту машину? – насторожено произнесла Лиля.
- Клара кивнула и многозначительно улыбнулась.
- Приехал за тобой следом и не отъезжает.
- Коваленко приставил ко мне слежку. Он даже особо не скрывается.
- Слежку? Коваленко? Зачем?
- Наверное, думает, что я приведу его к Уварову, – пояснила Клара и с сарказмом добавила: – Живому или мертвому.
- У Клары зазвонил мобильный телефон. Она вынула его из сумки, посмотрела на входящий номер и удивленно вскинула брови – это был Коваленко. Взволнованным голосом он произнес:
- После ночного происшествия я склонен поверить в вашу версию.
- А что случилось ночью? – с опаской спросила Клара и, повернувшись к подруге, одними губами прошептала по слогам фамилию следователя.
- Глаза Лили вспыхнули от любопытства. Она придвинулась ближе, чтобы подслушать разговор.
- Из квартиры Юры пропала одежда, которую мы приготовили для его похорон.
- Вот как? Хм... – Клара еле сдержалась, чтобы не улыбнуться, в то время как Лиля пристально вглядывалась в ее лицо.
- Мы начали активные поиски, и кажется, попали на след. Есть информация, что кто-то вчера ночью снял в банкомате с его кредитки крупную сумму.
- Честно говоря, я ожидала чего-то подобного, поэтому сильно не удивлена.

- Что там? – спросила Лиля шепотом.
- Клара сделала жест рукой, давая понять, что объяснит позже, отошла в сторону и продолжила разговор со следователем.
- Как думаете, где он может быть?
- Ума не приложу, – соврала Клара.
- Если он объявится, сообщите мне немедленно.
- Обязательно, – пообещала Клара, нажала «отбой» и убрала телефон назад в сумку.
- Ну что там? – заинтригованно спросила Лиля.
- Похоже, Уваров жив, – ответила Клара, не сдерживая улыбки.
- Как это жив? – удивилась Лиля, отступила назад и почти упала на стул.
- Он жив, этому есть подтверждения.
- Ты с самого начала знала, – догадалась Лиля.
- Очень многое не сходилось. Его видели там, где, по идее, он не мог быть, и тогда, когда официально он был уже мертв.
- Как такое возможно? – спросила Лиля и тут же замахала руками: – Нет, не рассказывай мне ничего, я такая сейчас впечатлительная, что потом ночью не смогу спать!
- После рабочего дня Клара поехала домой к Лиле. Подруги расположились на кухне, Лиля на скорую руку приготовила ужин и сервировала стол. Клара сидела в задумчивости, глядя сквозь оконное стекло на звездное небо. В памяти всплыл обрывок из блокнота Тихонова, которую Уваров унес из гостиничного номера. На ней были ее имя и дата рождения.
- Так что у вас с Уваровым? – поинтересовалась Лиля.
- Клара повернулась, несколько секунд смотрела на подругу, решая, что ей можно говорить, а что – нет. Ей не нравилось, что Аркадий постоянно был на связи с Лилей. Мужа она знала хорошо: если он задастся целью что-то выведать, то не остановится ни перед чем – сначала в ход пойдут уговоры, а если они не подействуют, дело могло дойти до прямого шантажа. Так что излишне откровенничать с Лилей Клара не хотела, но решила действовать по схеме мужа. Раз он ей о закрытии бизнеса сказал через подругу, то и о предстоящем разводе пусть узнает тем же способом.
- Он тебе хотя бы нравится? – уточнила Лиля в нетерпении и загадочно улыбнулась.
- Обычные чувства здесь неприменимы, – начала объяснять Клара, – когда мы вместе, такое ощущение, будто мы знакомы тысячу лет. У меня нет сомнений, как я должна поступить, что сказать – я знаю, что нужно делать.
- Круто, – вставила Лиля, – это как у меня с Кириллом, только наоборот: я знаю, что нам точно не надо быть вместе.
- Это даже не уверенность в своих поступках, – продолжила Клара, не обращая внимания на реплику подруги, – а как приказ свыше, как предназначение. После того, как мы встретились, уже не стоял вопрос, как нам быть дальше...
- Так ты уйдешь от мужа? – округляя глаза от удивления, спросила Лиля.
- Да, – уверенно ответила Клара.
- Ответ Лиле явно не понравился: ее губы сжались в прямую линию, а глаза сверлили Клару словно буравчики.
- А как же Полина? – спросила Лиля.
- А что Полина? Мы будем часто видеться.

– Но частое общение – это не постоянное присутствие матери рядом с ребенком. Ты нужна ей, Клара.

– Я знаю. И она тоже мне нужна. Аркадий не отдаст ее, бесполезно даже начинать этот разговор. Он скорее упрячет меня в психушку, чем отдаст дочь.

– У него крутой характер, за это ты его и полюбила.

– Да, – с горечью согласилась Клара.

Лиля была права: из всех претендентов на ее руку и сердце, а их было немало, Клара выбрала Аркадия именно за крутой нрав, за умение добиться своего. Но с годами эти черты характера стали усугубляться, цели ставились все выше, а способы их достижения все жестче. Пока, в конце концов, одной из мишеней не стал ее собственный бизнес: похоже Аркадий не на шутку взялся за ликвидацию цветочного салона, раз даже позвонил Юлию Моисеевичу.

Клара поблагодарила подругу за ужин и, несмотря на ее протесты, засобиралась в гостиницу. Выйдя из квартиры, Клара поймала такси, назвала адрес и мельком взглянула в зеркало заднего вида: серебристый седан все еще следовал за ней по пятам. Это было удивительно, но сейчас наличие слезки ее даже успокаивало. Пока за ней, словно тень, двигается сотрудник следственного управления, с Кларой ничего не случится.

Глава десятая

Последняя глава дневника

За окном завывал порывистый и хлесткий ветер. Небо, будто подражая морю, затянулось сине-черными войлочными тучами, окончательно стирая линию горизонта. Погруженный в темноту гостиничный номер навевал грустные воспоминания. Клара лежала на кровати и наблюдала, как колышутся занавески. Они, то надувались, словно парус одиноко дрейфующей лодки в бесконечном водном просторе, то прилипали к окну, обволакивая оконные проемы.

В коридоре то и дело раздавались шаги, хлопали двери соседних номеров, а их временные обитатели громко переговаривались на разных языках. Звукоизоляция в гостинице практически отсутствовала, и Клара смогла расслышать несколько фраз, из которых сделала вывод, что в соседнем номере выпивает влюбленная парочка. Они что-то оживленно обсуждали и хихикали, затем звуки стали интимнее, послышались стоны и ритмичный стук спинки кровати о стену. Клара включила телевизор на максимальную громкость и укуталась в плед. Женский стон перешел в отрывистые выкрики, столь громкие, что даже телевизор не смог их заглушить. Клара забарабанила кулаком в стену, требуя тишины, но на нее не обратили никакого внимания. Пришлось подняться и уйти в дальний угол номера. Клара раздвинула занавески и прильнула к окну.

Доносившиеся из соседнего номера звуки усилили в душе тоску. Сердце буквально разрывалось на части, в голове роем пронеслись мысли об Уварове, о слезке, о предстоящем разговоре с Аркадием. У Клары создавалось ощущение, что ее жизнь внезапно прервалась, и теперь вместо собственной судьбы она проживает чью-то другую – чуждую и малопонятную. Разве в ее жизни раньше было столько конфликтов, переживаний и потрясающих душу событий? Нет, жизнь текла спокойным и ласково журчащим ручейком. Никаких стрессов, исключая, конечно, смерть близких людей, но этого еще никому не удавалось избежать...

Характерное «тук-тук» известило, что на мобильный телефон пришло сообщение. Клара открыла папку «Входящие» и прочитала смс от Юрия:

«Чудом добрался до Мариба, скоро с проводником поеду в храм Арш Биглис».

Клара открыла ноутбук, запустила программу «Гугл. Планета Земля» и нашла город Мариб. Это был населенный пункт в ста тридцати пяти километрах от современной столицы Йемена Саны, на юго-западном краю пустыни Руб Аль Хали. Город был усеян древними алтарями южноаравийской культуры и окружен вулканическими долинами, песками и известняковыми отрогами. Поисковик выдал скудную информацию о храме Арш-Биглис, который еще называли храмом духа Луны, и Клара поняла, что это конечная точка путешествия Юрия.

Изучив информацию, она быстро отправила ответное сообщение:

«Хочу к тебе, скажи название гостиницы».

Уваров тут же ответил:

«Здесь опасно, много оружия, иностранцев почти нет».

Тогда она написала:

«Безумно скучаю».

Ответа не последовало, и она вернулась к просмотру фотографий Йемена, периодически бросая на телефон беспокойные взгляды. Телефон просигналил только лишь через полчаса.

«За мной приехали, люблю, тоже скучаю».

Она ответила: «Удачи», убавила громкость телевизора и снова легла в кровать. К этому моменту в соседнем номере воцарилась тишина, отчего Клара с облегчением вздохнула, открыла дневник и углубилась в воспоминания Тамары.

«Людмила оказалась веселой общительной женщиной с добродушным нравом. Большинство из того, что она делала, было бескорыстными проявлениями широкой души. Она стала для меня глотком свежего воздуха в душном, полном ненависти и боли мире. Людмила легко заводила знакомства даже с самыми закрытыми людьми. Ее любили все – наши соседи, ее сослуживцы, начальство и даже вечно хмурый дворник каждый раз расплывался в улыбке, стоило ему заметить Людмилу, пусть даже издали. Мужчин тянуло к ней как магнитом, хотя внешне Людмила была невзрачной – маленькая, с курносым носом и веснушками на лице. Но, казалось, само солнце играло в ее глазах. Именно это солнце и отогрело мою душу. Живя бок о бок с Людмилой, я стала замечать, что мои проблемы со здоровьем постепенно растворяются: перестали мучить мигрень и давление, что позволило мне читать; улучшилась память; а вскоре я рискнула взять в руки ткань и иглу – и снова начала шить».

Приблизился день ее рождения. Людмила упросила меня сшить ей платье и я не нашла в себе сил отказать. Вместе с ней мы выбрали ткань сочного ягодного цвета и скроили модель с приталенным силуэтом. Платье получилось настолько

красивым, что сослуживцы его захвалили, настойчиво выпрашивая, где подруга его купила. Люда похвасталась, что живет с волшебницей, у которой золотые руки. На следующий же день, когда я, уставшая, вернулась с работы, в квартире меня уже ждали три ее коллеги. Вот так я снова стала портнихой на дому. Люда была ходячей рекламой моих моделей: с ее легкой руки клиенты текли ко мне рекой, и вскоре я уже не справлялась с заказами и вынуждена была взять себе помощницу.

Именно Людмила надоумила меня открыть ателье. Сама я бы никогда не решилась на такой шаг. Подруга ради этого уволилась с работы. Мы открыли фирму и взяли в аренду небольшое подвальное помещение. Люда выбила нам кредит в банке, с помощью которого мы приобрели четыре швейные машинки. Все оказалось не так сложно, как я думала. Опыт в управлении ателье у меня был, поэтому мы быстро набрали сотрудниц. Я отвечала за производство, Люда же занялась всем остальным. Она с легкостью находила нам рынки сбыта, вплоть до государственных заказов. Дело быстро пошло в гору: уже через полгода вместо четырех машинок у нас стояли двадцать. В маленьком подвальчике стало тесно, и еще через полгода мы задумались над переездом в более просторное помещение.

Люда нашла обанкротившийся цех со старыми машинками, и мы взяли его в аренду, а впоследствии и выкупили. За оборудованием нужен был круглосуточный уход – цех работал в две смены и к нам на работу устроился наладчик швейного оборудования по имени Николай. Они с Людмилой влюбились друг в друга с первого взгляда, а через три месяца он сделал ей предложение, и Люда съехала с нашей общей съемной квартиры.

Я снова осталась одна, но это уже не было то гнетущее одиночество, которое я испытывала до встречи с ней. Мы постоянно виделись на работе: мне приходилось вкалывать с утра до ночи, и домой я приходила лишь за тем, чтобы выспаться и принять ванну.

Годы шли, у Люды появились два прекрасных розовощеких малыша, Николай оказался заботливым и любящим мужем. Не скрою, в этот период я жила их жизнью. Я смотрела на них и завидовала, переживая, почему же мне не удалось

создать такой семьи? Почему день за днем я жду того, кто не может быть со мной рядом?

В моем сердце снова поселилась злость на Тихоню. Его загадочные письма только распяляли это губительное чувство. Он наслаждался путешествиями и, судя по тону писем, мог прекрасно прожить всю оставшуюся жизнь без меня. У нас установилась традиция: в каждом письме он высылал мою фотографию, фоном которой служило место, произведшее на него сильное впечатление. «Я хочу, чтобы ты смотрела на этот снимок и представляла, будто мы были там вдвоем», – писал он мне. Фотографию Тихоня выбрал крайне неудачную: она была сделана в каком-то маленьком городке в Казахстане, где я, чтобы не привлечь внимания, была одета невзрачно и даже жутковато. Сама затея смотреть на фото и фантазировать мне тоже не нравилась, но Тихоне я об этом не сообщила – ведь эти снимки, по сути, стали единственным, что нас связывало. Мысль о том, что он думает обо мне в минуты фотомонтажа, грела мое сердце.

Я делала несколько попыток завязать серьезные отношения. Ох, нет, не так! Людмила делала несколько попыток познакомить меня с приличными мужчинами для серьезных отношений. Но кому-то я не понравилась, кто-то не понравился мне – так это и закончилось. Был, правда, у меня на работе один настойчивый кавалер по имени Иван. Работал он у нас водителем. Не было случая, чтобы он в свободное время не пришел ко мне поболтать. У меня был свой стеклянный кабинет над цехом (в шутку я называла его аквариумом), где я выдавала разрядки водителям для отправки груза, так что наши встречи были полуофициальными. Говорили мы о чем угодно, только не о работе. Иван долго не решался, но однажды все же пригласил меня на свидание. Мы пошли в ресторан, прекрасно поужинали, выпили. Он старательно поддерживал разговор, так как сама я от волнения не могла и двух слов связать, а после ресторана остался у меня ночевать. Конечно, все было не так, как с Тихоней и, хоть я старалась не показывать своего разочарования, Ваня все понял. На следующий день он пришел ко мне в кабинет и сказал, что увольняется. Я была удивлена и расстроена, отговаривала его, но он был непреклонен. Уходя, он бросил: «Я не могу соревноваться с тем, кто навечно впечатан в твое сердце». Вернувшись домой, я

пристрастно осмотрела свою квартиру и поняла, о чем он говорил: по всем комнатам были расставлены портреты Тихони в разном возрасте, на многих фото мы были запечатлены вместе – любому было понятно, что мы были парой долгие годы. Именно тогда я осознала, что противиться судьбе нет смысла. Попыток завести новые знакомства с противоположным полом я больше не делала.

Пришло долгожданное письмо от Тихони: наступало время, когда ему необходимо было вернуться, чтобы вновь принять эликсир. Я ждала, что он сообщит мне номер рейса, но он сослался на нехватку времени и денег и сказал, что полетит из Вашингтона сразу в Алма-Ату, а оттуда поедет к Жупар.

Это стало для меня последней каплей.

Я так на него обиделась, что слегла и неделю пролежала на больничном. Вернулись головные боли; артериальное давление, то резко снижалось, то так же резко подскакивало. То и дело мне вызывали «Скорую» и врачи подолгу не могли меня стабилизировать.

Когда я вышла на работу, меня ждал приятный сюрприз. Люда сказала, что присмотрела для меня двухкомнатную квартиру в сталинском доме в самом центре города, и уже внесла залог. Сама я на этот шаг никогда бы не решилась: я ждала решения Тихони и зависела от его, а не от своих желаний.

Это была моя первая и единственная собственная квартира за всю мою жизнь!

С большим энтузиазмом я сделала в кратчайшие сроки ремонт, купила дорогую импортную мебель, добротную бытовую технику. Новоселье отмечали с размахом! Меня поздравляли, желали прожить в новом доме еще пятьдесят лет. Но на душе была тоска: Тихоня все не появлялся, а я ждала и надеялась, представляя, как мы вместе будем жить в этом любовно обставленном гнездышке.

Вскоре Люда пригласила меня в гости, накрыла на стол, откупорила бутылку шампанского и озвучила новость: ее мужа (к тому времени он уже не занимался наладкой швейного оборудования, а работал в крупной строительной компании), переводят в Сочи – на строительство олимпийского объекта, поэтому спустя месяц она с детьми уедет вслед за ним. Встал вопрос: как быть с производством? Строительство будет идти не один год, а Люда не хотела

разрываться между двумя городами. Мне же, собственно, кроме квартиры, которая кушать не просит, терять было нечего. После недолгих дискуссий мы решили, что перенесем производство в Краснодарский край.

Я уехала на поиск помещения, а Люда осталась в Москве. Поездка была успешной: мы с Николаем выбрали здание и оформили покупку. Оборудование решили не везти из Москвы, оно было уже старое, а закупили новенькое и начали монтаж. Через месяц в Сочи приехала Люда с детьми, и мы решили купить землю под два одинаковых коттеджа. Я отпиралась, говорила, что живу одна и не нуждаюсь в большом доме, но Люда настаивала: она все надеялась, что я разыщу Марину и налажу с ней отношения.

Работы было много: мы заново начинали производственный процесс, нанимали новых работников. Почту мне исправно пересылала моя секретарша из московского офиса. Каждый день я бежала в свой гостиничный номер в предвкушении, что меня ждет письмо от Тихони. Но увы...

Спустя три месяца я вернулась в Москву: нужно было продать старое швейное оборудование и рассчитать оставшихся сотрудников. Люда осталась в Сочи: руководила новой компанией и строительством коттеджей.

В один из дней мне позвонила женщина, у которой я снимала квартиру, и спросила: «Куда девать второе письмо, тоже выбросить?». Я была в ужасе! Оказывается, Тихоня уже присылал мне письмо, но Люда попросила его выбросить. На такси я помчалась к квартирной хозяйке и дрожащими пальцами распечатала конверт. Тихоня писал, что не дождался меня в назначенное время в аэропорту Алма-Аты, что переживает, но ситуация настолько сложная, что мне необходимо срочно приехать к Жупар. Сам он вылететь уже не в силах. Далее он сообщал адрес нового дома Жупар и просил срочно уведомить его о моем решении.

Я тут же купила билет в Алма-Ату на ближайший рейс и помчалась в аэропорт. По пути я позвонила Люде и впервые в жизни накричала на нее, как истеричка. Мне сейчас очень стыдно за тот разговор, но мои отношения с Тихоней были единственным, во что она не имела права влезать. Сгоряча я сказала, что впредь связь мы будем поддерживать только через моего секретаря».

До конца воспоминаний оставалось несколько страниц. Спасть не хотелось и Клара решила дочитать дневник. Она сделала себе кофе и прошлась по номеру, чтобы размять затекшие ноги.

История любви Тихони и Тамары приближалась к развязке, и Клара испытывала любопытство и тревогу за судьбу двух уже немолодых возлюбленных. Осталась последняя глава дневника, которую Клара невольно нарекла «закатом», ведь в любой истории есть начало и конец – рассвет и закат, и что-то подсказывало Кларе, что у этой истории хорошего конца не будет.

Она сделала глоток быстрорастворимого кофе и вернулась к чтению.

«Из аэропорта я помчалась на такси по адресу, который указал в письме Тихоня. Теперь Жупар жила в одноэтажном доме на окраине горного аула недалеко от моего родного городка. Как только я вышла из такси, ко мне подошла девочка лет десяти и повела в дом. Первое, что мне бросилось в глаза, это количество людей, пришедших к Жупар за помощью. Здесь были люди всех национальностей и достатка. У колдуньи были две помощницы – женщины лет сорока, которые помогали ей принимать посетителей. В доме была специально отведенная комната для приема. Меня без очереди провели в эту комнату, но Тихони там не оказалось. Я не сразу узнала Жупар: она высохла, стала маленькой и истощенной, один ее глаз не видел, но поистине это было чудом – дожить до такого возраста! По моим прикидкам ей на тот момент было уже более ста лет.

Она сразу меня узнала и начала что-то громко кричать на казахском языке, который я к тому времени успела подзабыть. Я понимала лишь отдельные слова, и тогда ее помощница начала переводить: «Она говорит, что ты опоздала! Он ждал тебя, но ты не пришла. Последнее знамение свершилось, но тебя не оказалось рядом. Дух Солнца задержал тебя». Я была в шоке: слово «опоздала» произвело на меня впечатление чего-то фатального. Я спросила, где Тихоня, и Жупар ответила, что он на пороге царства Луны, а в его теле – кочующий дух. На мои глаза навернулись слезы. Я ничего не понимала. Что за кочующий дух? Я сказала, что хочу видеть Тихоню, и тогда женщина взяла меня за руку и повела в юрту у подножья горы. Перед юртой сидел пожилой мужчина. Он взглянул на меня и сказал: «Не беги от меня: только с посланником Луны ты сможешь вернуться домой». Я все еще не понимала, что происходит, но, подойдя ближе, узнала его.

Это был «мужчина в черном»!

Женщина жестом пригласила меня в юрту, и я вошла следом за ней. Тихоня лежал на спине, мокрый, взлохмаченный, и еле дышал. Помощница колдуньи объяснила: «Он ждал вас три дня, нельзя было, а он ждал. Упрямый. Жупар злится. Они ругаться. Жупар все знает, все видит, она сказала, ты не придешь. Он не верил. Плакал. Потом сказал, что без тебя не пойдет. Теперь умрет». Рыдая, я начала ощупывать его тело, целовать лицо, руки. Я все спрашивала, что произошло, не понимала, о чем она говорит.

Состояние Тихони ухудшалось с каждым часом. Я просила позвать врача, но помощница сказала, что врач ему не поможет, и что до утра он не доживет. Тогда я побежала к Жупар, упала ей в ноги и начала умолять ему помочь. Старуха была непреклонна: его тело не выдержит действия эликсира. Когда я, казалось, окоченела от горя, Жупар подошла ко мне и, свербя колючим глазом, сказала, а ее помощница перевела: «Когда ты родилась, я сразу тебя узнала. Ты из царства Луны. Кочевница. Твой дух переходит из тела к телу уже три тысячелетия. Это тело ты получила в три года. Бабка твоя все узнала от меня, я сказала ей, что тебя нужно отправить назад. Я предупредила твою мать о несчастьях, которые ты несешь, но та не послушала и поплатилась жизнью. Потом ушли твой отец и брат, что родился после тебя от Куаныш».

Я слушала ее и чувствовала, как леденеет мое сердце.

«Следом за тобой пришел он, – Жупар показала в сторону юрты. – Он и ты связаны. Две половины. Бед вы много натворили. Пора вам уходить! Пойдешь за ним?» Я машинально кивнула: в тот жуткий момент мне казалось, что это единственный выход. Тогда она ответила: «Надо взглянуть на его руку».

Целой процессией мы снова двинулись к юрте. Я указала на «мужчину в черном» и спросила, кто он. Помощница Жупар ответила: «Это твоя половина, кочевник. Когда его тело находится в царстве Луны, он в облике духа странствует по земле. Но он не имеет души и сердца, поэтому ты его не узнаешь». Тогда я спросила, почему он все еще здесь, и женщина мне ответила, что дух будет со мной, пока я не перейду в новое тело. Лишь тогда следом за мной он начнет искать подходящее для него воплощение.

Мы зашли в юрту. Я снова заплакала и склонилась над Тихоней, который к тому моменту уже почти не дышал. Во мне все еще теплилась надежда, что Жупар спасет его, но она, едва взглянув на его руку, произнесла: «Зажглась четвертая звезда, его время пришло». Взглянув вслед за ней на отметину на запястье Тихони, я увидела, что его родинка в виде полумесяца была с четырех сторон окружена звездами алого цвета. Они переливались, меняли оттенки, будто тлели изнутри. Упав на грудь возлюбленного, я обезумела от горя. Я ждала его восемь лет, а в итоге получила несколько минут над его умирающим телом!

Жупар дала знак, ее помощницы схватили меня и вытащили из юрты. Я кричала, брыкалась, рвалась назад, но в этот момент произошло то, что до сих пор не умещается в моей голове: из юрты вдруг вылетела целая стая громко каркающих ворон, которые разлетелись в разные стороны. Я вскрикнула и замерла от ужаса. Женщины пригнулись: они тоже не ожидали увидеть такое. Одна лишь Жупар оставалась спокойной. Она показала на кроваво-красную Луну и сказала: «Сейчас его душа соединится с духом Луны. Малая частица, снова станет частью целого», и пошла прочь.

Через минуту все стихло, наступила оглушительная тишина, которая сдавила мои перепонки и вызвала сильное головокружение. Меня отпустили, и я бросилась назад в юрту, но... Тихони там не было. Там никого не было! Я знала, что Тихоня был не простым человеком: он не раз демонстрировал свои способности, но то, что я увидела в ту ночь, навсегда перевернуло мое сознание.

В слезах я просидела перед юртой до утра. Мне было жалко его и себя. От горя мое сердце готово было вырваться наружу. В этот момент я была одинока как никогда – будто часть меня умерла, а вторая страстно хотела воссоединиться с первой и рвалась из тела. Когда Луна начала бледнеть, а за горизонтом появились первые розовые всполохи рассвета, я поняла, что именно сейчас оборвется та нить, что связывала нас долгие годы. Стоя у подножья горы, я закричала... да так, что даже голос свой не узнала – с такой мощью он раскатился по округе:

– Нет! Не уходи! Не оставляй меня!

Это были боль, гнев, отчаяние. Мой крик эхом разнесся по горным расщелинам. Успокоившись, я услышала откуда-то издалека до боли знакомую песню: «На

крылечке твоём каждый вечер вдвоем...» – любимая песня моей мамы. Под нее впервые соединились наши сердца и тела, под нее я проводила его в последний путь. В моей памяти всплыла наша первая ночь в юрте, проведенная на далеком горном пастбище: его юное, по-ангельски красивое лицо, нежные прикосновения и признания в любви.

*Если надо пройти все дороги-пути,
Те, что к счастью ведут, я пройду – мне их век не забыть!
Я люблю тебя так, что не сможешь никак
Ты меня никогда, никогда, никогда, никогда разлюбить.*

То, что здесь, среди высоких гор, много лет назад родилось, сегодня умирало. Умирала наша любовь, наша связь. Я физически ощущала, как рвутся нити, соединяющие нас... Это так больно... Невыносимо... Беспощадно...

С момента смерти Тихони прошло четыре года, но боль, которую я испытала в ту ночь, я чувствую и по сей день. Время не залечило моих ран, наверное, поэтому рак вернулся и так быстро сделал свое дело.

Да- да. Рак вернулся несколько месяцев назад.

Как я жила эти годы? Сама не знаю. Наверное, как тот Черный дух, лишенный души и сердца. Жизнь прошла, а я так и не узнала своего предназначения. Кому нужны были мои страдания?

Из хосписа своими ногами не выходят, сюда приходят умирать. Но «Черный дух» сказал, что я выйду. Когда придет мое время, он сам выведет меня через центральный вход и отвезет в то место, где я смогу сбросить свою оболочку, изъеденную раком. Отвезет... Видимо, это далеко от Москвы...

Да, совсем забыла написать, я нашла свою приемную дочь Марину! Она замужем и работает юристом. По выходным и праздникам она иногда дежурит в хосписе и помогает ухаживать за смертельно больными пациентами, которые проживают здесь последние дни. Вот поэтому я выбрала этот хоспис: хочу побыть со своей малышкой тот срок, что мне еще отмерен. Она такая серьезная, редко улыбается и, вероятно, в этом есть и моя вина.

Сегодня перечитала самые важные главы из дневника и задумалась. Я все еще не знаю, заслуживаю ли я, чтобы обо мне помнили? И если помнили, то хорошо... Ведь самым близким людям я принесла только горе, а порой и смерть. Все, кто меня любил, – страдали и умирали...»

Последние строчки были написаны еле различимым почерком.

«P.S. Я нашла новое тело! «Черный дух» сказал, что молодая женщина умрет через две недели. Ее собьет машина. Она такая красивая. Мне ее бесконечно жаль, но я ведь не решаю, когда ей умереть, я могу лишь воспользоваться ее телом. Я выбрала ее неспроста: у нее есть дочь. Хочу быть матерью, хочу испытать то, чего лишила себя в пятнадцать лет. Ведь я не помню своей предыдущей жизни, не помню, была ли я вообще когда-то матерью. «Черный дух» сказал, что только в момент смерти я смогу увидеть всю свою историю – от нынешней жизни до самого начала. Жду с нетерпением...».

Опустив последний листок дневника, Клара вытерла накатившую слезу. В этой папке была сосредоточена целая жизнь. Жизнь, полная страданий, одиночества и нереализованной любви. Она закрыла глаза и прежде чем уснуть представила бесконечные горные вершины, зеленые пастбища, одинокую юрту, а в ней – совсем еще юную влюбленную пару, с трепетом и нежностью соединяющую свои сердца.

Остаток ночи выдался беспокойным и мучительным. В номер этажом выше заселился громогласный мужчина, который без конца говорил по телефону. Его визгливый и нудный голос, разрезая ночную тишину, требовательно и настойчиво расспрашивал о положении дел в офисе, а затем долго комментировал ответы. Видимо, там, куда он звонил, был рабочий день, но от этой мысли было не легче. Кларе пришлось звонить администратору и просить вмешаться – только после этого сосед замолчал. Правда, еще несколько минут он расхаживал взад-вперед, но после успокоился, и в гостинице вновь воцарилась тишина.

Уснула Клара под утро, когда в прояснившемся от ночной бури небе заполыхали первые лучи восходящего солнца. Уснула так крепко, что не слышала, как из ближайших номеров съезжали постояльцы, гремя колесиками чемоданов.

Ближе к девяти часам на телефон пришло сообщение, Клара застонала, громко чертыхнулась и с раздражением потянулась к нарушителю сна. Еще сонным взглядом она прочитала сообщение от Уварова:

«Приехал в Аль-Хаджару дома-баини в 5-8 этажей в скалах красиво вечером встречаюсь с проводником еду в горы нашел что искал ты прочитала дневник».

Знаки препинания Уваров в смс не ставил, поэтому Клара не поняла, он спрашивал про дневник или утверждал. Она ответила коротко: «Да», и пошла в

ванную. Умываясь прохладной водой, она вспомнила, что ей снился сон о Тамаре и Тихоне. Одна сцена накрепко впечаталась в память: будучи еще детьми, они лежали в рыбацком сарае и долго смотрели в ночное небо.

Выйдя из ванной, она прочитала только что пришедшее сообщение:

«Будет о чем поговорить бери загранпаспорт и денег сколько сможешь будь наготове».

От волнения у Клары подкосились ноги, и она опустилась на кровать. С минуту она пыталась осознать новость. Выходит, в ближайшее время ей придется уехать. Но где достать деньги? И как объяснить свой отъезд из страны Аркадию и Полине?

Прежде чем приступить к завтраку в гостиничном ресторане, Клара выпила несколько чашек крепкого кофе и только тогда огляделась по сторонам в поисках слежки, но мужчина с бульдожьим лицом отсутствовал. Видимо, Коваленко снял наблюдение – значит, у него появилась новая информация. Это Клару не обрадовало, а скорее насторожило. Да, ей было на руку, что ее больше не считали подозреваемой, но Клару огорчала мысль, что Коваленко может отследить перемещения Уварова, что помешает их планам. Юрий, конечно, знал, как мыслят и действуют его коллеги, поэтому у нее оставалась надежда, что он предпримет все необходимые меры для незаметного прибытия в город.

Клара взяла такси и поехала в цветочный магазин. По дороге она размышляла над сообщением Юрия и раздумывала, где найти деньги. Какая сумма им будет нужна? Если изъять деньги из бизнеса, об этом тут же станет известно Аркадию и неприятных разговоров не избежать. Как объяснить мужу, зачем ей деньги?

Рассчитавшись с водителем, она влетела в магазин и на ходу поздоровалась с подругой. Вид у Клары был такой взволнованный, что Лиля, увидев ее, сразу спросила:

– Что случилось?

– Мне срочно нужны деньги.

Видимо, Лиля предположила, что деньги нужны на развитие салона, так как они накануне обсуждали этот вопрос, и выдвинула вполне логичное предположение:

– Попроси у Аркадия: он все еще твой муж и инвестор.

– После того, как я уехала, он ни разу не позвонил, – тяжело вздохнула Клара, – это плохой знак.

– Зато он звонит мне, – многозначительно произнесла Лиля и закатила глаза, – конечно, он зол, но он все еще надеется, что у вас все наладится.

– Пусть пока надеется, не надо его разочаровывать, – с серьезным видом произнесла Клара и пошла в подсобку.

– Семья – это главное, – не унималась Лиля. – Все остальное не имеет значения. Все эти чувства мимолетны, они дают ощущение новизны, эйфории, но все это скоро закончится, ты поймешь, что, предав семью, совершила самую большую глупость в своей жизни.

– Я никого не предаю. Мужу я призналась, а дочь никогда не брошу, – обиженно парировала Клара, но, взглянув на подругу, смягчилась и добавила: – Лиля, ситуация совершенно иная. Это не банальная страсть, не любовь, из-за которой можно голову потерять. Я четко отдаю себе отчет в том, что делаю.

– Тебе так кажется. На самом деле, ты действуешь по стереотипу.

Открыв журнал выручки, Клара подсчитала, сколько она заработала за последний месяц, отложила деньги на закупку цветов, а остальное сложила в сумочку. В глазах пристально наблюдавшей за ней подруги Клара подметила неодобрение.

– Зачем тебе деньги?

– Нужны, – пространно ответила Клара, отводя взгляд, – на очень важное дело. Пока не могу сказать, какое.

Разговор Кларе был неприятен: раньше Лиля никогда не позволяла себе вмешиваться в финансовые и семейные дела. Еще общение с Аркадием за ее спиной... Все это жутко раздражало, и Кларе захотелось поскорее покинуть магазин. Впопыхах открыв сейф, она вынула чековую книжку и быстро направилась к выходу, но Лиля не собиралась сдаваться без боя.

– Мы же хотели сделать новую вывеску – эта совсем маленькая, ее не видно с дороги. И ты обещала дать рекламу!

Слова подруги болью отозвались в сердце и заставили остановиться в дверях. На секунду Клара усомнилась в своих поступках. Что она делает? Почему она не может просто вернуться к семье? Ее действия нелогичны. Вчера она с горячностью отстаивала свой маленький бизнес, а сегодня изымает средства, предназначенные на его развитие. Перед глазами промелькнули события последней недели: Коваленко, сообщающий о смерти Уварова, лицо мужа, настаивающего на приеме антидепрессантов, заплаканное личико дочери в парке... Клара уже хотела вернуть деньги в сейф и в нерешительности переминалась с ноги на ногу, как промелькнувшая в памяти часть рассказа Тамары снова придала ей решительности. Тамара опоздала на встречу с Тихоней из-за подруги, которая скрыла письмо. И чем все это закончилось? Смертью возлюбленного! Клара такой ошибки не совершит. У Тамары была Людмила, а у нее – Лилия, и обе они выполняют функцию сдерживающего фактора.

«Дух солнца задержал тебя», – вспомнились ей слова Жупар.

Клара поджала губы и, не оборачиваясь, мягко произнесла:

– Рекламой и вывеской займусь в следующем месяце, обещаю.

Сколько у нее есть времени, Клара не знала, поэтому решила собрать столько денег, сколько сможет. Сняв почти всю доступную сумму с банковского счета, она привезла деньги в гостиницу и сложила в сейф. Затем спустилась в ресторан, пообедала и, вернувшись в номер, начала размышлять о дневнике. Вопрос всплывал за вопросом. Как Тихоня мог прилететь по своему паспорту в Россию, жить на квартире и даже явить свое самоубийство, в то время как Тамара считала его уже мертвым? Судя по дневнику, его тело покинуло Землю, а дух Луны в образе «Человека в черном» находился с Тамарой до момента ее перехода в другое тело. Тогда каким образом «покойный» Тихонов мог спокойно разгуливать по Сочи?

Если отставить этот факт, то кое-что все-таки выстраивалось в схему, и Клара, взяв листок бумаги, начала записывать даты. Клара вспомнила о странице с временными промежутками, которую они с Уваровым нашли в вещах Тихонова. Там было два упоминания о 2006 годе: Астана и Москва. Видимо, в этом и заключается разгадка поездки Тихони к Жупар: он подгадывал свой перелет к лунному затмению и послал Тамаре письмо с просьбой срочно приехать. Наверное, Тихоня и Тамара должны были пройти через какой-то ритуал, привязанный к затмению, но письмо Тамара не получила и не смогла приехать в назначенное время. Он прождал три дня, зная, что сильно рискует. В итоге –

фатальный конец: Тихоня находится рядом с возлюбленной лишь как дух. Единения между ними нет, дух лишен души и тела, а значит, и чувств. Была еще одна дата – двадцать первое декабря 2010 года. Совпадение трех астрономических явлений – полное лунное затмение, зимнее солнцестояние и полнолуние. Получается, что Тамара не дожила до этой даты девять дней. Что же такого важного должно было произойти в этот день? Эта дата казалась ей смутно знакомой, но она была так поглощена событиями из жизни двух незнакомых ей людей, что о своей собственной судьбе даже не подумала. Вопросов было много, но Клара решила начать с приемной дочери Тамары. Накинув куртку, она выскочила из гостиничного номера и нажала кнопку лифта.

Дежурный следственного управления выписал пропуск, затем вернул паспорт, и Клара быстрым шагом направилась в кабинет Коваленко. В коридоре она лицом к лицу встретилась с коренастым мужчиной, который следил за ней несколько дней. Клара сдержанно поздоровалась и по его реакции, поняла, что он не ожидал увидеть ее в управлении. Оперативник даже остановился и проводил ее взглядом, пока она не вошла в кабинет.

Коваленко сидел за столом и говорил с кем-то по внутреннему телефону. Жестом он показал на стул и продолжил разговор:

– Постараюсь закончить отчет сегодня. Да. Слушаюсь.

Очередной внезапный приход свидетельницы по делу об исчезновении коллеги одновременно вызвал у Коваленко неприятный спазм в желудке и приступ любопытства. Положив трубку, он повернулся к Кларе и без прежнего раздражения осведомился:

– Чем обязан?

Клара прочистила горло и спросила:

– Не могли бы вы мне дать контакты дочери Золотаревой? Уваров говорил, что она – владелица участка на кладбище, где похоронена Тамара.

Коваленко с минуту пристально смотрел на Клару, затем потянулся к верхнему ящику стола и вынул блокнот, начав медленно перелистывать страницу за страницей в поисках информации.

– Зачем вам ее адрес? – не поднимая глаз от блокнота, поинтересовался следователь.

– Хочу выразить соболезнования, – Клара тяжело вздохнула и отвела взгляд, понимая, что Коваленко такой ответ не устроит.

– И все? – недоверчиво спросил следователь.

– Хотелось бы с ней поговорить, – туманно объяснила Клара, – выяснить, что она знала о матери.

– Мы с ней уже говорили. Ничего она о ней не знала. Золотарева оставила завещание, в котором указала ее как одну из наследниц своего состояния.

– Одну из? – удивленно переспросила Клара.

– Да. Наследников было несколько: ее приемная дочь, три благотворительных фонда и неизвестная гражданка по имени Камилла Стрелецкая.

Клара вспомнила, что Камиллой Тамара звалась в то время когда работала на Дом моды в Москве. Так может эта была реальная личность, имя которой она использовала?

– Кто-кто? – уточнила Клара. – Стрелецкая?

– Да. Камилла Стрелецкая, – подтвердил следователь. – Юристы Золотаревой так и не нашли эту гражданку.

Сегодня для Клары был день сюрпризов.

– У Золотаревой есть юристы? – Клара округлила глаза от удивления и подумала, что Тамара ни словом не обмолвилась в дневнике о своем материальном положении.

– Конечно. Состояние-то не шуточное. Ее фирма, по оценке экспертов, сейчас стоит не меньше ста миллионов долларов. Личное состояние Золотаревой оценивается в десятки миллионов.

У Клары брови поползли вверх. Тамара описывала свое предприятие как успешное, но не делала акцент на том, какого в итоге размаха они с Людмилой достигли.

– Ничего себе, – вырвалось из ее уст, – я не думала, что она была богата.

Ее реакция была настолько искренней, что Коваленко поверил.

Он продиктовал адрес дочери Тамары и, как бы, между прочим, спросил:

– Юрка не объявлялся?

– Нет.

– И даже не звонил?

Клара отрицательно покачала головой и успокоила себя тем, что это было абсолютной правдой: он действительно ей не звонил.

– У нас есть информация, что на его имя был продан билет из Москвы в столицу Йемена. Вы не знаете, за каким дьяволом он туда поперся? Если, конечно, это он? Клара встала со стула и направилась к двери. Затем обернулась и сказала:

– Думаю, что он скоро сам вам все объяснит.

– Скорей бы. Официально он – пропавший труп. Начальство требует отчет о его поиске. Мы запросили записи с камер наблюдения аэропорта. Если подтвердится, что это сам Юрка вылетал из Москвы, то его хотя бы перестанут считать погибшим. Это уже прорыв, не надо будет прочесывать все морги страны.

– Он жив, я уверена.

– И все-таки, откуда такая уверенность? – спросил Коваленко, вставая.

– Женская интуиция, – загадочно ответила Клара и, пока беседа не перешла в допрос, поспешила покинуть кабинет.

Коваленко хотел ее остановить, но в последний момент передумал. Свидетельница явно что-то недоговаривала, теперь он был в этом уверен. Возможно, что решение снять слежку было преждевременным. Следователь потер переносицу и закурил. Пальцы мягко постукивали по подлокотнику кресла. Несколько минут он в задумчивости сидел за рабочим столом, обдумывая детали, потом потянулся к внутреннему телефону.

Преодолевая коридор за коридором, Клара думала: кто такая Камилла Стрелецкая? Редкое имя – просто совпадение? Следователь сказал, что адвокаты Тамары так и не нашли наследницу; возможно, Стрелецкая до сих пор не знает, что указана в завещании. Но такое положение дел не устроило бы Тамару: если она включила эту женщину в завещание, то должна была обеспечить адвокатов ее контактами. Попытки Клары найти ответы вызывали лишь все новые вопросы... Поймав такси на выходе из управления, Клара назвала адрес и поехала к дочери Тамары.

Солнечные лучи проникали сквозь стекла автомобиля и падали на лицо Клары. Она прикрыла глаза, наслаждаясь ласковым теплом, и углубилась в размышления. Дневник Тамары навсегда изменил ее судьбу. Она будто попала под его чары. История несчастной любви, словно шелковая паутина, соткала кокон вокруг ее сердца, распространилась по телу и проникла в сознание. Сейчас Клара больше ни о чем не могла думать, все вокруг стало малоинтересным и незначительным.

Такси остановилось перед ажурными коваными воротами, отделявшими добротный двухэтажный кирпичный коттедж от пустынной улицы. Клара расплатилась с водителем и нажала кнопку звонка. Она не знала, как объяснить Марине, какое отношение она имеет к ее матери, но ситуация требовала от Клары действий, а у приемной дочери Тамары могли быть ответы на многие вопросы. В первую очередь – кто такая Камилла Стрелецкая и почему никто не может ее найти?

Из дома вышла брюнетка лет тридцати невысокого роста с раскосыми глазами. На руках она держала маленького мальчика, который постоянно теребил ее волосы. Подойдя ближе к воротам, женщина разглядела Клару и застыла. Удивление и испуг, отразившиеся на ее лице, держались несколько секунд; затем она распахнула ворота и вышла на улицу.

– Добрый день, – пролепетала смущенная такой реакцией Клара, – вы Марина Хомутова?

Женщина смотрела на Клару, как на привидение. Казалось, еще секунда, и она сорвется с места и помчится в дом. Ребенок почувствовал волнение матери и захныкал.

– Да, – отозвалась Марина, успокоила малыша и добавила: – Проходите. Я давно вас жду.

Марина явно приняла ее за другого человека, но это дало Кларе шанс попасть в дом и спокойно объяснить, зачем она пришла. Хозяйка дома закрыла за ней массивную входную дверь и пригласила на кухню. Кудрявая девчушка лет пяти сидела в детском стульчике, рядом с ней стояла молодая женщина – по-видимому, няня, и старалась накормить малышку кашей.

– Лена, можете присмотреть за Славиком?

Марина передала сына няне. Повернувшись к Кларе, она указала на лестницу и сказала:

– Пройдемте в кабинет. Там хранится то, за чем вы пришли.

Клара хотела сказать, что ее, видимо, с кем-то путают, но, бросив осторожный взгляд на детей и няню, решила признаться в этом, когда останется с хозяйкой дома наедине. Пока они поднимались на второй этаж, Клара бегло осмотрела дом и сделала вывод, что ремонт здесь был закончен сравнительно недавно. Марина открыла дверь кабинета и указала на кресло.

– Присаживайтесь.

– Видите ли, я к вам пришла, чтобы...

– Я знаю, зачем вы пришли, – оборвала Клару на полуслове дочь Тамары.

– Правда? Нет... – мотнула головой Клара, – не думаю.

Марина усмехнулась, открыла дверь сейфа, вынула из него запечатанный конверт.

– Тамара оставила это вам.

– Э-э-э... мне? Именно мне? – удивилась Клара, но потом откашлялась и попыталась прояснить ситуацию: – Я ее не знала, видите ли...

Но Марина не дала ей договорить, протянула фото и сказала:

– Это вы? Перед смертью Тамара дала мне фотографию и сказала: если придет эта женщина, я должна буду отдать ей конверт.

Клара взяла в руки фотографию и замерла. Фото было двухлетней давности: она с покупками шла к подъезду дома, в котором они проживали до отъезда в Элисту. Клара потеряла дар речи.

– Она сказала, что вы сильно удивитесь, возможно, даже представитесь другим именем, но вы и есть та самая наследница, которую будут безуспешно разыскивать ее юристы. Она предсказала сегодняшний ваш визит.

– Наследница? – переспросила Клара.

– Камилла Стрелецкая.

– Но здесь какая-то ошибка...

– Это ваше, – настойчиво произнесла Марина, протянула ей конверт и добавила: – Тамара сказала, что вы оказали ей неоценимую услугу. Она заранее перед вами извиняется и постарается хоть как-то облегчить вам жизнь.

Дрожащей рукой Клара взяла конверт и положила его в сумку.

– Еще она хотела, чтобы я спросила у вас: вы прочитали ее дневник?

Клара кивнула.

– Если вам что-то непонятно, вы можете спросить у меня: если она меня в это посвятила, я вам отвечу.

Клара растерялась. Ее мысли путались, она никак не могла сформулировать вопрос. Марина поняла ее состояние и спросила:

– Вы не против, если мы поговорим, пока я буду готовить ужин? Время у меня расписано по минутам, а наш разговор может затянуться.

– Конечно, – еле выдавила из себя Клара.

Марина закрыла сейф и вышла из кабинета. Клара поспешила за ней.

Отпустив няню, Марина усадила детей в разноцветный детский манеж, а сама направилась к плите. Расторопная хозяйка успевала выполнять сразу несколько дел: следила за детьми, проворными движениями шинковала овощи и отвечала на вопросы гости. Кларе Марина сразу понравилась – собранная, добрая, заботливая мать, приятная собеседница и любящая жена – последнее стало ясно после ее разговора с мужем по телефону.

Что она могла спросить у Марины, Клара не понимала, поэтому задала вопрос, который мог сразу прояснить степень ее осведомленности.

– А вы сами читали ее дневник?

– Да, – коротко бросила хозяйка дома и приступила к нарезке мяса.

– И что вы думаете по этому поводу?

Марина пожала плечами.

– Наверное, то же, что и вы. Что этого не может быть. Что это все – из области мистики. Но для меня реальность заключается в том, что Тамара спасла мне жизнь. Это она подняла меня с занесенного снегом тротуара, обогрела, накормила, оказала медицинскую помощь и приняла в семью. Все остальное неважно. Бросила она меня или моего отца позже, не справилась с воспитанием маленькой девочки или убежала к бывшему любовнику, – уже не важно.

– Так вот что думал Вадим, когда она ушла?

– А что ему еще было думать? Она пропала внезапно, он долго ее искал, обегал все больницы... морги... милицию... – лицо Марины исказилось в мучительной гримасе. – И что в итоге? Увидел ее случайно через несколько лет в театре – в

дорогих мехах и бриллиантах, с красавцем мужчиной в окружении богемы. Такую роскошь мой отец не мог себе позволить.

Кларе стало обидно за Тамару, но она промолчала. Казалось, после прочтения дневника Марина должна была понять поступки Тамары, но, увы, этого не произошло.

– Ей было плевать на нас. На наши беды. На то, что мне пришлось мириться с выходками мачехи, – продолжала излагать свое недовольство Марина. – Вы спросили, что я думаю по поводу ее дневника? Я отвечу так: она придумала эту сказку, чтобы обелить свое имя и наладить наши отношения.

Клара стиснула зубы от обиды: теперь она уже не так сильно восторгалась дочерью Тамары.

– Но вы приняли ее наследство, – уколола она Марину.

– Конечно. У меня семья, да и кто откажется от денег, да еще от таких? Я посчитала это компенсацией.

Клара отвернулась, чтобы не показывать свое разочарование, и окинула профессиональным взглядом сад за окнами, в который явно было вложено немалое состояние. Марина это заметила и, немного смягчившись, добавила:

– Я ведь ее совсем не помню. Это отец про нее много рассказывал. Он ее очень любил. Поэтому я на нее зла – из-за отца. С мачехой они прожили недолго, четыре года, больше он не женился. Говорил, что не будет искушать судьбу. Фотография Тамары в рамке стояла рядом с его кроватью до самой смерти.

– Если он ее так любил, значит, было за что.

– Возможно, – ответила Марина и продолжила нарезать овощи для салата.

Из манежа послышался плач дочери, недовольной тем, что у нее забрали деревянные кубики, из которых она собирала домик. Марина отреагировала в доли секунды: отвлекла сына машинкой и успокоила малышку.

– Вы когда-нибудь встречались с Тихоновым? – наобум спросила Клара.

– Да. Это я передала ему дневник Тамары.

Клара от изумления даже привстала со стула.

– И что вы можете о нем сказать?

Марина на секунду замерла, нахмурила брови и произнесла:

– Очень красив, даже для преклонного возраста. В такого голливудская звезда может влюбиться, не то что Тамара. Но красота холодная, я бы даже сказала, бесчувственная.

– Как он держался? Что о ней спрашивал?

– Представился, снял шляпу...

– Черную? – внезапно уточнила Клара.

– Почему черную? Белую, со вставкой из змеиной кожи. Он вообще франтом выглядел. Брендская одежда, вид лощеный, трость в руке, денди – ни дать ни взять. Приехал на дорогой машине.

– Он знал, что Тамара умерла, или вы ему об этом сообщили?

– Знал. Мой адрес он взял у адвокатов Тамары.

– А вы мне можете дать их телефон... этих адвокатов?

– Да, конечно, – согласилась Марина и, заглянув в блокнот, лежащий на журнальном столике, продиктовала номер.

Клара сохранила номер в телефоне и тут же спросила:

– Как он держался? Был расстроен?

С минуту Марина размышляла, поджав губы, потом ответила:

– Нет, не думаю. Мне кажется, такие мужчины всегда заиклены только на себе. Клара поняла, что Марина в оценке Тихонова очень субъективна: сказывается обида на то, что ради этого человека Тамара покинула семью. Она поспешила перевести разговор на другую тему.

– Вы присутствовали во время ее смерти?

Впервые Марина отвлеклась от своего конвейера, села за стол и шепотом произнесла:

– Ее смерть была окутана тайной. Впрочем, как и ее жизнь.

Клара наклонила голову и замерла в ожидании.

– Состояние у нее было такое, что ни у кого не было сомнений: она при смерти. В ночь с одиннадцатого на двенадцатое декабря она исчезла из московского хосписа.

– Как исчезла? – удивилась Клара. Ни Уваров, ни Коваленко об этом ей не говорили.

– Никто об этом не знает, официально датой ее смерти значится двенадцатое декабря, но нашли ее двадцать первого – здесь, в Сочи, в городской больнице номер четыре, в реанимационном отделении. Она была мертва. Когда персонал спохватился, не смогли найти даже документ, по которому она туда поступила. Скандал замяли, мне сказали, что Тамара поступила по «Скорой помощи» – мол, в приемном покое не успели оформить ее карту. На ее груди был медальон, как у военных: на нем была ее фамилия, группа крови и телефон адвокатской конторы. Адвокаты настояли на вскрытии – оказывается, Тамара указала этот пункт в своем завещании. Очень боялась быть похороненной заживо. Персонал в хосписе говорил, это было ее фобией в последние перед смертью дни. Так вот, при вскрытии была установлена дата смерти – двенадцатое декабря, – Марина поднялась со стула и вернулась к плите. – Как вам такое? Мистика...

Клара резко отшатнулась, лицо ее вытянулось. Двадцать первого декабря 2010 года ее доставили в бессознательном состоянии в реанимацию той же больницы. Вот что не давало ей покоя! В этот день было не только полное лунное затмение, зимнее солнцестояние и полнолуние, в этот день она попала в аварию! Потрясение было настолько сильным, что она побледнела и начала задыхаться.

Марина хотела спросить, какую же неоценимую услугу не то Клара, не то Камилла оказали Тамаре, но, повернувшись, увидела побледневшее и испуганное лицо гостыи. Предложив ей воды, она продолжила нарезать овощи.

Клара сделала несколько глотков и отдышалась. Мысли лихорадочно крутились вокруг последней шокирующей новости. Постепенно в ее сознании фрагмент за фрагментом начала складываться общая картина. Тамара выбрала ее заранее, потому что у нее есть дочь. День, когда Клара пережила клиническую смерть, в ее семье отмечали, как второй день рождения, – а он и правда был вторым рождением, но не ее, Клары, а Тамары. Точнее, того, что переселилось в ее тело из тела Золотаревой. Перед смертью Тамара оставила дочери фотографию Клары и сказала, что это ее наследница: так она хотела сохранить часть заработанных ею денег для новой жизни. Тихонов приехал в Сочи, нашел ее адвокатов, потом дочь, в переданном конверте наверняка была информация о том, в каком теле нужно ее искать.

Догадки, словно кадры из фильма, разворачивались перед внутренним взором. Ее зрачки то расширялись, то сужались. Она не могла унять дрожь в руках. Последняя догадка пришла, как гром среди ясного неба: если кочующий дух

перешел от Тамары к ней, то ее собственная душа умерла?! Широко раскрыв глаза, Клара от отчаяния и навалившегося ужаса вскрикнула и в следующий миг отключилась.

Очнулась Клара на полу в кухне от того что почувствовала едкий запах, открыла глаза и увидела перед собой размытый силуэт дочери Тамары. С трудом сфокусировав взгляд, Клара в недоумении огляделась. Марина привстала с колен и выбросила в мусорное ведро ватный тампон, пропитанный нашатырем; ее смуглое лицо было испуганным и растерянным.

– Если бы я знала, что вы такая чувствительная, ни за что бы не стала рассказывать вам про смерть Тамары!

– Все в порядке, это не из-за вашего рассказа, – слукавила Клара и попыталась встать, но голова закружилась, и она снова опустилась на плиточный пол. – Сколько я уже здесь лежу?

– Минуты три, не больше. Голова у вас не болит?

– Болит. Меня подташнивает.

– Я сейчас сделаю вам крепкий сладкий чай, вы можете встать? – спросила Марина и протянула ей руку.

– Попробую, – неуверенно ответила Клара, со второй попытки поднялась на ноги и тут же опустилась на стул.

В манеже царила непривычная тишина. Дети перестали играть, затихли, с любопытством посматривая на странную гостью. Изображение перед глазами немного расплывалось. Стул, на который она села, показался ей необычайно жестким, и Клара пересела в мягкое кресло у окна. Марина протянула ей кружку с горячим чаем и вопросительно посмотрела.

– Может, вам вызвать врача?

– Нет, все в порядке. Скоро все пройдет, – извиняющимся тоном сказала Клара.

– Будем надеяться, – сухо ответила Марина и повернулась к плите.

Помешивая деревянной лопаткой содержимое сковородки, она с опаской посматривала то на часы, то на свою гостью. Заметив ее настороженный взгляд, Клара поняла, что откровенничать хозяйка дома больше не будет, а значит, находиться здесь дальше – тратить время зря.

– Вы не могли бы вызвать мне такси? – вежливо попросила Клара.

Марина с облегчением потянулась к телефону. По ее виду Клара поняла, как она рада избавиться от впечатлительной гостьи.

Такси подъехало к дому через полчаса. Клара уже садилась на заднее сиденье, когда Марина крикнула через ворота:

– Если у вас будут вопросы, приезжайте! Вы единственная, с кем я могу о ней поговорить!

Клара кивнула и захлопнула дверь автомобиля. Назвав адрес гостиницы, она откинула голову на подголовник и закрыла лицо руками. Отчаяние и гнев навалились и сдавили грудь: она почувствовала, как наружу, словно прорывая плотину, рвутся слезы и, не выдержав, громко разрыдалась.

Водитель испуганно вздрогнул и спросил:

– Вас кто-то обидел?

На ответ у Клары совсем не было сил. Тело сотрясалось в конвульсиях: мощной волной они пробежали от леденеющего затылка до дрожащих пальцев, прикрывающих распухшее от слез лицо.

– Вам плохо? Может, отвезти вас в больницу?

Жестом она дала понять водителю, чтобы не обращал на нее внимание.

Несколько минут он с опаской поглядывал на странную пассажирку в зеркало заднего вида, а затем приоткрыл окно. Свежий воздух ворвался в салон автомобиля, обдавая лицо прохладой. Клара опустила руки и с жадностью начала вдыхать морской зимний воздух. Это ее успокоило. Она решила привести себя в порядок: достала из сумки зеркальце и взглянула на свое отражение – веки покраснели и распухли, губы вздулись.

– Извините, – вполголоса произнесла она, когда приступ паники окончательно отступил.

Водитель ничего не ответил, но все еще выглядел напряженным и растерянным.

Проезжая мимо хорошо знакомых улочек, Клара вспоминала свою жизнь в Сочи. В памяти всплыли самые приятные моменты: как Полина пошла в первый класс, переезд в новую квартиру, поездки семьей на Агурские водопады, катание на лыжах на Красной поляне, защита дипломного проекта на курсах в школе ландшафтного дизайна и, наконец, открытие цветочного салона. Все это Клара оставляла в прошлом, а что ее ждало впереди? Какие новости привезет Уваров из дальней поездки в пустыню?

Приехав в гостиницу, Клара прошла мимо ресторана, проигнорировав ужин, и поднялась в номер. Горячая ванна немного приободрила, но не смогла вывести Клару из забытья. Женщина легла в кровать и через окно стала наблюдать, как ночь вступает в свои права. С каждым вдохом из тела уходило напряжение, хотя слабость еще чувствовалась, а в голове пульсировала боль. Подумав об Уварове, Клара бросила взгляд на мобильный телефон и набрала смс с текстом:

«Где ты?».

Через минуту пришел ответ:

«Все там же».

Она написала:

«Хочу услышать твой голос».

Он тут же ответил:

«Позже позвоню».

Клара вспомнила Марину. Всем своим видом она показывала, что счастлива, но глубоко в душе тосковала по той, что спасла ей жизнь в заснеженном Анадыре. Из дневника Тамары и слов Марины Клара поняла, что примирение между матерью и дочерью проходило не гладко. Тамара даже рискнула дать Марине прочесть дневник. Видимо, до последнего надеялась, что Марина поймет ее поступки и простит.

Вспомнив о собственной дочери, Клара позвонила на домашний телефон и услышала надменный голос свекрови.

– Алло, кто говорит?

Клара закусила губу от неприязни: сейчас ей меньше всего хотелось слышать этот заносчивый голос.

– Добрый вечер, Елизавета Степановна, позовите Полину к телефону.

Послышался стук трубки о стол – слишком сильный, чтобы дать понять всю степень недовольства свекрови. Она громко прокричала:

– Поля, твоя мать просит тебя подойти к телефону! Видимо, совесть заиграла, будет просить прощения!

Кларе хотелось крикнуть, что-нибудь гадкое, но в этот момент в трубке послышался звонкий голосок дочери.

– Привет, мамочка!

– Привет, мой зайчонок, как ты там? – мгновенно посветлела Клара.

– Хорошо. Сегодня получила две пятерки.

– Ой, как здорово! – радостно отозвалась Клара. – Ну а как там обстановка по десятибалльной шкале?

Это была их игра: чем выше бал – тем напряженной атмосфера.

– На семерку, – деловито оценила дочь.

– Могло быть и хуже, – пошутила Клара, – ты передала папе записку, как я просила?

– Да.

– Молодец. Скучаешь?

– Да, мамуля, – тут же скисла Полина, – когда ты приедешь?

– Скоро, мой зайчик, скоро.

– Ура! Мама сказала, что скоро приедет! – радостно закричала Полина бабушке.

Послышалось приглушенное ворчание.

– Слушайся папу и бабушку. Скажи папе, чтобы не забыл про витамины.

– Папа в командировке. Мы с бабулей одни.

– Понятно, тогда скажи бабушке, она знает название.

– Хорошо.

– Целую тебя, зайчик, крепко-крепко. Люблю и обнимаю. Пока.

– Я тебя тоже, мама, приезжай скорее, – ответила Полина и с неохотой положила трубку.

Клара отбросила телефон и на глаза снова накатились слезы, но теперь ее больше не грызла совесть от того, что ее отъезд может вызвать огорчение дочери. Если бы не Тамара, у них с Полей не было бы двух последних счастливых лет. Поэтому трудно сказать, кто кому, в конечном счете, сделал одолжение. Сейчас у Клары хотя бы есть возможность общаться с дочерью и влиять на ее жизнь; а вот если бы не Тамара, то Полина лишилась бы мамы еще два года назад.

Зазвонил телефон. Клара посмотрела на дисплей – это был номер, с которого приходили сообщения от Уварова. Сердце бешено заколотилось. Она вытерла слезы, ответила на звонок и услышала озабоченный голос Юрия:

– Что случилось? У меня совсем мало времени.

– Я сегодня была у... – начала она.

– Не по телефону, – прервал он ее грубо, – про них – не по телефону, скажи про себя.

Клара сначала растерялась, не зная, что сказать, но потом включила громкую связь, представила его лицо и внезапно выпалила.

– Я люблю тебя. Мы со всем справимся. Вместе мы все преодолеем. Мы найдем ответы – ты и я.

В трубке послышался шумный вздох.

– Я хотел тебе сказать то же самое. Ты не представляешь, как это для меня важно.

Если тебя не будет рядом, как мне со всем этим справиться?

На душе потеплело, Клара улыбнулась: от печали не осталось ни следа. Где-то внутри затеплилась нежность.

- Как ты себя чувствуешь? – заботливо спросила она.
- Физически терпимо, тело адаптируется. Уже могу передвигаться днем, но вот психологически я на грани. Не могу осознать то, что произошло.
- Я тоже. Когда ты вернешься? – с тоской в голосе спросила она.
- Скоро, очень скоро, – ответил Уваров. Он явно не хотел озвучивать по телефону конкретные сроки.
- Хочу оказаться сейчас с тобой на каком-нибудь малообитаемом острове. Белый песок, прозрачная вода и береговая линия, уходящая вдаль. Есть лишь ты и я. Хочу оказаться там, где нас никто не найдет, и где нам никто не помешает. Чтобы мы могли спокойно говорить часами, смотреть на небо, лежать вместе на теплом песке.
- Ничего не имею против, но нам не нужно говорить. Все, что знаешь ты, знаю и я, – тут же отозвался Юрий.
- Все, все, все? – удивилась Клара.
- Да.
- Хм. Даже то, что я узнала сегодня?
- Да.
- Тогда ты понимаешь, что я сейчас чувствую?
- Разумеется. Не плачь. Все образуется. Как ты сказала только что? Мы справимся... Мне пора, Клара. Больше не могу говорить.
- Будь на связи, ты мне сейчас очень, очень нужен, – напоследок попросила она.
- Сделаю, что смогу, – с теплотой в голосе ответил Уваров. На этих словах связь прервалась.

Клара легла на кровать и закрыла глаза. Она осознала, что наступает новый рубеж в ее жизни. Что несло это новое, она не знала, но психологически ощущала рядом поддержку того, с кем внезапно свела ее судьба.

А в номере напротив, сидя на такой же кровати, следователь Коваленко снял наушники и вопросительно посмотрел на нового напарника.

- Что ты думаешь об этом?
- Бред какой-то! – выпалил молодой следователь и отбросил нависшую челку со лба. – Тело адаптируется...
- Что знаешь ты, знаю и я... – в тон напарнику пробубнил Коваленко.

Оба встали перед окном и посмотрели на внутренний двор гостиницы.

- Голос Юрки, это однозначно... – задумчиво произнес Коваленко и почесал затылок. – Мистика какая-то, ей-богу. Я собственными глазами видел, как он умер. Собственными глазами... и не только я... как такое возможно?

В комнате на минуту воцарилась тишина.

- Может, она записала их разговор еще раньше, а теперь играет с нами, чтобы отвести от себя подозрения? Она ведь слежку сразу заметила, еще в такси начала вертеться, как уж на сковородке. И о том, что мы будем ее телефон слушать, тоже могла догадаться.

Версия напарника понравилась Коваленко. Он одобряюще похлопал его по плечу, давая понять, что доволен молодым помощником.

Глава одиннадцатая

Наследница

Следующий день обессиленная и опустошенная последними событиями Клара провела словно в забытьи: почти ни с кем не общалась, не выходила из номера.

Большую часть времени она лежала на кровати и думала о дне аварии и клинической смерти. Клара старалась вспомнить все детали, которым могла раньше не придавать значения, но ничего подозрительного так и не припомнила. В отличие от Уварова, помнящего сморщенного старика и его наставления, Клара не помнила ни Тамару, ни Кочевницу, ни даже то, как ее привезли в больницу. Шансы, что она выйдет из комы, были ничтожными, врачи не давали оптимистичного прогноза – наоборот, постоянно повторяли: «Готовьтесь к худшему». По словам Аркадия, он по большей части сидел в коридоре и не видел, что происходило в реанимации. Выходит, если ей так хочется докопаться до правды, нужно искать медицинский персонал, который был вовлечен в ее лечение. Немного поразмыслив, Клара отменила в сторону эту идею. Если все, о чем писала Тамара в дневнике, правда, то такие процессы проходят в стороне от любопытных глаз.

На второй день Клара поднялась в номер после завтрака и вспомнила о конверте, который ей дала Марина. Волнение нахлынуло с новой силой: она вынула из сумки конверт и распечатала его дрожащими руками. Внутри лежал маленький ключ. Ни записки, ни объяснений. Клара нахмурилась, покрутила ключ в руках: на нем не было никаких опознавательных знаков. От чего может быть этот ключ? От сейфа? От камеры хранения? А может, от банковской ячейки?

Вспомнив про адвокатов Тамары, она набрала номер, который дала ей Марина, и представилась:

– Меня зовут Камилла Стрелецкая, ваш телефон мне дала Марина Хомутова, нам необходимо встретиться.

– Добрый день, Камилла, рад вас слышать. Моя помощница продиктует вам адрес нашего офиса. В какое время вы намерены нас посетить?

В голосе слышались нотки приятного удивления. Клара поняла, что ее звонка не ожидали, а значит, Марина не сообщила адвокатам о ее появлении. Она ответила, что выезжает немедленно и, записав адрес, отправилась в адвокатскую контору, которая располагалась в центре города.

В холле многоэтажного офисного центра ее встретила приветливая высокая девушка и проводила в просторную переговорную комнату. С ее приходом офис загудел, как улей. Двери соседних комнат то и дело открывались и закрывались. У секретаря беспрерывно работал принтер. Не прошло и пяти минут, как в комнату буквально влетел мужчина лощеного вида лет сорока в сером костюме и страстно пожал ей руку.

– Меня зовут Эдвард Рицкевич, я старший партнер фирмы и вел дела Тамары Золотаревой.

Адвокат пронзил ее пытливым взглядом, на его лице красноречиво читалось: «Так вот вы какая!» В ответ Клара сдержанно улыбнулась.

– Если бы вы знали, сколько сил и времени мы потратили на ваши поиски! И вот вы сами звоните в нашу контору, положив конец нашей безрезультативной, и я бы даже сказал, никчемной работе! – быстро и слегка иронично проговорил адвокат – самокритика, видимо, была частью его природы. – Итак, приступим.

Сделав паузу, он вздохнул с облегчением и продолжил:

– В завещании сказано, что вы должны предъявить идентификационный ключ, – произнес Рицкевич и взглянул на Клару, – он у вас с собой?

Вспомнив о ключе, Клара кивнула и полезла в сумочку. Через несколько секунд она осторожно придвинула ключ к адвокату. Он наклонился, внимательно его

изучил, но в руки не взял; затем поспешно поднялся и вышел в коридор. Клара замерла в ожидании. Вернулся Рицкевич с маленьким переносным сейфом, положил его перед Кларой, дождался, когда она вставит ключ в сейф и, убедившись, что ключ подходит, объяснил процедуру:

– Золотарева настаивала: сначала ключ – потом бумаги.

Клара, не сводя взгляда с сейфа, кивнула.

– Я вас оставлю. Как будете готовы, позовите меня через секретаря, вам необходимо будет подписать бумаги.

Когда он снова вышел, Клара открыла крышку сейфа и увидела на дне два запечатанных конверта и несколько увесистых пачек денежных купюр. Она вскрыла первый конверт и увидела латвийский паспорт на имя Камиллы Стрелецкой; фотографии на паспорт были сделаны ею два года назад незадолго до аварии. Во втором конверте лежали несколько кредитных карт разных иностранных банков. Рассмотрев содержимое сейфа, она попросила секретаря позвать адвоката, и когда тот вернулся, в руках у него была увесистая папка. Рицкевич сел за стол и вынул из папки первый лист.

– Приготовьтесь к жиму рук сидя: вам придется дать мне пару десятков автографов, а перед этим вы должны подробно изучить ту часть завещания Золотаревой, в которой перечислено наследуемое имущество. Также мне понадобится паспорт для идентификации вашей личности, – сказал адвокат и весомерно постучал по папке.

Клара протянула ему латвийский паспорт и взглянула на перечень оставленной ей недвижимости. Адвокат с удивлением посмотрел на паспорт и воскликнул:

– Надо же! Вы – гражданка Латвии! А мы искали вас в России.

Через два часа совершенно потрясенная и обескураженная Клара вышла из здания бизнес-центра и пошла пешком по направлению к гостинице. В голове крутились сказанные адвокатом слова. Если эта часть наследства была малой, то какая же была у других наследников? Откуда у Тамары такие деньги? В дневнике она не раз упоминала, что Тихоня обладал крупными суммами и не мог ими воспользоваться – возможно, это его деньги? Но как они попали к Тамаре? Клара поняла: дневник Тамары не дает всех ответов – это только часть истории. Если Тамара позаботилась, чтобы Клара получила деньги, недвижимость, дневник и новый паспорт, то Тихонов наверняка позаботился о том, чтобы Юрий получил свою часть наследства – возможно, даже не финансовую, а информационную. Она шла по тротуару и думала, что ей теперь делать со всеми этими деньгами? Радовало одно: похоже, Тамара предугадала ее желание и оставила в наследство недвижимость на островах.

До гостиницы Клара шла быстрым шагом; дыхание то и дело сбивалось, позимнему колючий встречный ветер безжалостно трепал ее одежду и волосы. От порывистого ветра слезы застилали глаза, поэтому не заметила слезку. Правда, на этот раз ее сопровождал не следователь из управления – автомобиль Аркадия, крадучись, двигался вдоль обочины на аварийке.

Клара думала о Тихонове. Перед тем, как инсценировать самоубийство, он проводил исследования и вычисления, а после происшествия на пляже появился «человек в черном» – кочующий дух без души и тела. Он знал, кто такая Клара, и предполагал, что скоро окажется в теле Юрия. Значит, он изучил его окружение и стиль жизни.

Клара свернула к гостинице и вошла в холл. Пройдя мимо стойки рецепции, она уловила настороженный взгляд администратора и, войдя в кабину лифта, заметила, как девушка поспешно кому-то звонит. Такое поведение озадачило ее, но она постаралась отвлечь себя мыслью: мало ли какие гостиничные проблемы наваливаются на администратора за рабочий день...

Аркадий припарковался на стоянке возле гостиницы и выключил двигатель, но из машины не вышел. Его взгляд упал на поблекшее за десятилетие золотое обручальное кольцо. Сжав плотно губы, он посмотрел на свое отражение в зеркале: бледное лицо, потухший взгляд. Отправляясь в Сочи, Аркадий намеревался забрать жену и увезти ее домой. Но это было не единственной целью его внезапного приезда: он хотел навсегда избавиться от всех связей, которые тянули Клару в этот город, и в первую очередь – от ее бизнеса. Вчера московское начальство неоднозначно намекнуло, что его переезд в столицу уже не за горами. Это придало Аркадию решимости: жить в Элисте, как и Кларе, ему не хотелось, поэтому он из кожи вон лез, чтобы ускорить свое продвижение по службе. С минуту мужчина размышлял о ситуации, глядя на свое отражение, затем завел двигатель и поехал в сторону цветочного магазина.

Тем временем Клара открыла дверь номера и сразу почувствовала посторонний запах – смесь мускуса, ладана и кофе. Бегло осмотрев номер, она заметила на диване большую черную спортивную сумку. На столе были разложены географическая карта мира и звездного неба. Клара подошла ближе и увидела на ней пометки, сделанные красным фломастером. Из ванной послышался шум воды – кто-то принимал душ. Клара улыбнулась и подошла к двери, но сразу открывать не стала, а остановилась и прижалась к ней всем телом, предвкушая долгожданную встречу. От волнения ее сердце готово было выпрыгнуть из груди. Через несколько секунд воду выключили, и она услышала голос Юрия:

– Так и будешь там стоять или все-таки войдешь?

Клара улыбнулась еще шире и распахнула дверь.

Уваров брился перед зеркалом. Его бедра были закутаны в гостиничное полотенце. От быстрых движений руками капельки воды, застывшие было на торсе, скатывались вниз, к полотенцу. Увидев Клару, Юрий расплылся в улыбке и провел острым лезвием по щеке. На его правой руке виднелось пятно в виде полумесяца.

– Что это? – спросила она, подходя ближе.

– Появилось после обряда, – ответил Уваров и загадочно улыбнулся.

– Какого еще обряда? – удивилась Клара и, взяв его руку, начала разглядывать пятно.

Это был точно такой же полумесяц, как на руке Тихонова.

– Инициация. Посвящение, – пояснил Уваров и потянулся к ее губам.

– Ты меня перепачкаешь! – предупреждающе воскликнула она, уклоняясь от густой белоснежной пены.

С первой же секунды общения Клара почувствовала, как изменилась его энергетика. Изменился даже запах тела. Юрий стал более притягательным, цвет его глаз выглядел насыщеннее и ярче. Мелкие морщинки на лице разгладились: Кларе даже показалось, что он помолодел лет на пять.

Его губы коснулись ее губ, нежно и трепетно. Он притянул ее к себе, и они слились в поцелуе. Когда Уваров разомкнул объятия, она прошептала:

– Я соскучилась.

– Я тоже, – произнес он и мягко отстранился, – мне нужно закончить с бритьем, а потом расскажу про поездку.

– Жду – не дождусь, – ответила она и взглянула на себя в зеркало, – ну вот, теперь и я в пене!

Сполоснув лицо теплой водой, она промокнула его полотенцем и вышла из ванной.

Позже, когда они расположились на диване, Клара рассказала про завещание и поход к адвокатам.

– Так что ты теперь разговариваешь с богачкой, – с иронией произнесла она, показав копию документа о наследстве.

Юрий внимательно прочитал завещание и подвинул к себе карту. С минуту он изучал города, в которых была оставлена недвижимость, а затем уверенно сказал:

– Это непростое завещание – это послание. В нем обозначены места, в которых мы должны оказаться в определенное время и в определенной последовательности. Посмотри, – Юрий показал на карту, – Соломоновы и Сейшельские острова.

Он открыл свой блокнот и пояснил:

– Третьего ноября 2013 года в двенадцать часов сорок семь минут будет солнечное затмение. Начнется оно как кольцеобразное, и в процессе перейдет в полное. Областью перехода будут Сейшельские острова.

Показав на следующую недвижимость, указанную в завещании, Уваров продолжил:

– Соломоновы острова окажутся в центре кольцеобразного солнечного затмения на полгода раньше – десятого мая в двенадцать часов ночи. Это две даты, когда мы можем быть вместе.

Последнюю фразу он сказал так, что Клара поняла: он имеет в виду физическую близость.

– Только в эти дни? – с ужасом в глазах спросила она.

Он кивнул.

– Я сам этому не рад, но иначе нельзя. Мы должны придерживаться правил.

– Чертовщина какая-то! – с горечью воскликнула Клара. – Кто их установил?!

Уваров отвел взгляд и откинулся на спинку дивана. По его виду Клара поняла, что он не знает ответа на этот вопрос. Не скрывая разочарования, она опустилась рядом с возлюбленным и обняла его за плечи. Несколько дней она тешила себя надеждой, что Юрий вот-вот вернется, и тогда они будут по-настоящему вместе, а выходит, им придется придерживаться все тех же правил, что Тамаре с Тихоней.

Уваров прижал ее к себе, погладил волосы, словно давая понять, что понимает и разделяет ее разочарование.

– В первую очередь мы должны смириться, что беззаботной и праздной жизни у нас не будет. Мы не просто влюбленная пара, желающая поскорее свить гнездышко и пополнить его птенцами. На нас возложена некая миссия, и нам придется соблюдать правила, чтобы ненароком не ускорить процесс старения тел. Эликсир помогает только в определенные моменты: должно сойтись несколько факторов, один из которых – лунные затмения.

– Значит, лунные затмения на нас плохо влияют?

Уваров кивнул, поцеловал Клару в лоб и прижался к ее лицу щекой.

– Тихонов перед смертью нашел ответы на некоторые вопросы у индейских племен, – продолжил он вполголоса, словно их разговор могли подслушивать. –

Он не понимал, как затмения влияют на их с Тamarой жизнь, и позволял близость только раз в два года – перед тем, как ехать к Жупар. После двух ночей с любимой его тело начинало преждевременно стареть. Когда он узнал про затмения, у него была только одна возможность перехода, и они с Тamarой ее упустили. А до следующего они могли недотянуть – возраст, болезни... Его тело было истощено, он должен был перед затмением выпить эликсир, который два года специально для него готовила Жупар. А так как Тамара к затмению не приехала, время было упущено.

Вернувшись к своему блокноту, Уваров пролистал несколько страниц и продолжил еще на тон тише:

– В 2013 году будет три лунных затмения, это опасные дни. Нельзя осуществлять перелеты, принимать лекарства, испытывать стресс. Мы не должны быть вместе, близость нам навредит. Будет недостаток энергии, состояние здоровья ухудшится,

– Уваров тяжело вздохнул и заглянул Кларе в глаза. – Тихонов сказал мне, что только в момент солнечного затмения мы можем исполнить переход.

– Переход? – встrepенулась Клара. – Какой переход?

– В 2013 году у нас есть два шанса для перехода – будут два солнечных затмения. Тихонов сказал, что эти дни нужно использовать по максимуму, и посоветовал сконцентрироваться на первом затмении.

– Которое будет в мае? – уточнила Клара.

– Да. Мы должны заранее прилететь на Соломоновы острова и сделать все необходимые приготовления.

– Я думала, нашей задачей является сохранение духа, который перешел от Тамары ко мне, а выходит, мы должны осуществить переход? Что такое переход?

– Смерть, – коротко ответил Уваров и сжал ее руку.

– Я должна буду умереть?!

Глаза Клары округлились от ужаса, она одернула его руку и вскочила с дивана.

– Ты уже мертва, Клара, – мягко напомнил Юрий, – ты просто вернешь то, что скрыто внутри тебя.

Теперь Клара поняла, что Уваров встретился с ней не просто так. Судя по всему, его задачей был подробный инструктаж: ему предстояло разъяснить их дальнейшие действия, чтобы подготовить ее к грядущим событиям.

– А что во мне скрыто?

– Тихонов сказал, что ты здесь чужая, что тебе нужно вернуться Домой. Что это значит, я не знаю. Возможно, что в тебе хранится чья-то душа.

– Я думала вчера об этом, но тогда почему я ее не ощущаю? – возразила Клара. – Я не чувствую изменений после аварии. Я такая же, как и раньше.

– Это значит только одно – Кочевница еще не взяла над тобой верх, но скоро все изменится, – ответил ей Уваров и на несколько секунд замер, прислушиваясь к звукам в коридоре, затем добавил: – Как только она проснется, ты станешь опасна даже для своей семьи.

Слова Юрия вызвали болезненную тревогу за дочь. Выходит, уже скоро настанет время, когда скрытая в ней энергия сможет принести Полине вред.

– Я читала об этом в дневнике Тамары. Тихоня увел ее из семьи, объясняя, что она негативно влияет на все свое окружение. Она хоронила одного родственника мужа за другим.

– Дух Кочевницы питается энергией людей.

– Кто она такая, эта Кочевница?

– Древний дух, который послан на Землю в наказание за гордыню. Мы же читали с тобой об этом в книге, которую я принес из дома Тихонова, – напомнил Юрий, но на всякий случай решил еще раз пересказать легенду. – Некая девушка неземной красоты была наказана духом Солнца и теперь вынуждена находиться в спящем состоянии в душах некрасивых женщин...

Клара обижено поджала губы и с обидой в голосе воскликнула:

– Ха! Ты считаешь, что я некрасивая?!

Уваров усмехнулся, притянул ее к себе и обнял ее за плечи.

– Ты не дала мне договорить. Кочевница всегда вселяется в души совсем маленьких детей, как и произошло с Тamarой, а тебя она выбрала для временного пребывания – потому, что переход нельзя осуществить в детском возрасте. Она знала, что будет находиться в твоём теле не более пяти лет.

– А что будет, если мы не сможем выполнить этот... переход?

– Если переход не получится, то ты должна выбрать для нее новое тело.

– А что будет с моим? – испуганно спросила Клара.

Уваров сжал ее руку, и она догадалась сама. Несколько секунд она сидела в раздумье, а затем спросила:

– Но тело смогут хотя бы похоронить?

– Не знаю, – откровенно признался Юрий, – если учесть, что тело Золотаревой обнаружили в реанимации, то, возможно, так же будет и с тобой.

Кларе не давала покоя мысль о том, что дух Кочевницы может проснуться в любой момент, и она спросила:

– А когда она проснется, ее можно как-то контролировать?

Уваров усмехнулся.

– Первой нашей задачей будет ее пробуждение – только при этом условии ты сможешь исполнить переход. А для того чтобы она проснулась, ты должна быть на грани смерти.

– На грани смерти... – слова Уварова эхом вырвались из ее уст.

Уваров снова замер, прислушиваясь к шагам в коридоре. Зрачки его сузились до еле заметной точки, волосы на коже встали дыбом, словно у оцетинившейся в предчувствии опасности собаки. Клара была занята своими мыслями, и этих изменений не замечала.

– Какова твоя роль во всем этом?

– Я должен быть рядом с тобой, – ответил он, не отрывая взгляда от двери. – Чтобы Кочевница не смогла мне навредить, я прошел через обряд инициации.

В дверь постучали, Клара вздрогнула и с опаской посмотрела на Уварова.

– Открой, ты ведь хозяйка номера. Я пойду, переоденусь, – сказал он и скрылся в ванной комнате.

Думая, что это кто-то из персонала гостиницы, Клара неохотно подошла к двери и посмотрела в глазок. В коридоре стоял Аркадий! В горле мгновенно пересохло. Ноги от волнения подкосились. Она хотела поговорить с мужем, но не в присутствии Уварова и не сегодня.

Юрий как будто ощутил ее напряжение, потому что уже в следующий момент она почувствовала рядом с собой его горячее дыхание. Он развернул ее к себе, обнял и поцеловал так страстно, словно ему больше такой возможности не представится. В одно мгновение Клара перенеслась из гостиничного номера в бескрайнее космическое пространство, где на фоне черной мглы вспыхивали и

гасли невероятной красоты разноцветные звезды. Ей хотелось побыть там подольше, но их единение прервал рокошущий голос Аркадия:

– Клара, открой! Я вижу твою тень за дверью.

Клара испугано оглянулась на Юрия, ее взгляд красноречиво кричал: «Что будем делать?». Он приложил палец к губам и жестом показал, что спрячется, взял дорожную сумку и бесшумно прошел в ванную. Она окинула комнату оценивающим взглядом и поняла, что заводить мужа в номер нельзя. Кругом разбросаны бумаги, на столе разложены карты с пометками и завешание. Взяв сумочку, она открыла дверь перед мужем и быстро проскользнула мимо него в коридор.

– Как ты тут оказался?! Ты же должен быть в Москве?! – удивленно воскликнула она. – И почему о приезде не предупредил заранее?

Муж посмотрел на нее пытливым взглядом и, показав на дверь номера, спросил:

– Кто там с тобой?

– Никого, – уверенно соврала Клара.

– А если я проверю? – спросил он и впился в нее глазами.

К собственному удивлению, Клара протянула мужу электронный ключ и спокойно ответила:

– Проверь, если не веришь.

Рука Аркадия потянулась к ключу, глаза продолжали буравить. Она с легкостью выдержала его взгляд и даже нашла в себе силы улыбнуться. Его пальцы едва коснулись пластиковой карты и тут же скользнули в карман пальто.

– Незачем, – сухо ответил он.

– Я иду на ужин в ресторан, присоединишься ко мне или подождешь в номере?

– Пойду с тобой, – процедил он сквозь зубы.

– Хорошо, – Клара нажала кнопку лифта.

Когда коридор опустел, Коваленко, пребывая в номере напротив, отошел от двери и передал по рации напарнику:

– Коля, тут муж внезапно объявился. Она увела его в ресторан, смотри, не попадись им на глаза. Будь начеку, Юрка определенно воспользуется этим моментом и даст деру через служебную лестницу.

– Возьмем его в отеле? – поинтересовался молодой напарник.

– Нет, нужно выяснить, где он бросит якорь. Там и поговорим с ним в спокойной обстановке.

Сидя на кровати, Уваров прислушивался к звукам из соседних номеров. С одной стороны после ужина в номер поднимется Клара, а за ней непременно увяжется муж. Юрий через стенку чувствовал его негодование: ужином Клара точно от него не отделается. С другой стороны в ситуацию вмешалась непредвиденная активность бывших коллег. Предположения, что с Кларой поговорят, а точнее допросят, у Уварова были, но то, что к ней приставят слежку, оказалось для него полной неожиданностью. Чтобы незаметно покинуть отель, Юрию необходимо было дождаться вечера: при свете дня находящийся в его теле кочующий дух пребывал в полусонном состоянии, поэтому помочь активными действиями не мог. Разговор с Коваленко в ближайшие планы Уварова не входил, поэтому Юрий решил повлиять на ситуацию, не выходя из номера. Он растянулся на полу и закрыл глаза. Сейчас самое время проверить полученные после

инициации навыки. Мысленно он переместился в пространстве, увидел Клару с мужем и ощутил укол ревности. Видеть их вместе было для него большим испытанием, но он быстро стряхнул накрывшие его эмоции и сконцентрировался: главное – не подпустить Аркадия к номеру.

Официант гостиничного ресторана посадил супругов за столик в конце зала и протянул меню в кожаном переплете. Пока Аркадий с привычной для него придирчивостью расспрашивал о мясных блюдах, Клара разглядывала непроницаемое лицо мужа, пытаясь определить его настроение. Зачем он приехал? Что такое важное произошло, что он прервал командировку и прилетел в Сочи? Неужели Лиля рассказала ему шокирующие новости, обнаружившиеся в деле Уварова?

Когда они сделали заказ, утомленный въедливостью посетителя официант поспешил удалиться. Атмосфера за столиком была настолько напряженной, что даже мимолетная неосторожная фраза или замечание могли привести к скандалу. Пока муж сверлил ее режущим, как кинжал, взглядом, мысли Клары вертелись вокруг Уварова: смог ли он незаметно покинуть гостиницу, и когда он появится снова?

Первым молчание нарушил Аркадий.

– Как долго ты собиралась тут оставаться?

– В гостинице или в Сочи? – уточнила она спокойным тоном.

Муж нервно сглотнул, его глаза заискрились ненавистью.

– В Сочи.

– Дату отъезда я еще не назначила, – официальный тоном ответила Клара и поправила непослушную прядь волос.

Под пристальным взглядом мужа она чувствовала себя как микроорганизм под микроскопом.

– Я решил вылететь из Москвы в Сочи, чтобы увезти тебя домой, – сухо произнес Аркадий и добавил более резким тоном: – Раз и навсегда.

Клара вскинула на него удивленные глаза.

– Мне надоели эти недомолвки, я хочу поговорить и все расставить по своим местам. Ты моя жена, Клара, у нас дочь, которая нуждается в матери, ты должна вернуться домой – и точка.

Вспомнив о Полине, Клара закусил губу и погрузилась, сердце кольнуло, но это состояние быстро развеялось, когда она вспомнила об аварии, подарившей ей два года жизни Тамаре и других последних событиях.

– Давай поговорим, – спокойно согласилась она с мужем, хотя даже не предполагала, как объяснить Аркадию ситуацию. Если сказать ему правду, он точно сочтет ее сумасшедшей, и предсказать его последующие действия не составляло большого труда.

– Зачем ты здесь? – в лоб спросил ее Аркадий.

– У меня здесь дела.

– Это как-то связано со смертью Уварова?

По его вопросу Клара поняла, что Лиля не рассказала ему о новостях.

– Я не могу тебе ответить, – тихо произнесла Клара и, заметив нарастающую ярость на лице мужа, поспешила добавить: – Пока не могу.

Аркадий одарил ее надменным взглядом. Сейчас он был очень похож на свою мать; так же сложив пальцы в замок, он произнес, чеканя каждое слово:

– Мне надоели эти игры. Мы завтра же возвращаемся домой. И чтобы про Сочи ты больше не вспоминала. Я говорил с бухгалтером, мы выплатим всем сотрудникам твоего салона солидную компенсацию. Лилю я оформлю у себя и выплачу ей все, что там полагается по закону беременным женщинам. Я сказал, чтобы подготовили договор на расторжение аренды магазина.

Такого напора Клара от мужа ожидала, поэтому на душе ее было безмятежное спокойствие.

– Я не хочу слышать никакие отговорки, дело решенное. С Сочи покончено, теперь наш дом – в Элисте. Дело не в деньгах, а в принципе. Ты не будешь оставлять дочь и уезжать в другой город.

Кларе хотелось встать и уйти, но она знала, что муж пойдет за ней в номер. Аркадий – как бультерьер: если ухватится за что-то – уже не отпустит. Раньше эта черта характера ей даже нравилась, но сейчас, когда дело коснулось ее самой, стало страшно и неудобно.

Подняв глаза на мужа, Клара смерила его оценивающим взглядом.

– В моей жизни будет так, как нужно мне, а не тебе. А ты в своей делай, что хочешь, мне это уже безразлично.

На минуту он замер, обдумывая ее слова, затем спросил:

– Ты помнишь наш последний разговор?

– Конечно.

– Значит, ты понимаешь, что если ты не сделаешь, как я тебе велел, ты больше не увидишь дочь.

Клара нервно сглотнула и кивнула.

– Ты хочешь развода?

– Да, – уверенно ответила она и вспомнила про Тамару.

Ее тоже считали предательницей, но Клара была уверена, что найдет способ объяснить все Полине.

– Это твое окончательное решение?! – спросил он; его голос сорвался на визг.

– Да, – спокойно ответила Клара.

Аркадий резко встал и, не прощаясь, пошел к выходу; его лицо перекопилось в злобной гримасе. Сейчас он ненавидел жену всеми фибрами души.

«Она хочет развода? Она его получит! Я оставлю ее без копейки! Она будет нищенствовать, попрошайничать и, в конце концов, приползет на коленях. Безмозглая дура! Что она вообще о себе возомнила?», – думал он, чеканя шаг.

Лицо Аркадия покраснело от гнева, тело напряглось, словно пружина. Через несколько шагов главный вход отеля. Рука Аркадия потянулась к хромированной ручке, но что-то в последний момент его остановило и мужчина замер перед стеклянной дверью. Мысли судорожно вращались вокруг финансовой темы. Деньги! Вот чем он может исправить ситуацию! Аркадий резко развернулся, стремительно преодолел холл, зашел в ресторан и сел на только что покинутый им стул. Он не привык проигрывать, тем более жене. Зная все ее слабые места, он надеялся продолжить переговоры в другом русле.

– Клара, я понимаю, ты расстроена смертью Уварова, – вкрадчиво начал он. – Если тебе нужно время, я все пойму.

Кларе хотелось сказать, что Уваров жив, и как она его любит, но она понимала, что не может этого сделать.

– Мне не нужно время, чтобы понять, что наши отношения исчерпали себя. Я больше не люблю тебя и не вижу смысла сохранять семью. Если ты будешь мне

препятствовать в общении с дочерью, то я буду применять меры – такие же жесткие, какие ты собирался применить ко мне.

Аркадий обомлел.

– Ах, вот как ты заговорила?! – воскликнул он негодующим тоном. – В таком случае тебе придется выплатить мне всю сумму, которую я тебе занимал на развитие бизнеса!

Это было последним аргументом, которым он намеревался удержать жену. Он знал, что денег у нее нет, а закрытие бизнеса она блокирует всеми силами.

– Нет проблем, – с легкостью ответила Клара, – скажи, куда перевести деньги.

Ошеломленный ее ответом, Аркадий долго не мог прийти в себя. Когда он все же заговорил, то начал заикаться.

– Ты... ты... вер... вернешь... всю сумму?

– Даже с процентами. Десяти сверху тебе хватит?

Аркадий подумал, что разговор жене настолько неприятен, что она начала огрызаться и блефовать.

– Твое бравирование вылезет наружу сразу после звонка моего бухгалтера.

– Вот мы и проверим, – спокойно ответила Клара.

Аркадий с минуту смотрел на жену, потом медленно поднялся и пошел к выходу. По мере удаления от ресторана его шаги ускорялись, а губы сжимались все плотнее и плотнее, пока не превратились в подобие тонкой нити.

Официант принес заказ и вопросительно посмотрел на стул, на котором только что сидел Аркадий.

– У мужа возникли срочные дела, но вы заверните его заказ в контейнер, я возьму с собой, – тут же вышла из положения Клара.

Аркадий сел в машину и ослабил галстук. Дыхание перехватило, и он стал ртом хватать воздух. В его жизни все было упорядочено и продумано на годы вперед. К женитьбе он относился, как к удачно совершенной сделке, а теперь она рассыпалась на его глазах в пух и прах. Бракоразводный процесс на данном этапе мог серьезно повредить его карьере, а вариантов для перемирия он не видел. Перемены в поведении жены были разительными. Никогда раньше она не позволяла себе такие вольности. Ее тон и отсутствующий взгляд говорили о том, что она не шутила. Но откуда у нее деньги? И как давно они у нее появились? Он не мог уехать, не выяснив этого вопроса.

После ужина Клара поднялась в номер с пластиковым контейнером в руках. Она вставила электронный ключ в замок и зашла внутрь. Уваров сидел на диване с голым торсом в длинной серой юбке, покрытой черными восточными узорами. Клара приятно удивилась: когда она уходила, он переодевался в ванной и собирался немедленно покинуть гостиницу.

Юрий отставил в сторону карту и спросил:

– Как прошла встреча?

– Ты же знаешь то же, что и я, – немного раздраженно напомнила Клара и села на диван.

Она протянула ему контейнер с едой и со злостью отбросила сумку в сторону.

– Знаю, но не знаю твоих мыслей и намерений.

– А какие у меня могут быть мысли? – с вызовом спросила она, но тут же осеклась и быстро извинилась: – Прости, ты ни в чем не виноват.

Открыв контейнер, Уваров понюхал содержимое и с жадностью начал поглощать еду. Когда пустой контейнер полетел в мусорное ведро, Клара сказала:

– Не могу с мужем даже в одном помещении находиться.

Уваров прожевал и пристально посмотрел на Клару. Из всех сил он старался сделать так, чтобы супруги окончательно не рассорились. С минуту он разглядывал ее лицо, а потом спросил:

– Когда это началось? Когда ты почувствовала к нему неприязнь?

Клара на минуту задумалась, потом ответила:

– За день до того как я нашла дневник, Аркадий сказал про переезд. После этого я перестала что-то чувствовать к нему вообще, а редкий секс стал супружеской обязанностью.

– Значит, Кочевница проснулась, – сделал вывод Юрий. – Стресс разбудил ее. Тихонов дождался этого момента и организовал показательное самоубийство, чтобы привлечь к своей персоне максимум твоего внимания. Медленно, день за днем, она начнет набирать силу, а ты – исчезать.

Клара вздрогнула и уставилась на Юрия.

– Как это – исчезать?

– Твоя личность сдает позиции. Особенно это будет заметно после первого лунного затмения.

– Когда это будет? – спросила Клара, нервно сглотнула и неосознанно начала заламывать руки.

– Двадцать пятого апреля.

– Значит, у нас три месяца, – подсчитала Клара.

– И эти три месяца ты должна прожить с пользой для себя. Сделай все приготовления, составь завещание, раздай долги. Будь с дочерью. Подумай, что будет с твоим бизнесом. Возможно, Аркадий прав и его нужно закрыть.

– Я не хочу, – упрямо произнесла она.

Уваров положил руку на ее колено и медленно начал поглаживать.

– Представь, что ты завтра умрешь. Что ты хочешь оставить после себя? Это процесс долгий, так сразу все в голове не уляжется. Поживи с этой мыслью пару дней – и все встанет на свои места. Чтобы понять, в чем наши истинные ценности, мне хватило и одного дня.

Клара вскочила и несколько минут ходила по номеру с задумчивым видом. Уваров ей не мешал. Его взгляд был направлен в сторону двери: он прислушивался к шагам в коридоре, при этом его челюсть находилась в постоянном движении, а голова склонялась на бок. Надвигающая опасность грозила ворваться в их важный разговор в любую минуту, но он, как мог, оттягивал этот момент – ведь сейчас Клара должна принять самое важное в своей жизни решение.

Наконец-то Клара остановилась и уверенным голосом произнесла:

– Бизнес я оставлю Лиле, а сама поеду в Элисту. Если у меня всего три месяца, то я хочу провести их с дочерью.

Юрий пристально посмотрел ей в глаза и кивнул.

– Это правильный выбор, – затем, показывая в сторону коридора, добавил: – Твой муж сделал уже вторую попытку подойти к номеру. Сейчас он даже не решился выйти из лифта, спустился в бар и выпил бокал вина. После второго бокала он сделает третью попытку, и она будет успешной. К этому моменту тебе лучше остаться в номере одной.

– А как же ты? – взволновано спросила она.

– Я всегда рядом, стоит тебе обо мне подумать. Со временем ты научишься меня чувствовать и понимать без слов.

– И чем ты будешь заниматься эти три месяца?

– Постараюсь использовать отпущенное время с пользой, – пространно ответил Юрий и начал переодеваться.

– Что это за юбка на тебе? – усмехнулась она.

– Их носят мужчины в Йемене. Мне подарил ее паренек, который сопровождал меня в пустыне. Кстати, очень удобная вещь.

Клара оценивающе осмотрела ее со всех сторон и констатировала:

– Тебе идет.

Через десять минут Уваров стоял перед дверью уже одетый и обутый; в руках он держал черную дорожную сумку. Клара стояла рядом, борясь с подступающими слезами. Внутри ее раздирали противоречия: она приняла решение, но, едва увидев Юрия у двери, вновь испытала сомнения. Ей не хотелось с ним расставаться: своим присутствием он не только успокаивал и приободрял, но и давал ей надежду на будущее. Он точно знал, что делать и когда. От него веяло такой уверенностью, что рядом с ним Клара ничего не боялась, могла справиться с любыми трудностями.

– Не раскисай, мы скоро будем вместе, – прочитал ее мысли Уваров. – Три месяца пролетят – не заметишь.

– Я буду безумно по тебе скучать, – она провела дрожащими пальцами по его губам.

– Не будешь, – уверенно ответил Уваров, – нельзя скучать по тому, кто всегда рядом.

Он притянул ее к себе и поцеловал в губы. Затем насторожился и сказал:

– Он у лифта на первом этаже, мне надо спешить.

– Неужели ты это видишь? – удивилась она, но тут же вспомнила, как Тамара описывала прогнозы Тихони.

– Не забудь, двадцать пятого апреля ты должна быть очень осторожной. Лучше уединиться и быть наготове. Никакого общения с семьей. За три дня до солнечного затмения мы должны прилететь на Соломоновы острова. Пока ты ужинала, я переписал адрес дома. Билет на московский рейс бронируй на паспорт Стрелецкой, чтобы твоя фамилия не мелькала в базе. Я советую тебе сдать все документы, кредитные карты и деньги в банковскую ячейку, чтобы Аркадий ничего не заподозрил.

Клара кивнула.

– Это прозвучит банально, но это то, что я знаю, как свое собственное имя: ты – моя вселенная, – сказал он, еще раз поцеловал ее и решительно вышел из номера. Клара прислонилась к двери и замерла в ожидании. Шаги Уварова удалялись все дальше и дальше, пока она не услышала, как в конце коридора открылась дверь служебной лестницы. Через несколько секунд с лязгом распахнулись двери лифта, и послышались неуверенные шаги Аркадия. Она глубоко вздохнула и положила пальцы на дверную ручку.

В номере напротив Коваленко давал своему напарнику распоряжение по рации.

– Коля, беги к служебной лестнице! Непусти его!

– Понял! Неупущу!

Молодой следователь пробежал по длинному коридору первого этажа и осторожно открыл дверь служебной лестницы. Тишину нарушали тяжелые мужские шаги. Он осторожно взглянул в узкую щель между лестничными пролетами и увидел мужчину в черном костюме, спускающегося вниз. Следователь прильнул к стене, вынул пистолет из кобуры, снял с предохранителя и встал в стойку. Шаги приближались.

Сквозь узкие и вытянутые окна между лестничным пролетом Уваров взглянул на сияющую в небе луну и улыбнулся. Пришло время для магии. Он миновал площадку второго этажа и, ускоряя шаг, побежал по ступеням вниз.

Молодой следователь, держа перед собой на вытянутой руке пистолет, не выдержал напряжения и прокричал:

– Стой! Стрелять буду!

Но, к его удивлению, на лестнице никого не оказалось. Звук быстрых шагов нарастал, он даже почувствовал на щеке легкое дуновение ветерка, но никого не видел! Страх сковал тело, руки задрожали. Что за чертовщина? Дверь служебной лестницы резко открылась и через минуту шаги смолкли. Николай выскочил в коридор, но кроме уборщицы, испуганной его пистолетом, там никого не оказалось. В радиации раздался треск, затем голос Коваленко вернул его к реальности:

– Коля, ну что у тебя?

Николай нервно сглотнул, убирая пистолет в кобуру, и ответил:

– У меня все чисто.

– Странно! Я в холле перед выходом, слежу за лифтами. Ты уверен, что его нет на лестнице?

– Абсолютно! – воскликнул напарник. Правда, чуть резче, чем требовалось.

Глава двенадцатая

Долгожданное воссоединение

Закончив генеральную уборку, Клара встала у окна кухни и беглым взглядом осмотрела улицу. Шумная детвора с криками носилась по детской площадке. На скамейке у подъезда консьержка с подружкой что-то оживленно обсуждали. Одинокое прохожие спешили по своим делам. Город жил и будет жить своей жизнью, даже после того, как ее существование прекратится. Время неудержимо приближало момент завершения ее миссии.

Муж с дочерью вышли из припаркованной машины. Аркадий извлек из багажника несколько пакетов с продуктами и вместе с Полиной направился к подъезду. Клара сняла фартук и бросила его в стиральную машину. Налила себе кофе и расположилась за кухонным столом. В последние месяцы ее самочувствие резко ухудшилось; пик недомогания, как и предвещал Уваров, пришелся на лунное затмение. В тот день она была дома одна: Аркадий уезжал в командировку, а Полина гостила у бабушки.

Сегодня она закончила все приготовления к отъезду. Вещи в дорогу и чемоданы были заранее куплены и оставлены в гостиничном номере. Билеты на самолет заказаны. Завтра она должна вылететь в Москву, а оттуда – в австралийский Брисбен с пересадкой в Сингапуре. Перелет обещал быть многочасовым и утомительным. Она не знала, где и когда к ней присоединится Уваров, но надеялась, что это случится как можно скорее. Какая была обстановка на островах после землетрясений и многочисленных цунами, которые произошли в начале

февраля, можно было только догадываться: нехватка медикаментов и продуктов питания, спад в туристическом потоке и, как следствие, в экономике.

Сегодня ей предстоял финальный разговор с мужем. Когда он постучал в номер сочинской гостиницы, она мгновенно придумала причину, по которой он ее отпустит, не чиня препятствий отъезду и дальнейшему общению с дочерью. Она готовила почву к этому разговору все эти месяцы. С Полиной все сложнее. Ей Клара не могла врать, поэтому оттягивала прощание до последнего момента.

Входная дверь открылась, и в прихожей послышались голоса мужа и дочери. У Клары сжалось сердце – вот он, момент расставания с ее малышкой.

– Ржаного хлеба, какой ты любишь, не было, – сказал Аркадий, заходя в кухню.

– Ничего страшного, – Клара допила последний глоток кофе.

Аркадий знал, что жена каждый день съедала на завтрак два кусочка ржаного хлеба с джемом и, услышав ее ответ, обернулся и потрогал ее лоб.

– Ты плохо выглядишь. У тебя температура подскочила. Говорил тебе – рано еще мыть окна! Видимо, ты простыла.

– Я не простыла. Температура не из-за этого, – многозначительно произнесла Клара и убрала его руку.

– А из-за чего? – настойчиво осведомился муж.

– Вечером поговорим, когда Полина ляжет спать.

Аркадий нахмурился. Он давно привык к тому, что поведение жены менялось с каждым днем – она становилась скрытной, порой агрессивной и несдержанной, – но сейчас в ее глазах он заметил не отстраненность, как прежде, а тоску и безысходность. В памяти сразу всплыл их разговор в сочинской гостинице, когда жена призналась в неизлечимой болезни и взяла с него обещание никогда не вмешиваться в процесс лечения. Она не говорила, кто был ее врачом – скорее всего, но срок, который ей отведен, она знала точно – три месяца. Аркадий не раз пытался переломить ситуацию, но Клара, словно тигрица, бросалась на него и напоминала о данном им обещании. В конце концов, он знал, что его жена не из тех, кто будет бездействовать, глядя на прогрессирующую болезнь. Раз она так уверена – значит, так оно и есть.

Забегала Полина и обняла мать.

– Мамочка, мы купили все, кроме ржаного хлебushка.

Клара так сильно прижала к себе дочь, что Полина застонала и шутливо изобразила удушение. Затем завела дочь в детскую и села рядом с ней за письменный стол. Девочка разложила учебники и вопросительно взглянула на мать.

– Что? – удивленно спросила Клара и погладила Полину по спине.

– Ты сегодня необычайно печальна.

– Необычайно? – Клара тоскливо усмехнулась.

– Да. Ты каждый день печалишься, но сегодня больше, чем обычно.

Клара поджала губы и отвела взгляд. На глаза навернулись слезы. Полина это сразу заметила и, схватив мать за руку, спросила:

– Мамочка, что с тобой? Ты чем-то расстроена?

Клара закивала.

– Я в чем-то провинилась?

– Нет, дорогая, – сквозь слезы еле слышно произнесла Клара, – ты мой ангелочек... Ты ни в чем не провинилась...

– Ты заболела?

Не в силах сказать дочери правду, Клара кивнула и несколько слезинок упали на руку дочери. Это был самый тягостный момент в ее жизни. Ей хотелось схватить дочурку, прижать к себе и никогда не отпускать. Она смотрела на ее округлое личико, и сердце разрывалось на части. Как сказать дочери, что они больше не увидятся?

– Ты снова ляжешь в больницу?

Клара подумала: «Похоже, мне ничего не придется сочинять, Поля сама все подсказала».

– Да. На этот раз мое пребывание в больнице может затянуться, а я не хочу надолго оставлять свою малышку.

– Мама, я уже давно не малышка, – совсем по-взрослому ответила Полина.

– Ты растешь очень быстро, только вчера ты была вот такой маленькой, – Клара показала, какого роста была Полина, когда родилась, – а сегодня ты почти уже догнала маму. Мне кажется, что в моем сердце ты навсегда останешься крошечной беззащитной девочкой.

– Я не беззащитная. Вчера на физкультуре я со всей силы врезала Костылю ракеткой так, что он от боли чуть не заплакал.

– Полина! – воскликнула мать. – Нельзя драться! Всегда и все можно решить мирными переговорами.

– Поверь мне, мамочка, с этим типом нельзя вести никаких переговоров. Он всех моих одноклассников доводит до слез. Вчера побил Пашку Сорокина.

– Так вот в чем дело! – догадалась Клара. – Это тот мальчик, который тебе нравится? Ты решила заступиться за него?

– Он заступает за меня, я за него, – Полина, смущаясь, улыбнулась.

– Понятно, а ты не думала, что Костылю ты тоже нравишься, поэтому он и побил Пашку – так сказать, устранил соперника?

Глаза Полины вспыхнули от недоумения.

– А разве так проявляют свою симпатию?

– Мальчики могут и так, – усмехнулась Клара.

Улыбка стала медленно сползать с ее побледневшего лица. Ей все еще нужно сказать дочери о разлуке. Клара старательно подбирала слова, но комок подкатил к горлу, блокируя все ее усилия.

– Когда ты ложишься в больницу?

Клара нежно погладила залитые розовым румянцем щеки дочери, поцеловала в лоб и тихо произнесла:

– Завтра утром.

– Мы будем с папой тебя навещать.

Клара покачала головой. Полина взглянула на мать с грустью и вполголоса спросила:

– А звонить ты мне будешь?

– Не думаю, что смогу тебе звонить, детка. Там, где я буду, связи нет.

Следующие два часа ушли на подготовку домашнего задания. В перерывах Полина рассказывала матери о своих друзьях и подругах. Позже, когда Полина уснула, Клара поцеловала ее в лоб, еле слышно прикрыла дверь детской и прошла на кухню.

Аркадий сидел за столом с бутылкой пива в руках. Вид у него был потерянный. Клара поняла, что он подслушал часть разговора с дочерью. Она ожидала продолжительного эмоционального разговора, но муж задал только один вопрос:

– Значит, время пришло?

Самолет авиакомпании «Solomon Airlines» шел на посадку в аэропорту столицы Соломоновых островов – Хониаре. Пассажиры, большинство из которых летели на отдых, со счастливыми лицами прилипли к иллюминаторам, рассматривая местный ландшафт. Когда колеса коснулись земли, аплодисменты заполнили салон самолета. После приземления Клара поняла, что цивилизация осталась на ближайшем материке. Багаж пассажиры выносили сами, а хлипкая конструкция трапа позволяла спускаться лишь поодиночке. Со всех сторон взлетно-посадочную полосу продувал мягкий островной ветер. Температура воздуха была около двадцати пяти градусов. Погода стояла пасмурная, тучи с востока быстро заволакивали небо – на Соломоновых островах в эти дни начиналась зима.

Работники аэропорта говорили на миксе английского и местного диалекта. Ей на помощь пришла полная шустрая англичанка, которая отдыхала здесь не первый год. Кларе предстоял еще один перелет на соседний остров. Она прошла таможенно и предъявила на стойке регистрации в трансферной зоне билет на последний перелет. Через полчаса ее проводили на усеянную травой площадку, на которой стоял потрепанный временем крошечный самолет, рассчитанный на восемь пассажирских мест. На его борту пестрело название местной авиакомпании «Solomons». Клара протянула билет. Молодая кудрявая женщина лет тридцати пяти с отчетливым австралийским акцентом пригласила ее подняться на борт. Внутри самолет был еще страшнее, чем снаружи: потертые сиденья, стойкий запах водорослей и авиационного топлива производили удручающее и даже пугающее впечатление. Кларе так и хотелось спросить: «Эта скорлупка еще летает?».

Через десять минут австралийка зашла на борт, закрыла за собой откидной трап и села на место пилота. От изумления у Клары брови поползли вверх: она никогда бы не подумала, что эта женщина может быть пилотом. Самолет был полупустой. Двигатель загудел, набирая обороты, от чего в салоне повис такой гул, что Клара зажала ладонями уши. Летевшие с ней пассажиры в недоумении наблюдали за ее реакцией. Кларе стало понятно: среди них она – единственная, кто летит на этом самолете впервые. Когда зажглись таблички «Не курить» и «Пристегните ремни», Клара усмехнулась: кроме нее, никто из пассажиров даже не удосужился пристегнуться, пассажиры вели себя так, словно едут на трамвае до следующей остановки.

Самолет покатился по траве, набирая скорость, и оторвался от земли как раз там, где закончилось травяное поле. Клара облегченно вздохнула и позволила себе немного расслабиться. Примкнув лицом к окну, она увидела, как под брюхом самолета остался аэропорт и прилегающий к нему ландшафт: одноэтажные здания, буйная растительность, редкое движение автомобилей на дорогах. Если это столица, что ее ждет на острове Нью-Джорджия? Самолет облетел аэропорт и лег на курс. Судов у побережья острова было гораздо больше, чем машин на дорогах. Внизу виднелись маленькие рыбацкие суденышки, катера, разбегающиеся в разные стороны, и большие грузовые корабли, стоявшие на якоре. Темно-синее море становилось почти белым по мере приближения к береговой линии. Они пролетели еще несколько минут, когда Клара увидела под

собой небольшой остров. Заметив ее любопытство, женщина на соседнем сиденье воскликнула:

– Алюкан!

Пока они летели до Нью-Джорджии, она не отводила взгляда от морского пейзажа за иллюминатором. Все выглядело загадочным и неправдоподобным. Тридцать шесть часов назад она была еще в Москве, а сейчас смотрит с высоты птичьего полета на скопление островов самых всевозможных форм в тринадцати тысячах километрах от дома!

Приземлившись на острове, самолет покатился по травяному полю и остановился перед небольшим зданием аэропорта. Австралийка заглушила двигатель, откинула трап и пригласила всех к выходу. Пассажиры с шумом покинули самолет, Клара же, не спеша, замыкала процессию.

Последний перелет оставил ее без сил: ноги казались ватными, Клара еле передвигалась, почти не отдавая себе отчета, куда идет. Сон урывками, плохое питание, нервное перенапряжение, перепады давления – все это сказывалось на ее восприятии окружающей атмосферы. Ей казалось, что она попала в инопланетный мир, где все говорят на непонятных ей языках, а вокруг агрессивная и недружелюбная фауна.

Через час она добралась до места, которое было указано в завещании. «Недвижимостью» оказался покосившийся от времени деревянный домишко, стоявший недалеко от лагуны Марово. Его прохудившаяся соломенная крыша была кем-то недавно заделана. Архаичная конструкция возвышалась на сваях над песком и была окружена со всех сторон террасой, на которой висели два совсем новеньких гамака ярко-оранжевого цвета. В островитянской лачуге явно кто-то жил, и Клара подумала, что Уваров наверняка приехал раньше нее – это объяснило бы тот факт, что он до сих пор не дал о себе знать.

Распахнув скрипучую обветшалую дверь, которая не спасала даже от ветра, Клара крикнула:

– Есть тут кто?

Никто не ответил. Клара нащупала рукой выключатель. Где-то под соломенным потолком зажглась единственная лампочка и тусклым светом осветила деревянное строение. Тишину в хижине нарушали крики местной детворы, доносившиеся с побережья, и громкий разговор группы дайверов, проходящих мимо и оживленно обсуждающих последнее погружение. Многие из них обернулись, с интересом разглядывая Клару.

– Добрый вечер, – Клара вымучила улыбку.

Дайверы как по команде дружно улыбнулись ей в ответ и поздоровались. Когда группа скрылась в соседнем домике, Клара занесла свой чемодан и начала осматриваться. В хижине имелись три крохотные комнатки: гостиная-кухня, спальня и ванная, в которой еле мог разместиться один человек. На окнах висели москитные сетки. Ни телевизора, ни магнитофона не было. В том, что Уваров приехал раньше нее, она уже не сомневалась: йеменская серая юбка с восточными узорами висела на подлокотнике дивана. Клара вышла на террасу и увидела внизу на песке гриль и прикрытую неглубокую яму, на дне которой виднелся уголь. Видимо, здесь Юрий готовил себе еду. Вернувшись в дом, она посмотрела на настенные часы: было семь часов вечера по местному времени. В Сочи сейчас была глубокая ночь. Несколько минут она просидела на диване в ожидании

возлюбленного, но он так и не появился. Глаза слипались от усталости, она зевнула, опустила голову на подушку и решила немного вздремнуть.

Сквозь сон Клара услышала английскую речь с сильным акцентом вперемешку с местным диалектом. Из обрывков фраз она поняла, что разговор идет о путешествии на какой-то остров. Среди мужских голосов выкристаллизовался голос Юрия, и она открыла глаза. Клара лежала на кровати в спальне в майке и шортах, которые использовала, как летнюю пижаму. Поднявшись, она, как можно тише вышла в гостиную, окна которой были распахнуты настежь. Клара увидела на террасе группу местных мужчин, с которыми разговаривал Уваров. Он стоял к ней спиной, на нем были длинные цветастые шорты и черные сланцы. Загорелое тело красноречиво говорило, что он прибыл на солнечный остров как минимум несколько недель назад.

Один из местных жителей заметил движение в доме и осторожно похлопал Уварова по плечу. Тот резко обернулся и увидел Клару.

– Привет, Сонька! – шутливо произнес он.

Она наигранно нахмурила брови и нарочито грубым голосом произнесла:

– Не прошло и трех месяцев, а ты уже позабыл мое имя.

Улыбаясь, Юрий попрощался с собеседниками и вернулся в дом.

– Ты проспала пятнадцать часов – как тебя после этого называть? Однозначно, Соня!

Клара взглянула на часы и ахнула: она действительно проспала пятнадцать часов!

Оттянув лямки майки, она спросила:

– Ты меня передел?

– Вот тебе здрасьте! Ты что, ничего не помнишь?

– Нет, – искренне удивилась Клара.

– Я пришел примерно в десять вечера. Ты спала без задних ног. Но когда я захотел убрать твой чемодан с прохода, ты проснулась и сказала, что там спрятаны сокровища всего мира, и что я, ничтожный раб, не достоин к ним даже прикасаться.

– И?

– И переделалась... мы поговорили, потом ты легла в спальне. Ты что, ничего не помнишь?

– Нет, – Клара судорожно пыталась вспомнить описываемые им события.

Уваров рассмеялся и воскликнул:

– Видела бы ты сейчас свое лицо!

Клара поняла, что он пошутил и, стукнув его по плечу, воскликнула:

– Опять твои шуточки! Я думала, что от перелета, который запомню на всю жизнь, у меня наступила временная амнезия.

Уваров резко притянул ее к себе и страстно поцеловал. А когда отпустил, Клара воскликнула:

– Я еще не чистила зубы!

– Вечно ты портишь момент: то пеной для бритья испачкал, то теперь она зубы не почистила, – проворчал Уваров и прошел в маленькую кухню.

При свете дня дом выглядел еще более обшарпанным и неухоженным: ржавчина на сантехнике, кое-где сколота плитка, в полу виднелись щели, через которые можно было увидеть песок под сваями.

– Я в душ!

– Воду экономь! – крикнул ей вдогонку Уваров. – Я наполнил бак, но его на полноценный душ не хватит.

Клара нырнула в ванную и закрыла дверь на щеколду. Пока она намыливала тело, в памяти всплывали отрывки их встречи. Уваров перенес ее в спальню, как только пришел. Потом долго сидел напротив у стены и не сводил с нее взгляда. Она несколько раз просыпалась от того, что он ее целовал, гладил по волосам и что-то приговаривал. Но почему она помнит их встречу урывками?

Еле как помывшись, она вышла из ванной и недовольно поморщилась.

– А нет поблизости чего-нибудь поприличнее? Например, гостиницы хотя бы четыре звезды?

– Смеешься? По местным меркам мы богачи! Это единственная деревня в округе, где есть электричество. Гостиниц тут приличных нет, а те, что есть, нам не подходят. Лучше здесь, поверь мне!

Уваров обжарил с двух сторон кусочки бекона и смерил ее оценивающим взглядом.

– Ты похудела, мешки под глазами.

Клара опустила на барный стул, обитый красной потрескавшейся лаковой кожей, и тяжело вздохнула: видел бы он ее неделю назад...

– На четыре килограмма. Я себя в последнее время плохо чувствую, особенно после лунного затмения.

Она обратила внимание на полумесяц, который появился после инициации на руке Уварова: на этот раз он с трех сторон был окружен маленькими точками, похожими на звездочки.

– Когда они у тебя появились?

Уваров мельком посмотрел на руку.

– Первая точка проявилась два месяца назад. Вторая – неделю назад, а третью только что заметил.

– И что они значат?

– Что время приближается. Когда появится четвертая, мы начнем приготовления к затмению.

Три месяца Клара ничего не слышала от Юрия – никаких звонков и писем. Ей было любопытно, чем он занимался все это время.

– Когда ты сюда приехал?

– Месяца два назад, – расплывчато ответил Уваров и, поймав ее недоверчивый взгляд, добавил: – Правда, я уезжал на несколько дней на Сейшелы.

– Зачем?

– Решил, что на всякий случай нужно подготовиться ко второму затмению.

– Я бы с удовольствием поменялась с тобой местами, – сухо ответила Клара, вспоминая три последних месяца жизни в Элисте.

– Что? Все было так плохо? – спросил Уваров, но ответ на этот вопрос он уже знал. Каждый раз, когда она впадала в отчаяние, его сердце отзывалось болью и тоской.

– Терпимо. Могло быть хуже.

– Ты была рядом с дочерью, а это главное.

Клара соскользнула с барного стула и вышла на террасу, с которой открывался великолепный вид на лагуну. Поселение находилось в центре пальмовой рощицы, а со стороны побережья хижину от воды отделяли мангровые заросли. Рядом с их

домом стояли еще несколько хижин, схожих по архитектуре и заселенных туристами. Между домами бегали местные пышноволосяные ребяташки, выпрашивая сладости. Соседи-дайверы сидели на террасе своего дома и пили кофе. Заметив Клару, они дружно помахали ей. Она улыбнулась и помахала им в ответ.

Вернувшись в хижину, она увидела, что Юрий закончил с приготовлением завтрака и раскладывает яичницу с беконом по тарелкам.

– Я так проголодалась!

– Еще бы! Сколько ты не ела? Больше двадцати часов? Я специально для тебя ездил в столицу за продуктами. Купил то, что здесь, на острове, днем с огнем не сыщешь.

– Ты, наверное, за два месяца здесь все уже изучил?

– Вдоль и поперек. Думал, мы здесь останемся до следующего затмения. Но после поездки на Сейшелы решил, что лучше мы оседем там.

Пока Уваров с жадностью поглощал яичницу, Клара не сводила с него глаз и отметила, что за последние три месяца лицо Юрия осунулось, прорезались глубокие морщинки вокруг глаз и рта. Взгляд наполнен тоской. Она как никто другой понимала, через что он сейчас проходит. Ощущение потери реальности происходящего, бессмысленности всего, чем им приходится сейчас заниматься. Хочется все бросить и послать всю эту историю к чертям, но когда гнев проходит, понимаешь, что выхода у тебя нет, и делаешь то, что нужно.

Клара отогнала от себя мрачные мысли и спросила:

– Какие у нас планы на сегодня?

– Прогулка, рыбалка и дайвинг, – ответил Юрий и, собрав остатки еды, выкинул их в мусорное ведро.

В ведре что-то зашевелилось, Клара вскрикнула и отскочила в угол комнаты.

– Там кто-то есть! – испуганно воскликнула она.

Уваров склонился над ведром и улыбнулся.

– Так это же Жорик! Он тут до нас еще жил! – он выудил за хвост непрошеного гостя из ведра. – Я его иногда подкармливаю. Видимо, он учуял запах твоих недоеденных фруктов в ведре и решил подкрепиться!

Клара зажмурила глаза и замахала рукой в сторону двери, давая понять, чтобы он выкинул зеленого постояльца за порог, но Уваров осторожно положил ящерицу на деревянный пол террасы.

– Не хочу делить хижину с ящерицей! И не хочу рыбалку! И дайвинг не хочу, – надула она обиженно губы.

Уваров решил, что на ее настроение повлияла усталость после перелета и смена часовых поясов.

– Хорошо, значит, ограничимся просмотром окрестностей, а потом я один пойду на рыбалку, а то вечером мы останемся без ужина.

– Мы что, не можем купить еду или пойти в ресторан? – закапризничала Клара.

– Можем, но так интересней, – с удовольствием произнес он.

– Не хочу сидеть в этой лачуге одна! Здесь даже полы дырявые!

Он тяжело вздохнул и попытался объяснить:

– Эти острова ценны тем, что отдых проходит в естественных условиях. Островитяне не стремятся создать здесь рай для туристов, они считают, что это уже рай, и ничего менять не надо. Сюда приезжают путешественники, которые хотят хоть несколько дней пожить вдали от цивилизации. Новичку, не видевшему

всех красот этих мест, Соломоны кажутся устрашающими и неудобными. Нужно прожить здесь минимум месяц, чтобы понять здешний народ, проникнуться его жизнью и системой ценностей. Клара, это одно из последних мест на земле, где можно увидеть нетронутую цивилизацией природу.

Клару удивило такое красноречие, но восторга от прелестей дикой природы она не разделяла. Ее раздражало, что им негде уединиться, что вокруг люди, и все, что они делают в своих хижинах, слышно соседям.

– Мне здесь не нравится! – резко выпалила Клара. – Мы сюда приехали не для отдыха. Какая разница, поем я сегодня рыбу на ужин или нет? Мне нужно знать, как будет проходить переход, и как мне нужно к нему подготовиться.

Уваров заглянул ей в глаза.

– Ты чувствуешь страх перед затмением, – затем тяжело вздохнул и уточнил: – В смысле, перед смертью. Это нормально, и ты вольна выбирать. Ты можешь отложить процедуру. Мы попробуем в другой раз – и даже в другой раз ты в любой момент сможешь от этого отказаться. Мы можем выбрать любой уголок мира, поселиться там на пять лет и просто жить вместе. Все будет так, как ты захочешь. Я не имею права на тебя давить.

Клара понимала, что, если упустить первую возможность, вторая будет висеть над ними дамокловым мечом, напоминая о неминуемом.

– А что будет с тобой, когда я осуществлю переход?

– Я уйду с тобой.

Пока Клара спала, то и дело он слышал слетавшие с ее губ слова на разных языках, которых она не могла знать. Поэтому он предполагал, что сегодня и завтра будут сложные дни. По всем внешним признакам древняя душа Кочевницы рвалась наружу, а Клара безнадежно сдавала позиции. От этого Уварову было не по себе, но он, как запрограммированный зомби, ничего не мог с этим поделать. У него своя миссия – сопровождать подругу в загробный мир. И он тоже не хотел ее откладывать.

Плавно покачивая крыльями на окно села гигантских размеров бабочка. Клара замерла от неожиданности.

– Это бабочка-парусник. Осторожно, не спугни ее, – предостерег Уваров.

Настроение у Клары резко переменялось: она взяла его за руку и потянула из дома. Вела она себя при этом неестественно: Юрий заметил, что глаза ее стали пустыми, а вид отсутствующим. Она шла рядом, но будто была не с ним, а где-то далеко.

Шум мотора заставил ее очнуться. Клара огляделась по сторонам и обнаружила себя сидящей в катере рядом с Юрием и островитянином, который стоял у штурвала. Как она сюда попала? Только что она стояла посреди хижины и говорила с Уваровым. Потом увидела огромную бабочку – и тут же оказалась здесь. Юрий осматривал в бинокль горизонт и выглядел вполне безмятежным и расслабленным. Комок подкатил к горлу, она обняла себя за плечи и застыла от страха. Толчок, откуда-то изнутри, и... крошечная тьма. Клара слышит только свое прерывистое дыхание и биение сердца. Где она? Что с ней происходит? Она озирается по сторонам, ничего не видно. Из груди вырывается крик отчаяния и раскатистым эхом разносится в пустоте. Еще толчок и снова она в лодке. Только

на этот раз вокруг как будто вакуум: Клара все видит, но не слышит звуков, не чувствует своего тела...

Постепенно гулкий голос Уварова нарастал, пока она не поняла, что он рассказывает об архипелаге. Ее внезапную глухоту преодолевал лишь его голос. Она со страхом взглянула на Юрия, тот понимающе улыбнулся и сжал ее руку. Улыбка получилась печальной и вымученной.

Громкий шелчок ударил по барабанным перепонкам, и звуки прорвались сквозь пелену, словно взрыв. Шум мотора едва ее не оглушил, потребовалось несколько минут, чтобы осознать происходящее. Что-то, находящееся глубоко внутри нее, рвется наружу. Пришло ощущение, что она может существовать сразу в двух реальностях, но та, что окутана тьмой, до жути пугала, ей отчаянно не хотелось снова туда возвращаться.

Клара выпила воды из пластиковой бутылки и ополоснула лицо. Теперь она знала, из какого мира рвется наружу Кочевница.

– Во время Второй мировой войны острова были захвачены Японией, – продолжил свой рассказ Уваров. – Здесь проходили кровопролитные бои. На дне покоятся сотни затонувших кораблей. Остров Гуадалканал, куда ты прилетела из Австралии, называют островом смерти. Он стал знаменит на весь мир после сражений между американцами и японцами.

Катер начало подбрасывать на волнах, и Кларе пришлось крепко ухватиться за поручень, чтобы не выпасть за борт. Встречный легкий ветер и безоблачное небо ненадолго развеяли навалившийся страх.

– Если останется время, я покажу тебе водопады Матанико – это незабываемое зрелище! А на острове Реннелл есть озеро Тенгано, самое большое пресноводное озеро тихоокеанского побережья. Можно поплавать и осмотреть окрестности, тебе там понравится.

Кларе были не интересны описываемые им достопримечательности. Прелести мира, казалось, перестали для нее существовать. Она попеременно, то восхищалась океанским видом, то испытывала отвращение. Страх и раздражение все больше наполняли ее изнутри, и через несколько часов – к финалу их небольшой поездки по окрестностям – Кларой окончательно овладела паника.

Они высадились рядом с деревней, по реакции местных жителей Клара поняла, что Уваров был здесь частым и желанным гостем. Дети окружили Юрия, хватили его за руки, что-то радостно кричали. Его знание местного языка ограничивалось десятком слов, и он периодически переходил на английский.

На ужин Уваров в традиционной для этих мест земляной печи уму приготовил множество рыбин, имеющих самые разные формы и окрас. Аппетита у Клары не было, она смотрела на Юрия и понимала, что ее раздражает его отношение к островитянам: он чувствует единение с природой и образом жизни местных племен, ему здесь интересно... Это вызывало в Кларе гнев, порожденный ревностью. Вместо того чтобы наслаждаться встречей с любимой женщиной, которая в любой момент может исчезнуть навсегда, он показывает ей достопримечательности и хвастается новыми навыками, которые приобрел, живя среди этих, по мнению Клары, первобытных и тривиальных людей!

В честь ее приезда местные танцоры облачились в национальные костюмы и устроили настоящее представление: они били в барабаны разных габаритов, при этом отбивая ногами ритм, и пели на местном диалекте. Клара еле сдерживала

гнев. Лицо ее покраснелось, в висках в такт барабанной дроби пульсировала боль. Она так сильно сжала пальцы в кулаки, что ее руки побелели.

Мимолетного взгляда было достаточно, чтобы оценить ее состояние. Юрий сжал ее плечо и попытался ее подбодрить:

– Борись, Клара. Не давай ей тебя победить.

Подозрения Клары подтвердились: Кочевница пытается взять над ней вверх, поэтому она чувствует столь чуждое ей раздражение. Это не ее эмоции, а реакция на пробуждение.

Клара схватила руку Юрия и показала на катер.

– Когда мы поедим домой? Я совсем выбилась из сил.

– Нельзя сейчас уходить, это будет крайне невежливо.

Барабанная дробь стала еще громче. Танцоры наращивали ритм. Зазвучал новый инструмент, похожий на русские кувиклы – многоствольчатая флейта, сделанная из тростника разной толщины. Музыканты старались, искали в ее глазах одобрение и восхищение.

Ухудшение самочувствия началось внезапно, Клара даже не успела его осознать и тем более позвать на помощь. Просто подкосились ноги, и она рухнула на деревянный пол. Юрий бросился к ней, пытаясь привести в чувство. Музыка и танцы постепенно стихли, местные жители окружили пару, с любопытством наблюдая за происходящим. Юрий подхватил Клару на руки и понес к катеру; за ними мелкими шажками, почти вприпрыжку побежали островитяне и владелец катера.

Только одна немолодая женщина из племени осталась стоять у входа в свое скромное жилище на сваях. Она точно знала, что будет происходить в ближайшее время. Проходя мимо, Юрий встретился с ней взглядом и получил немое предостережение. Он кивнул, давая понять, что осознает все риски и ускорил шаг. Клару погрузили на катер. Уваров устроился рядом и положил ее голову себе на колени. Мотор мягко заурчал, и катер начал набирать скорость. Юрий пытался привезти Клару в чувство, но тщетно, она не реагировала ни на его окрики, ни на похлопывание по щекам. Ветер усиливался, Уваров накинул куртку и с тревогой посмотрел вверх. Небо быстро заволакивало свинцовыми тучами. Послышался стон, и Юрий взглянул на возлюбленную.

– Клара, ты меня слышишь? Все будет хорошо. Скоро мы будем на месте.

Ее лицо было бледным, над губой поблескивала испарина. Внезапно она открыла глаза и устремила на Юрия пронзительный взгляд.

– Помогите, – четко выговорила она.

– Клара, это я, ты меня слышишь? Держись, скоро мы приедем.

Она продолжала смотреть на него отрешенным неморгающим взглядом, словно фарфоровая кукла, а не живое существо; губы ее задвигались, и он отчетливо услышал: «Время пришло».

Его тело непроизвольно дернулось, Юрию отшатнулся к корме. Не то чтобы он испугался, скорее, внезапное чувство потери заставило его мгновенно переоценить свое отношение к происходящему. Кто перед ним, он не сомневался; вот только если Кочевница в лодке, где Клара? Он поднял глаза к небу и изо всех сил прокричал ее имя.

Очнулась Клара в хижине, на диване. Через распахнутое окно она увидела, как Юрий что-то мастерит из пальмовых листьев.

– Что ты там делаешь? – с любопытством спросила она.

Юрий вздрогнул и, бросив свое занятие, резко вскочил на ноги.

– Воздушного змея.

Вид у него был как у нашкодившего ребенка и Клара с тревогой спросила:

– Что с тобой?

– Уф! Я думал, ты больше не вернешься, – с облегчением ответил он и перелез через подоконник.

– Как это – не вернусь? А куда я денусь? – с усмешкой спросила она и, взглянув в его изумленное лицо, уточнила: – Что произошло? Я что, потеряла сознание?

Юрий лег рядом и прижал ее к себе.

– Ты не просто упала в обморок, ты выпустила Кочевницу, – прошептал он и погладил ее волосы.

– Что значит «выпустила»? – Клара непонимающе уставилась на Уварова.

В памяти смутно замелькала барабанная дробь и плохое самочувствие, но как они вернулись в хижину, Клара не помнила.

– Когда я отнес тебя в лодку, и мы отплыли от берега, Кочевница со мной заговорила.

Он подробно рассказал, что происходило, когда она была в обмороке.

Руки задрожали, на глаза навернулись слезы, Клара зажала рот рукой, пытаясь подавить крик. То, о чем она старалась не думать, наваливалось со страшной силой. Нет больше у нее времени, и нет больше у нее выбора. Процесс зашел так далеко, что она не может контролировать собственное тело и сознание.

– Знаю, я для тебя сейчас вестник плохих вестей, но пока ты со мной, нам нужно все обсудить. Через двадцать пять часов все будет кончено.

Плач усилился.

– Нет, нет, нет! – закричала она. – Я не хочу, я не готова!

– Мы никогда не будем готовы! – резко оборвал он ее истерику. – Слишком многое нас притягивает к земле, и чем дольше мы будем вместе, тем меньше будем готовы. Нужно сосредоточиться на нашей миссии и исполнить, что от нас требуется... в срок.

– Любимая, посмотри на меня, – Клара всхлипнула и подняла голову: так Уваров ее еще не называл. – Мы должны поддерживать друг друга, а не усложнять ситуацию.

Клара вдруг поняла, что Юрий переживает то же, что и она; а успокоить его и поддержать, кроме нее, никому – своими страхами и эмоциями он ни с кем поделиться не может. Она вытерла слезы и крепко обняла его за шею.

– Прости, я не должна так раскисать. Я много чего передумала за эти месяцы... Мы так мало были вместе! Если мы должны расстаться, то только не сейчас! Ты мне нужен как воздух, как дыхание! Я так соскучилась! Только насытившись единением с тобой, я смогу совершить переход.

Юрий покачал головой.

– В тебе говорит страх. Нам нельзя долго быть вместе. Ты не Тамара, ты не сможешь дистанцироваться. Да и я не смогу. Мы не наполним друг друга, а выпьем, не останется сил на переход. Сегодня нам отведен последний день, и мы его, конечно же, проведем вместе, но завтра...

Она обхватила небритое лицо ладонями и заглянула в карие глаза. С минуту они смотрели друг на друга, затем она потянулась к его губам и с нежностью поцеловала. Ее глаза впивались в каждую черточку его лица. Поглаживая его волнистые волосы, она с нежностью произнесла:

– Хочу запомнить каждую твою морщинку.

Клара начала осыпать лицо возлюбленного поцелуями, из его груди вырвался тихий стон, глаза заблестели и по щеке стекла одинокая слеза. Он поцеловал ее руку и положил себе на грудь.

– И стук сердца запомни.

– Как же это тяжело, – простонала она, – знать, что сегодня последний день, что завтра никогда для нас не наступит.

Он сжал ее хрупкие плечи и заглянул в глаза.

– А я рад, что Тихоня выбрал меня, – благодарная улыбка осветила его лицо. – Если бы не он, не было бы сейчас нас. Я не смог бы оценить свою жизнь и все то, что было мне дорого. За последние три месяца я понял, что такое настоящая жизнь, – его глаза заблестели, с большим трудом он подавлял слезы. – В жизни ведь важна только сама жизнь, а она не имеет смысла, если нет в ней любви. Я понял, как сильно любил сына, и как мало ему давал. Я понял, как можно любить женщину... Как важно уметь отпускать. Потому как, только отпуская, мы приобретаем. В Сочи я бежал, словно загнанный волк: убийства, грабежи, отчеты, допросы, свидетели, потерпевшие – все это не давало мне спокойно сесть и подумать, а что же мне нужно на самом деле?

Она внимательно слушала, поглаживая его руки, и тут же задавалась вопросом: а какой жизнью хочет жить она?

– Мне нужна тихая спокойная жизнь в хижине на сваях. Я знаю, что проснусь и пойду на рыбалку, а вечером сам приготовлю ужин. Человеку много не нужно. Здесь я проживаю и чувствую день каждой клеточкой своего тела. Времени так много, что я успеваю переделать множество дел. Каждый день открывает мне что-то новое, я не перестаю удивляться красоте и многообразию природы. Я замечаю, какие облака на небе, с какой стороны дует ветер, я наблюдаю приближение дождя. Здесь меня окружают люди, мир которых так прост, что они не знают тех достижений, которыми гордится обычный человек – новая тачка, квартира в центре города, солидный доход. Зато они знают, что такое любовь, взаимовыручка, дружба, и даже к смерти у них особое отношение. Здесь самое страшное, что может с ними случиться – это цунами.

Уваров закончил свою длинную речь и снова заглянул ей в глаза.

– Ты хочешь сказать, что идешь на этот шаг без сожаления? Что ты готов?

– Я тоже боюсь. Возможно, мы исчезнем, как только Кочевница совершит переход. Мне от этого грустно, но я понимаю, что нам дали второй шанс. Этого дня у нас могло не быть, если бы не она.

Клара ткнула головой ему в плечо. Уваров был прав, здесь совсем иная жизнь – без телевизора и компьютера, без средств связи. Пока ты этого не лишишься, не понимаешь, насколько коммуникации давят на тебя, подменяя настоящее лживыми ценностями. Бесконечный поток информации не дает человеку спокойно подумать о его предназначении. Ему диктуют за кого голосовать, какую профессию выбирать, какую одежду носить, какую пищу есть. На первый взгляд человеку кажется, что у него есть выбор, но на самом деле, никакого выбора нет: за него уже все решено, его сознанием умело манипулируют.

– Завтра в момент кольцеобразного солнечного затмения в том месте, где пройдет граница лунной полутени, мы возьмемся за руки и погрузимся в воду. Луна закроет солнце на девяносто пять процентов. На всю процедуру у нас шесть минут. Если за это время Кочевница не успеет совершить переход, то нам придется ждать следующего затмения.

– А что мы должны делать в воде? Просто идти по дну?

– Мы должны сесть на дно и ждать.

– Просто сидеть рядом? – усмехнулась Клара.

Он опустился на пол, сел в позу лотоса и протянул к ней руку.

– Иди ко мне. Сядь так же.

Клара села рядом и скрестила ноги.

– А теперь положи мне руки на плечи.

Она придвинулась ближе, так, чтобы ее руки доставали до его плеч. Юрий тоже положил ей руки на плечи и наклонил голову, чтобы их лбы соприкоснулись; таким образом, их тела образовали подобие треугольника.

– Над нами будет не менее двадцати метров. Воздух быстро закончится. Поэтому я предлагаю погрузиться в точку полутени с маской и трубкой. Когда время придет, мы снимем маски и сядем в нужную позу.

– А что потом?

– Не знаю. Тихонов мне не сказал... Он сам не знал.

Клара пересела на диван. Страх и паника снова отравили ее сознание. На глаза навернулись слезы, и она закрыла лицо руками.

Уваров остался лежать на полу, на этот раз он даже не пытался ее успокоить. Запрокинув руки за голову, он смотрел на одинокую лампочку в потолке. Когда Клара перестала всхлипывать, он тихо спросил:

– Есть хочешь?

Предпоследнюю ночь перед погружением Клара провела в тревоге и смятении. В каждое пробуждение Кочевницы, которая ночью проявила себя более активно, Клара проваливалась в темноту, окруженную леденящей душу тишиной. Возвращаясь в свое тело, она вскакивала на ноги и со страхом озиралась по сторонам: ее охватывал ужас от того, что после перехода она может остаться в той темноте и тишине навечно. На нее с новой силой наваливались сомнения, мысленно она выдвигала все новые причины и отговорки, чтобы не совершать переход.

Уваров тоже не спал. Когда Клара, вскрикивая и ежась от страха, возвращалась в сознание, ему приходилось долго ее успокаивать. Проявляя титаническое терпение, он сокрушал очередной ее аргумент против перехода и немедленном отъезде. В конце концов, нервы сдали: покинув хижину, он сел в каноэ и не спеша проплыл вокруг лагуны. Он не знал, будет ли у него возможность спокойно попрощаться с этим миром, и решил, что сейчас самый удачный момент.

Юрий убрал весло и лег на дно каноэ. Над ним нависало ночное, щедро усыпанное звездами небо. Бело-серебристая луна сейчас казалась такой огромной, что протяни руку – и коснешься ее края. Бескрайняя водная гладь убаюкивала и уносила в воспоминания. Перед глазами промчались самые яркие моменты его жизни. Тоска сдавила грудь, к горлу подступил комок. Отчаяние рвалось наружу. Клокочущий рык, похожий на рев раненного медведя, эхом наполнил лагуну, и та

в ответ замерла, прислушиваясь к чьей-то боли. Только здесь Юрий смог дать волю чувствам, и отчаяние криком вырвалось из его груди. Так он не плакал даже в детстве: жгучие обильные слезы душили и выворачивали сердце наружу. Когда он успокоился, то почувствовал жар на руке и взглянул на полумесяц. Зажглась четвертая звезда! Вот она – финишная прямая его жизни.

Когда он вернулся в хижину, измученная переживаниями Клара спала глубоким сном. Перед лицом неизвестности чувства к Кларе настолько обострились, что под утро он был готов собрать вещи и увезти ее подальше от этих мест. Куда-нибудь, где они смогут провести последние пять лет вместе. Теперь, когда он знал, как нужно любить, потерять возлюбленную было мучительно больно.

До утра он просидел на террасе, глядя, как луна постепенно проигрывает бой солнцу. Когда она появится в следующий раз, они соединят свои тела, а к полудню совершат переход. Розоватые всполохи осветили горизонт. Защебетали первые птицы. Природа медленно просыпалась. За ночь небо очистилось, новый день сулил хорошую погоду.

Послышалось шевеление. Юрий обернулся и увидел, что Клара наблюдает за ним из спальни.

– Вот и утро, – мягко произнес он.

– Ты так и не уснул?

Он покачал головой и пошел в кухню готовить завтрак.

Ближе к полудню они направились на осмотр места, где им предстояло погрузиться. Катер отплыл от берега метров на сто и бросил якорь.

– Погружаться будем прямо с катера, чтобы не тратить время на заплыв. Прежде чем прыгнуть в воду, сделаешь большой шаг, удерживая при этом маску на лице, чтобы не допустить ее соскальзывания. Поняла?

Она кивнула.

Целый час у Юрия ушел на то, чтобы научить Клару нырять с лодки в маске и дышать через трубку. Затем они опустились на дно и попробовали сесть в нужную позу. Под водой это оказалось гораздо сложнее, и Клара только с третьей попытки смогла удержаться на несколько секунд. Ее тело выталкивало на поверхность, вдобавок, подводное течение, пусть и слабое, мешало им сохранять выбранную позу. Тогда Юрий предложил использовать утяжелитель: они перевезли на катере два тяжелых камня и обвязали их веревками. Местные жители и туристы столпились у берега, с интересом наблюдая за странной парочкой.

Последний день было решено провести в полном уединении в центре необитаемого острова, который находился недалеко от места погружения. Стволы пальм вдоль прибрежной линии склонялись над самой водой, как мостики для переправы. На маленьком почти круглом острове было озеро в форме фасоли и одна единственная хижина, в которой иногда останавливались туристы. Уваров и здесь хорошо ориентировался. Клара поняла, что в этой хижине он ночевал не в первый раз. Быстро разведя костер, Юрий соорудил подобие гриля с вертелом и обжарил со всех сторон только что пойманного тунца. Клара выложила из сумки фрукты, которыми изобиловали Соломоновы острова, и соорудила на полу некое подобие стола.

После обеда она собрала остатки еды в пакет и отставила в угол комнаты.

– Нужно будет забрать мусор с собой: здесь зона национального парка, нам даже ночевать здесь запрещено, но я уговорил местные власти, чтобы для нас сделали

исключение. А пока мусор нужно унести подальше от хижины: запахами еды можно привлечь неожиданных гостей.

Сейчас, когда раздражение отступило, Клара снова подметила, как сияют его глаза – будто в них была скрыта вся радость бытия. Спокойный, умиротворенный взгляд, расслабленное тело... Юрий даже двигаться здесь стал совсем по-другому – плавно, немного заторможено.

– Пойдем, я покажу тебе озеро, – он взял ее за руку.

Они шли по тропинке, которая практически сливалась с ландшафтом. Вокруг щебетали птицы. Особенно Клару впечатлили попугаи яркого окраса. Мимо них проскакала лягушка гигантских размеров, и Клара сжала руку Юрия еще сильнее. Ее боязнь местной фауны его забавляла, и он постоянно ее успокаивал: «Не бойся, они тебя боятся еще сильнее». Больше всего Клара опасалась крокодилов, во время поездки в деревню, они видели несколько крупных особей. Один из них застыл с открытой пастью на солнечном берегу, словно каменное изваяние, и только когда они проплывали мимо, его пасть закрылась, но он так и не тронулся с места.

– А здесь есть крокодилы?

– Нет, – с усмешкой ответил он, – я б не привел тебя сюда, если бы тут были крокодилы.

Озеро пряталось за густой рощей тростника и открылось им внезапно, как только они преодолели прибрежные мангровые заросли. Зрелище было потрясающим: из-за водорослей вода в нем была ярко-лазурного цвета. Сначала Клара боялась даже снять с себя майку и шорты – намочила лишь ноги, и то с опаской, постоянно оглядываясь по сторонам. Но после того как Уваров проплавал добрые десять минут, она все-таки решилась и, сбросив одежду, вошла в воду. Прозрачная вода была мягкая, и как показалось Кларе, немного маслянистая. Не успела она насладиться купанием, как метрах в пяти от нее показалась змея. Клара взвизгнула и в мгновение ока оказалась на берегу.

– Там змея! – завопила она.

Уваров огляделся, но ничего не увидел.

– Не кричи так громко, ты перепугаешь здесь все живое, – назидательно произнес он.

От обиды она поджала губы и заверещала, словно ее уже укусили:

– Живое?! Да здесь полно ядовитых змей и пауков! Не хочу больше купаний, мне здесь жутко и страшно! Я – дитя цивилизации, чтобы расслабиться, мне нужен безопасный пляж с песочком и чистый лежак. Три месяца ожиданий, а в итоге ты вторые сутки демонстрируешь мне что-то дикое!

Ничего не ответив, Уваров вышел на берег и повел Клару назад к хижине. Теперь ее пугали даже крики птиц. Она с силой сжимала руку возлюбленного и семенила, стараясь поспевать за его широким шагом.

В хижине было две комнаты: подобие гостиной с большими террасными окнами и спальня, в которой было единственное окно с москитной сеткой. Под окном на полу был расстелен матрас, набитый кокосовой шелухой. Юрий вынул из сумки одеяло из махровой ткани и протянул Кларе.

– Ложись, согрейся, я пока разведу костер. Здесь тебе будет уютно?

– Да, – кивнула Клара и начала обтирать тело.

Рядом с окном Уваров положил огромное закопченное металлическое блюдо. Затем смочил потрескавшиеся от времени и ветра половицы водой. В блюдо он выложил сухие ветки и зажег огонь. По комнате распространился запах какао.

– Большой костер разжигать нельзя, может полыхнуть вся хижина. Но и этим огоньком вполне можно согреться.

Клара разместилась на матрасе, накрывшись слегка влажным одеялом. Комната постепенно наполнилась теплом. Сев рядом, Уваров время от времени подкидывал сухие ветки в огонь и искоса на нее поглядывал.

– Что? – гневно спросила она.

– Она опять рвется наружу, – констатировал Юрий.

– Никто никуда не рвется, – раздраженно огрызнулась Клара, – я просто не разделяю твоего восторга от этого места. Только безумец может плавать с ядовитыми змеями в озере, спать в хижине, в которой щели с размером в палец, и в качестве домашнего животного держать мерзопакостную ящерицу.

– А Жорик-то тут при чем? Он совершенно безобидный!

– Не хочу я сегодня спорить. Не тот день, – Клара придвинула матрас ближе к огню, – просто мне здесь жутко и одиноко.

– Но я же здесь, с тобой!

– Ты не со мной, а со всем этим, – обиженно выпалила она и руками обвела комнату.

Юрий лег рядом на матрас и притянул Клару к себе, начал нежно поглаживать ее волосы, шею, плечи.

– Ты сильно напряжена. Расслабься. Я знал, что не смогу тебе угодить. Меня хватило только на организацию быта, но ты все равно осталась недовольна.

Сделав паузу, Уваров признался:

– Но я никогда не забуду зимнего сада и той ночи.

– Я тоже, – произнесла Клара, повернулась к нему и прижалась всем телом.

Взгляд ее потеплел, руки заскользили по его лицу, шее и спустились к груди, движения стали нежными. Юрий закрыл глаза и застонал.

За последние три месяца Клара представляла встречу с возлюбленным тысячи раз. Когда Аркадий засыпал, она поворачивалась на бок и смотрела на луну. Занавески теперь она всегда распахивала, как в их единственную ночь в коттедже. Лунная дорожка добиралась до лица и рук, согревала, уносила в мечты и фантазии.

В этот раз их близость была более нежной и чувственной. Стоило любовникам встретиться взглядом, как обоих закружило в космическом водовороте. Клара слышала музыку, которая наполняла ее изнутри и несла в бесконечную даль сквозь звездные скопления и туманности. Разноцветные облака, обволакивающие звезды, быстро перемещались, создавая причудливые формы и отражая свет. Красота была такой фантастической, что сознание Клары не успевало зафиксировать все происходящее. Наслаждаясь увиденным, она парила среди звезд и галактик и чувствовала, что рассыпается на миллионы мелких частиц. Эти частицы разлетались в разные стороны, наполнялись космическим светом и вновь собирались в единое целое. Кларе казалось, что ее разобрали на части, а потом снова собрали, и при этом дали столько сил и смелости, что нет больше дел, с которыми она не сможет справиться. Снова Клара испытала невероятное чувство единения, но сегодня она не молчала, а шептала слова любви и томно постанывала. Ей казалось, что мозг пронизывает тысяча иголок, но эти покалывания несут с собой не боль – они активизируют и запускают скрытые в

ней эмоции. Резко обострились все чувства: занимаясь любовью в хижине, Клара слышала, как вдалеке взлетел дикий голубь, как шелестят сухие пальмовые листья, как плещется рыба в озере.

Глава тринадцатая

Погружение

Сон еще не покинул ее окончательно, а Клара уже поняла, что изменилась. Обостренные чувства улавливали едва различимые звуки и запахи, но это было еще не все: любой аромат Клара могла расчленить на десятки компонентов. Гибискусы, сотни разновидностей пахучих орхидей, саговые и кокосовые пальмы, лианы, какао, агатисы – эти растения легко угадывались не только по запаху, но и по расстоянию от хижины. Она задышала глубоко, размеренно, смакуя необычное ощущение. Громкий щебет птиц наполнял пространство замысловатыми музыкальными фразами. Отрывистое и редкое гуканье птицы-носорога подхватывали забияки-попугаи и передавали эстафету краснобрюхому пестрому голубю.

Клара открыла глаза и огляделась. Юрия в хижине не было. На металлическом блюде тлели маленькие угольки. Мягкие солнечные лучи нежно согревали кожу. Вставать совсем не хотелось. Клара потянулась и сладко зевнула. Приятная нега наполняла все тело. Клара отодвинула москитную сетку: перед ней предстала раскидистая пальма окруженная ковром из белых орхидей. Наблюдая за ласкающим взгляд пейзажем, она потеряла счет времени и опомнилась лишь тогда, когда солнце закатилось за горизонт. Нехотя она поднялась с матраса, натянула футболку, джинсы и собрала волосы в пучок.

Опустившаяся на остров ночь наполнила все вокруг чарующей магией. Клара без страха вышла из хижины и долго смотрела на луну. Та висела над островом большим серебряным диском, освещая макушки деревьев.

Где-то вдали послышался голос Юрия; с ним был кто-то еще. Клара замерла и прислушалась. Женщина? Спустившись по ступеням, она пошла на голос, который вывел ее к побережью. Они заметили ее первыми. Из пальмовой тени в лунный свет вышел Уваров и протянул ей руку.

– Не бойся, – сказал он и улыбнулся.

За спиной Уварова стояла хрупкая полуобнаженная женщина из местного племени. Ее единственным одеянием была набедренная повязка из потертой зеленой ткани. На руках и босых ногах красовались коралловые браслеты, которые позвякивали при каждом движении. В руке она держала резной деревянный посох, инкрустированный ракушками и зубами крокодила. Ее волосы, сбитые в толстые тяжелые колтуны, удерживал обруч с круглым сияющим медальоном, грудь чуть прикрывали ряды коралловых бус.

– Это Бу, она из местного племени.

Клара с любопытством рассматривала островитянку и подметила, что Бу находилась в постоянном движении, словно исполняла непрерывный ритуальный танец. В ее глазах читался страх.

– Чего она боится?

Ее вопрос удивил Юрия и тот спросил:

– Как ты догадалась?

– Почувствовала. Почему она прячется?

– Она боится не тебя, а Кочевницу, – пояснил Юрий, – она видит ее тень, которая непрерывно следует за тобой.

Переминаясь с ноги на ногу, Бу с тревогой взглянула на Уварова и сунула ему в руку кисет из холщовой ткани. Тот поблагодарил кивком и сунул кисет в карман шорт. Островитянка бросила на Клару прощальный взгляд, мелкими шажками побежала к берегу, запрыгнула в каноэ и оттолкнулась веслом от мелководья.

Ни слова не говоря, Уваров повернулся и пошел в хижину, Клара осталась на берегу, глядя, как исчезает в темноте силуэт островитянки. В песке послышался шорох; она пошла на звук и увидела вереницу маленьких зеленых черепашек, которые дружно вышагивали из гнезда к воде, оставляя за собой неглубокие следы. Их вид произвел на Клару необычайно волнующее впечатление, и она еще долго наблюдала за их походом строем.

Вернувшись в хижину, она застала Юрия сидящим на ступеньках с охапкой бело-розовых орхидей. Запах цветов наполнял пространство нежным и насыщенным ароматом. Прижавшись к возлюбленному, Клара восторжено поведала:

– Я видела, как маленькие черепашки совершали свой первый заход в воду! Это было впечатляюще!

Он отделил один локон ее длинных каштановых волос и обмотал вокруг обломанного цветка орхидеи. Остальные цветы поставил в ведро с дождевой водой. Затем обнял ее и спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

Клара рассказала о своих ощущениях и обострившихся чувствах. Глаза ее при этом сверкали как два уголька, а умиротворенная улыбка не сходила с лица. Уваров слушал и улыбался, пока она не спросила:

– Что тебе дала Бу?

Настроение Юрия тут же переменилось: между бровями залегла глубокая складка, взгляд потускнел и сделался жестким, от чего его лицо снова превратилось в лицо Уварова-следователя.

– Это для меня. Бу сказала, что твоя энергия к полуночи наберет наибольшую силу, я уже не смогу с ней справиться. Сбор трав и корней позволит мне продержаться еще несколько часов.

– Может, тебе уехать? – встревоженно предложила Клара.

– И оставить тебя здесь одну? – от удивления его брови взметнулись вверх.

– Я больше не боюсь, – заверила его Клара.

– Дело не в этом. Мы оба ждали этой встречи три месяца, – он взял ее руку и поцеловал. – Хочу быть с тобой каждую минуту.

Позже они гуляли вокруг озера. Клара так осмелела, что перестала реагировать на живность и вздрагивать при каждом шорохе. Перед ней открылась истинная красота острова. Розовая дымка поднималась от воды и расползалась по земле. Плодовые деревья, кустарники и цветы создавали причудливый разноцветный тропический ковер, который накрывал землю. Клара вышла в центр поляны, окруженной пальмами, подняла руки и подставила лицо лунным лучам.

– Я все думаю о Кочевнице и духе Луны, – вполголоса произнес Уваров.

Клара спиной почувствовала жар его тела.

– Если все пройдет без заминки, завтра они воссоединятся.

– История любви длиною в три тысячи лет, – произнесла Клара, не сводя взгляда с лунного диска.

– В те времена правил царь Соломон. Возможно, она была свидетельницей возведения главной святыни иудаизма – Иерусалимского храма.

– В Египте тогда еще правили фараоны...

– А может, она жила в Вавилоне, во времена правления царя Навуходоносора? – усмехнулся Уваров. – Завтра тебе представится возможность спросить у нее самой.

Клара вздрогнула и погрузилась в мысли. После этого они больше не говорили о переходе – слишком болезненной для них была эта тема.

Влюбленные долго гуляли по прибрежной линии острова. Тяжесть принятого решения давила на сознание, тем самым отягощая последние часы перед солнечным затмением. Клара наблюдала за Юрием, молча бредущим по мокрому песку, и подмечала, что за время разлуки его тело стало жилистым, мышцы окрепли. Ей было трудно поверить, что самочувствие любимого, так пышущего жизнью и здоровьем, может ухудшиться. Кларе хотелось, чтобы процесс перехода прошел без накладок – им и так нелегко на это отважиться. Если попытка сорвется по вине его или ее недомогания, Клара не была уверена, что решиться на повторную попытку. Поэтому она настояла на том, чтобы они разделились до момента погружения. Уваров вернулся в хижину, чтобы немного поспать, а Клара продолжила прогулку вокруг острова.

Рассвет она встретила на берегу, глядя на океанские просторы. Мысли судорожно крутились вокруг упущенных возможностей. Сколько раз ей выпадал шанс начать собственную карьеру, но Аркадий каждый раз находил в ее задумке какой-нибудь изъян и давил аргументами, пока Клара не отказывалась от своей идеи. Так было бы и с открытием цветочного магазина, если бы не Лиля; поэтому Клара долго не раздумывала, когда переоформляла документы на подругу. На душе было тоскливо еще и от мысли, как мало красивых мест она повидала на земле. Осталась нереализованной мечта посетить романтическую Венецию, величественный Берлин, почтенный и представительный Лондон. Как много она еще не сделала и как много не увидит...

Вдалеке проплывали парусные лодки и быстроходные катера. Клара сидела на шероховатом стволе пальмы, склонив голову на прижатые к груди колени. Взгляд ее ощупывал бесконечный горизонт. Ей не было скучно, ничто больше не раздражало. Но вот вдалеке показался катер в сопровождении трех каноэ. На одном из них плыла Бу. Вид у нее был грозный и сосредоточенный. Почувствовав неладное, Клара со всех ног бросилась к хижине, но, как ни старалась, все равно добежала последней. Юрий лежал почти без дыхания. Она хотела нащупать пульс, но Бу бесцеремонно посохом отогнала ее от возлюбленного и указала на дверь. Кларе ничего не оставалось, как выйти из хижины и наблюдать за исцелением со стороны.

Островитяне вынесли Уварова на террасу и обложили какими-то листьями. Бу обмазала его пахучим средством, по запаху напоминающим эвкалиптовый экстракт, и напоила отваром из кисета. Затем она затянула заунывную песню, периодически выкрикивая грозные призывы и указывая посохом в сторону Клары. Ничего хорошего Кларе это не сулило, поэтому она все дальше и дальше отходила к пальмовой роще. В конце концов Бу прочертила посохом круг вокруг дома, запретив Кларе за него заходить.

Через несколько минут Уваров открыл глаза и приподнялся на локтях. Островитяне радостно заулюлюкали. Бу бросилась к спасенному и громко

запричитала. Между ними произошла короткая перепалка и в итоге островитяне убежали так же быстро, как и появились.

Уваров огляделся по сторонам, ища глазами возлюбленную. Затем с осторожностью поднялся и подошел к Кларе, которая с растерянным видом все еще стояла перед очерченным кругом.

– Нам пора.

Накатило волнение, Клара прочистила горло и спросила:

– О чем вы спорили с Бу?

– Она помогла мне получить последние ответы.

Больше Уваров ничего не сказал, хотя Клара настойчиво просила не оставлять ее в неведении. Они собрали вещи и направились на побережье, где их ждал катер. Перед тем, как выйти из мангровой чащи на берег, Уваров остановился и притянул ее к себе.

– Что бы ни случилось, доверься мне. Я люблю тебя, ты – моя жизнь. Я не причиню тебе боль.

Его слова больше напугали, чем успокоили. Когда они подошли к катеру, Клара дрожала от страха так, что зуб на зуб не попадал. Юрий бросил сумку на дно катера и протянул ей руку, Клара села на корму и вцепилась в поручень.

Она не могла поверить, что сейчас, вместо того чтобы дарить любовь и заботу единственной дочери и наслаждаться жизнью с возлюбленным, направляется к месту собственной гибели, чтобы выпустить из себя неведомую Кочевницу. А что их с Юрием ждет после этого, никто не знает. Увидятся ли они снова? Выживут ли? С Уваровым свои сомнения она больше не обсуждала: его реакция на ее страхи была однозначной. В отличие от возлюбленной, он точно знал, что оттягивать до второго затмения нельзя – нужно использовать первый же выпавший шанс, чтобы выполнить свое предназначение.

Забурчал мотор, и катер быстро помчался к месту погружения. Клара смотрела на скривленные ветром стволы пальм и думала, что они наклонились так низко к воде, чтобы попрощаться с ней. Она тоже мысленно прощалась: со своей жизнью, с прошлым, каким бы оно ни было, а главное – с единственным человечком, оставшимся после нее, ее кровинкой и лучшей частью. Слезы одна за другой хлынули из глаз и потекли по щекам.

Почувствовав ее тоску, Уваров обнял Клару за плечи.

– Посмотри на меня.

Она послушно подняла на него заплаканные глаза и громко всхлипнула.

– Все будет хорошо. Ты задолжала Кочевнице. Ты просто отдашь долг – поможешь ей вернуться.

Клара уткнулась в его плечо, закрыла глаза и вспомнила о Тамаре, ее дневнике и тяжелой судьбе. В отличие от нее, Кларе есть, что вспомнить добрым словом: в ее жизни было много хорошего, ее окружали любящие родители, бабушки, дедушки, одноклассники, подруги и друзья. Она точно знает, что вспоминать ее будут, причем вспоминать будут хорошо.

Место погружения долго искать не пришлось. На поверхности воды наблюдалось необычное явление – круг диаметром в двадцать метров вопреки океанскому течению, двигался по часовой стрелке. На границе круга поднимался небольшой водяной бортик, от которого шел пар. Заметив это явление, двое островитян

начали махать руками и кричать что есть силы. Уваров постарался их успокоить, но на их испуганных лицах читалось только одно желание – подальше убраться от этого места.

Уваров взглянул на часы.

– Пора. Через три минуты нужно быть на месте. И помни: держись рядом и все будет хорошо. Я люблю тебя.

Она кивнула. Вид у нее был такой растерянный, что Уваров решил подкрепить свои слова поцелуем. Затем он попрощался с островитянами, дал им последние инструкции и бросил напряженный взгляд на водяной круг.

Клара и Юрий надели ласты и закрепили на головах маски с трубками. Он напомнил ей, как прыгать с лодки, и первым шагнул в воду, но не стал погружаться, а держался на поверхности, ожидая ее. Клара посмотрела на небо в последний раз: полуденное солнце светило беззаботно, словно не знало, что через несколько минут померкнет. По телу новой волной прокатился леденящий страх. Клара запаниковала и никак не могла сделать последний шаг. Руки ее так дрожали, что она сжала их в кулаки, растерянно глядя на вращающийся перед ней круг. Туманная дымка, исходящая от воды, доползла до лодки, и островитяне в два голоса закричали и замахали руками. Клара еще раз прошептала слова прощания, адресованные дочери, сделала широкий шаг и погрузилась в воду.

Не дав ей опомниться, Уваров схватил ее за запястье и потащил на дно. Они сели в нужной позе и обмотали вокруг бедер веревки, привязанные к камням. Уваров показал пальцем вверх, и через толщу прозрачной воды Клара увидела, как солнечный диск начал постепенно закрываться тенью. Тень шла сверху вниз и, как только она накрыла половину солнечного диска, вода внутри круга начала двигаться быстрее. Клару сносило течением, грузило уже не помогало. Затмение было похоже на столкновение дня и ночи: только что свет пронизывал все вокруг, но прошло несколько минут – и на землю опустилась тьма. Течение стало столь сильным, что оставаться в одной позе было невозможно. Тогда Уваров развязал веревку, притянул Клару к себе, сжал за плечи и со всей силы толкнул вверх – навстречу водовороту.

Все произошло так быстро, что осознать и тем более отреагировать она не успела. Прорезая водную толщу, она видела, как луна закрыла солнце, оставив вокруг светила огненную кайму, похожую на золотое обручальное кольцо. Зрелище было потрясающим, оно завораживало и притягивало взгляд, словно магнит. В следующее мгновение Клара очутилась в крошечной тьме и не успела испугаться, как услышала стук каблучков. К ней подбежала молодая девушка с черными распущенными волосами. На ней было длинное национальное платье и узкие, облегаящие ногу, рыжие сапожки. В ушах со звоном колыхались серьги в виде треугольника с бахромой из серебра, голову стягивала диадема, которую венчал все тот же треугольник – видимо, отличительный знак ее племени. Девушка была ослепительно красива и взволнованна: на ее лице алел румянец, а в глазах теплились отчаянная надежда и предвкушение встречи с любимым.

Она схватила Клару за руку и потащила за собой.

– Кто ты? – на бегу спросила ее Клара.

– Ты знаешь, кто, – игриво отозвалась красавица.

– Тея... – прошептала Клара и улыбнулась.

Благодаря присутствию Теи крошечная тьма больше не пугала. Мало того: Клара почувствовала, как внутри нее закипает энергия, дающая ей силы преодолеть переход.

Впереди послышался шум, Клара испугалась и выдернула руку из ладошки спутницы.

– Не бойся, это мой возлюбленный! – воскликнула Тея и засмеялась. – Он спешит мне навстречу, чтобы перехватить меня на рубеже солнечного света. Мы должны добежать, пока нас не видит Солнце.

Клара побежала следом за ней и тут же спохватилась:

– А я зачем бегу?

– Без тебя я не смогу добежать, – ответила Тея и ободряюще улыбнулась.

Спротивляться было бесполезно: ее красота и жизнерадостность так обезоруживали, что Клара невольно подчинилась.

– За что тебя наказали? – спросила она, настигая Тею.

– За любовь! – воскликнула та и тут же добавила: – Но истинная любовь – вечна. Ее невозможно разрушить, она пройдет сквозь все преграды и века.

Шум нарастал. Клара понимала, что они уже близко, но в этот момент их спины озарил первый солнечный луч. Тея испуганно оглянулась назад, улыбка мгновенно сошла с лица. Клара поняла, что времени у них совсем не осталось. Решение далось ей легко – она даже не думала о себе в этот момент. Единственное, чего она хотела, – чтобы Тея успела добежать, и было уже не важно, кто эта девушка и почему оказалась в заточении в этой темноте.

– Тея! – воскликнула Клара. – Беги впереди меня, не сворачивай и не оглядывайся! Я прикрою тебя от Солнца!

Тея кивнула, и краем глаза Клара увидела, как на ее белом как фарфор лице блестят слезы. Она бежала позади, прикрывая девушке спину, а тем временем солнечные лучи уже пробивались сквозь тень луны и обжигали открытые участки кожи. По обе стороны от них все запылало. Огонь освещал все вокруг ослепительным светом, и вот-вот должен был добраться до Теи. Видимо, та тоже почувствовала жар и отчаянно закричала:

– Нет! Спасайся, ты погибнешь!

Но Клара ее не слушала: она понимала, что действовать нужно решительно и быстро.

– Быстрее! – подталкивала она Тею. – Беги быстрее! Ты сможешь! Не думай! Просто беги!

Огонь пожирал ее тело, Клара чувствовала мучительную боль и на бегу беспомощно наблюдала, как пламя перекидывается с ее одежды на ноги и грудь. Впереди виднелся черный круг, вокруг которого полыхали серебристые лучи, напоминающие северное сияние – это был рубеж, к которому стремилась Тея. Оставалось совсем немного, но Тея выбилась из сил: по ее лицу катился пот, она перешла с бега на шаг. Дыхание сбилось, стало прерывистым. Казалось, она вот-вот рухнет без чувств. Из последних сил Клара толкнула девушку в спину.

– Беги!

Толчок сделал свое дело: Тея ускорила. Клара со страхом бросила взгляд на свои полыхающие руки и в последний раз взглянула на Тею. Девушка в пылающей одежде все же добежала до рубежа и на последней секунде прыгнула в радужное сияние. Когда ослепительный свет добрался до черного круга, Теи там уже не было. Клара облегченно вздохнула и улыбнулась – она успела!

Безграничный и всеобъемлющий свет наполнил пространство вокруг. Клара счастливо прошептала: «Пока не видит Солнце» и исчезла.

Очнулась Клара в зимнем саду, лежа в гамаке. Юрий тянулся к ее губам, но в их идиллию вторглась настойчивая трель мобильного телефона.

– Уваров, – грозно произнес он, отвечая на звонок.

Выслушав собеседника, он тяжело вздохнул и спросил:

– Можешь забрать меня? Я не дома. Адрес сейчас скину.

Закончив разговор, он повернулся к Кларе.

– Убийство. Коваленко сейчас за мной заедет. Мы можем прерваться ненадолго?

Клара огляделась вокруг. Она не понимала, как очутилась в гамаке в зимнем саду и, словно заученную фразу, растерянно произнесла:

– Конечно. До утра коттедж в нашем распоряжении.

– Здорово, – улыбнулся Юрий и с неохотой засобирался.

Было понятно, что он не хочет уходить и при первой же возможности отказался бы от вызова. Но после недолгих раздумий все же надел пиджак и отправил смс с адресом. Затем залпом осушил бокал вина и быстро покинул оранжерею. Клара вскочила на ноги и побежала за ним в холл. Уваров надевал пальто и, взглянув на растерянный вид Клары, улыбнулся, притянул ее к себе и страстно поцеловал в губы.

– Я тебе говорил, что ты красивая?

Вопреки своему желанию, Клара ответила «нет», хотя в глубине души знала, что это не так. Ей вообще казалось, что она испытывает дежавю. Сейчас он скажет: «Значит, еще скажу».

– Значит, еще скажу, – подтвердил ее прогноз Юрий.

Выйдя из коттеджа, они пошли к воротам. Из соседнего дома послышался лай собаки. Клара растерянно оглядывалась по сторонам, четко понимая, что она когда-то уже проживала эту ситуацию.

– Я постараюсь приехать как можно скорее, – Уваров вынул из кармана пальто пачку сигарет и закурил.

Комок подкатил к горлу, и Клара чуть не заплакала. Она вдруг осознала, что если сейчас его не остановит, то больше никогда не увидит.

– Эй, ты чего? – удивился Юрий и твердо добавил: – Я приеду.

– Не хочу последнюю ночь провести в одиночестве, – ответила она и прижалась к нему всем телом.

– Да я быстро! – беспечно ответил он и выдохнул струю дыма. – Ты не успеешь загрустить.

В переулке припарковалась машина Коваленко. Уваров чмокнул Клару в шею, вышел за ворота и приветственно помахал другу.

– Не уезжай, Юра, прошу тебя, – запричитала Клара, – у меня такое чувство, что мы больше не увидимся.

Предостережение Клары заставило его замедлить шаг, а затем остановиться. Он повернулся к ней и замер в ожидании. На его лице промелькнуло сомнение. Процесс расследования был непредсказуем, и Уваров знал, что может задержаться, а то и вовсе не успеть к ее отъезду. Только сейчас он понял, что она права – если он не вернется хотя бы к утру, то они больше не увидятся.

– Нужно использовать шанс, пока он есть! – запричитала Клара в отчаянии. Она чувствовала, что должна его остановить. – Жизнь так коротка! У нас нет даже времени задуматься, чего же мы хотим на самом деле! Мы как белки в колесе – крутимся в своих делах и пробегаем мимо своей судьбы, а потом сетуем на то, что несчастливы.

Коваленко приоткрыл дверь и нетерпеливо крикнул напарнику:

– Юрон! Ты едешь или как?

Уваров медленно повернул голову в сторону друга и сказал:

– Слушай, возьми кого-нибудь другого, мне тут дельце одно нужно закончить.

– Да что за бред! Юрон! Какое дельце с замужней бабой? Мало тебе проблем? У нас работа! Поехали!

Слово «работа» напомнило Уварову о долге, он сомкнул челюсть, открыл дверь и хотел сесть в машину, но Клара что есть силы закричала:

– Нет! Юра, не уезжай!

Ситуация была двоякой: с одной стороны, ему действительно хотелось остаться, с другой – такая настойчивость в женщинах ему претила, а присутствие друга только усугубляло ситуацию, поэтому он решительно сел в машину и жестом дал знак ехать. Машина отъехала от коттеджа и на первом повороте свернула направо. Клара осталась стоять посреди плохо освещенного переулка. От обиды на глаза навернулись слезы. И тут внутренний голос дал ей команду: «Беги!» В этот момент она не думала о нелепости происходящего – ноги несли ее сами. Отбросив все сомнения и гордость, она упрямо бежала за машиной.

Взглянув в зеркало заднего вида, Коваленко воскликнул:

– Ты глянь, Юрон! Эта чеканутая баба за машиной бежит!

Уваров посмотрел в боковое зеркало и увидел Клару. Она бежала что есть силы, волосы растрепались, подол блузки выбился из джинсов и развевался, словно парус на ветру. От ее отчаянного вида сердце кольнуло, и Уваров чуть не выпрыгнул из машины прямо на ходу. Коваленко еле успел затормозить.

– Да едрить тебя, Юрон! С ума сошел?

Коваленко выглянул из машины и увидел, как его друг бежит навстречу Кларе.

– Да ну тебя! – раздраженно бросил он, нажал на газ и рванул с места.

На пустой, плохо освещенной дороге, прильнув друг к другу, стояла влюбленная пара. Он осыпал ее лицо страстными поцелуями, осушая покрытые влажными полосками щеки, а она еще несколько минут по инерции приговаривала: «Не уезжай, прошу тебя». Их силуэты освещала полная луна, щедро наполняя энергией любви и благодарности. Где-то вдалеке на фоне серебристых лунных лучей мелькнула девичья фигура, послышался звонкий и беззаботный смех. Клара замерла и прислушалась: где-то она его уже слышала... Вот только где?

По тропинке, проложенной сотни лет назад племенем фика-фика на одном из маленьких островков близ вулканического острова Нью-Джорджия, шли отец и сын. Пятилетний босоногий мальчуган еле поспевал за широким шагом отца. Больше всего мальчишке сейчас хотелось поиграть с приятелем Джеем, который приехал к его матери с соседнего острова изучать русский язык, но отец сказал, что пришло время делать воздушного змея, чтобы начать рыбачить вместе со взрослыми.

– Пап, почему нельзя использовать пластикового змея и нейлоновую нить? – недоумевал смущенный мальчуган.

– А что ты будешь делать, если однажды пластика под рукой не окажется? – спокойно отвечал ему отец. – Мы живем на острове, где испокон веков воздушного змея делали своими руками. Старейшины племени научили меня, а я научу тебя: как находить хорошие листья для змея, как запускать змея над волнами, чтобы он летел подобно божественной птице Фрегат и дарил нам много рыбы.

Отец остановился у рожицы и начал ощупывать листья.

– А из чего будет приманка? – любопытно спросил сын, деловито складывая руки на груди.

Мальчик всегда так делал, когда серьезно размышлял – подражал позе отца.

– Из паутины, – ответил отец. – Сейчас я покажу тебе паука, сети которого позволяют сделать прочную приманку. Слушай меня внимательно: когда-нибудь ты будешь учить этому своих детей, чтобы на вашем столе всегда была свежая рыба.

– А почему мы не взяли Джея?

– Потому что это путешествие по традиции совершают отец и сын. Это таинство. Джея научит его отец.

Спустя несколько часов, когда солнце уже клонилось к горизонту, они вышли из тропической чащи уставшие, но счастливые. Сын нес воздушного змея, которого только что сам смастерил и опробовал под чутким руководством отца. Мальчик побежал к хижине, торопливо поднялся по ступенькам, взглядом отыскал мать и бросился к ней на шею.

– Мама, смотри: я сделал своего первого змея, и завтра папа возьмет меня на рыбалку!

Мать поцеловала малыша в щеку и спросила у подросшего отца:

– Юра, не маловат ли он для рыбалки?

– Чем раньше научится – тем лучше.

Мальчуган выбежал из хижины и со всех ног помчался к своему другу, чей силуэт виднелся на берегу озера. Рядом с ним сидела сводная сестра Полина. Когда малыш убежал, его родители слились в поцелуе. Юрий пробежался руками по груди и животу жены, хотел спуститься ниже, но она засмеялась и откинула его руку.

– Все на месте? Ничего не растеряла, пока меня не было? – шутливо поинтересовался он.

– Смени пластинку, – хихикнула Клара. На лице сияла нежная и счастливая улыбка.

– Что решила Полина?

– Поживет с нами до зимы, а в апреле поедет к отцу в Москву – будет готовиться к поступлению в институт.

– Что вообще слышно в мире? – спросил Уваров, зацепившись взглядом за ноутбук, стоящий на столе.

В его голосе не было особого энтузиазма, с каждым днем в их хижине техники, привезенной много лет назад с материка становилось все меньше и меньше. Точнее сказать, техника ломалась, чинить ее на Соломоновых островах было некому, а покупать новую супругам даже в голову не приходило.

– А не все ли равно, – безмятежно отозвалась Клара. – Главное, чтобы завтра не было шторма.

Июнь 2014г.
г. Москва